

ШПИОНСКИЙ ДЕТЕКТИВ: ЛУЧШЕЕ

Эрик
Эмблер

НЕПРЕДВИДЕННАЯ
ОПАСНОСТЬ
МАСКА
ДИМИТРИОСА

Эрик Эмблер

НЕПРЕДВИДЕННАЯ ОПАСНОСТЬ

Посвящается маме

«Сегодня, когда Европа начинает все больше походить на военный лагерь, любой, даже самый незначительный инцидент может спровоцировать пожар, который поглотит в огне не только всю Европу, но и, вполне вероятно, распространится на другие континенты. Сегодня, когда национальная безопасность в Европе и, возможно, в других частях света в основном зависит от мощи и эффективности национальных вооруженных сил, вопрос снабжения сырьем и в особенности нефтью выходит на первый план».

«Уорлд петролеум»

Пролог

На Грейсчёрч-стрит

Однажды солнечным июльским утром синий «роллс-ройс» мистера Джозефа Балтергена бесшумно отъехал от тротуара на Беркли-сквер, плавно покатил по Пиккадилли до Сент-Джеймс, затем повернул на восток и, набирая скорость, направился к Сити.

Мистер Балтерген был мужчиной маленького роста, а его «роллс-ройс» — очень большой машиной, поэтому нескольким людям, ожидавшим автобусов на северной стороне Трафальгар-сквер, пришлось бы вытянуть шею, чтобы увидеть его. Впрочем, ни один из них не удосужился это сделать. И зря, поскольку мистер Балтерген явно заслуживал внимания, хоть и не отличался привлекательной внешностью. Он являлся председателем Пан-Евразийской нефтяной компании, а заодно — пятнадцати других компаний, и директором еще тридцати, в том числе одного банка. Иными словами, говоря языком тех, кто сочиняет банковские референции, был человеком «в высшей степени уважаемым».

Эта фраза отнюдь не подразумевала посещение церкви, отход ко сну в десять вечера и аккуратно сложенный зонтик. Достаточно было взглянуть в лицо мистеру Балтергену, чтобы понять это. Один из недовольных партнеров описал это лицо следующим образом: «напоминает гроздь винограда цвета оконной замазки с отдельными выщерблинами». Ему следовало бы добавить, что виноградины были сморщенными и что внизу под гроздью торчали

сюрреалистические черные усики, которые топорщились, точно щетина на зубной щетке.

Машина продолжала плавно скользить по Нортумберленд-авеню, мистер Балтерген задумчиво пощипывал свои усики. Шофер, заметив это в зеркале заднего вида, пробормотал себе под нос: «Зануда едет на заседание совета директоров», — затем повернул на набережную и не смотрел в зеркало до тех пор, пока не притормозил возле новеньких офисных зданий Пан-Евразийской нефтяной компании на Грейсчёрч-стрит.

Войдя в здание, мистер Балтерген перестал пощипывать усики, придал лицу невозмутимое и бесстрастное выражение, которое приберегал для подобных деловых встреч. Он взлетел на шестой этаж в лифте, отделанном хромированными пластинами, а затем прошел прямо в свой кабинет.

Для второго секретаря мистера Балтергена кабинет его хозяина служил неиссякаемым источником восторга и удивления. Бландела приняли в компанию в соответствии с кадровой политикой Балтергена «набирать из университетов»; он являлся одним из немногих новобранцев, кому удалось выжить и сохранить место, невзирая на второй пункт кадровой политики шефа — «главное опыт, а не образование».

«Кабинет Балтергена, — как-то рассказывал Бландел жене, — больше походит на будуар шлюхи. На полу красный турецкий ковер, на стенах обои в зеленую полоску, стол времен Второй Империи, китайский лакированный шкафчик, потом еще книжный шкаф в неовизантийском стиле, шесть стульев в стиле барокко, плюс еще бар, который при нажатии на кнопку распадается на две части и сразу видно, какие там бутылки и что еще внутри. Даже если ты не знаешь, что это за тип, это легко можно понять по комнате».

Первое, что сделал мистер Балтерген, войдя солнечным июльским утром в свой кабинет, — это нажал на кнопку и открыл бар. Достал оттуда большую бутылку слабительного, смешал порошок с водой и выпил. Затем закурил сигару, чтобы избавиться от неприятного привкуса во рту, и позвонил в пятый колокольчик на столе времен Второй Империи. Через несколько секунд в кабинет вошел Бландел.

— Во сколько у нас назначено совещание, Бландел?

Мистер Балтерген говорил по-английски так, словно перекачивал во рту горячую картофелину.

— В одиннадцать, мистер Балтерген.

— Сейчас уже без пяти. Где остальные члены совета директоров?

— Все уже здесь, за исключением лорда Уэлтерфилда.

— Что ж, начнем без его светлости.

— Слушаюсь, мистер Балтерген. Так и передам мистеру Вильсону. Вот ваши записи.

— Положи здесь. Погоди минуту. Если примерно без пятнадцати час вдруг заявится джентльмен по имени полковник Робинсон, сюда его ждать не пускай.

Найди свободный кабинет этажом ниже, пусть там посидит. Понял? Не хочу, чтобы его тут видели.

— Да, мистер Балтерген.

И Бландел вышел.

И вот ровно в одиннадцать и две минуты заседание совета директоров Пан-Евразийской нефтяной компании началось.

В повестке дня заключалась своего рода интрига. Все знали, что сегодня будет обсуждаться лишь одна по-настоящему интересная тема, но этот лакомый кусочек было решено отложить «на десерт». Когда без четверти двенадцать в зале наконец появился, рассыпаясь в извинениях, лорд Уэлтерфилд, вопросы решили даже с какой-то неприличной поспешностью. И сразу стало ясно: сегодня не имеет значения, присутствует здесь лорд Уэлтерфилд или нет.

— Итак, — начал мистер Балтерген, — следующая тема повестки дня — это мои переговоры с Румынией.

Он произнес эту фразу с легким удивлением, которое никого не обмануло. Все устроились в креслах поудобнее. Председатель продолжил:

— Не думаю, что лорд Уэлтерфилд присутствовал на заседании, когда был впервые затронут этот вопрос, так что, полагаю, будет лучше, если я вкратце обрисую основные моменты, которые мы тогда обсуждали. И напомним вам, что в тысяча девятьсот двадцать втором наша компания получила у румынского правительства концессию на проведение бурения. Согласно этой концессии нам для работ отводился участок земли к востоку от города Яссы, в то время считалось, что он богат нефтью. Вы также помните, что разработки эти закончились провалом — по крайней мере с точки зрения нашей компании. За тысяча девятьсот двадцать второй и двадцать третий годы нам удалось выкачать всего пять тысяч баррелей, а в начале тысяча девятьсот двадцать пятого на этом многообещающем участке не было добыто и барреля, он иссяк. Наши геологи дали отрицательное заключение на перспективы дальнейших разработок, и с чисто коммерческой точки зрения, с учетом затрат на проведение работ и приобретение концессии, затея эта вопреки всем надеждам и ожиданиям закончилась полным провалом. Правда, в то время большого значения это не имело, поскольку наши дочерние компании в Венесуэле, Мексике и на Ближнем Востоке продолжали успешно работать и приносить прибыли. И до сих пор приносят.

Присутствующие ответили одобрительным бормотанием.

— Однако, — продолжил мистер Балтерген, — изменения в политической обстановке в Европе в тысяча девятьсот тридцать пятом и тридцать шестом годах снова заставили нас обратить свои взоры к Румынии.

Санкции против Италии научили Муссолини по крайней мере одному — стране нельзя больше полагаться на поставки нефти из Карибского моря. Иран и Ирак были в руках британцев. Россия — в руках Советов. Итальянскому флоту отчаянно не хватало нефти, внушительные военно-воздушные силы оказались

беспомощными, столкнувшись с нехваткой нефтепродуктов, равно как и механизированные военные подразделения. Был только один выход — Румыния.

В настоящее время Италия приобретает румынскую нефть в огромных объемах. А будет приобретать еще больше. Ее новая программа вооружений — отвечаю за свои слова, потому что точно знаю, — в меньшей степени опирается на увеличение численности армейских подразделений. И в гораздо большей — на строительство подводных лодок и создание тяжелых бомбардировщиков и танков нового образца. Это важно, поскольку во всех этих трех случаях, — тут он постучал коротеньким толстым пальцем по столу, — во всех этих трех случаях используется дизельное топливо.

Присутствующие многозначительно переглянулись. Председатель облизнул губы и продолжил:

— Нет нужды объяснять вам, джентльмены, какие перспективы открываются тут перед нашим бизнесом. Уверен, лорд Уэлтерфилд тотчас же понял это. Два месяца тому назад мы снова вступили в переговоры с правительством Румынии и попросили возобновить действие концессии. Обещали, что будем платить — и платить весьма щедро! И все, что нам требуется, — это большая часть нефтеносных земель, поделенных в настоящее время между нашими конкурентами.

Наши агенты в Бухаресте связались с нужными людьми. Был сделан ряд шагов — не стану упоминать об их природе на данном заседании, это не столь важно — с тем, чтобы определенные круги в румынских властных структурах отнеслись к нашей просьбе с пониманием. В результате на ноябрьской сессии румынского парламента один из лидеров, ответственных за это, должен был представить наши предложения как часть необходимой реформы в экономике. Чем они, по сути дела, и являются.

Присутствующие дружно закивали в знак одобрения.

— И вот, десять дней назад, — спокойно продолжил мистер Балтерген, — пришли новости. На ноябрьской сессии парламента план реформы, опирающейся на возобновление концессии, был отвергнут.

Секунду или две в зале стояла мертвая тишина. Затем все разом заговорили. Председательствующий вскинул руку.

— Понимаю ваши чувства, господа, — дружелюбно произнес он. — Я испытал точно такие же, когда получил это известие. Но позвольте мне изложить причины провала. Сразу хочу оговорить, что винить наших агентов в Румынии нельзя. Они проделали отличную работу. Провал произошел исключительно по одной причине — по причине вот этой статейки самого оскорбительного характера, опубликованной в Бухаресте. — Из папки, лежавшей перед ним на столе, мистер Балтерген достал измятый газетный листок и поднял его над головой. — Вот, полюбуйте! Газета называется «Рабочий народ», это в моем

вольном переводе, и издает ее Объединенная социалистическая партия Румынии.

— Красные! — с отвращением воскликнул лорд Уэлтерфилд.

— Строго говоря, — заметил мистер Балтерген, — объединенные социалисты не являются членами Коммунистического интернационала. Однако, вынужден согласиться, их можно отнести к левым.

— Да все одно, хрен редьки не слаще, — рявкнул лорд Уэлтерфилд.

— Впрочем, — продолжил председатель, — не думаю, что кто-то из вас, господа, читает по-румынски. Я же немного знаю этот язык, так что позвольте вам процитировать два отрывка из данной статьи.

Озаглавлена она «Стервятники слетаются», и после довольно пространной преамбулы на тему, какие интриганы эти капиталисты, автор переходит к делу. Кем, спрашивает он, являются директоры Пан-Евразийской нефтяной компании? Вопрос, казалось бы, чисто риторический, но ниже приводится поименный список всех нас, дополненный также краткими биографиями, где столько наглой лжи, что я даже не осмеливаюсь перевести хотя бы одну из них.

Тут лорд Уэлтерфилд проявил неосторожность.

— А что, — спросил он, — там сказано обо мне?

Мистер Балтерген уставился в текст.

— Лорд Уэлтерфилд, — начал он, — миллионер, владелец каменноугольных шахт. Широко известен тем, что патронирует спорт. Менее известен как человек, нанявший агентов-provokаторов, которые спровоцировали вооруженные столкновения во время забастовки в шахтерском городке, а также многочисленными нарушениями так называемого фабричного акта.¹

— Вранье! — взвизгнул лорд Уэлтерфилд. — В суде так и не было доказано, кто нанял этих людей. Я отрицаю, это клевета!

Председатель вздохнул.

— Верно, лорд Уэлтерфилд, мы согласны с вами в том, что вся эта статья — чистой воды социалистическая пропаганда. Полагаю, джентльмены, в этой части все ясно. Продолжим?

Присутствующие согласно закивали.

— Прекрасно. Идем дальше. «Делаются попытки добиться реформ в экономике с помощью концессий. Но что в данном случае означает это слово, „реформа“? Да лишь одно: от правительства требуют разорвать все существующие контракты с нынешними разработчиками наших нефтяных запасов с тем, чтобы Пан-Евразийская нефтяная компания могла отхватить себе львиную долю и разрушить тем самым торговые отношения, развивающиеся с Италией.

---

¹ Британский закон от 1847 г., регулирующий права рабочих и запрещающий нанимателям заставлять женщин и детей трудиться больше 10 часов в день. — *Здесь и далее примем. пер.*

Здесь есть три довольно неприятных аспекта. Первое — стало совершенно очевидно, что в правительственных кругах развита система подкупа и откровенной коррупции. Второе — это вполне знакомое всем нам явление, когда иностранные капиталисты-эксплуататоры вмешиваются и отрицательно влияют на судьбы румынского народа. И третье — опасности подобной сделки вполне очевидны. У Пан-Евразийской компании, судя по всему, уже имеются союзники в нашей стране, защищающие интересы британцев и американцев. Но как же быть с другими народами?

Николая Титулеску обманом выманили из кабинета и отравили фашисты из так называемой Железной гвардии, теперь некому больше защищать наши интересы. Но народ должен продолжать борьбу без него. Мы ценим наших зарубежных союзников, нельзя позволить, чтобы их вводили в заблуждение коррумпированные чиновники и эти пешки на службе капитализма»... Далее эта статья, — продолжил мистер Балтерген, — превращается в целый набор совершенно абсурдных оскорблений. И все они в конечном счете имеют целью исказить правду. Мы деловые люди и хотим делать бизнес с румынским руководством. Политика нас не интересует.

Несколько из присутствующих снова одобрительно закивали.

— Тем не менее, — продолжил председатель, — эта статья поставила нас в крайне неловкое положение. Газету закрыли, офисы ее были разгромлены бандой молодчиков, вооруженных ручными гранатами, но было уже поздно — статья попала в печать и начала ходить по рукам.

Главный прокурор был вынужден возбудить несколько уголовных дел против наших друзей из правительства по обвинению их в коррупции. Общественный интерес к этому делу огромен, и хотя обсуждение законопроекта о возобновлении концессии отложено, поддержки у сторонников данной реформы мало.

Полный господин, сидевший на другом конце стола, откашлялся и заметил:

— В таком случае, насколько я понимаю, мы уже ничего не сможем сделать.

— Напротив, сэр Джеймс, — возразил ему мистер Балтерген, — мы очень даже многое можем сделать. Я перед проведением этой встречи успел заручиться согласием одного человека с огромным опытом в вопросах такого рода. Он работал на меня и прежде. Его услуги дороги, но, думаю, результаты оправдают эти расходы.

— А какова будет его задача? — подозрительно спросил полный мужчина. — Перестрелять всех социалистов, что ли? Одним выстрелом всех зайцев?

Присутствующие от души расхохотались, и настроение сразу улучшилось.

Мистер Балтерген лишь слегка скривил губы. Это означало у него улыбку.

— Возможно, столь экстремальные меры не понадобятся. Человека, о котором идет речь, можно со всем основанием назвать пропагандистом.

— Ну что ж, — протянул лорд Уэлтерфилд, — поскольку этот парень не красный, пусть называет себя, как считает нужным. Лично я не против.

— В таком случае, джентльмены, я расцениваю ваши ремарки как согласие воспользоваться его услугами. Хотя должен довести до вашего сведения, что на данный момент лучше соблюдать конфиденциальность и не вникать в характер тех мер, которые он должен предпринять.

Члены совета директоров понимающе переглянулись, закивали, а затем заявили, что полностью доверяют суждениям председателя в этом вопросе. И после соблюдения ряда незначительных формальностей отправились на ленч.

Мистер Балтерген вернулся к себе в кабинет. За ним последовал Бландел.

— Полковник Робинсон ожидает в комнате 542, мистер Балтерген. Вас проводить?

Они вместе спустились на лифте и двинулись по коридору.

— Прошу сюда, сэр.

Мистер Балтерген отворил дверь и вошел. Бландел услышал возглас своего начальника: «А, Стефан!» — и заметил, что при рукопожатии рука полковника Робинсона как-то неестественно согнулась в локте. Затем они заговорили на языке, которого Бландел не знал. Нечто среднее между русским и итальянским.

— Полковник Робинсон, как же! — заявил тем же вечером Бландел жене. — Он такой же Робинсон, как я Гитлер. Передай, пожалуйста, соль.

1

Поезд на Линц

Дважды обмотав шею шерстяным шарфом, сгорбив плечи и глубоко засунув руки в карманы пальто, Кентон дожидался на станции «Нюрнберг» поезда «Франкфурт — Линц». Почти безлюдную платформу насквозь продувал ледяной ноябрьский ветер. Он раскачивал фонари под колпаками, и от этого по перрону метались причудливые тени. Кентон продрог до костей, поэтому, поставив чемодан, принялся расхаживать взад-вперед перед маленьким станционным зданием в бесплодной попытке хоть как-то согреться.

Кентон был худощавым мужчиной интеллигентной наружности. Он выглядел старше своих тридцати лет. Наверное, виной тому был рот. В очертаниях довольно полных губ читалась склонность к юмористическому взгляду на мир и одновременно — скрытность. Он больше походил на американца, чем на англичанина, а на деле не являлся ни тем ни другим. Отец его был родом из Белфаста, мать — из бретонской семьи, проживавшей в Лилле.

Итак, Кентон расхаживал по платформе станции «Нюрнберг» промозглой ноябрьской ночью, и презрение к самому себе росло по мере того, как ступни ног немели от холода. Ведь нельзя же сказать, что азартные игры доставляют ему удовольствие! Нет, они изматывали, но, к своему несчастью, Кентон был наделен определенной степенью безрассудства: вступив в игру, он уже не мог остановиться, пока не спускал все имевшиеся деньги. Такое случалось и прежде;

но поскольку он всегда страдал от одной из двух главных болезней журналиста-газетчика, а именно — от хронической нехватки денег (второй был цирроз печени), особого значения это не имело. Сейчас же ситуация складывалась несколько иначе, ибо как раз сегодня, перед игрой, в кармане у него находилось целое состояние — четыре с лишним сотни марок.

Кентон считался хорошим журналистом. И не то чтобы у него был развит некий особый нюх, позволяющий распознать в человеке в темных очках и грязном макинтоше кинозвезду. Нет, он был наделен талантом другого рода.

Большинство новостей из-за границы приходили от штатных корреспондентов крупных газет и людей из новостных агентств. Независимая журналистика за рубежом, как правило, не практикуется, поскольку шансов противостоять профессиональным акулам пера у внештатных журналистов нет. Однако же Кентон обладал тремя важнейшими для подобной работы качествами: способностью быстро заучивать иностранные идиомы и говорить без английского акцента, хорошим знанием европейской политики, а также умением быстро ухватить и точно охарактеризовать некие новые ценности и проблемы.

Первое качество было наиболее важным. Большинство англичан и англичанок, работающих за рубежом, бегло говорят на языке той или иной страны. Но лишь немногие говорят на нем, как на родном. Кентон как раз был одним из тех немногих. Именно это преимущество давало ему возможность время от времени раздобыть крупную-другую эксклюзивной информации.

Именно поиски такой вот крупинки и привели его в Нюрнберг. Там должно было состояться собрание высокопоставленных нацистских чиновников. Ходили слухи, что на этой встрече будут приняты какие-то очень важные решения. Никто не знал, о каких решениях идет речь, но то, что они окажутся малоприятными, а значит, станут Новостями с большой буквы, мало кто сомневался.

На девяносто процентов работа политического журналиста состоит в том, чтобы дожидаться, пока закончится конференция. Репортеры обычно коротают время в барах. В Нюрнберге для этого служил «Кайзерхоф». Прибыв туда, Кентон увидел, что там уже обосновались несколько корреспондентов. Одним из них был репортер из агентства «Хавас», поляк, которому он очень симпатизировал. Именно этот поляк и достал покерные кости.

И Кентон с самого начала начал проигрывать.

Покерные кости — развлечение, которое мало подходит для тех, кто умеет вовремя остановиться: оно сочетает в себе все самые опасные аспекты покера с простотой игры в кости. Здесь можно потерять или, наоборот, выиграть огромные деньги — то и другое быстро и без всяких усилий.

К моменту, когда объявили, что никаких коммюнике для прессы с конференции сегодня не поступит и что заседание возобновится завтра с утра, в кармане у Кентона осталось всего пять пфеннигов. Он объяснил ситуацию трем своим партнерам по игре, они выразили сочувствие, и тут принесли выпивку.

Потягивая из бокала, Кентон воспользовался ситуацией и намекнул, что банкротство его носит временный характер, что деньги у него имеются, вот только они в Вене. Так что, добавил он, придется съездить в Вену. Тогда поляк, не дожидаясь просьб, ссудил ему сто марок. С трудом подавляя презрение к самому себе, Кентон принял деньги, рассыпался в благодарностях, заказал и оплатил еще одну порцию выпивки на всех. И вскоре после этого отправился на вокзал. Там выяснилось, что на единственный прямой поезд до Вены остались билеты только первого и второго класса люкс. «Если мой господин желает ехать третьим классом, есть уже не скорый, а обычный пассажирский поезд до станции „Линц“ в северной части Австрии, там можно пересесть на другой, уже до Вены». И он решил подождать поезда на Линц.

Он прождал уже три четверти часа, когда к платформе в мелькании тут же тающих на земле снежинок подплыл и остановился ночной «Восточный экспресс» из Остенде. Через запотевшие стекла окон купе были видны официанты в формах, отделанных тесьмой, они сновали по вагону-ресторану первого класса. Кентон слышал клацанье тарелок, звон бокалов. С места, где он стоял, прячась от ветра, была видна табличка с указанием маршрута на одном из спальных вагонов: «Вена — Будапешт — Белград — София — Стамбул». Внутри «Восточный экспресс» выглядел таким уютным и теплым, что Кентон был рад, когда он отошел от платформы. Ведь этот поезд символизировал собой безопасность и комфорт — телесный, финансовый и гастрономический — словом, все то, чего ему сейчас так отчаянно не хватало. Кентон едва не расплакался от жалости к себе.

Вообще все было бы не так уж и плохо, если бы хвастливые уверения о том, что в Вене у него имеются деньги, соответствовали истине. Но это было далеко не так. Никаких денег в Вене у него не было и в помине. Он ехал туда в слабой надежде, что один знакомый еврей, настройщик музыкальных инструментов, одолжит ему хотя бы немного. В тяжелые дни 1934-го Кентон помог ему вывезти семью из Мюнхена, и еврей был ему страшно благодарен. Но ведь старый знакомый мог и уехать из Вены. Или же у него могло не оказаться лишних денег. А это самое худшее, подумал Кентон. Тогда ему придется объяснять, что ничего страшного, не так уж и нужны ему эти деньги, и маленький человечек расстроится. Евреи крайне чувствительны в подобных вопросах. И все же какой-то шанс был, да и в любом случае в Вене ему будет ничуть не хуже, чем в Нюрнберге.

Он еще глубже засунул кулаки в карманы. Доводилось ему бывать банкротом и прежде — не всегда по своей собственной глупости, — и всякий раз подворачивалось нечто такое, что помогало удержаться на плаву. Порой выручала хорошая статейка с интересными новостями, иногда он вдруг неожиданно получал чек от своего нью-йоркского агента с просьбой продать права на давно забытый материал. Однажды он оказался на железнодорожном вокзале в Софии как раз в тот момент, когда царь Болгарии Борис III отбывал в

неизвестном направлении. Просто кондуктор шепнул о том на ушко одному из пассажиров, какому-то немцу-коммерсанту, и Кентон тотчас помчался к телефону — сообщить сенсационную новость о том, что Борис собирается встретиться с королем Румынии Каролем II. Так что не исключено, что в поезде на Линц будет ехать сам Гитлер на встречу с лидером австрийской социал-демократической партии. При этой мысли он сразу оживился и уже стал прикидывать, как станет описывать подробности этой фантастической встречи. И ко времени, когда к платформе подкатил поезд на Линц, чувствовал себя почти счастливым.

Поезд был практически пуст, Кентон оказался в купе один. Да, сиденья жесткие, зато не такие холодные, как платформа в Нюрнберге. Он забросил чемодан на полку, забился в уголок и почти сразу заснул.

Когда поезд отошел от станции «Ратисбон», Кентон проснулся от холода. В купе вошел пассажир и приоткрыл окно на дюйм. Внутрь ворвался поток ледяного воздуха, смешанного с паровозным дымом, — неприятное дополнение к жесткому сиденью и пустому желудку. Замерзший Кентон распрямил затекшие ноги и почувствовал, что его аж тошнит от голода. От напускного оптимизма, который он с таким трудом вырабатывал на платформе, не осталось и следа. Впервые за все время он осознал серьезность, даже катастрофичность своего положения.

Если Розена вдруг не окажется в Вене, что ему тогда делать? Он может, конечно, телеграфировать домой, попросить выслать денег на бумагу. Но ему скорее всего откажут. Сам он отсылал домой деньги крайне нерегулярно, и родственники были им недовольны. Раз он предпочитает болтаться по всему миру независимым журналистом вместо того, чтобы получить постоянную и прилично оплачиваемую работу в Лондоне, сидеть в редакции и строчить статьи на криминальные темы, — что ж, его дело. Можно обратиться за помощью в консульство, мрачно подумал он. Вроде бы есть там у них такая статья расходов: «помощь британскому гражданину, оказавшемуся в стесненных обстоятельствах»? Однажды он разговорился с британским матросом, и тот с чувством крайнего отвращения рассказывал о «грузе П.Б.Г.», который погрузили в трюм корабля в Кейптауне. Кентон уже представил себя этим грузом, с биркой на шее, провоз «багажа» оплачен от Вены до Лондона. Решив избавиться от этих нерадостных мыслей, он взглянул на нового пассажира, соседа по купе.

Кентон часто ездил на поездах дальнего следования, и у него выработалось вполне определенное отношение к пассажирам, хотевшим открыть окно хотя бы на крохотную щелочку. Они всегда вызывали подозрение. Мужчина, только что сделавший это в его купе, был мал ростом и черноволос. Лицо узкое, щеки и подбородок не мешало бы брить дважды в день, но он этого не делал. Грязный накрахмаленный воротничок рубашки, из-под него торчит широкий галстук в серый цветочек, помятый костюм в темную полоску. Он сел и положил на колени

американский атташе-кейс, достал из него бумажные пакетики с колбасой и хлебом. Затем достал бутылку воды «Виши» и прислонил ее к спинке сиденья.

И вот глаза его, темно-карие и блестящие, встретились с глазами Кентона. И он выразительно указал куском колбасы на приоткрытое окно:

— Не возражаете?

Кентон отрицательно помотал головой. Сосед набил колбасой рот.

— Вот и славно. Предпочитаю путешествовать по-английски.

И он принялся жевать. Потом вдруг спохватился. И указал на атташе-кейс.

— Может, хотите колбасы? Пожалуйста, угощайтесь.

Автоматический отказ так и замер на губах Кентона. Он страшно проголодался.

— Вы очень добры. Огромное спасибо.

Сосед передал ему кусок колбасы и ломоть хлеба. Колбаса была щедро нашпигована чесноком, и Кентону это понравилось. Сосед отрезал ему еще. Кентон с благодарностью принял. Кареглазый мужчина запихнул в рот еще один кусок хлеба, запил глотком «Виши» и заговорил о своих проблемах с желудком.

— Все эти врачи полные идиоты. Вот сейчас, глядя на меня, видя, что я ем, вы бы никогда не подумали, что всего два года назад врачи сказали, что мне надо прооперировать язву двенадцатиперстной кишки. Что правда, то правда, желудок у меня луженый. — Как бы в качестве доказательства он похлопал себя по животу и громко расхохотался. — Но я сказал: нет уж, спасибо, господа. Все они идиоты. Только и ждут, чтобы положить тебя под нож, резать, тыкать, ковыряться во внутренностях. Но я сказал «нет». Никаких разрезов и ковыряний, друзья мои! У меня есть лучший способ. Они спросили меня какой, но я в ответ только засмеялся. Я не из тех, кого можно обвести вокруг пальца и уговорить лечь под нож. Делиться своими секретами с этими врачешками я не собирался. А вы не врач, потому вам я могу сказать. Паста — вот в чем секрет. Ничего, кроме пасты. Целые полгода я не ел ничего, кроме пасты, и излечился. Я не какой-нибудь там итальяшка, но точно говорю: паста для желудка самое оно. Maccheroni, fettucine, tagliatelle, spaghetti — все это одно и то же, все это паста, а она полезна для желудка.

Он продолжал восхвалять это произведение из муки и воды, и Кентон старательно изображал интерес, как вдруг обладатель луженого желудка резко умолк, а затем объявил, что ему надо поспать.

— Пожалуйста, разбудите меня, — попросил он, — когда будем подъезжать к границе.

Затем он снял шляпу, прикрыл голову газетой «Фолькишер беобахтер», чтобы защититься от сквозняков, и, свернувшись калачиком на полке, похоже, сразу уснул. Кентон вышел покурить.

Часы показывали половину одиннадцатого, по его расчетам, примерно через час они должны быть в Пассау. Раздавив окурочек, он заметил, что в коридоре не один. Через несколько купе от него стоял, навалившись на перила перед окном,

какой-то мужчина и глазел на огоньки проплывающей мимо баварской деревни. У Кентона создалось впечатление, будто время от времени этот человек осторожно поглядывает на него и тут же отворачивается. Затем мужчина отошел от окна и направился прямо к нему. И еще Кентон заметил, что по пути он заглядывает в каждое купе и что у этого типа маленькие, тусклые, словно камешки, глазки, утонувшие в складках жира. Страшно неприятное лицо! Мужчина приблизился, и Кентон привалился спиной к окну, давая ему пройти. Однако тот остановился и заглянул в купе, где спал сосед Кентона. Затем, пробормотав «Verzeihung»,² отошел и исчез за дверью соседнего купе. Кентон решил выбросить это происшествие из головы и тоже вернулся к себе.

Газета соскользнула с головы спящего мужчины. Глаза его были закрыты. Но, проходя мимо него, Кентон заметил, что лоб попутчика блестит от пота.

Кентон сел и какое-то время наблюдал за ним, затем увидел, как мужчина медленно открыл карие глаза и метнул в его сторону настороженный взгляд.

— Он ушел?

— Кто? — спросил Кентон.

— Ну... тот тип в коридоре.

— Да.

Попутчик его сел, пошарил в кармане, достал большой и довольно грязный носовой платок. Вытер лоб и ладони. Потом поднял глаза на Кентона.

— Вы, наверное, американец?

— Нет, англичанин.

— А, ну да. Понимаете, не речь ввела меня в заблуждение, но ваша одежда...

Тут он вдруг умолк. Затем резко вскочил, нажал на выключатель, и купе погрузилось во тьму. Кентон, не понимая, что происходит, так и остался сидеть в своем углу. Если его сосед умалишенный, безопасней не обращать внимания на его выходки. Но в следующий момент кровь застыла у Кентона в жилах, он почувствовал, что странный человек садится рядом с ним. Он слышал его тяжелое дыхание.

— Пожалуйста, только не пугайтесь, мой господин.

Голос был запыхавшийся, словно человек этот долго бежал. А затем он заговорил снова, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее, шепотом.

— Я немец, — начал он.

Кентон кивнул, но не поверил. Никак не мог понять, что за акцент у его странного попутчика.

— Я немецкий еврей. Отец — немец, а мать — еврейка. Это из-за нее меня преследуют и грабят. Вы не знаете, что это такое — быть немцем, у которого мать еврейка. Они разрушили мой бизнес. Я металлург. Вы можете, конечно, сказать: этот человек совсем не похож на металлурга! Но это заблуждение. Я самый

---

² Прошу прощения (нем.).

настоящий металлург. Работал в Эссене и Дюссельдорфе, в литейных цехах. У меня был свой бизнес, своя фабрика — правда, небольшая... нет, вы не понимаете! Впрочем, вы же англичанин и должны понимать, что маленькая фабрика — это очень и очень неплохо. А теперь все кончено.

Денег у меня осталось не много. И я хочу покинуть эту страну отца-немца и матери-еврейки, хочу снова начать маленький бизнес. Хочу забрать свои деньги, но эти мерзавцы наци говорят: нет. Мне, видите ли, запрещено забирать свои собственные деньги и везти их куда захочу. И тогда я подумал: может, все же удастся тайно перевезти их через границу? Все пока что шло хорошо. Я встретил доброго друга, англичанина, мы вместе ели, мы поддерживали разговор, как настоящие джентльмены. А потом я увидел этого нацистского шпика, и он тоже меня видел.

Теперь все ясно. Они обыщут меня на границе, обчистят, разденут догола, потом отправят в концентрационный лагерь, где будут избивать. Вы сами видели этого шпика. Он остановился у двери и смотрел на меня. Вы же сами видели! Он узнал меня. Я понял это по его лицу. Здесь у меня в кармане десять тысяч немецких марок в ценных бумагах — это все, что у меня есть на белом свете. Прошу, умоляю, помогите мне, иначе их отберут у меня на станции в Пассау!

Мужчина умолк, и Кентон увидел, как он снова вытирает лоб платком.

Этот человек лжет, подумал Кентон, в том нет ни малейших сомнений. Может, он действительно металлург и еврей. Но уж точно не немец! Во-первых, говорит по-немецки куда хуже, чем сам Кентон. Во-вторых, любому немецкому бизнесмену известно, что теперь все ценные германские бумаги «блокированы» и за границей не принимаются. Ему также следовало бы знать, что деньги из Германии можно вывезти только наличными.

И потом эта история с нацистским шпиком! Кентон кое-что знал о нацистах и их методах — вряд ли они станут посылать шпионов следить за металлургами не арийского происхождения, едущими в вагонах третьего класса. Если они действительно хотели бы взять этого человека, было бы гораздо проще арестовать его при посадке на поезд в Ратисбоне.

И все равно, странная какая-то получается история. Тот человек в коридоре вел себя действительно подозрительно, и испуг Кареглазого был, несомненно, связан с его появлением. У Кентона проснулось профессиональное любопытство. Похоже, история наклеивается интересная.

— Не понимаю, чем могу вам помочь, — сказал он.

Кареглазый подался к нему всем телом. Кентон почувствовал на щеке его дыхание.

— Вы могли бы провезти мои ценные бумаги через границу.

— Но что, если и меня тоже обыщут?

— Вы англичанин. Они просто не посмеют. Риска никакого. Для вас это пустяк. Кентон далеко не был в этом уверен.

— Боюсь, я не могу взять на себя такую ответственность.

— Но я заплачу вам, мой господин... — Попутчик умолк, пошарил в кармане и притянул Кентона поближе к двери — там из коридора в купе проникало больше света. В руке у него был кошелек. — Вот, смотрите!.. Я заплачу вам сто, двести, триста марок за то, чтобы вы вывезли из Германии мои бумаги.

В этот момент Кентон перестал быть сторонним наблюдателем, он превратился в соучастника. Три сотни марок! Сто он задолжал поляку, стало быть, остается двести. Двести марок! Достаточно, чтобы добраться до Берлина, не стесняясь в расходах. Этот странный тип с карими глазками мог оказаться кем угодно, и он, Кентон, имеет шанс прямоком отправиться в немецкую тюрьму, но риск того стоил. Еще бы, триста марок!

Он поломался еще немного — Кареглазый продолжал настаивать — и наконец позволил себя уговорить. На глазах попутчика от волнения выступили слезы, и он всучил Кентону аванс — сто пятьдесят марок. Остальное пообещал заплатить после перехода границы, получив бумаги обратно. Они, поспешил пояснить владелец, выписаны на его имя, Герман Захс, и для других ценности не представляют.

— Мой господин, — пробормотал попутчик и вцепился в плечо Кентона, — я доверяю вам все свои скудные сбережения. Вы ведь меня не предадите, нет?

В его блестящих карих глазках светилась тоска и мольба, но пальцы впивались в плечо Кентона с удивительной силой.

Кентон заверил, что ни за что не выдаст, господин Захс ослабил хватку и, осторожно покосившись в коридор, протянул длинный и туго набитый конверт. Кентон на ощупь определил, что внутри толстая пачка плотно свернутых бумаг. И положил конверт к себе в карман.

Захс опустил на свое место, тяжело дыша от волнения и прижимая руку к сердцу.

Кентону такое поведение показалось немного наигранным. И вообще, ему все больше не нравился этот человек, хотя чем именно — объяснить затруднялся. Он наблюдал за тем, как Захс закурил короткую черную сигару и открыл большой потрепанный чемодан. Казалось, он напрочь забыл о присутствии Кентона.

Кентон вытянул шею и заглянул в чемодан. Похоже, он был набит под завязку грязным постельным бельем. Но Захс явно знал, где у него что лежит. Он запустил руку в правый угол. А потом рука вынырнула, и Кентон увидел в ней автоматический пистолет крупного калибра. Кареглазый ловким движением сунул его в кобуру под левой рукой.

Да, подумал Кентон, этот господин Захс явно не так прост, каким хочет казаться.

На таможенный досмотр они пошли раздельно.

Захс заторопился и двинулся первым. Кентон, чувствуя, как тревожно ноет под ложечкой, поплелся следом на значительном расстоянии — с конвертом, спрятанным в носке на правой ноге, и немецкими банкнотами в левом ботинке.

Ожидая своей очереди у контрольно-пропускного пункта на немецкой стороне, Кентон увидел, как Захс благополучно миновал таможенника, который интересовался валютой. «Немца» никто не обыскал и не задержал. И Кентон похвалил себя за дар предвидения — его сомнения в правдоподобности рассказа Захса подтвердились. Он также заметил «шпика наци» — тот пересекал ярко освещенный двор, бодрым шагом двигаясь по направлению к австрийской таможне.

Самого Кентона досмотрели, как обычно, без происшествий, но он страшно нервничал и испытал облегчение, когда все закончилось. Вернулся в поезд, и навстречу бросился возбужденный Захс.

— А, наконец-то! Вот и вы! Все в порядке? Слава Богу!.. Нет, нет, нет, не надо, пожалуйста! — воскликнул он, когда Кентон вынул конверт. — Уберите! Здесь все еще небезопасно. Положите в карман! — Кареглазый выглянул в коридор. — Он все еще здесь, тот шпик.

И тут Кентон потерял терпение. Он замерз, изнервничался, и ему все больше не нравился господин Захс с его непонятными делишками. Вся эта болтовня о шпиках и какой-то там опасности выглядит пошло и мелодраматично. Более того, он подозревал, что вместо ценных бумаг в конверте содержатся: (а) наркотики, (б) украденные облигации на предъявителя, (в) секретный доклад о возможности размещения белых рабов в Вестфалии или же (г) нечто равно инкриминирующее. Теперь он не доверял Захсу. Какую бы там грязную игру ни затеял этот человечек, он, Кентон, больше не собирается в ней участвовать.

— Боюсь, — начал он, — я вынужден попросить вас забрать свои бумаги назад. Я нанимался только перевезти их через границу. Я выполнил свое обещание. Так что, будьте любезны, выдайте мне оставшиеся сто пятьдесят марок.

Захс на какое-то время утратил дар речи. Карие глаза потускнели. Затем он подался вперед и тронул журналиста за колено.

— Господин Кентон, — торопливо начал он, — пожалуйста, уберите конверт к себе в карман. Я увеличиваю ваше вознаграждение. Еще триста марок, если вы доставите эти бумаги в отель «Джозеф» в Линце.

Кентон открыл рот, собираясь отказаться. А затем в нем снова возобладало безрассудство, уже принесшее сегодня неплохой улов. Шестьсот марок! Да за такие деньги чего только не сделаешь.

— Хорошо, — ответил он.

Произнося это слово, он уже понимал, что совершает ошибку. И что на этот раз проявление слабыхарактерности обернется для него нешуточной опасностью.

Залесхофф и Тамара

Офисы фирмы «Кесслинг унд Пайпер машинен ГмбХ» в Цюрихе не так-то легко разыскать. Попасть туда можно, пройдя узким проходом, ответвляющимся от тихой улочки неподалеку от станции «Цюрих», затем нужно отпереть обшарпанную, но очень крепкую дверь и подняться на пятый этаж по простой деревянной лестнице. Наверху, на площадке, имеется еще одна дверь, на ней краской выведено название фирмы. Стрелка указывает на звонок, под ней еще одна надпись: «Bitte schellen» — «Пожалуйста, звоните», — но звонок не работает. Есть еще один звонок, и он работает, но привести его в действие можно, только вставив ключ в замочную скважину, а об этом мало кто знает. Похоже, бизнес в фирме «Кесслинг унд Пайпер» не слишком приветствовался.

Хотя фирма сохранила изначальное название, ее основатели, Кесслинг и Пайпер, давно ею не управляли. Господин Кесслинг скончался в 1910 году, господин Пайпер — в 1924-м. С тех пор фирма не процветала — в основном по той причине, что новые владельцы предпочитали заниматься более серьезным делом, нежели производством вертикальных сверл и буров, фрезерных станков и револьверных головок для замков. Потускневшие коричневые фотографии этих изделий до сих пор украшали стены кабинета, оставаясь единственным напоминанием о профиле данной фирмы.

И вот как-то днем в конце ноября нынешний владелец «Кесслинг унд Пайпер» сидел за письменным столом и задумчиво рассматривал как раз одну из таких коричневых фотографий. На ней красовался токарный станок с полноприводной головкой и литой рамой, изобретенный Шутте и Эберхардом, но Андреас Прокович Залесхофф, конечно, этого не знал.

Этот неофициальный представитель СССР в Швейцарии был широкоплечим мужчиной тридцати восьми лет от роду, с каштановыми вьющимися волосами, пряди которых отходили ото лба под углом в сорок пять градусов. Чисто выбритое лицо красотой не отличалось, но и неприятным его назвать было нельзя. «Шишковатое» — так бы описал его человек недобрый, а «изрезанное суровыми морщинами» — было бы, пожалуй, чересчур романтическим определением. У мужчины были крупный вздернутый нос и ярко-синие глаза. Когда господин Андреас хотел проявить настойчивость, он сильно выпячивал нижнюю челюсть. Сейчас его пронизательный взгляд перебежал с изображения токарного станка на листок бумаги, лежащий на столе, а затем — на дверь, ведущую в приемную.

— Тамара, зайди, — крикнул он.

Через несколько секунд в кабинет зашла девушка.

Тамару Проковну Залесхофф вряд ли можно было назвать красавицей в общепринятом смысле этого слова. Ее лицо являло собой исправленный вариант лица брата: правильные пропорции, прекрасная кожа — но чертам не

хватало женственности и утонченности. Зато руки у девушки были необычайно изящными.

— Расшифровала письма?

— Да, Андреас. Их было только два.

Напрямую корреспонденция в фирму «Кесслинг унд Пайпер» не поступала. Те, кто желал в ту пору вести с ней переписку, отправляли конверты на имя фрейлейн Розы Ньюман, до востребования. И вот дважды в день Тамара превращалась в Розу Ньюман, шла на почту и забирала их. Затем девушка расшифровывала письма, придавая смысл беспорядочному набору букв и цифр и, перед тем как передать их брату, заносила результаты в книгу, немецкий эквивалент гроссбуха. Большинство сообщений были скучными, и работа над ними навевала на Тамару тоску.

Она сняла пальто, повесила его на крючок за дверь. Потом подняла глаза на брата.

— В чем дело, Андреас?

— Пока ты ходила за письмами, звонил Петров. Из Берлина.

— Петров? И что ему надо было?

— Сказал, что вчера получил сообщение из Москвы. Борованский оказался предателем.

— Борованский?

— Да. В центре стало известно, что он сфотографировал все инструкции по мобилизации Б2 и намерен удрать с ними в Германию. По словам Петрова, Борованский сегодня днем сел на поезд в Ратисбоне, а билет купил до Линца. Похоже, именно там он собирается передать фотографии.

— Они при нем?

— Да, во внутреннем кармане пальто.

— И ничего нельзя сделать, чтобы его остановить?

Залесхофф криво улыбнулся.

— Да, Тамара, много чего можно сделать. Но пока не время. Петров подключил к делу Ортегу.

— Ортегу?

— Ну есть у Петрова такой испанец. Парень с острым ножом. Петров, на мой взгляд, не слишком разборчив в средствах. Признает, что тип этот грязный, от него чего угодно можно ожидать. Но говорит, что в данном случае он полезен.

— Ему можно доверять?

— Да, в глазах Петрова это одно из его достоинств. Ортега объявлен в розыск как убийца — два года тому назад перерезал горло какой-то женщине в Лиссабоне — и Петров в случае необходимости может сдать его полиции.

Тамара призадумалась.

— Мне никогда не нравился этот Борованский.

Залесхофф лишь покачал головой.

— Мне тоже. Я всегда считал: они слишком ему доверяют. Но они говорили, что он полезен, поскольку проработал на немецких заводах несколько лет и хорошо знает немцев. Полная чушь! Борованский мог хоть всю жизнь проработать в стране, но так и не научиться говорить, как истинный немец. И уж тем более — думать, как немец. И потом, лично я предпочитаю работать с дураком, которому можно доверять, чем со специалистом, который может предать в любой момент.

Он раскурил трубку и почти сразу же положил ее на стол.

— Бесполезно, Тамара, — раздраженно заметил он. — Я не могу... никогда не научусь курить трубку. Меня от нее тошнит.

— Все лучше, чем садить одну сигарету за другой. Попробуй!

Залесхофф нетерпеливым жестом поднес трубку ко рту, но просто постучал ее кончиком по крепким белым зубам. Мысли его блуждали где-то далеко. Девушка с минуту наблюдала за ним.

— Насколько все это серьезно, а, Андреас?

Ей показалось, он ее не слышит. Затем брат пожал плечами.

— Никто не знает, во всяком случае, пока. Видишь ли, в чем трудность, Тамара, — Борованский лишь сфотографировал всю эту муть, а потому можно предположить, что снимки эти — подделка. И нам практически не с чем работать. Если бы мы знали, кто ему платит, тогда можно было бы предпринять какие-то шаги. Инструкции по Б2 — это не обычная военная информация. Если бы речь шла о вооружениях или деталях фортификационных сооружений, велика вероятность того, что эти данные просочились бы в бюро в Брюсселе, и тогда бы мы знали, на чем стоим. Но это не так. Нутром чую, в этом деле замешана политика, и мне это не нравится. Если бы Борованский хотел что-то продать... есть множество секретов, с которыми можно выйти на рынок, имей он желание и возможность украсть их. Зачем, Тамара, ему понадобилось фотографировать именно эти специфические инструкции? На кой черт? Вот в чем вопрос.

— Возможно потому, что у него не было времени раздобыть что-то другое. Или же кто-то заказал, заплатил ему.

— Именно! Если он действительно собирался украсть и сфотографировать что-то стоящее, тогда должен был бы понимать, что эти инструкции по Б2 не годятся, поскольку никакой ценности не представляют. К чему рисковать жизнью и удирать, имея при себе то, что заведомо нельзя хорошо продать? Нет, кому-то точно понадобились эти инструкции по Б2, и Борованскому заплатили, чтобы их раздобыть. И самое худшее — никто его не остановит, пока он не доберется до Австрии. Берлину нужен предлог для очередной антисоветской кампании, и мы не хотим его представлять. Остается надеяться, что он не спихнет с рук свой товар до того, как покинет Германию.

— Но почему, скажи на милость, его не остановили до того, как он выехал с территории СССР?

— Они не знали, что произошло. Ведь Борованский обеспечивал связь между Москвой и нашими людьми в Риге. Если бы человек, взявший фотографии, ничего не заподозрил и не рассказал полиции, мы бы до сих пор пребывали в неведении. Да и этот Борованский тоже дурак порядочный. Он мог бы выиграть еще несколько дней, оставаться вне подозрений, если бы у него хватило ума доложить о своем прибытии в Ригу перед тем, как отправиться дальше в Германию.

— Как бы там ни было, нас это не касается.

— Думаю, нет.

Но он все еще выглядел озабоченным. Затем вдруг резко поднялся, подошел к буфету в углу комнаты, достал из него толстую папку и начал рассеянно перелистывать бумаги.

— Сегодня днем пришло сообщение от агента из Базеля, — сказала Тамара. — Пишет, что британский агент начал проявлять активность. Вообще-то этот англичанин всегда работал в офисе на Баденштрассе. В конторе под названием «Центральная швейцарская компания по импорту». А тут вдруг он перебирается на Кёниг-Густавус-плац и начинает работать из квартиры какого-то частного дантиста по фамилии Бучар. Неплохая идея. Трудно уследить за каждым, кто приходит к зубному врачу.

Залесхофф продолжал перелистывать бумаги в папке и пробормотал нечто нечленораздельное.

— Да, и еще — женеvский агент сообщил сегодня утром, что это вовсе не «Шкода», а компания «Норденфельт» подкупила итальянских таможенников, и теперь они будут переправлять гаубицы морем из Гамбурга в Геную, — продолжила Тамара. — Он также сообщает, что один из делегатов Южноамериканской лиги посещает женщину, которая называет себя мадам Флери. Говорит, что вообще-то она венгерка по прозвищу Пути и в шестидесятых работала на Болгарию. Правда, он не упомянул, на кого она работает сейчас. И вообще, не понимаю, с чего это он взял, что мы должны следить за всеми этими латиноамериканскими развратниками.

Брат продолжал читать.

— Есть в его сообщении один интересный момент. Он пишет, что британцы, немцы и итальянцы встречались в небольшой гостинице по ту сторону озера и решали, что следует ответить немцам и итальянцам на ноту, которую англичане собираются послать им на следующей неделе. Он слышал, будто бы итальянцы возражают против одного пункта этой ноты. Судя по всему, он затрагивает интересы Италии в Судане. Англичане якобы согласились убрать этот пункт при условии, что итальянцы примут государственный заем из Лондона и дадут гарантию, что эти средства пойдут у них на субсидирование тяжелой промышленности в Италии. А это, в свою очередь, означает, что Лондон хочет понизить итальянскую лиру на один-два пункта.

Она умолкла, а затем добавила:

— Похоже, ты меня вовсе не слушаешь, Андреас.

— Да-да, Тамара. Я слушаю. Пожалуйста, продолжай! — Но весь его интерес был по-прежнему сосредоточен на папке.

— Женевский агент также сообщает, — сказала Тамара, — что Пан-Евразийской нефтяной компании в Лондоне не удалось добиться возобновления концессии на нефтепромыслы в Румынии. Пан-Евразийская компания, напоминая он нам, находится под контролем Джозефа Балтергена и находится в Лондоне на Грейсчёрч-стрит. Этому же господину принадлежат тридцать пять процентов акций «Кейтор энд Блисс лимитед», британской компании по производству военного снаряжения, он же является директором «Империял армор плейтинг траст».

Я просмотрела досье на Балтергена. По происхождению он из Армении, в 1914-м переехал в Англию и там натурализовался. С 1900 по 1909-й продавал оружие компании «Норденфельт», но уже с 1907-го занялся нефтяным бизнесом. Ходили слухи, что в 1917-м он вел тайные переговоры с Керенским о приобретении концессии на разработку бакинских нефтяных месторождений. Считается, что он достиг соглашений с Временным правительством незадолго до свержения Керенского. В 1918-м прибыл в Одессу и снова попытался вести переговоры о бакинской концессии, на этот раз с генералом Алмазовым, командиром Белой армии, занимавшей тогда город. Работал через агента по фамилии Тэлбот. Он...

Тут Залесхофф подскочил к ней и ухватил за руку.

— Как, ты сказала, его имя, Тамара?

— Тэлбот.

— И Одесса в тысяча девятьсот восемнадцатом? Балтерген был там?

— Да.

— Тогда взгляни-ка на это!

Он сунул ей в руку досье, а сам выбежал в приемную. Секунды через две девушка услышала, как он названивает кому-то по телефону.

Тамара села, закурила сигарету, держа папку на коленях, затем начала просматривать толстые желтые листы бумаги с машинописным текстом.

ДОСЬЕ S8439 (копия 31) Цюрих

Имя: Стефан Саридза.

Место рождения: Адрианополь (достоверно).

Дата рождения: 1869 (приблизит.).

Родители: Не известны.

Политические взгляды: Не известны.

Примечания. Ни одной адекватной фотографии. Этот человек известен с 1904-го. (См. ниже.)

Дополнительные сведения, полученные в 1917–1918 гг. из архивов Охранки (Киев). Судебные материалы по делу генерала А.М. Стесселя, 1904. Предмет разбирательства: Стесселю не удалось удержать крепость Порт-Артур, и он

сдал ее японскому генералу Ноги. Стессель утверждал, что в его рядах был предатель. Результаты проверки подозреваемых отрицательные. Стессель обвинял болгарина по имени Саридза (или Сареску). Вызвать на допрос Саридзу не удалось. Объявился позже, в январе 1905-го, в Афинах.

Суд над Генрихом Гроссе за шпионаж, Англия (выездная сессия суда присяжных в Винчестере), 1910. На процессе упоминался человек по фамилии Ларсен, якобы помощник Гроссе. Считается, что это был Саридза. (См. идентификацию Д-24.)

Суд над капитаном Бертраном Стюартом (британец) в Берлине в 1911-м. Обвинялся в шпионаже. Жертвой Стюарта стал агент-provokator по имени Арсен Мари Веру, он же Фредерик Рю (см. досье P77356), и его тут же начала использовать немецкая контрразведка, в которую он был завербован Р. Х. Ларсеном (он же Мюллер, он же Питерс, он же Шмидт, он же Тэлбот). Считается, что это и был Саридза.

Дополнительные сведения, переданные Комиссариатом внутренних дел.

Одесса. Декабрь 1918. Сообщается (К. 19), что агент по имени Тэлбот (см. выше) предпринял попытку вступить в переговоры с генералом Алмазовым по поводу нефтяных концессий в Баку. Считается, что он действовал в интересах Британии.

Комиссариат иностранных дел. Март 1925. Сообщается (В.37, Барселона), что агент по имени Луис Гомес занимался антисоветской пропагандой с намерением помешать импорту нефтепродуктов из Советов в Испанию. Считается, что он действовал в интересах Британии.

Примечание. Вышеупомянутый агент был опознан как Саридза в 1929. (См. примечания ниже.)

Февраль 1930. Суд в Нью-Йорке под председательством судьи Махойна. Ответчик «Катор энд Блисс (Нью-Йорк) инк», истец Джошуа Л. Кертис. Кертис выставил ответчику иск в неуплате 100 000 долларов США за работу, которую он проделал на второй конференции по разоружению в Женеве. Суть работы: пропаганда против разоружения. Кертис был нанят директорами лондонского подразделения «Катор энд Блисс лимитед». Инициатива слушаний в Нью-Йорке исходила от истца. Процесс закончился мировым соглашением между сторонами. Кертис попросил швейцарское гражданство. Был опознан В.71 как Саридза.

Примечания. В распоряжении Саридзы (сообщение ZB356/28) имеется, судя по всему, большая организация, действующая в основном в Европе и на Ближнем Востоке. Занимается политической пропагандой, защищает интересы промышленных и банковских групп. Отличный организатор. В средствах неразборчив. Говорит по-английски (с легким акцентом), по-французски (с сильным акцентом), также владеет немецким, русским и словенским.

Внешность. Рост — средний. Хрупкого телосложения. Волосы седые, редкие, почти лыс, цвет лица болезненно-желтоватый. Маленькие седые усики, пожелтевшие от никотина. Носит при себе оружие. *Важное примечание.* Всякий раз Саридзу опознавали по левой руке, она у него плохо сгибается в

локте. Неспособность в полной мере владеть рукой является особой приметой.

Постоянный приказ-инструкция. Любой агент, раздобывший информацию о Саридзе и его действиях (пусть даже и из ненадежного источника), должен немедленно сообщить об этом.

Тамара закрыла папку и раздавила сигарету в пепельнице. Через открытую дверь было слышно, как брат говорит по телефону.

— ...Пан-Евразийская нефтяная компания... ни малейших сомнений... Петров. Дело немного проясняется, мой друг, ты не находишь? Слышал о провале Балтергена в Румынии?.. Да, да, это так... но ты должен сообщить в Москву... Нет... да... Я выезжаю прямо в Линц... да, Тамару тоже возьму. Попрошу Джи-12 из Берна взять на себя там часть работы. А ты, пожалуйста, будь добр, не забудь предупредить людей в Вене...

Настала долгая пауза. Тамара слышала биение собственного сердца.

— Ортега? — резко спросил Залесхофф. — Да, лицо его помню. Разве такое забудешь? Кожа как у слона, глазки змеи. Au revoir.

И он с грохотом повесил трубку. Затем ворвался в кабинет. Тамара взглянула на папку.

— Ну что, прочла? Слышала, как я говорил с Петровым? — Он был взволнован.

— Да. Но почему мы должны ехать в Линц?

— Ты читала досье. Это я узнал Саридзу в Нью-Йорке. Хорошо знаю его в лицо.

— Но наши люди в Вене...

— Они не знают его так хорошо, как я. Нам повезло. Саридза — очень опасный враг. Для нас это будет большим успехом. А теперь, пожалуйста, соедини меня с Берном.

Поджидая в маленькой полутемной приемной, когда ее соединят, она слышала, как брат шарит в ящиках письменного стола. И тихо напевает себе под нос «Чубчик». Вот шорох прекратился, он чертыхнулся. И Тамара спросила его, в чем дело и надо ли помочь. Но выяснилось, он искал патроны для своего револьвера и нашел. А потом она спросила:

— Андреас? Так мы поедем в Москву в декабре?

— Да, Тамара, поедем.

— На целых три месяца?

— Возможно.

Она молчала. Потом провела пальцем по полке, оставив в пыли длинный след. И заговорила снова каким-то потухшим голосом:

— Скажи, Андреас, мы постоянно должны делать эту работу? Всегда?

— Думаю, у нас неплохо получается.

Она слышала, как он задвинул и запер ящик стола. Прижимая к уху телефонную трубку, она задумчиво разглядывала стоявшую на столе старомодную пишущую машинку, потом заговорила снова:

— Надеюсь, к тому времени, как мы прибудем в Линц, Борованского уже прикончат?

— Ортега получил инструкции не убивать его. Только раздобыть эти фотографии любой ценой. Впрочем, не хочу, чтобы ты на этом зацкливалась. Подумаешь, Борованский, не велика потеря! Эту историю о мужчине и женщине в Эссене слышать просто противно.

Тамара задумчиво нажала на клавишу машинки.

— А ты помнишь его глаза, Андреас? Разве может человек с такими добрыми карими глазами оказаться предателем?

— Глаза человека, его нос, лоб, его уши и прочее — все это, Тамара, не имеет ни малейшего отношения к тому, что творится у него в голове. У мужчин небольшого роста обычно большие головы, у высоких — маленькие. Не найдется во всем мире и двух человек, которые бы читали мысли друг друга только по лицам.

Настала пауза, затем она услышала, как брат открывает дверцу буфета.

— Пора выезжать в Берн, Тамара. Поезд через двадцать минут.

— Возьми теплый шарф, Андреас. Там, должно быть, очень холодно.

Андреас вышел следом за сестрой. На нем было толстое серое пальто, вокруг шеи обмотан шерстяной шарф. Он наклонился и легонько чмокнул ее в щеку.

— А ты взял свою трубку, Андреас?

— Нет.

Тут вдруг в приемной зазвонил телефон.

— Наверное, агент из Берна, — сказала Тамара.

3

Номер 25

Все три с половиной часа, что они ехали от границы до Линца, господин Захс болтал без умолку.

— Человек должен научиться, — говорил он Кентону, — разбираться в людях. — Он выразительно приподнял грязный палец. — Вот взять, к примеру, вас, господин Кентон. Стоило мне увидеть вас в поезде, и я сказал себе: это человек, на которого можно положиться. Человек, которому можно доверить все свои сбережения и знать, что они будут в целости и сохранности.

Тут он выдержал многозначительную паузу.

А Кентон подумал, что Захс, должно быть, принимает его за круглого дурака, раз до сих пор считает, что он поверил в эту его историю с еврейским беженцем.

— Но почему, — продолжил Захс, — почему честный человек не должен получать вознаграждение за свою честность? — Карие его глаза округлились от удивления. — Я рад заплатить. Это правильно. Справедливо.

И он принялся ковырять в зубах.

Кентон беспокойно заерзал на сиденье. И напомнил себе, что эти шестьсот марок он заработал. Он не вполне понимал, зачем господин Захс завел этот разговор. То ли это скрытая угроза, то ли подобными льстивыми заверениями этот господин хочет повысить самооценку своего курьера. Если последнее, то ему плохо удалось. У Кентона просто в голове не укладывалось, как это человек мог довериться первому встречному, мало того, заплатить шестьсот марок за то, чтобы тот доставил конверт в гостиницу в Линце.

В тот момент любопытство Кентона пересилило даже ту неприязнь, которую вызывала его роль наемного курьера. Захс, очевидно, чего-то или кого-то боялся — о том свидетельствовал его приступ разговорчивости на нервной почве — но кого или чего именно? Лишь одно было совершенно ясно. Вся эта болтовня о мерах безопасности, еврейских беженцах и нацистских шпиках — чистой воды ерунда и вранье! Кентону довелось однажды брать интервью у одного из самых одиозных и умных лжецов в Европе. Так вот, господин Захс в сравнении с ним был до отвращения неубедителен. Но одно дело — верно интерпретировать слова человека, когда тебе известно немного больше, чем положено знать, и совсем другое — когда ты ничего не знаешь ни о рассказчике, ни о его истинных мотивах. Вообще вся эта история просто ставила Кентона в тупик.

— Психология, — продолжал меж тем господин Захс, — весьма странное занятие. Я знал немало хороших психологов.

Он закивал и громко высморкался.

— Когда я работал на сталелитейном заводе в Эссене, был там один человек, настоящий спец по психологии. Ну, со странностями, сами понимаете. Есть мужчины такие маленькие и робкие с виду, что кажется, будто они постоянно чего-то боятся. Ну и этот Хофф был как раз таким — маленьким и робким. Вам когда-нибудь доводилось бывать в литейном цехе, мой господин? Нет? О, это, доложу вам, зрелище! Тонны расплавленной стали плывут в огромном ковше на подъемном кране, он медленно движется к литейным формам. Затем срабатывает оператор, ковш наклоняется, и из него начинает хлестать раскаленная сталь, прямо как кровь из свиньи. Уверяю, это стоит видеть.

Господин Захс мечтательно закрыл глаза, словно представляя себе эту картину. А затем вдруг резко открыл их, и на его лице отразился страх.

— Боюсь, я утомил вас, мой господин. Прошу прощения. Глубоко сожалею! — И он умолк.

— Нет, нет, что вы, — вежливо возразил Кентон.

— Вы так добры. — Он похлопал Кентона по колену. — Вижу в вас родственную душу. Мы оба ценим психологию. Это величайшая в мире вещь.

Кентон ответил, что разделяет это мнение.

— Так вот, с этим Хоффом произошла весьма странная история, — снова принялся за свое господин Захс. — И довольно любопытная. Как раз Хофф контролировал ковш. Хорошим был рабочим, подчинялся всем сигналам,

подаваемым снизу, внимательно следил за тем, чтобы не испортить отливку. А начальником цеха там был Бауэр, и этот Бауэр ненавидел Хоффа. Поговаривали, будто из-за женщины Хоффа, и, наверное, так оно и было. Красивая была дамочка и любила мужчин, а Хофф, как я уже говорил, был маленьким и невзрачным. И Бауэр постоянно старался выставить его дураком. Кричал на него, доносил на него управляющему. Увольнять его не собирался, просто хотел сделать его жизнь на заводе невыносимой. Другой на месте Хоффа давно бы ушел или взорвался, но тот все терпел, нервно так улыбался и говорил, что этот Бауэр хороший парень. Ну и ребята говорили, что Хофф просто трус, в ответ на что он опять нервно улыбался и говорил, что ему все равно. Вот вы, господин Кентон, наверняка бы сказали, что Хофф был трусом?

— Ну, в таких случаях, — дипломатично заметил Кентон, — судить всегда сложно.

Господин Захс хитро на него покосился.

— Что верно, то верно. Сам я долго размышлял на эту тему. Однако это еще не конец истории, — добавил он. — Длилось все это несколько месяцев. И вот как-то однажды Бауэр разозлился и ударил Хоффа по лицу стальным прутом. Из-за сущего пустяка, но Бауэр впервые поднял руку на Хоффа. Ребята из цеха решили подкараулить Бауэра и задать ему хорошую взбучку, ну а Хофф все улыбался нервной своей улыбочкой, вытирал кровь с лица и говорил, что ему все равно. На следующий день мы разливали тяжелый ковш со сталью, и Хофф контролировал этот процесс. А в ковше находилось свыше десяти тонн раскаленного металла. Бауэр стоял у форм, видел, как ковш проплывает над головой. Двигался он медленно, стоявшие внизу рабочие приготовились. И вдруг ковш остановился — прямо над головой у Бауэра. И начал накреняться. Они кричали ему, но было уже слишком поздно. В следующую секунду хлынул металл. Мужчины разбежались. Только Бауэр не побежал. Выкрикнул что-то, упал на пол и продолжал страшно кричать. В тот же день он скончался в больнице. Хофф сказал, что заел механизм управления, и многие — а Бауэра рабочие не любили — клялись и божились, что это был несчастный случай. А потом выяснилось, что механизм был в полном порядке. — Господин Захс улыбнулся. — Так что, как видите, господин Кентон, Хофф оказался вовсе не трусом.

— А кем же тогда? — спросил Кентон.

— Хофф, — усмехнувшись, ответил Захс, — был умен, очень умен. Ждать, улыбаться, бояться, притворяться смиренным и безобидным — это очень умно. — Он внезапно посерьезнел. Карие глаза сузились, губы плотно сжались, потом он откинулся на спинку сиденья и ощерился. — Он правильно выбрал момент. Бауэр глянул вверх и увидел, как надвигается смерть от руки бедного и жалкого труса и дурака. За секунду до того, как на него хлынул металл, Бауэр понял: человек может и ошибаться в суждениях. — И господин Захс громко

расхохотался. — Славная получилась месть, и этот Хофф был очень умен. Вы согласны, господин Кентон?

— Да, конечно.

— Ждать, улыбаться, а потом нанести удар, — добавил Захс. — Правильная психология.

Он довольно улыбнулся. А потом резким движением протер запотевшее стекло и глянул в окно.

— Уже показались огоньки окраин, — сказал он. — Скоро прибудем в Линц.

— Но, господин Захс, — задумчиво начал Кентон, — вы так и не рассказали, что же произошло с этой женщиной Хоффа. Думаю, это куда более интересная история.

На секунду ему показалось, что Захс его не слышит. Затем он поднял голову. Глаза их встретились, и Кентон увидел в карих глазах какой-то странный огонек.

— А, да, женщина Хоффа, — медленно произнес он. — Она тоже умерла, вскоре после этого. Тоже несчастный случай, с какой-то там кислотой. Лицо у нее было сильно изуродовано, так что, может, для нее это и счастье, что она умерла. Ну, Хофф, конечно, очень переживал, все это произошло у него на глазах, а потом пошли разные лживые слухи и пересуды.

Он отвернулся и стал смотреть в коридор.

— Странная история, — пробормотал Кентон.

Но Захс, похоже, потерял к ней всякий интерес и промолчал. Облизнул кончики пальцев и начал приглаживать длинные черные пряди волос — чтобы они прикрывали лысину на макушке. Потом надел шляпу, застегнул воротник пальто и приподнял его так, чтобы он закрывал рот и нос, снял с полки потрепанный чемодан и объявил, что готов.

— Отель «Джозеф», — сказал он, — находится в старом городе, рядом с рекой, прямо за «Вайцингер». Вы легко его найдете. Но только прогуляйтесь где-нибудь сначала с полчаса. У меня есть в городе одно дельце.

Кентон кивнул.

— Вот и хорошо. Я вам доверяю, господин Кентон, как родной матери. Вы будете там, и я отдам вам деньги, как обещал. Мне тоже можно доверять. Сами скоро убедитесь. Пожалуйста, посмотрите, нет ли кого в коридоре, — добавил он.

Услышав уверения Кентона в том, что все чисто, он затрусил по коридору к выходу. Минуты три спустя поезд подкатил к вокзалу и еще не успел полностью остановиться, как господин Захс соскочил на перрон. Из окна купе Кентон видел, как он, пробравшись между тележками носильщиков, скрылся в темноте. И тут Кентон заметил, как чья-то фигура метнулась за ним следом. Перед тем как сойти с поезда, Кентон помялся немного, затем пожал плечами. Нацистский шпик — или кем он там был, этот тип с маленькими глазками и неприятным лицом, — должен был выйти из вокзала вместе с остальными пассажирами. Тот

факт, что он следил за Захсом, еще ничего не означал. Кентон поднял чемодан и вышел из вагона.

Мало что так удручает, как железнодорожный вокзал в незнакомом городе по ночам. Шагая по платформе, Кентон мысленно поклялся себе, что проведет эту ночь в удобной и теплой постели. Было страшно холодно, в темном небе сияли звезды. Идущий позади Кентона человек непрерывно и громко кашлял, и это тоже удручало.

Кентон нашел неподалеку от вокзала работающее кафе, зашел и заказал кофе.

Говорят, что в два часа ночи жизненные силы человека находятся на исходе, что именно в эти темные часы самоубийцы достигают той степени отчаяния и одиночества, когда мысль сопрягается с действием — и палец спускает курок. Может, и так. Кентону те минуты, когда он ждал, что кофе хоть немного остынет, показались самыми мрачными и неприятными в жизни. Он, взрослый человек почти тридцати лет от роду, не худший из представителей престижной профессии, разбрасывается деньгами, как какой-то студент, принимает сомнительные предложения от незнакомца со всеми этими его «убийственными» психологиями и пистолетом в кобуре под мышкой. А что, если бы его задержали на границе? Что ж, поделом бы было! Все это следует прекратить. Нет, конечно, он доведет до конца сделку с этим типом, заберет деньги, потом отправится прямиком в Берлин и найдет себе там приличную работу. Но конверт до сих пор при нем. Он достал его из кармана и начал рассматривать.

Конверт был сделан из дешевой серой бумаги и намертво заклеен. На нем не было ни адреса, ни имени — ничего! А изнутри он оказался выложен черной бумагой, так что даже на свет Кентон не смог разглядеть, что же в нем лежит. Он осторожно ощупал содержимое. Форма ничего не сказала, но показалось, что это сверток каких-то слишком плотных и жестких бумаг.

Кентон убрал конверт обратно в карман, выпил кофе и закурил сигарету. Затем, оставив чемодан на хранение у хозяина кафе, отправился искать отель «Джозеф».

Поначалу путь пролегал по широким улицам, застроенным домами того сорта новой барочной архитектуры, которой так гордятся австрийцы. Затем, перейдя по узкому железному мостику через реку, Кентон двинулся к пристани — так называемому порту Линца, — и улицы становились все уже и грязней. Одиноким полицейский, у которого он спросил дорогу, посмотрел с подозрением и направил в сторону каких-то темных и безлюдных проулков. И вот наконец он вышел на короткую улицу, застроенную старинными домами. Примерно на полпути увидел тускло освещенную вывеску, возвещающую о том, что двухместный номер в отеле «Джозеф» можно снять за пять шиллингов. Кентон опоздал на двадцать минут, но все же добрался.

Вход в отель выглядел не слишком впечатляюще. Две стертые каменные ступеньки, узкая дверь. Верхняя ее часть была из стекла с изморосью, там было

выведено название «Отель „Джозеф“», но черная краска букв местами уже начала осыпаться. Через стекло слабо просачивался свет. Кентон толкнул дверь и вошел.

Он оказался в довольно тесном коридоре. Слева небольшая стойка, встроенная в альков, с вывеской «AUSKUNFT».³ Справа на стене — ячейки для писем и узенькая деревянная планка с ключами. Тот факт, что почти все ключи висели на крючках, говорил о том, что дела в отеле идут не блестяще.

За стойкой никого не было видно, и Кентон стоял с минуту, придумывая, как бы привлечь к себе внимание. Затем вдруг услышал храп. Он доносился откуда-то из коридора, и Кентон несколько неуверенно, не понимая, где искать, двинулся на этот звук.

Две или три ступеньки привели его в небольшую комнатку, выходящую в коридор. Дверь была полуоткрыта, и Кентон заглянул внутрь. В слабом мерцании свечи, стоявшей в лужице застывшего воска, он увидел мужчину в фартуке и ковриковых тапочках. Растянувшись во весь рост, тот мирно спал на красном плюшевом диване. Очевидно, решил Кентон, это и есть ночной портье.

Мужчина что-то пробормотал во сне и заворочался. Кентон постучал в дверь. Резкий стук разбудил мужчину, и он сел, сонно потирая глаза.

— Herr Sachs?⁴ — спросил его Кентон.

Мужчина неуверенно поднялся с дивана и двинулся к Кентону. Ухватился за дверь, тяжело привалился спиной к стене и, откинув голову, посмотрел на журналиста все еще полузакрытыми глазами. Он него сильно пахло перегаром, и Кентон понял, что портье пьян.

— Was ist?⁵ — с трудом ворочая языком, спросил тот.

— Herr Sachs, bitte.⁶

Мужчина секунду-другую переваривал информацию, затем снова вопросительно уставился на Кентона.

— Herr Sachs?

— Jawohl,⁷ — нетерпеливо произнес Кентон.

Ночной портье сопел с полминуты, затем облизнул губы и уставился на Кентона уже более осмысленным взглядом.

---

³ Информация, справка (нем.).

⁴ Господин Захс? (нем.).

⁵ В чем дело? (нем.).

⁶ Пожалуйста (нем.).

⁷ Да (нем.).

— Wen darf ich melden?⁸

— Herr Kenton.

— Herr Kenton! Ach ja! Man erwartet Sie. Wollen Sie bitte hinaufgehen?⁹

И портье собрался снова лечь на диван. Очевидно, Кентону предложили самому догадаться, в каком номере остановился гость.

— Auf Zimmer nummer?¹⁰ — с надеждой спросил он.

Портье присел на край дивана и, раздраженно моргая, смотрел на Кентона.

— Zimmer 25, nfundzwanzig, dritter Stock,¹¹ — ответил он и с тяжелым вздохом растянулся на диване. Едва Кентон начал подниматься по лестнице на второй этаж, как храп возобновился.

Если не считать слабого отсвета лампы в прихожей, лестница была погружена во тьму, и, не нащупав выключателя, Кентон продолжил двигаться вперед, чиркая спичками.

Видимо, изначально этот дом не предназначался для гостиницы. Все усилия хозяина создать с помощью бесконечных перегородок как можно больше номеров превратили помещение в настоящий лабиринт из маленьких коридорчиков, где двери размещались под необычными углами и каждый заканчивался тупиком. Добравшись до второго этажа, Кентон потратил несколько минут и множество спичек, чтобы найти номер 25.

Постучал в дверь, и она с тихим скрипом отворилась.

Комната была погружена во тьму, если не считать луча света, источник которого определить удалось не сразу. Похоже, он находился в небольшой гостиной. Кентон прислушался — полная тишина. Затем тихо окликнул Захса по имени, ответа не последовало, и он окликнул еще раз, уже громче. Потом толкнул дверь и заглянул во второе помещение.

Как выяснилось, свет исходил от маленькой настольной лампы в спальне. Со своего места Кентон заметил, что постель для постояльца была приготовлена. А вот самого Захса нигде не было видно.

Кентон вышел обратно в коридор, выждал минуты две или три. Затем закурил сигарету, но, сделав несколько затяжек, затушил. Этот отель «Джозеф» уже начал действовать ему на нервы. Он вернулся в гостиную и встал лицом к свету.

Еще раз окликнул Захса и, не получив ответа, решительно вошел в спальню.

И тут же застыл как вкопанный. Он видел часть пола — из-за кровати торчала нога человека.

---

⁸ Как мне о вас доложить? (нем.).

⁹ Господин Кентон! Ах да! Вас ждут. Не желаете ли подняться? (нем.).

¹⁰ Номер? (нем.).

¹¹ Номер двадцать пять, третий этаж (нем.).

По спине пробежали мурашки. Кентон сделал над собой усилие и остался стоять на месте. Затем осторожно шагнул вперед — угол зрения расширился. Еще через секунду он увидел все.

Человек полулежал, полустоял на коленях в луже крови, тонкие темные ее ручейки продолжали расползаться и заполнять щели в дощатом полу. Руки сжимали рукоятку ножа, который торчал в правом боку, прямо под ребрами. Человек был одет в рубашку с короткими рукавами. На полу, рядом с тем местом, где он упал, лежал вывернутый наизнанку пиджак.

Кентон быстро оглядел комнату.

На полу, по другую сторону кровати, валялись остатки чемодана, сплошь изрезанного ножом. Кентон снова перевел взгляд на труп.

И сделал к нему всего один шаг. Но этого движения оказалось достаточно. Лежавший в неловкой позе мертвец перевернулся на спину.

Карие глаза уже не сверкали. Видно, на этот раз господин Захс ждал и улыбался слишком долго. И опоздал нанести ответный удар.

4

Отель «Джозеф»

Есть люди, которые, подобно гробовщикам, относятся к мертвецам совершенно спокойно; могут трогать и передвигать их, закрывать усопшим глаза. Кентон не принадлежал к их числу. Он был в Испании в самый разгар гражданской войны, и ему довелось повидать много, даже слишком много трупов. Но то было на поле брани, среди домов, разрушенных артиллерийским огнем, на улицах, носивших трагические следы схватки, и мертвые мужчины (и женщины) являлись органичной частью этой сцены — бесформенные массы темного цвета на фоне всеобщего разрушения.

Но здесь, в тишине номера 25 в отеле «Джозеф», смерть уже никак не могла быть случайной. Здесь она выглядела почти гротеском. Кентон почувствовал, что его сейчас вырвет, и заставил себя отвернуться.

Он читал о таких вещах, но сейчас никак не мог вспомнить, как это делается. Смутно припомнил, что надо проверить, не просматривается ли «слабого биения сердца». Как именно это делается — другой вопрос. Попробовать прощупать пульс — нет, у него точно не получится. Да он собственный пульс мог прощупать с трудом! Возможно, следует расстегнуть окровавленную рубашку Захса и прижать ладонь к тому месту, где находится сердце. Кентон стиснул зубы и начал с жилета. А потом вдруг заметил, что ему не удастся расстегнуть очередную пуговицу, потому что пальцы стали скользкими. Кентон понял, что руки у него в крови. И тут же вскочил. Лоб его был в поту. Споткнувшись об истерзанный чемодан Захса, Кентон бросился к раковине, пустил воду и долго мыл руки. Затем обернулся и покосился на тело. И тут вдруг почувствовал, что полностью

теряет над собой контроль. Он должен поднять тревогу, вызвать полицию и так далее. Это не его дело — пытаться оживить труп. И вообще надо убираться отсюда, и как можно быстрее. Кентон торопливо прошел через гостиную в темный коридор.

Теперь он уже больше не видел Захса, и самообладание постепенно начало возвращаться. Он стоял у двери и думал.

Какие именно шаги ему следует предпринять? Ночной портье пьян в стельку и спит. Вступать с ним в разговор бесполезно. Ближайший полицейский может находиться в нескольких кварталах отсюда. Надо воспользоваться телефоном внизу и вызвать полицию.

Кентон уже собрался осуществить это намерение, как вдруг его посетило другое соображение. Как он будет объяснять свое присутствие на месте преступления? Ведь австрийская полиция непременно потребует объяснений. Начнет задавать разные вопросы.

— *Кто вы по профессии?*

— *Журналист.*

— *Ага. И из какого именно журнала?*

— *Не из журнала, не из газеты, я независимый журналист.*

— *Вот как! И откуда прибыли?*

— *Из Нюрнберга.*

— *С какой целью?*

— *Занять денег в Вене.*

— *Стало быть, страдаете от нехватки денег?*

— *Да.*

— *Тогда почему же не поехали прямо в Вену?*

— *Случайно познакомился с покойным в поезде, и покойный попросил меня об одном одолжении.*

— *Вот как? О каком же именно одолжении?*

— *Отнести конверт с ценными документами в отель «Джозеф».*

— *Но ведь покойный сам остановился в отеле «Джозеф». Зачем ему понадобилось просить кого-то еще отнести туда ценные документы?*

— *У меня нет ответа на этот вопрос.*

— *Очевидно, господину Кентону обещали заплатить за эту услугу?*

— *Да. Шестьсот марок.*

Кентон представил, как насторожатся они, услышав этот ответ.

— *Но откуда господину Кентону было знать, что у покойного имелись эти деньги?*

— *Господин Захс сам их показал, еще в поезде.*

— *Так, значит, у вас была возможность проверить содержимое кошелька покойного?*

— *Да, но...*

— *И господин Кентон ехал в Вену занять денег?*

— Да.

— И видно, решил: зачем ехать, раз можно взять здесь и сейчас! Верно?

— Нет, покойный сам настаивал, чтобы я взял эти деньги за услугу.

— И господин Кентон последовал за покойным в отель «Джозеф»?

— Да, но...

— И потом господин Кентон ударил покойного ножом?

— Ничего подобного!

— А затем, испугавшись своего деяния и желая сбить полицию со следа, позвонил по телефону и позвал на помощь? Верно?

— Полная ерунда!

— Ночной портье утверждает, что господин Кентон спрашивал господина Захса вскоре после того, как последний прибыл в гостиницу. И еще он говорит, что господин Кентон нервничал и проявлял нетерпение.

— Я всегда произвожу впечатление человека несколько нервного. А что касается нетерпения, то оно было продиктовано бестолковостью этого портье. Кроме того, господин Захс уведомил его, что к нему должны прийти.

— Вот как? Что-то ночной портье этого не припоминает!

— В ту ночь портье был пьян.

— Возможно. Но не настолько пьян, чтобы не опознать вас, господин Кентон.

Кентон вернулся в маленькую гостиную. Никким образом нельзя фигурировать во всей этой истории, твердо решил Кентон. Даже если удастся убедить полицию в том, что к убийству он не имеет ни малейшего отношения, задержат его здесь надолго. Придется проторчать в Линце как минимум несколько недель. Единственный выход — бежать отсюда, пока еще не поздно. Но сперва надо кое-что сделать. И тщательно все продумать, чтобы не ошибиться.

Какое-то время Кентон колебался, затем все же вошел в спальню и снял с гвоздика в стене небольшое зеркальце для бритья. Затем подошел к труп, наклонился, прижал зеркальце к губам Захса и подержал так минуту или две. Потом отнял и посмотрел. Ни следа влаги на гладком стекле!

Убедившись, что врач уже ничего не сможет сделать для этого человека, Кентон повесил зеркало на прежнее место и снова вернулся в гостиную. Закрыл дверь, выходящую в коридор, уселся в кресло лицом к спальне и закурил сигарету.

Одно было совершенно очевидно. Тот, кто убил Захса, охотился за конвертом, который находился сейчас в кармане у него, Кентона. Поэтому убийца так располосовал чемоданчик, изрезал даже подкладку пиджака, так что в этой части опасения Захса оправдались. Второй момент. Убийца не получил желаемого. То была тревожная мысль: это означало, что убийца может находиться где-то неподалеку. Отметая сильнейшее желание заглянуть под

кровать, Кентон передвинул свое кресло так, чтобы на него падал свет из спальни.

Прежде всего надо узнать, что находится в конверте. Кентон достал его из кармана и торопливо вскрыл.

Поначалу ему показалось, что содержимое состоит из листов чистой бумаги. Но потом заметил, что между этими листами проложены глянцевые фотографии.

Он достал их и расправил. Всего снимков было пятнадцать. На первых двух — изображения крупномасштабных карт, испещренных какими-то крестиками и цифрами; остальные тринадцать представляли собой миниатюрные фотокопии листов бумаги формата 13x17 дюймов с плотным машинописным текстом.

Он всмотрелся в текст. Написано по-русски, и он перебрал их все, пока не нашел то, что, судя по всему, представляло собой титульный лист. Русский он знал не слишком хорошо, но достаточно, чтобы понять, о чем идет речь в заголовке и первых строчках.

Кентон прочел следующее:

ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ

Постоянный приказ-инструкция (Б2, 1925) для операций против Бессарабии. Подлежит исполнению лишь в случае нападения Румынии или союзников Румынии на Украину по линии фронта Луцк — Каменец.

Далее на двенадцати с лишним листах телеграфным стилем излагались чрезвычайно сложные инструкции. Они касались предмостных укреплений, складов, коммуникаций, снабжения водой, железнодорожных составов, горюче-смазочных материалов и других важных моментов для организации современной армии на марше.

Кентон бегло просмотрел эти страницы. Затем сунул снимки обратно в карман. Он чувствовал, что крепко влип. Тот, кто гонялся за «ценными бумагами» господина Захса, ни секунды не колеблясь, совершил убийство; с учетом того, что представляют собой эти бумаги, вряд ли этот человек или люди остановятся перед еще одним убийством. Вся эта история приобрела теперь совсем другую окраску. С точки зрения Кентона, единственным подходящим для этих снимков местом было консульство Великобритании. Однако и сам он, и снимки находились в данный момент в отеле «Джозеф» рядом с телом убитого. С учетом всего этого необходимо было произвести разведку.

Кентон подошел к окну.

Отодвинув штору и прижавшись лицом к стеклу, он посмотрел на улицу перед отелем. Луна была на ущербе. Но видно было достаточно хорошо. В нескольких ярдах от проезжей части, на другой стороне улицы, в тени арки маячили две неподвижные фигуры. Чуть дальше, у тротуара, была припаркована большая черная машина типа фургона. Кентон решил себя не обманывать. Выход из отеля для него перекрыт, он в ловушке.

Кентон осторожно опустил штору и какое-то время стоял у окна. Те люди на улице могли быть или владельцами документов, снимков, которые находились у него сейчас в кармане; или же теми, кто хотел ими завладеть. Интересно, на чьей стороне был Захс? С учетом того, что он знал о содержимом конверта, по всей вероятности, второе. Настоящие владельцы уже давно бы уничтожили снимки. Но поскольку они до сих пор целы и находятся в данный момент у него, стало быть, представляют интерес для обеих сторон. Знали ли друзья или сторонники Захса, что снимки были у него? Захс говорил, что перед тем, как отправиться в отель «Джозеф», должен сходить по какому-то делу. Так что мог им рассказать. Как бы там ни было, одна из сторон ожидала сейчас на улице в полной боевой готовности. Но где же представители другой?..

Кентон никогда не считал себя храбрецом. Сцены физического насилия, с которыми ему приходилось сталкиваться во время работы, расстраивали не только умственную деятельность, но и пищеварение. Однако сейчас у него не было времени думать о пищеварении. А вот что касается умственной деятельности... разум подсказал, что если он хочет избежать нешуточных неприятностей, следует действовать, и быстро.

Кентон прошел в спальню, надел перчатки и протер носовым платком все, к чему, насколько он помнил, прикасался. Незачем оставлять свои отпечатки пальцев полиции. Затем он застегнул пальто на все пуговицы и, окинув комнату последним взглядом, приготовился уйти.

Отойдя от кровати, он вдруг почувствовал, что наступил на что-то мягкое. Глянул вниз и увидел бумажник Захса. Поднял его. И уже собрался было посмотреть, что в нем, как в коридоре тихо скрипнула половица. Сунув бумажник в карман пальто, Кентон на цыпочках прошел в гостиную и остановился возле двери.

С минуту стояла полная тишина, затем он услышал какое-то движение и увидел, что дверная ручка начала поворачиваться.

Сердце бешено забилося. Дверь приоткрылась, и Кентон привалился спиной к стене, спрятавшись за ней. Затем в гостиную вошел мужчина и тихо затворил за собой дверь. Кентон был так близко, что слышал его дыхание. Мужчина стоял спиной к нему, затем он двинулся в сторону спальни. Когда на него упал луч света, Кентон увидел, что пришелец небольшого роста, коренастый и что вокруг шеи у него намотан шерстяной шарф.

Затаившись в темноте, Кентон видел, как человек в шарфе вошел в спальню, удивленно взглянул на тело Захса и стал озираться по сторонам. Затем он скрылся из вида, и по звукам Кентон понял, что он обыскивает комнату. Самое время бежать.

Кентон осторожно взялся за дверную ручку и начал поворачивать ее. Замок поддался бесшумно, но тут Кентон вспомнил, что, открывшись, дверь тихонько скрипнула, и тогда он слегка приподнял створку, ослабив давление на петли. Затем бесшумно вышел в коридор, все так же осторожно затворил за собой

дверь и двинулся по коридору к лестнице, стараясь держаться поближе к стене, чтобы не наступить на скрипучую половицу.

Дойдя до лестничной площадки, Кентон остановился. Кто этот человек в шарфе и чью сторону он представляет? Дело все больше запутывалось. Затем Кентон решил, что на данный момент есть более важные вещи, о которых стоит подумать. К примеру, как выбраться из отеля «Джозеф»?

Кентон судорожно пытался восстановить в памяти географию этого места, лабиринт коридоров, который освещал спичками в поисках номера. В задней части здания наверняка есть выход. Он смутно помнил, что, поднимаясь по лестнице, ощутил дуновение сквозняка из окна, но вот на какой именно площадке, он забыл. Нащупал в кармане коробок со спичками, открыл — у него оставалось всего две штуки. По одной на каждую площадку. Что ж, придется попытать счастья, вдруг повезет.

Кентон спустился пролетом ниже и чиркнул первой спичкой. Она сломалась у него в пальцах. Тогда он зажег последнюю. Вспыхнул узенький язычок пламени, и Кентон, прикрывая его ладонью, огляделся. Два коридора заканчивались тупиком, один заворачивал куда-то вправо. Стало быть, окно находится пролетом ниже. Он пытался сохранить огонек, но спичка быстро сгорела.

Теперь это окно придется искать на ощупь. Кентон осторожно двигался по коридору, проводя пальцами одной руки по стене и выставив перед собой другую. В голове промелькнула мысль: наверное, он в этот момент походит на старую литографию Флоренс Найтингейл, и Кентон едва сдержал смех. Желание смеяться в такой момент — это чисто нервное, решил он.

Пройдя еще шесть шагов, Кентон обнаружил, что коридор заворачивает влево. И в следующую секунду уперся в дверь комнаты. Тупик. Он двинулся назад, но, должно быть, прошел вдоль стены слишком далеко, поскольку на лестничную площадку так и не попал. Еще несколько шагов — и он уперся в глухую стену. Кентон уже начал отчаиваться, пытаясь сообразить, что же делать дальше, но тут вдруг ощутил на лице слабое дуновение очень холодного воздуха. Он находился рядом с окном! И вот, ощупывая стену, он сделал несколько осторожных шагов в направлении сквозняка и уперся в еще одну стену. Ощупал и ее, свернул за угол и увидел окно в алькове — прямо перед собой.

Луна зашла за облака, но в слабом ее отсвете Кентон разглядел, что это окно на улицу не выходит. Он высунулся. Примерно в десяти футах внизу виднелись смутные очертания какого-то небольшого строения. Кентон вскарабкался на подоконник. Но в этот момент сознание вдруг пронзила мысль: что, если крыша этого строения сделана из стекла? Минуту или две Кентон, скорчившись, сидел на подоконнике, прикидывая, что же делать дальше. И вот, поняв наконец, что торчать всю ночь на подоконнике никак нельзя, он решил рискнуть. Стеклопанная крыша — ну и пусть! Он начал осторожно спускаться и повис на руках. Потом закрыл глаза и прыгнул вниз.

Видимо, Кентон недооценил расстояние до крыши, от удара при приземлении весь дух вышел вон. Кроме того, оказалось, что крыша не из стекла и наклонная, и ему пришлось цепляться за черепицу, чтобы не свалиться вниз. Шум от падения показался Кентону просто оглушительным. И на несколько минут он замер, вжавшись в крышу и пережидая. Но ничего не произошло, и вскоре он благополучно перебрался с крыши на землю.

Кентон оказался в маленьком и очень темном дворе. Впрочем, глаза уже привыкли к темноте, и он направился к тому месту, где, как ему показалось, находился выход. Правой рукой Кентон ощупывал бетонную стену и потихоньку продвигался вперед, как вдруг где-то впереди послышался звук.

Сердце ушло в пятки. Кентон замер и стоял, прислушиваясь. Кругом царила полная тишина. Он еле дышал, боясь себя выдать, и вскоре почувствовал, как в висках застучало. Кентон уже начал думать, что, должно быть, просто пробежала крыса, как вдруг звук послышался снова. На сей раз он был отчетливее — поскрипывание кожаных подошв о неровную поверхность.

А затем из темноты впереди него донесся тихий шепот:

— Это ты, Андреас?

Голос принадлежал женщине, и говорила она по-русски.

Кентон снова затаил дыхание. А потом вдруг в темноте раздался сдавленный крик. И в следующую секунду в лицо Кентону ударила ослепительная вспышка и тотчас погасла.

Он метнулся в сторону и бросился бежать, не разбирая дороги. Врезался в бетонную стену, поранил руку и остановился. Стоял и беспомощно всматривался в темноту, но ничего не видел и не слышал. Тогда он снова начал ощупывать рукой стену в поисках выхода.

Ярда через четыре его пальцы нащупали засов на деревянной двери. Он медленно сдвинул его — раздался тихий щелчок. Кентон снова затаил дыхание. А затем резким движением распахнул дверь, прошел и закрыл ее за собой. Секунду он стоял неподвижно, потом вдруг понял, что находится на какой-то тихой боковой улочке, и ждать больше не стал. Бросился наутек.

5

Отель «Вернер»

Вскоре он затерялся в переплетении узких улочек и переулков и перешел на шаг. Раза два оглядывался посмотреть, не преследует ли его кто-нибудь, но хвоста видно не было. Он хотел добраться до реки и уже оттуда пойти на вокзал.

У Кентона не было ни малейшего желания задерживаться в Линце, но о том, чтобы пойти в консульство в столь неурочный час и передать им фотографии и речи быть не могло. Нет, остаток ночи ему стоит отсидеться где-нибудь в

гостинице, а в консульство можно заглянуть перед самым отъездом в Берлин. Но прежде всего надо забрать свой чемодан из привокзального кафе.

Когда он добрался до реки, небо уже начало светлеть, булыжники мостовой побелели от измороси. Кентон страшно устал, но то была чисто физическая усталость. Голова работала ясно, вопросы только множились.

Какую ценность могли представлять собой фотографии, лежавшие сейчас у него в кармане? На кого работал Захс? Кто его убил? Кто были те подозрительные типы, дежурившие возле отеля «Джозеф»? Кем был тот плотный коротышка в шерстяном шарфе? И что за женщина спутала его с кем-то в темном дворе?

На первый вопрос он, пожалуй, мог ответить.

Кентон хорошо знал: торговля военными секретами является сейчас чрезвычайно выгодным делом. Когда страны вооружаются с такой скоростью, профессиональные шпионы просто процветают! Ему было известно два случая, когда военные атташе заплатили фантастические суммы за информацию, на его взгляд, самую пустяковую: в первом случае — за максимальный угол подъема полевой пушки, во втором — за подтверждение небольшой неточности в одном из предшествующих донесений о толщине брони нового танка. Очевидно, решил он, планы русских по организации армии на случай войны с Румынией очень заинтересуют Бухарест.

А затем вдруг у Кентона возникло тревожное ощущение, что в последнем предположении он не прав. Вопрос о присоединении Бессарабии к румынской территории в прошлом являлся ключевым во взаимоотношениях между Москвой и Бухарестом. В начале 1918-го, когда Германия вместе с союзниками значительно сократила территорию Румынии, когда Бухарест был занят немецкими войсками, а румынское правительство было вынуждено переехать в Яссы, румынам ничего не оставалось, как занять Бессарабию. Россия как союзник Румынии — в большинстве случаев чисто номинальный — тогда не возражала. Российскому правительству было просто не до этого: Красная Армия воевала с белыми на юго-западе, хватало и других проблем.

Но позже, уже в конце 1918 года, когда между русскими и румынскими солдатами в Бессарабии произошел конфликт, советское правительство потребовало, чтобы румыны освободили территорию Бессарабии. Последние не без оснований заявили, что поскольку на осколках Румынии зверствует голод, возвращение армии, которой давно не платили и толком не кормили, приведет к полной анархии. Россия готовилась уже к войне с Румынией, и положение дел выглядело довольно мрачно, но тут вдруг Румынии наконец удалось убедить подозрительную Россию в невинности своих намерений. И Россия, пусть и неохотно, но согласилась подписать договор, по условиям которого Румыния должна была вывести свои войска из Бессарабии в строго определенные сроки. Обещания своего она так и не выполнила, и Россия, по-прежнему отягощенная более насущными проблемами, позволила румынам оставаться в Бессарабии до

тех пор, пока их присутствие там не было признано другими странами как свершившийся факт, и предпринимать что-либо было уже поздно — разве что возмущаться.

С учетом всех этих обстоятельств Румыния нимало не сомневалась в том, что в случае масштабного военного конфликта в Европе Россия может предпринять попытку аннексировать Бессарабию и вернуть то, что принадлежало ей по закону. Кроме того, попавшие в руки к Кентону приказы были датированы 1925 годом. Если Румыния на протяжении стольких лет как-то справлялась с ситуацией и без этой информации, стало быть, она не такая уж и ценная. Очень странно.

Что же до господина Захса, он по-прежнему оставался для Кентона личностью загадочной. Кентон лишь убедился в обоснованности своих подозрений, с самого начала он чувствовал: этот человек не тот, за кого себя выдает. А факт, что он перевозил при себе военные тайны сомнительной ценности, а не какие-нибудь там опасные наркотики или украденные банкноты, лишь запутывал ситуацию.

Убийство, решил Кентон, — это скорее всего дело рук «шпики наци». С виду тот тип был вполне способен на это. Возможно также, что, не найдя снимков, убийца велел своим подельникам дождаться на улице, когда кто-то из сообщников Захса не войдет или не выйдет с фотографиями. Так что вполне вероятно, что коротышка в шарфе был сообщником Захса.

Хотя... вряд ли. Ведь тот мужчина в шарфе вел себя так, словно уже знал об убийстве в отеле.

И теперь еще эта женщина. Судя по голосу, она была молодой, а поскольку говорила по-русски, то, наверное, тоже интересовалась фотографиями. Она обратилась к нему «Андреас». Кто такой этот Андреас? Убийца, человек в шарфе или кто-то другой?..

Он сдался. А затем вдруг с удивлением поймал себя на том, что старается представить, как выглядит та девушка. Было нечто влекущее в ее голосе. Шансы, что они когда-нибудь встретятся и он сможет узнать ее, крайне малы. Темный двор, коротенькая фраза, произнесенная еле слышным шепотом, секундная вспышка фонарика и... вот, собственно, и все. Как это странно! Возможно, до конца жизни он время от времени и от нечего делать будет снова и снова задаваться вопросом — как же выглядела владелица этого голоса? И разумеется, со временем мысленное представление о ней будет меняться. В минуты несчастья и тоски ему будет казаться, что она необыкновенно хороша собой, и зря он тогда не остался во дворе. А когда совсем состарится, будет рассказывать другим старикам о своем необычном приключении в Линце в молодости и скажет, что он был в ту пору глупым романтичным юнцом и что та девушка наверняка была не привлекательней стакана с прокисшим вином.

Кентон с неудовольствием отметил, что воспоминания его приобретают все более sentimentalный характер, как вдруг размышления прервал визг тормозов.

Он уже перешел по мостику через реку и находился в нескольких минутах ходьбы от вокзала. Резко обернулся, но никакой машины не увидел и решил, что визг тормозов донесся, очевидно, с боковой улочки, мимо которой он только что прошел. Сделал еще несколько шагов и оглянулся.

Улица была широкой, хорошо освещенной и совершенно пустой. Внезапно раздался рев мотора, из-за поворота вылетел задом наперед большой фургон и тут же резко остановился. А секунду спустя рванул в том направлении, откуда появился. Кентон с тревогой узнал в нем ту машину, что дежурила перед входом в отель «Джозеф». Именно ее он видел из окна.

С чувством облегчения он проводил ее взглядом. Машина скрылась за углом. Очевидно, они его просто не заметили. Кентон тут же укорил себя за эту глупую мысль. Да как они могли его заметить? Они же не знали, не могли знать о его существовании. А если бы даже и знали, если бы, допустим, Захс сказал им, все равно понятия не имели, как он выглядит. Кентон двинулся дальше, проклиная себя за излишнюю нервозность. Затем, свернув за угол, обернулся, и ему показалось, что в тень у стены метнулась какая-то фигура. Нет, ему надо выпасться — и чем скорее, тем лучше!

Подойдя к кафе «Шван», он все еще корил себя за разыгравшееся воображение.

Кентон забрал свой чемодан, а заодно узнал, что буквально в двух шагах отсюда находится отель «Вернер», весьма приличный и недорогой. Что ж, решил он, после всех этих волнений и беготни чашка горячего шоколада перед сном придется как нельзя более кстати.

Пока ему готовили шоколад, он купил спички и, нащупывая в кармане пачку сигарет, наткнулся на бумажник, который подобрал в номере Захса.

Кентон прикасался к нему с чувством некоторой неловкости. Все же надо было оставить бумажник полиции. Он не должен был брать его и вот так, бездумно, прикармливать. Тем не менее сейчас бумажник у него, так уж получилось. И просто глупо не попытаться что-то выяснить по этому бумажнику. Кентон достал его из кармана.

Искусственная кожа, инициал «Б» в уголке, стоит, очевидно, сущие гроши. Однако внутри Кентон нашел свыше восьмисот марок бумажными купюрами, четыреста пятьдесят из которых принадлежали ему по праву. Кроме них, в бумажнике находился всего один предмет. Маленькая записная книжка в зеленой обложке. Исписаны были всего две страницы, остальные чистые. На этих двух страницах значились адреса, но почерк был столь ужасен, что Кентон решил отложить расшифровку на потом. Вырвал эти две странички из книжки и сунул в карман пальто.

Теперь оставались только деньги. После небольшой дискуссии с самим собой он решил, что имеет законное право на часть имущества господина Захса. И переложил четыреста пятьдесят марок в свой бумажник.

Кентон допил шоколад и размышлял еще минуту-другую. Затем попросил у мужчины за прилавком конверты и марки.

В первый конверт он вложил остаток денег и адресовал его господину Захсу в отеле «Джозеф». Пусть теперь этим займется полиция! Во второй положил сто марок и благодарственную записку поляку из «Хавас». В третий поместил фотографии.

На первые два конверта Кентон наклеил марки. На третьем написал свое имя и, сочинив правдоподобное объяснение для мужчины за прилавком, отдал конверт и пять марок ему на хранение.

Итак, в том, что касается денег господина Захса, совесть Кентона была чиста. Долг поляку он вернул. Избавился от компрометирующих его снимков. К тому же в кармане у него было теперь целых пятьсот марок. Кентон чувствовал, что засыпает на ходу. Он вернется в Берлин сегодня же, но чуть позже, прежде надо выспаться. И вот с легким сердцем он бросил письма в почтовый ящик и отправился в отель «Вернер».

Ко времени, когда он оказался в номере, небо начало сереть.

Кентон бросил чемодан на кровать, задернул шторы и опустился в кресло. Глаза слипались. Протянув руку, он выключил настольную лампу. Посидел с минуту, затем начал снимать галстук. Но пока возился с неподатливым узлом, сон окончательно одолел его. Кентон разжал пальцы, голова его качнулась вперед, и он заснул в неудобной позе. Прошло, наверное, минут двадцать. И вдруг его разбудил стук в дверь.

Кентон устало поднялся на ноги. Стук повторился. Он подошел к двери.

— Кто там?

— Сервис, мой господин, — ответил голос. — Господин может замерзнуть. Тут еще одеяла и плед.

Кентон отпер дверь и, отвернувшись, снова занялся узлом галстука.

Дверь распахнулась. Кентон ощутил за спиной какое-то быстрое движение. И в следующую секунду сзади на шею ему обрушился чудовищной силы удар. На долю секунды невыносимая боль пронзила тело, и еще Кентон понял, что падает головой вперед. А потом потерял сознание.

6

Ортега

Залесхофф и Тамара прибыли в Линц в десять часов вечера, взяли такси и прямо с вокзала отправились на другой конец города.

По адресу Кёльнерштрассе, 11, в тихом жилом квартале, располагалась небольшая бакалейная лавка. Оставив сестру расплачиваться с таксистом, Залесхофф позвонил в боковую дверь. Несколько минут ожидания, и вот дверь приотворилась на дюйм, и хрипловатый женский голос спросил, кто звонит.

— Я к Рашенко, — ответил Залесхофф.

Женщина отперла дверь. Сделав Тамаре знак следовать за ним, Залесхофф вошел. Прямо от двери начиналась крутая деревянная лестница, и они начали медленно подниматься по ней следом за пыхтящей женщиной.

На второй площадке женщина отворила какую-то дверь и проворчала, что Рашенко живет на самом верхнем этаже и что у нее нет сил провожать их дальше. После этого она скрылась в комнате, оставив брата с сестрой на лестнице одних. Еще три пролета — и они оказались на площадке прямо под двускатной крышей. Там была всего лишь одна дверь. Залесхофф шагнул к ней, собираясь постучать, затем обернулся к сестре.

— Ты никогда не видела Рашенко?

Тамара отрицательно покачала головой.

— Тогда ничему не удивляйся. Он был схвачен царскими офицерами, они очень грубо с ним обращались. В результате он, не считая всего прочего, онемел.

Девушка кивнула. И он громко постучал в дверь.

Мужчина, отворивший ее, был высок, седовлас и сильно сутулился. И еще его отличала какая-то неестественная худоба, одежда висела на нем как на вешалке. Казалось, под ее складками вовсе нет тела. Глаза глубоко запали, так что невозможно даже было определить, какого они цвета, но зато они сверкали, как два ярких луча, исходящих из темных впадин. При виде Залесхоффа узкие губы старика растянулись в улыбке, и он, посторонившись, пропустил их в квартиру.

Комната оказалась битком набита мебелью, так что передвигаться по ней было совершенно невозможно. Неприбранная постель в одном углу и маленькая печурка в другом лишь добавляли беспорядка. В печурке ярко пылали дрова, и от этого в комнате было нестерпимо жарко.

Рашенко жестом пригласил гостей присесть, сам тоже сел и выжидательно уставился на них.

Залесхофф снял пальто, аккуратно перекинул его через спинку кресла и уселся. А потом подался вперед и положил руку на колено старику.

— Как поживаете, дружище?

Немой поднял с пола газету, достал из кармана карандаш и что-то написал на полях. Затем показал.

— Лучше? — сказал Залесхофф. — Вот и славно! Знакомьтесь, моя сестра Тамара.

Рашенко снова что-то написал и продемонстрировал, приподняв газету.

— Он говорит, — с улыбкой заметил Тамаре Залесхофф, — что ты очень красивая девушка. Рашенко всегда был настоящим экспертом по части женской красоты. Так что считай это большим комплиментом.

Девушка улыбнулась. И поняла, что ей трудно общаться с немым человеком. Старик закивал и тоже улыбнулся.

— Новости из Вены слышали? — спросил Залесхофф.

Рашенко кивнул.

— Они передали, что здесь этим делом займусь я?

Старик снова кивнул и написал на газете: «Ортега сюда заглянет после интервью с Борованским».

Залесхофф одобрительно кивнул и с симпатией посмотрел на старика.

— Ложитесь спать, если устали. А мы с Тамарой его подождем.

Рашенко устало кивнул, поднялся, подошел к буфету, достал два бокала, наполнил их вином из каменного кувшинчика и протянул гостям.

— А вы с нами не выпьете? — спросила Тамара.

Рашенко мрачно покачал головой.

— Врачи не разрешают ему пить, — объяснил Залесхофф. — Он очень болен.

Немой снова кивнул и, улыбнувшись девушке, с деланным отвращением взглянул на вино.

— Рашенко, — продолжил Залесхофф, — очень упрямый господин. В Москве хотели отправить его в санаторий в Крым, подлечиться. Но он предпочел продолжить служить своей стране здесь.

Немой снова заулыбался — как показалось Тамаре, несколько наигранно.

— Когда-нибудь слышали о человеке по имени Саридза? — спросил Залесхофф.

Рашенко отрицательно покачал головой.

— Он служил в армии Алмазова.

Немой резко вскинул голову и пристально посмотрел на брата с сестрой. Он силился что-то сказать. Но из горла исходили только неразборчивые звуки, похожие на бульканье или клекот. Тогда он схватил упавшую на пол газету и начал яростно строчить на ее полях.

Залесхофф поднялся и посмотрел Рашенко через плечо, затем твердо, но нежно заставил старика сесть в кресло. По лицу немого катились слезы, он слабо сопротивлялся, пытался сбросить руку Залесхоффа. А потом вдруг замер и закрыл глаза.

Залесхофф обернулся к девушке.

— Это люди Алмазова его пытали. Было это восемнадцать лет тому назад, и работу свою мерзавцы проделали на совесть, — тихо добавил он.

Рашенко открыл глаза и виновато улыбнулся. Тамара отвернулась. От жары в комнате у нее заболела голова.

И тут вдруг пронзительно зазвонил телефон.

Рашенко с трудом поднялся на ноги. Подойдя к буфету, он снял аппарат с крючка на стене и поднес трубку к уху. Потом прижал к микрофону маленький ключ азбуки Морзе и резко отстучал три каких-то знака. Снова послушал, затем отстучал ответ, повесил телефон на место и вернулся к Залесхоффу.

— Вена?

Рашенко кивнул, затем взял карандаш, нацарапал что-то на полях газеты и передал ее Залесхоффу.

Тот обернулся к Тамаре.

— Из Вены сообщают, что Ортега двадцать минут назад звонил из Пассау. Они с Борованским придут в два тридцать.

Тамаре следующие сто пятьдесят минут показались чуть ли не вечностью. В комнате было двое часов, и на какое-то время их неравномерное тиканье точно заворожило ее. Однако вскоре Тамара обнаружила, что изменения ритма подчиняются определенной схеме, которая повторялась каждые три четверти минуты. Она покосилась на мужчин. Брат хмуро смотрел на огонь в печурке и вертел в пальцах ключ. Глаза у Рашенко были закрыты, казалось, он спит. Пробормотав, что хочет выкурить сигарету, Тамара накинула пальто и вышла на лестничную площадку.

После несусветной жары в комнате больного холодный воздух сразу освежил ее. Над головой, в окне двускатной крыши, было видно небо. Ночь выдалась такая ясная, звезды, чье сияние затмевала восходящая луна, казалось, смеялись над ней. Резкие порывы ветра сотрясали ветхий дом. Но Тамару не пугали эти звуки, напротив, почему-то вселяли уверенность. И она стояла на площадке до тех пор, пока не услышала резкий звонок внизу, возвещающий о том, что люди, которых они ждали, наконец пришли.

В ту же секунду, как только испанец вошел в комнату, стало ясно: что-то не так. Он запыхался от бега, на сероватых пухлых щеках горели красные пятна. Глаза походили на тусклые, невыразительные камушки и моргали от света, он так и стрелял ими, подозрительно оглядывая помещение, точно загнанное в угол животное. Уголок рта слегка искривился. Залесхофф, впустивший его, запер дверь и тоже прошел в комнату.

— Ну, — сказал он по-немецки, — принес то, за чем тебя посылали?

Ортега лишь покачал головой, пытаясь отдышаться.

— Нет, — ответил он после паузы. — Их там не было.

Секунды две Залесхофф испытующе смотрел на него, затем шагнул вперед, ухватил мужчину за рукав и притянул к себе.

— Только смотри, мой друг, без вранья, — жестко произнес он. Потом отпустил рукав и приподнял руку Ортеги. И Тамара увидела, что она у него в крови.

— Что случилось? — злобно прошипел Залесхофф.

Испанец наконец отдышался. Он взглянул на Залесхоффа развязно и дерзко. Тонкие бескровные губы скривились в улыбке.

— Может, я его убил, — хмыкнул он и перевел взгляд на девушку, словно ища одобрения. — Он видел меня в поезде, пытался удрать на станции, но куда ему со мной тягаться, я оказался проворнее. Он взял такси и уехал, хотел избавиться

от хвоста. Тоже мне, большая хитрость! Короче, я его перехитрил и проследил, где он остановился. В отеле «Джозеф».

Залесхофф обернулся к Рашенко.

— Отель «Джозеф», где это?

Немой быстро что-то написал на клочке газеты. Залесхофф прочел и кивнул. Потом снова обернулся к Ортеге.

— Продолжай!

— Ну и я вошел к нему в номер.

— Откуда ты знал, в какой именно номер надо зайти?

Ортега небрежно пожал плечами.

— Отель паршивый, я бы в своей стране в таком ни за что не остановился, благо деньги там у меня имеются. Просто подождал за дверью и услышал, как портье называет ему номер. А сам он назвался Захсом. Номер двадцать пять, на втором этаже. Потом он попросил разрешения позвонить по телефону, но о чем шел разговор, я не слышал. Зато слышал, как он предупредил портье, что к нему должен прийти какой-то господин Кентон.

— Кентон? Вроде бы английская фамилия?

— Наверное. В поезде вместе с ним ехал какой-то американец, а может, англичанин. Так что снимки вполне могут быть у него. Не знаю. Времени ждать не было.

Залесхофф нетерпеливо взмахнул рукой.

— Дальше что? Быстро!

— Прошел к нему в гостиницу через черный ход, чтобы никто не видел, постучал в дверь. Ну, а он и говорит: «Войдите, господин Кентон!» — хотя я никакой не Кентон, а Ортега — фамилия в Испании очень знаменитая! — и я вошел. Увидев меня, он вскрикнул и полез за пушкой. Но я и тут оказался шустрей и прикончил его! Ему было больно, — добавил испанец.

На лбу Залесхоффа выступили вены.

— Разве у тебя был приказ убить его? — тихо спросил он.

Ортега лишь пожал плечами:

— Подумаешь, дело какое! Ерунда!

— Идиот! — взвизгнул Залесхофф. — Тебе было приказано не убивать! А ты убил. Тебе было приказано забрать снимки у Борованского. Ты их не принес! Так что, друг мой, теперь тебе одна дорога. И знаешь куда? — Он вдруг почти до шепота понизил голос. — Знаешь, Ортега, верно? В Лиссабон, друг мой. В Лиссабон!

— Да не было при нем никаких фоток! Ни одной.

— Или же, — злобно продолжил Залесхофф, — ты предпочитаешь оказаться в руках австрийской полиции, а не португальской? Рашенко, дайте, пожалуйста, телефон!

— Мать Божья, — взвыл испанец, — я же говорю, не было при нем никаких фотографий!

Залесхофф усмехнулся.

— Это ты так говоришь. Но я тебе не верю. Думаю, кто-то предложил заплатить тебе больше за эти снимки. Сколько, Ортега? Сколько тебе предложили за предательство?

— Madre de Dios, juro que es mentira!¹² — Пот градом катился по лицу испанца.

— Где искал?

— Везде! Пальто, багаж — все осмотрел!

— Подкладка пальто?

— Изрезал в ленточки, сумку тоже. Ничего, никаких фоток!

— Наверное, спрятал в номере.

— Времени у него не было.

— А ты смотрел?

— Наверное, надо было посмотреть.

— Ну а что этот господин Кентон? Он приходил?

— Не знаю. Я ушел.

— И как выглядел этот твой американец из поезда?

— Высокий, худой. Мягкая шляпа. Вроде бы молодой.

Залесхофф обернулся к остальным.

— Надо немедленно обыскать этот номер. Ты и я, Тамара. Пойдем вместе. У вас есть пистолет, Рашенко?

Старик кивнул.

— Хорошо. Предатель Ортега останется с вами. Если попыбует бежать, пристрелите!

Тут испанец разразился целой речью.

— No hara Vd. esto! El hijo de zorra tenia una pistola — a que dudar? Lo mat porque era necessario. No tengo fotograas, lo juro. Dejeme escapar; perseguido por la polica — tenga piedad!¹³ — Голос его сорвался на истерический визг.

Залесхофф, не обращая на него никакого внимания, надевал пальто.

— Он говорит, — сказала брату Тамара по-русски, — что должен идти.

— Скажи ему, — ответил брат на том же языке, — что он дурак набитый и что ему безопасней остаться здесь. Безопасней, потому что полиция искать его здесь не будет. А еще потому, что если надумает смыться, Рашенко его просто пристрелит.

И вот через несколько минут они ушли, а Рашенко остался сидеть в кресле с большим револьвером в руке. Ортега достал из кармана четки и опустил на

---

¹² Матерь Божья, клянусь, вранье все это! (*исп.*).

¹³ Вы этого не сделаете! Этот лисий сын, у него был пистолет. Точно говорю. Я его убил, потому как ничего не оставалось. И фотографий у меня нет. Отпустите! Меня и без того преследует полиция. Имейте сострадание! (*исп.*).

колени перед печуркой, бусины постукивали в его пальцах, невнятные слова срывались с губ. Русский прислушался, и на изможденном его лице заиграла улыбка. Он немного понимал по-испански. Услышав «молитвы» сеньора Ортеги, даже заядлые сквернословы-докеры из Бильбао покраснели бы от смущения.

Андреас Прокович Залесхофф был, по мнению многих, человеком обманчивой наружности и поведения. С одной стороны, он производил впечатление мужчины почти по-детски наивного; с другой — всегда умел прибегнуть к театральным эффектам. Резкие всплески эмоций, если, конечно, они происходят вовремя, могут отвлечь даже самого внимательного наблюдателя и помешать ему мыслить логически. И Залесхофф, как никто другой, умел выбрать нужный момент. Он редко говорил то, что думал, не притворившись, что это есть не что иное, как неуклюжая попытка о чем-то умолчать. А страстная убежденность в своих высказываниях являлась признаком его полного равнодушия к теме. Для Тамары, которая знала брата лучше других, он служил неиссякаемым источником развлечения.

Тамара стояла на страже с тыльной стороны отеля «Джозеф», почти в полной темноте, и волновалась за брата. Его гнев, направленный на Ортегу, был почти искренним. А это могло означать лишь одно: он не на шутку встревожен. Она прекрасно понимала: Андреас вовсе не рассчитывает найти снимки в комнате убитого. Тамара также понимала: он идет на неоправданный риск, чтобы убедиться в очевидном.

Не слишком веселые ее размышления прервал грохот — это Кентон выпрыгнул из окна гостиницы на крышу соседнего дома, которая находилась ниже. Тамара, решив, что это Залесхофф, удивилась тому, что брат не вернулся тем же путем, каким вошел, — через дверь в лавку торговца. Она отошла от стены и двинулась ему навстречу.

Тамара не привыкла носить с собой оружие. Но сейчас карьера малоизвестного, но многообещающего журналиста могла оборваться в одну секунду. Потом в газетах бы написали, что погиб он при загадочных обстоятельствах. Как только луч фонарика на миг высветил во тьме лицо и Тамара увидела, что это не брат, ее палец тут же спустил курок пистолета, который Залесхофф сунул ей в руку перед тем, как зайти внутрь. Если бы пистолет не стоял на предохранителе, даже резкий прыжок Кентона за угол не спас бы его от смерти.

Минут через пять к ней присоединился Залесхофф — как и следовало ожидать, снимков он не нашел. Тамара торопливо поведала брату о происшествии. Он внимательно выслушал, затем попросил описать внешность этого мужчины. Описание, которое дала Тамара, не слишком польстило бы Кентону, зато отличалось точностью.

- Вполне может сойти, — заключила она, — за американца или англичанина.
- Какой на нем был галстук, не разглядела?

— Нет, воротник пальто был поднят. А вот такие шляпы носят только американцы или англичане.

Залесхофф секунду-другую молчал и раздумывал о чем-то. Затем они вышли на улицу.

— Ступай обратно на Кёльнерштрассе и жди там, я позвоню, — сказал он.

Залесхофф выждал, пока сестра скроется из вида, затем развернулся, обошел дом и оказался на улице перед входом в отель. Приблизившись, он замедлил шаг и постарался держаться в тени. А потом вдруг резко остановился ярдах в двадцати от фургона, припаркованного недалеко от входа.

Насколько он мог разглядеть, в машине находились четверо, еще двое мужчин стояли чуть дальше по улице и, задрав головы, глазели на окна отеля. Минут пятнадцать картина не менялась. Залесхофф уже начал мерзнуть. И тут вдруг дверца фургона распахнулась, и из него вышли двое, не спеша направились к отелю и вошли внутрь. В темноте он не разглядел их лиц, но успел заметить: входя через наполовину застекленную дверь, первый мужчина поднял левую руку и неловким жестом сунул ее во внутренний карман пальто. И рука эта плохо сгибалась в локте. Если бы Тамара была здесь, она бы без труда определила, что крылось за каменной невозмутимостью, словно сковавшей лицо брата. Андреас Прокович был явно доволен собой.

Те двое отсутствовали минуты три, затем дверь отеля резко распахнулась, и они выбежали на улицу. Залесхофф услышал, как, садясь в машину, они резко выкрикнули водителю команду на немецком. Ему удалось разобрать только два слова — «der Engländer»,¹⁴ — затем дверца захлопнулась, и машина резко рванула с места.

Залесхофф отправился на поиски телефона-автомата. Через пять минут он уже говорил с Тамарой — дал ей определенные инструкции. Час спустя он вышел уже из другой телефонной будки, которая находилась неподалеку от вокзала, и спросил подметавшего улицу человека, как пройти к отелю «Вернер».

Однако, свернув за угол на нужную ему улицу, он в холодном сером свете раннего утра увидел, что опоздал. Двое мужчин тащили от входа в отель к машине нечто напоминающее большой мешок. Der Engländer был обнаружен и схвачен.

7

«Полковник Робинсон»

Когда Кентон начал приходить в сознание, он первым делом ощутил страшную боль в самых разных местах. Голова просто раскалывалась. Затем он почувствовал, что у него онемели ноги, отчаянно ноет левое бедро — от падения

---

¹⁴ Англичанин (нем.).

на какую-то жесткую поверхность. И еще острая боль так и пронзала тыльную сторону левой ладони. Кентон открыл глаза.

Первое, что он увидел, — это ногу в брючине из какой-то грубой ткани крайне неприятного ржавого цвета. Скосив глаза ниже, он увидел и ступню владельца брючины — она прижимала руку Кентона к коврику. Только тут до Кентона дошло, что он лежит на полу машины, которая на большой скорости мчит по какой-то неровной дороге. Чисто инстинктивно он попытался перейти в сидячее положение. От этого движения голову пронзила такая острая боль, что он застонал. Очевидно, звук этот достиг ушей мужчины на сиденье, и тот надавил ступней на пальцы, а затем резким толчком пригнул голову Кентона. Стараясь не прикасаться лицом к вибрирующему грязному полу, тот лежал теперь тихо и даже закрыл глаза. Какое-то время он находился в полубессознательном состоянии, и лишь рев мотора при переключении передач напоминал, где он находится. Но вот машина замедлила ход, затем водитель резко свернул, и Кентон ощутил, как тело его сместилось на коврике. Вибрация прекратилась, колеса прокатили по гладкой поверхности несколько ярдов, и они остановились.

Дверца у его ног распахнулась, двое мужчин бесцеремонно перебрались через него и вышли. Потом начали тихо переговариваться о чем-то — о чем именно, он не расслышал — затем раздался звук удаляющихся шагов. Тогда Кентон снова открыл глаза и, слегка приподняв голову, глянул через открытую дверцу машины. Вид частично загораживала спина мужчины в водительской униформе, но то, что удалось разглядеть через зазор, буквально потрясло Кентона. В лучах восходящего солнца он увидел горный хребет, увенчанный снежными шапками.

Кентон принадлежал к тому разряду людей — довольно многочисленному, — который считает созерцание пейзажа занятием крайне скучным. Лучше провести полчаса в придорожном кафе где-нибудь в центре Канберры, чем глазеть на горные пики в Доломитах или все острова Эгейского моря, вместе взятые. Он променял бы ценнейшего Коро на менее ценного Тулуз-Лотрека и счел бы, что остался в выигрыше. Он предпочитал композитора Сати Делиусу, Джорджа Гиссинга¹⁵ Ричарду Джефферису¹⁶ и ощущение твердого тротуара под ногами — прогулкам по весеннему дерну, воспетому поэтами георгианской эпохи. Но теперь он созерцал пейзаж, и ему не было скучно; он даже на какое-то время забыл о головной боли. Затем Кентону захотелось размять затекшие ноги. Голова закружилась, когда он напряг мышцы шеи, чтобы приподняться. И тут Кентон начал снова думать и вспоминать. Он снял номер в отеле «Вернер».

---

¹⁵ Английский прозаик, соцреалист, писал о бедности, социальном расслоении общества, неравенстве женщин.

¹⁶ Английский прозаик, описывал в своих произведениях природу, воспевал леса, поля, сады Англии и населяющих их животных и птиц.

Уже начинало светлеть, когда он добрался до гостиницы. Если здесь солнце только еще встает, то, должно быть, он находится где-то в горах, неподалеку от Линца. Что же произошло, черт возьми?

Он все еще судорожно перебирал в памяти отрывочные воспоминания, когда откуда-то издали донесся крик, и шофер резко развернулся и пребольно ударил его стволом револьвера по ноге.

— Aussteigen!¹⁷

Кентон ткнулся лицом вперед, выпал из машины, затем медленно поднялся на ноги и огляделся.

Он стоял на бетонке, ведущей к гаражу, укрывшемуся среди мелких рябин и высоких елей. Через деревья просвечивала крыша белого дома с двумя небольшими башенками, он уютно примостился в нише отвесной скалы. Правее гора сбегала к подножию глубокой и узкой долины, затем поднималась вновь, и вершину ее венчала шапка раннего свежеевыпавшего снега. Пейзаж украшали высокие ели. Тонким контуром были прочерчены две дороги — узкие полосы белого цвета мелькали там и здесь под странными углами, просвечивая сквозь плотные темно-зеленые кроны деревьев.

Кентон вздрогнул. Воздух такой чистый и бодрящий, Кентон был без пальто. Шофер ткнул его в предплечье стволом.

— Los! Vorwrts!¹⁸

Кентон, будучи еще не в силах выразить свой протест вербально, повиновался приказу и зашагал к дому. Тропинка привела его в вымощенный плитами двор перед домом. А там, у двери, его поджидал обладатель ржаво-коричневых брюк.

Это был высокий худощавый мужчина средних лет с жестким, неинтеллигентным, но довольно красивым лицом. Короткую верхнюю губу окаймляли тонкие светлые усики щеточкой. На нем был плащ-дождевик с погончиками, перехваченный поясом, в руке — нечто напоминающее короткую толстую палку. Он кивком отослал шофера прочь и крепко ухватил Кентона за руку. И, к удивлению журналиста, обратился к нему по-английски:

— Чувствуете себя неважнецки, да, старина? — Он усмехнулся. — Неплохую я задал тебе трепку, верно? Ну ладно, ладно, соберись. Шеф хочет тебя видеть. Пошли!

— Послушайте... — сердито начал Кентон.

— Заткнись и делай, что говорят! — Пальцы мужчины, сжимавшие правую руку Кентона, перебрались чуть выше. И вдруг он так сильно сжал ее, что

---

¹⁷ Вылезай! (нем.).

¹⁸ Давай! Вперед! (нем.).

журналист вскрикнул от резкой боли. Казалось, что в руку ткнули раскаленной кочергой.

Мужчина расхохотался.

— Неплохой приемчик, верно? Так что лучше давай, двигай, старина! Иначе еще раз накажу.

И он подтолкнул Кентона к двери.

Есть дома, которые производят впечатление роскоши и богатства даже без толстых мягких ковров и красивой мебели. Это был тот самый случай. За исключением двух или трех небольших, но изысканных ковров, пол в просторном холле был ничем не прикрыт и просто поражал блеском хорошо натертого воском паркета из сосны. В дальнем конце холла широкая лестница вела в небольшую галерею. В углублении под балюстрадой стоял у стены

узкий стол. На нем — пара изысканных подсвечников Чинквенчето.¹⁹ Справа на стене висела очень хорошая копия картины Тинторетто «Чудо святого Марка». В огромном камине ревел огонь.

Англичанин провел Кентона через холл к небольшой дверце под галереей, открыл ее и толкнул журналиста внутрь.

Первое, что заметил Кентон, — это приятнейший запах свежеприготовленного кофе. Затем дверца за ним затворилась, и с другого конца комнаты до него донесся стук чашки, которую поставили на блюдце. Кентон обернулся на звук. За большим письменным столом сидел мужчина и ел сервированный на подносе завтрак. Солнечные лучи, врывающиеся в высокое окно, золотили его седую шевелюру.

Мужчина поднял глаза. И после небольшой паузы заговорил:

— Доброе утро, мистер Кентон! Думаю, вы не откажетесь от чашечки кофе?

Это был импозантный господин лет под шестьдесят, с холеными седыми кавалерийскими усами и с моноклем. На первый взгляд он походил на нечто среднее между изображением в «Панче» генерала в отставке и французской концепцией того, как, на взгляд европейца, должен выглядеть английский джентльмен «спортивного склада». Однако говорил он с сильным русским акцентом, и кожа на лице была туго натянута и напоминала мятый желтоватый пергамент, что совсем нехарактерно для нордической внешности. Так что, пришел к выводу Кентон, вряд ли этот господин англичанин. Под седыми усами — полные, но при этом жестко очерченные губы, а монокль не скрывал блеклых глаз. Взгляд у неизвестного господина был цепкий, расчетливый, он так и излучал опасность. Словом, Кентону этот человек страшно не понравился с первой же секунды. И он решил сразу перейти к делу.

— Мне хотелось бы знать, по какому праву... — возмущенно начал он.

Собеседник умоляюще вскинул руку:

---

¹⁹ Термин для обозначения художественной культуры Италии между 1500–1600 гг., а также культуры Высокого Возрождения (1490–1520).

— Мистер Кентон, мистер Кентон, прошу вас! Я не спал всю ночь. И вынужден просить вас избавить меня от проявлений подобного негатива. Мы все сегодня утром немного на взводе, верно, Майлер? — Последние слова были адресованы человеку, стоявшему за спиной у Кентона.

— Ей-богу, так оно и есть, — ответил мужчина в ржаво-коричневых брюках.

— И тем не менее, — продолжил господин с моноклем, — я понимаю ваше возмущение. Действительно, какое право имел я, человек вам совершенно посторонний, отдать своим людям приказ схватить вас и привезти сюда самым бесцеремонным образом? Вас, английского журналиста, если, конечно, верить карточке «Пресса» в вашем кармане?.. Какое право, позвольте спросить? — И он грохнул кулаком по столу.

— Вот именно, — сказал Кентон, несколько удивленный таким поворотом разговора.

Седовласый отпил глоток кофе.

— Ответ, — добавил он, — никакого! Никакого права, это всего лишь мое желание.

— И чем же оно продиктовано?

Мужчина приподнял брови.

— Вы же не сомневаетесь, что это так и есть?

— Сомневаюсь, — ответил Кентон, чувствуя, как в нем закипает раздражение. — Я могу сделать лишь один вывод: вы спутали меня с кем-то другим. Не знаю, кто вы и в чем заключается ваша игра, но вы поставили себя в крайне двусмысленное положение. Думаю, мы все же сэкономим время британскому консулу в Линце, не станем доводить до того, чтобы он вмешался и сюда прибыла полиция. И если меня немедленно освободят и отвезут обратно в Линц, обещаю, что не побеспокою его. А теперь, извините, но вынужден с вами распрощаться!

Мужчина за столом заулыбался во весь рот, обнажив ряд длинных неровных желтоватых зубов.

— Отлично, мистер Кентон, просто великолепно! Вижу, что и Майлеру тоже понравилось представление, которое вы здесь разыграли. У меня предчувствие: вы найдете с ним общий язык, даже полюбите друг друга! Вы должны заставить Майлера поведать вам о его уникальном опыте. Капитан Майлер служил в отряде «черно-рыжих»,²⁰ одно время даже был в Америке профессиональным штрейкбрехером. И в данный момент очень надеется, что вы предпримете попытку покинуть эту комнату. Я же надеюсь, что этого не случится, потому как тогда придется отложить нашу беседу на час или два. Верно, Майлер?

— Обещаю задать этому недоумку такую взбучку, что мало не покажется, — сказал капитан.

---

²⁰ Английские карательные отряды в Ирландии в 1920–1923 гг.; получили название по цвету одежды — черные ремни и форма желтовато-коричневого цвета.

— Как это характерно для Майлера, — заметил седовласый, обращаясь к Кентону. — Никогда не отличался тактом. Хотя с его-то опытом... всегда добивается того, что хочет. И прекрасно обходится без всяких там церемоний.

Кентон изучал чернильный прибор на столе. У него возникло тревожное ощущение, что никакая это не ошибка, оставалось лишь гадать, чего хотят от него эти люди. Он поднял глаза. Мужчина за столом раскуривал сигарету, и делал это крайне неловко — рука плохо сгибалась в локте.

Затем он выпустил тонкую струйку дыма, проследил за тем, как она рассеялась в воздухе, и снова обернулся к Кентону.

— Все еще удивлены, мистер Кентон?

— Даже очень!

— Так, так... Да вы присядьте, мистер Кентон! И вы тоже, капитан. Всегда предпочитаю заниматься бизнесом в комфортных условиях. — Он одарил Кентона еще одной желтозубой улыбкой.

Кентон сел.

— Бизнесом? — спросил он.

В уголках блеклых глаз возникли мелкие морщинки.

— Да, мистер Кентон, бизнесом. Итак, перейдем к делу!

— Что ж, давайте!

— Почему вы убили Борованского?

— Кого?

— Борованского.

— Не понимаю, о чем вы.

— Ну, вы могли знать его под другим именем. Захс.

— Первый раз слышу.

Капитан Майлер усмехнулся. Мужчина за столом устало вздохнул.

— Возможно, — терпеливо начал он, — вы сомневаетесь в моих мотивах. Возможно, даже считаете, что я интересуюсь судьбой Борованского из чувства мести. Это не так. Лично для меня этот Борованский не представляет ни малейшего интереса. Однако при нем находилась часть моей собственности. И хотелось бы, чтобы вы мне эту собственность вернули. Возможно, вы уже видели, что она собой представляет. И если так, то должны понимать: никакой ценности в денежном, так сказать, выражении эти фотографии не имеют. Вы также должны понимать, что любой человек, вмешавшийся в подобную историю пусть даже по глупости, ставит себя в весьма затруднительное положение. Записная книжка Борованского, а также все деньги, что при нем были, исчезли, на месте убийства их не нашли. Полагаю, они находятся у вас в кармане. И вы, мистер Кентон, поступили не слишком тактично, упомянув о полиции, пусть даже и в шутку. Австрия — одна из стран, где отменено такое наказание, как смертная казнь, но пожизненное заключение осталось, так что рисковать нет смысла. А теперь, пожалуйста, скажите нам, что вы сделали с фотографиями?

— Ерунда какая-то! Захса я не убивал.

— Ага! Так, выходит, вы все-таки его знали?

Кентон беспокойно заерзал в кресле. Разговор он явно вел плохо, возможно, то были последствия удара, полученного по голове. И Кентон решил сменить тактику.

— Вряд ли вы можете рассчитывать на доверительное отношение с моей стороны. Уже не говорю о том, что на меня напал этот ваш «профессионал» и что вы фактически держите меня в плену. Я понятия не имею, кто вы вообще такой!

— Я бы на твоём месте на неприятности не нарывался, старина, — заметил капитан.

Кентон проигнорировал его.

— Ну будет, будет вам, — с упреком заметил седовласый. — Давайте сохранять спокойствие! Вот вы интересуетесь, как мое имя, мистер Кентон. Не понимаю, что это вам даст, если я назову его. Хотя так и быть! Позвольте представиться! Робинсон. Полковник Робинсон.

— Англичанин?

Полковник Робинсон улыбнулся, зажав сигарету в зубах.

— Нет, мистер Кентон. К чему мне вас обманывать? Произношение мое, сами слышите, далеко от совершенства.

— Однако говорите вы бегло!

— Спасибо за комплимент. — Он подался вперед. — А теперь, мой друг, предлагаю закончить с обменом любезностями и перейти к делу. Где фотографии? И перед тем как ответить, вспомните, что избавите тем самым себя от множества неприятностей. Это я на тот случай говорю, если в голове у вас созрели разные дурацкие увертки. Я знаю, что снимков при вас нет. Где они, и как мы можем их получить?

Кентон колебался. Первым импульсом было дать этому типу всю информацию и побыстрее убраться отсюда. Он покосился на мужчин. Бывший капитан «Черно-рыжих» покачивался на стуле и рассеянно грыз ногти. На коленях у него лежала короткая и толстая блестящая черная палка. «Полковник Робинсон» снова всем телом подался вперед, в губах у него продолжала дымиться сигарета. А в глазах, которые он не сводил с журналиста, стыло насмешливое ожидание. А затем вдруг у Кентона возникло новое, неведомое до сих пор чувство. Впервые в его взрослой жизни кто-то пытался угрозами заставить его принять решение, и он восстал против этого всем своим существом. Ответ может быть только один: нет, нет и нет — холодный, окончательный и гневный. Кентон глубоко втянул ртом воздух. А затем вдруг в области солнечного сплетения возникло неприятное ощущение пустоты, сердце зачастило, кровь отхлынула от лица. Он понял, что впервые за долгие годы готов взорваться, окончательно потерять терпение. Он постарался успокоиться, взять себя в руки, кровь снова прихлынула к щекам. Вот только легкую дрожь из голоса, когда он наконец заговорил, убрать не удалось.

— Сожалею, но у меня нет никакого намерения отвечать на этот вопрос. Да, мне доверили на хранение некую собственность. Человек, сделавший это, теперь мертв. Он не был мне другом. Если уж быть до конца точным, я познакомился с ним в поезде по пути в Линц. Но он хорошо заплатил мне за обещание хранить эту собственность, и я принял на себя всю ответственность. И тот факт, что его впоследствии закололи ножом, никак не может повлиять на эту мою ответственность.

— В таком случае нельзя ли узнать, как вы намерены избавиться от этой ответственности?

— Фотографии, — осторожно начал Кентон, — судя по всему, являются собственностью российского правительства. И если вы представите мне доказательства, что уполномочены действовать от имени этого правительства, я с удовольствием передам вам снимки, как только меня отпустят.

Несколько секунд в комнате стояла гробовая тишина. Затем капитан медленно поднялся на ноги.

— А теперь, — начал он, — ты получишь у меня такую...

Мужчина за столом жестом велел ему молчать и обратился к Кентону:

— Боюсь, вы не совсем понимаете, в каком положении оказались, мистер Кентон.

— Разве?

— Нет, не понимаете. Борованский, или, если вам угодно, Захс, работал на меня. Это мне он должен был доставить фотографии.

— Тогда почему он отдал их мне?

— Боялся, что до того, как я смогу предоставить ему защиту, на него нападут и отберут снимки.

— И однако же его убили.

— Да, вскоре после вашего прибытия, мистер Кентон, — многозначительно бросил полковник. — Устроившись в отеле «Джозеф», Борованский позвонил и сказал, что фотографии у вас. Мои люди подоспели как раз к тому моменту, когда вы входили в отель. А вот как выходили оттуда — они не видели.

— Когда я там появился, Захс был уже мертв. И я ушел через задний ход.

— Со снимками?

— Ну конечно!

— А вам не кажется, что вы поступили крайне глупо, мистер Кентон?

— Это почему же?

Желтоватая кожа на лице полковника Робинсона натянулась еще туже.

— Да потому, что каковы бы ни были ваши преставления об ответственности, я намерен получить эти снимки. И получу. Более того, — медленно добавил он, — я готов предпринять все необходимые шаги, чтобы помочь вам преодолеть все угрызения совести.

— К примеру?

Полковник явно расслабился. С улыбкой поднялся из кресла, обошел стол и дружеским жестом опустил руку на плечо Кентону.

— Бросьте, мистер Кентон! Давайте не будем портить столь замечательное утро разговорами о всяких неприятных вещах. Проявите благоразумие, мистер Кентон. Уверен, вас вовсе не интересует благополучие российского правительства. Бедняга Борованский мертв. Отдайте фотографии, забудьте об этом деле, и тогда мы даже сможем обсудить причитающееся вам вознаграждение за все беспокойства и дискомфорт. Ну, что скажете?

Кентон с трудом сдержал улыбку. Два подкупа за двенадцать часов! Не такое уж и плохое начало.

— Так что вы конкретно предлагаете?

Полковник так и излучал благодушие.

— Скажите нам, где эти снимки. И в ту же секунду, как только они окажутся у нас, вы уйдете отсюда и унесете в кармане тысячу марок.

Ага, стало быть, цена его возросла! Да этот тип принимает его за круглого дурака, не иначе!

— Ну а альтернатива?

Полковник потянулся к сигаретной пачке, предложил Кентону, тот отрицательно помотал головой. Полковник закурил, аккуратно загасил спичку и снова опустил в кресло.

— Вы когда-нибудь читали Макиавелли, мистер Кентон?

— Читал.

— «То же и судьба: она являет свое всесилие там, где препятствием ей не служит доблесть, и устремляет свой напор туда, где не встречает возведенных против нее заграждений». Возможно, вам знаком этот отрывок. Макиавелли всегда выражался удивительно точно, вы согласны?

Кентон кивнул. Похоже, Робинсон наслаждался звуком собственного голоса.

— Видите ли, — важно продолжил полковник, — фортуна поставила вас в довольно затруднительное положение. Интуиция подсказывает мне, что Борованского вы не убивали. Однако сей факт ничуть не помешает мне сдать вас полиции и еще представить двух свидетелей, моих людей, которые видели, как вы входили в отель. Ну и еще этот бумажник в вашем кармане.

— Но в этом случае, — спокойно возразил ему Кентон, — вы уже никогда не получите своих фотографий. А меня почти наверняка отпустят.

Оппонент его призадумался.

— Что ж, возможно, — пробормотал он и пожал плечами. — Я упустил из вида этот момент. Излишняя снисходительность полиции всегда меня раздражала. Впрочем, я хотел продемонстрировать лишь один из вариантов дальнейшего развития событий. Есть и другие. Ну, к примеру, скажите, на какую газету вы работаете?

— Я независимый журналист.

— Ах вон оно как! Ну что ж, дорогой, в таком случае все очень просто! Известно ли вам, мистер Кентон, что через своих доверенных лиц в Лондоне я смогу полностью перекрыть вам доступ к этой деятельности?

— Интересно, как?

— Да просто занесу ваше имя в черный список владельцев всех крупнейших изданий Англии.

Кентон улыбнулся.

— Боюсь, что не смогу принять эту вашу угрозу всерьез, полковник. Видите ли, уже не говоря о том факте, что многие редакторы обычно пренебрегают такого рода приказами, исходящими от владельцев, я использую минимум шесть псевдонимов, не имеющих ничего общего с фамилией Кентон. С учетом этого обстоятельства ваши доверенные лица просто замучаются исполнять такое задание.

Едва договорив эту фразу, Кентон понял, что допустил промах. Мужчина за столом погрузился в молчание; ни одна мышца на его лице не дрогнула, и тем не менее выражение этого лица поменялось кардинально. И теперь вместо напускной доброжелательности оно так и источало неприкрытую ярость. А когда он заговорил, акцент стал еще заметнее.

— Вижу, — медленно начал он, — вы не столь умны, каким хотите казаться. Жаль! Я так надеялся на понимание с вашей стороны. Надеялся, что проблему можно утрясти здесь, за столом, и не вынуждать меня прибегать к экстремальным мерам. Теперь понимаю, что лишь напрасно тратил время.

Уголком глаза Кентон заметил, как рука капитана Майлера легла на блестящую толстую палку.

— Мне страшно жаль, — не слишком убедительным тоном заметил Кентон.

— Скоро пожалеете еще больше, мистер Кентон, — последовал ответ. Полковник затеребил нижнюю губу, по-прежнему не сводя с него глаз. — Меня всегда интересовал процесс убеждения. Дни пыток колесованием, дыбой, вырыванием ногтей остались в прошлом. Мы даже можем позволить себе смотреть на все эти примитивные средневековые ухищрения со снисходительной улыбкой. Сегодня перед нами открылись в этом плане новые горизонты. Двадцатые годы нашего века стали своего рода Ренессансом в искусстве, еще не достигшем в прошлом полного совершенства. Сложные методы и навороченные приспособления вышли из моды. Люди, способствовавшие прогрессу в данной области, не стали изобретать новые способы и средства для полного самовыражения. С изысканной простотой, свойственной всем истинным художникам, они принялись использовать любые подручные материалы. Касторовое масло, к примеру, или в просторечии — касторку. Это лекарство, которое есть в каждой домашней аптечке, позволяет достичь удивительных успехов в убеждении. Видите ли, если человеку ввести целую пинту этого снадобья, эффект будет такой же, как если бы вы объелись незрелыми яблоками, только во сто крат мучительнее. Фашистской Италии тоже

стоит отдать должное — там открыли прием *bastonatura in stile*.²¹ Процесс сводится к многократной обработке нижней части лица резиновой дубинкой, ну, типа той, что держит сейчас в руке капитан Майлер. В результате этой обработки челюсть разбивается на мелкие кусочки. Загонять под ногти булавки или зубочистки — это, конечно, скучновато. Но по ту сторону Атлантики эту методику усовершенствовали, и она прекрасна в своей простоте. К чему возиться с какими-то булавками, если есть бормашина, инструмент дантиста? Им можно прекрасно обработать зубы какого-нибудь неразговорчивого типа. Смолоть в порошок до полного их уничтожения. Резиновый шланг, слепящий свет фар, тушение сигарет о кожу, прицельный и жесткий удар — да всех этих средств просто не перечесать! Лично я не испытываю пристрастия к какому-то одному из них, но вы, думаю, догадываетесь, что именно у меня на уме. Я прав, мистер Кентон?

Журналист промолчал.

«Полковник Робинсон» сдержанно улыбнулся.

— Думаю, да. Однако хочу прояснить ситуацию до конца. Я собираюсь поместить вас в камеру-одиночку на двенадцать часов. Если по истечении этого времени вы не решите, что для вас же лучше быть со мной откровенным, тогда я передам вас для допроса капитану Майлеру и его помощникам. — Он кивком указал на капитана. — Все, Майлер, отведите его наверх!

— Встал! — рявкнул Майлер.

Кентон повиновался. Лицо его побледнело от усталости, распухшие веки дергались от нестерпимой боли в голове. Но губы были по-прежнему сжаты в упрямую тонкую линию.

— Может, полковник Робинсон — это и есть ваше настоящее имя, в чем лично я сомневаюсь, — начал он. — Но каково бы оно ни было, ваше имя, вы, по-моему, просто псих. На одном этапе этой содержательной беседы я был близок к тому, чтобы умыть руки и передать вам эти фотографии. Но вы сделали ошибку, решив, что меня можно запугать. Такого рода ошибки сегодня присущи в Европе многим людям вашего склада. Нацистские концлагеря, целые острова в Италии, превращенные в тюрьмы, — в них бросают людей, отказавшихся идти на компромисс с насилием. Сравнить мое нынешнее состояние с их поразительным мужеством просто нелепо, но теперь мне стала ближе и понятней их убежденность. Прежде меня удивляло, как они могут страдать из-за таких эфемерных и непостоянных вещей, как политические принципы. Теперь понимаю, здесь заложено нечто большее. Это не просто борьба между коммунизмом и фашизмом или какими-то другими «измами». Это борьба свободного человеческого духа с безумными и жестокими силами первобытного болота. И к этому последнему лагерю относитесь вы, полковник, и все вам подобные.

---

²¹ Смерть в должном стиле (*ит.*).

Майлер взмахнул рукой с зажатой в ней дубинкой и ударил Кентона по лицу. Тот отшатнулся, задел ногой кресло и упал. Несколько секунд журналист лежал неподвижно, затем медленно поднялся.

Из уголка рта у него сочилась кровь. Лицо было смертельно бледным, но на губах играла улыбка.

— К вам это тоже относится, капитан, — сказал он.

Майлер снова сбил его с ног, и на этот раз Кентон смог подняться, лишь цепляясь за кресло. Майлер подошел к двери и позвал двух своих помощников. Затем приблизился к Кентону, сбросил его руку со спинки кресла и наградил ударом, от которого журналист снова распростерся на полу. Затем грубо скомандовал что-то своим подчиненным, и мужчины, ухватив Кентона за ноги, выволокли его из комнаты. На лестнице он снова упал, затем его затащили в комнату на верхнем этаже дома, где бросили на пол. Закрыли ставни, вышли, повесили на дверь замок и цепочку. Затем дверь захлопнулась, и в замке повернулся ключ.

Какое-то время Кентон лежал неподвижно там, где его бросили. Потом с трудом приподнял голову и огляделся. Через щели в ставнях врывались длинные косые лучи солнца. И Кентон увидел, что мебель здесь отсутствует полностью. Какое-то время он задумчиво рассматривал узор из солнечных лучей на полу. Потом вздохнул, сложил руку в локте, опустил на нее голову и закрыл глаза.

Минуту или две спустя он уже крепко спал, и на губах его играла слабая, но довольная улыбка человека, честно исполнившего свой долг.

8

Дубинка

Когда Кентон проснулся, солнца уже не было. Комната погрузилась во тьму, и сначала он никак не мог сообразить, где находится. Затем Кентон вспомнил все и медленно поднялся на ноги. Лицо сплошь в синяках, поднеся пальцы ко рту, он убедился, что нижняя губа сильно распухла. А вот голова, как ни странно, больше не болела, если к ней не притрагиваться, конечно. Он чиркнул спичкой и подошел к окну. Если слегка пригнуться, в щели между ставнями можно было увидеть темное небо. Часы свои он успел снять и оставить в отеле «Вернер», но, судя по всему, уже глубокая ночь. Срок ультиматума, объявленного «полковником Робинсоном», скоро подойдет к концу.

Сон не всегда действует так уж благотворно. Да, он приносит отдохновение нервам и укрепляет тело; но после него пробуждается способность трезво оценивать события, случившиеся накануне. Реакция Кентона на методы, предложенные «полковником Робинсоном» и его подручными с целью получить снимки Захса, была чисто эмоциональной. Теперь же, проспав почти двенадцать часов, он сам себе удивлялся. Стоило ли ему так возмущаться? Если

им так нужны эти снимки, будь они трижды прокляты, пусть забирают! Приступ героизма привел лишь к тому, что у него разбита губа и вся физиономия в синяках. Ну и вляпался же он в историю! Самое лучшее — это отдать им фотографии и поскорее вернуться в Берлин.

Кентон сидел на полу, привалившись спиной к стене, и обдумывал свое положение.

Его страшно мучила жажда. Он хотел пить, пить! Лучше всего — простой воды, но и любая другая жидкость сойдет. Голод мучил не слишком, видимо, просто заглушался жаждой. Ведь последний раз он ел в поезде — колбаски с чесноком, которыми угостил его Захс. Казалось, с тех пор прошла целая вечность. Захс убит, тело его так и осталось в отеле «Джозеф». Нет, должно быть, полиция к этому времени уже забрала его оттуда. Трудно объективно оценить события последних суток. Вот уж угораздило его впутаться в совершенно непонятную историю! Кто такой этот Захс, или Борованский? Русское имя подходит ему больше, оно лучше сочетается с акцентом. Он работал против своего правительства — это если «полковник» говорил правду, что довольно сомнительно. Да, и еще один вопрос: кто они такие, эти «доверенные люди» полковника в Лондоне? Кто они, и какими делишками занимается с ними полковник? Кентону казалось, что он знает ответ на первую часть вопроса, ответ на вторую напрашивался автоматически. Доверенные лица в Лондоне, способные повлиять на владельцев крупных газет. Невольно возникало подозрение, что эти люди из «большого бизнеса».

Кентон уже давно обнаружил: человеку, достаточно долго занимающемуся внешней политикой, не сложно понять, что политические идеологии имеют очень мало общего с приливами и отливами в международных отношениях. Судьбы народов решались представителями крупного бизнеса, а вовсе не стараниями руководителей государств и чиновничьего аппарата. Министерства иностранных дел, может, и декларировали политику своих правительств. Но только люди из «большого бизнеса» — банкиры и их подчиненные, производители оружия, нефтяные компании, крупные промышленники — определяли, какой именно должна быть эта политика. «Большой бизнес» задавал вопросы, как хотел и когда хотел. «Большой бизнес» сам же и отвечал на них. Рим мог объявить, что симпатизирует реставрации Габсбургов; Франция могла ему возразить. А через несколько месяцев ситуация становилась прямо противоположной. Ибо у этих немногих членов общества, наделенных долгой памятью и еще не уставших от всего этого фарса, всегда имелось множество хитроумнейших объяснений на любую тему — множество объяснений, но ни одного правильного. Чтобы убедиться в этом, стоило проследить за банковскими транзакциями в Лондоне, Париже и Нью-Йорке, взглянуть на них глазами опытного аудитора, рассудительного экономиста, проявить красноречие прокурора и терпение Иова. И только тогда можно понять, чем вызван рост банковского рейтинга Венгрии, накопление золотых запасов

Амстердама или же ограничение кредитования на Среднем Западе в Соединенных Штатах. Если пробраться через туман терминов, ставших предметом чуть ли не суеверного поклонения, с помощью которых международный бизнес ограждает свои операции от посторонних глаз, можно было открыть для себя неприглядную правду. Но на это ушло бы столько времени, что в процессе поиска правды был риск умереть от старости. Человек из «большого бизнеса» являлся единственным игроком в международной политике. Он был тем игроком, который устанавливает все правила.

Кентон нашел в кармане сигарету, закурил. Похоже, что в данном случае «большой бизнес» интересуется Бессарабией или Румынией. Он сильно затянулся, и в темноте замигал золотистым огоньком кончик сигареты. Кентон задумчиво рассматривал его. Совсем недавно он слышал что-то такое о Румынии. Ах ну да, конечно! Та история с восстановлением концессии. Редакция или типография газеты, напечатавшей статью против, была разгромлена. Да, похоже, многого из этого не вытянешь, хотя... как знать! В том-то и проблема. Один этап игры прошел в приватной обстановке залов для советов директоров и на охотничьих вечеринках во время уик-эндов; другой, с участием таких персонажей, как Захс, — в поездах, дешевых отелях, на окраинах больших городов — словом, в довольно мрачных местах, вдали от оживленных путей-дорог, посвященных розовощекой богине туризма. Кто-то проронил словечко где-нибудь в офисе в Бирмингеме или на борту яхты, пришвартованной недалеко от Канн, — и вот через несколько недель в одной из типографий Бухареста взрывается бомба Миллза.²² Один сказал, а другой выдернул чеку из гранаты. Эти события — лишь первое и последнее звенья в цепи, покрытой туманом тайны. И в этом тумане тихо действуют «полковники Робинсоны» и им подобные. Да, он должен отдать эти фотографии. До сей поры он пребывал в роли стороннего наблюдателя, пусть так будет и дальше.

Кентон загасил сигарету о пол и поднялся на ноги. И почти тотчас же услышал звук приближающихся шагов, затем — щелканье ключа в замке.

Сердце зачастило, он стоял у окна и ждал. Дверь отворилась, луч света от фонарика прорезал тьму, заметался по камере, потом ударил ему прямо в глаза.

— Ну что, старина, — раздался голос капитана Майлера, — готов проявить благоразумие, или мне сперва разделить тебя под орех?

Секунд пять Кентон молчал. За эти пять секунд успело испариться все благоразумие, призывающее отдать этим типам то, что они хотят, и жить спокойно. И случилось это благодаря двум вещам: голосу капитана Майлера и его словам. За эти пять секунд в Кентоне вновь проснулись гнев, упрямство, отвращение и отрицание, которые до сих пор он так успешно пытался подавить.

---

²² Ручная граната.

И еще на этот раз на руку ему сыграли тело — вполне выпавшее и отдохнувшее, и разум — боль в голове уже не была столь невыносимой.

— Можешь делать все, что хочешь, — произнес он наконец. — Но если вообразил, что получится заставить меня поступить против моей воли, то ошибаешься.

— Не дури, старина, — спокойно заметил капитан Майлер. — Сам не понимаешь, о чем говоришь. Один ниггер в Штатах тоже как-то раз больно много о себе возомнил, а эти ниггеры — парни крепкие. Но ко времени, когда я его как следует отделал, придурок был готов перепрыгнуть через луну или прирезать родных мамашу с папашей, если бы я приказал.

— Я сирота.

Капитан одобрительно хмыкнул.

— Я бы на твоём месте не хамил, старина. Не поможет. Только еще хуже будет. Потому как шефу теперь на тебя плевать и он дал мне полную свободу действий. Сказать по правде, мне тоже на тебя плевать, старина. И если ты собираешься держать и дальше пасть на замке, так, по мне, даже лучше. Хоть позабавлюсь от души!

Кентон промолчал.

Луч фонаря заметался по комнате.

— Vorwrts! — крикнул капитан.

Из темноты коридора выскочили двое мужчин и схватили Кентона за руки. Он попытался вырваться, но получил такой удар по лодыжке, что от боли перехватило дыхание. И его, точно мешок, выволокли из комнаты и потащили вниз.

Оказавшись в холле, Майлер зашел в кабинет к полковнику. Секунду спустя вышел и дал знак мужчинам, удерживающим Кентона.

— Шеф хочет видеть тебя, старина, — сказал он. — На твоём месте я был бы паинькой. Он, знаешь ли, не очень-то тобой доволен.

— Я тоже от него далеко не в восторге, — парировал Кентон.

Ему показалось, что Майлер вот-вот его ударит. Но тот лишь криво усмехнулся.

— Скоро мы с тобой побеседуем по душам, старина, — сказал он.

И кивком приказал помощникам заводить Кентона.

Полковник стоял перед камином; одетый в твидовый костюм, в мягком янтарном свете настольной лампы он выглядел образцом респектабельности. С минуту или две полковник молча смотрел на Кентона. А затем...

— Так вы намерены проявить благоразумие или нет? — холодно спросил он.

— Если под этим, — начал Кентон, — подразумевается, что я готов передать в ваши руки чужую собственность, то ответ будет: нет.

Полковник протянул руку, схватил Кентона за лацкан пиджака и притянул к себе.

— Слушайте внимательно, друг мой, — тихо прошипел он. — Я совсем не в настроении обмениваться тут светскими любезностями. Мне необходимо

заполучить снимки, и никакой упрямый репортеришка не в силах помешать мне это сделать.

Выйдя из отеля «Джозеф», вы отправились в кафе при вокзале. В тот момент фотографии были при вас. А вот когда прибыли в отель «Вернер», их у вас уже не было. Мои люди доложили, что по дороге вы никуда не заходили, кроме этого кафе. Что вы сделали с фотографиями? — И он ударил журналиста по лицу тыльной стороной ладони. — Что вы с ними сделали? — злобно повторил он вопрос.

Кентон поднес руку к щеке. Потом взглянул на свои пальцы. Полковник носил кольцо — при ударе оно рассекло Кентону щеку. И у последнего тут же созрел план мести.

— Я... я не помню, — запинаясь, пробормотал он.

Полковник яростно затряс его и еще раз ударил.

— Это поможет тебе вспомнить!

Кентон поморщился.

— Да, да, — забормотал он. — Я вам скажу.

И он увидел, с каким торжествующим видом полковник покосился на Майлера.

— Что ж, давай, выкладывай!

— Я сложил снимки в конверт и передал их хозяину кафе на хранение.

Полковник облегченно выдохнул и обернулся к Майлеру.

— Так, теперь живо! Бери машину и одного из людей — и в кафе, немедленно! Он обернулся к подручным Майлера.

— А этого увести и запереть!

— Но вы обещали отпустить меня, если скажу, — возмутился Кентон.

Полковник улыбнулся.

— Боюсь, планы наши несколько изменились, мистер Кентон. Возможно, мы еще вернемся к этому вопросу, через неделю или две. А теперь, Майлер...

Капитан направился к двери.

— Нет, погодите! — воскликнул Кентон.

Майлер остановился.

— Мне страшно неприятно разрушать ваши планы и надежды, — неторопливо начал Кентон, — но, пребывая в возбуждении и страхе перед полковником, совершенно выпустил из головы одну очень важную вещь. Дополняющую, так сказать, информацию...

И он усмехнулся, глядя на полковника.

— Так валяй, выкладывай! — нетерпеливо рявкнул Майлер.

— Вообще-то это сущий пустяк... мелочь, можно сказать.

И Кентон увидел, как губы полковника сжались в тонкую полоску.

— Говори! — взвизгнул Майлер.

— Так вот, — медленно начал Кентон, — отдавая снимки хозяину кафе на хранение, я предупредил, что он ни в коем случае не должен отдавать их кому

бы то ни было, кроме меня. Только мне, лично в руки. А вам, надеюсь, известно, как дорожат своей репутацией владельцы кафе. И еще я намекнул, что тут замешаны дела сердечные. А потому, боюсь, что, увидев капитана Майлера, услышав, что он хочет заполучить конверт, хозяин заведения примет его за отъявленного негодяя или еще хуже — за злую фею. — И он укоризненно улыбнулся Майлеру.

С минуту в комнате стояла полная тишина, если не считать тиканья часов. И вот наконец полковник откашлялся.

— В таком случае, мистер Кентон, придется настоятельно просить вас помочь нам в этой операции.

— Не дождетесь!

— Придется.

— Бог ты мой, — воскликнул капитан, — оставьте эту свинью мне!

Полковник задумчиво теребил нижнюю губу.

— Да, — выдавил он наконец, — придется оставить его тебе. Только не надо возиться с ним слишком долго, Майлер. Завтра в Праге меня ждет Бастаки. И не забывай — портить физиономию этому типу не стоит, и еще он должен сохранить способность ходить. — Он обернулся к Кентону. — Учитывая, что если, по вашим же словам, мистер Кентон, вы завладели этими снимками случайно, нахожу подобное поведение неоправданным и лишенным здравого смысла.

— Еще бы! — грубо заметил Кентон. — Но чтобы до вас наконец дошло, могу повторить: подобное обращение просто не оставляет мне альтернативы. И я готов пойти на что угодно, лишь бы испытать такое удовольствие — создать вам и вашим расчудесным планам и принципам хотя бы маленькое неудобство!

Полковник Робинсон подошел к камину и стал греть руки, улыбаясь и покачивая головой.

— Поверьте мне, мистер Кентон, — медленно начал он, — то, что вам до сих пор довелось испытать, покажется вам материнской лаской в сравнении с тем, что вас ждет в ближайшие несколько часов. — Он кивнул Майлеру. — Ладно, забирай его и приступай к делу! И вот еще что, мистер Кентон, — добавил он, — теперь вас отведут вниз, в подвал. И от этого помещения вас будут отделять несколько метров каменной кладки и земли, но, думаю, я услышу вашу реакцию на более чем убедительные методы капитана Майлера.

— Да этот хмырь заверещит у меня как резаный, — сказал капитан. — Los! Hinunter, in der Kellern!²³

Кентона повели к двери в холле, за которой открывался пролет узких каменных ступеней, ведущих вниз. Майлер шел впереди, светя фонарем. Двое мужчин схватили Кентона за запястья и потащили за собой.

---

²³ Давай! Вниз, в подвал его! (нем.).

У подножия лестницы начинался длинный, обложенный камнем коридор с бесконечными, как показалось Кентону, арочными сводами; проходя под ними, он заметил, что оттуда открываются входы в винные погреба. Но вот Майлер прошел через последнюю арку, щелкнул выключателем, и под потолком загорелась лампочка без абажура, отбрасывая желтоватый свет на целую коллекцию сломанной и пропыленной мебели, какие-то ржавые железяки и старые грязные шторы. Все четыре стены были до потолка заставлены пустыми канистрами от вина.

Майлер с грохотом выдвинул из кучи мусора стул и поставил его посередине.
— Связать его, — приказал он по-немецки.

Мужчины толкнули Кентона на стул и достали моток толстого шнура. Молча и деловито они примотали ноги журналиста к ножкам стула, причем сделали это с таким видом, будто подобное занятие надоело им до смерти. Кентон покосился на Майлера.

Капитан же, похоже, вовсе не считал происходящее скучным. Он достал из кармана резиновую дубинку, взвесил в ладони, а затем размахнулся и врезал ею по выступу арки. Дубинка почти не производила шума при ударе. Кентон не сводил глаз с лица Майлера и заметил в нем неприятные перемены. Челюсть слегка отвисла, щеки ввалились, он учащенно дышал и время от времени косился на Кентона, причем глаза его сверкали каким-то странным и нехорошим огоньком. И без того испуганный Кентон вдруг почувствовал, что испытывает при виде этого человека почти истерический страх.

Мужчины проверили, надежно ли завязаны узлы, и встали. Один из них что-то шепнул Майлеру, тот развернулся и посмотрел прямо на Кентона. Затем подошел и встал перед ним почти вплотную. В уголках рта у Майлера выступила белая пена.

А потом вдруг дубинка поднялась, и Майлер привстал на цыпочки. Кентон стиснул зубы. Дубинка опустилась со свистом, но замерла в каком-то дюйме от его щеки.

Кентон покрылся холодным потом. Оба немца расхохотались. Губы Майлера раздвинулись в улыбке, и он игриво постучал дубинкой по виску Кентона. Она показалась какой-то скользкой и страшно холодной. В следующую секунду улыбка Майлера испарилась, вместо нее лицо исказила гримаса какой-то звериной жестокости, и он широко размахнулся дубинкой. Она описала в воздухе полукруг и вновь замерла рядом со щекой Кентона. И снова на лице Майлера заиграла улыбка.

— Ну что, Кентон, нравится?

Журналист промолчал.

Все еще улыбаясь, Майлер легонько стукнул его дубинкой по лицу.

На секунду Кентону показалось, что удар раздробил ему челюсть на мелкие кусочки. Боль была невыносимой, невозможной...

Майлер отступил на шаг.

— Советую проявить благоразумие, старина, — сказал он. — Или же я примусь за тебя уже по-настоящему.

Кентон промолчал. Похоже, это взбесило Майлера, он бросился вперед и начал наносить яростные удары по коленям и ногам Кентона.

Наконец поток ударов иссяк. Почти теряя сознание от боли, журналист осознал, что сила воли у него на исходе. Если Майлер предпримет еще одну подобную атаку, то пусть принципы катятся к чертям — он согласится на все.

— Ну что, хватит? Наелся?

На секунду Кентон поднял глаза на своего мучителя. Открыл рот, чтобы что-то сказать, но слова не шли из горла. На легкие и грудь давила страшная тяжесть, она не давала дышать. Кентону хотелось крикнуть, сказать, что он готов сдаться, что они могут забрать эти проклятые фотографии. Но мозг потерял контроль над телом. И он выдавал всего один короткий слог:

— Нет.

Он увидел, как Майлер снова взмахнул дубинкой, увидел его искаженное нечеловеческой злобой лицо. Кентон закрыл глаза и весь сжался, готовясь принять удар.

Но удара не последовало. В комнате было как-то странно тихо. Кентон медленно открыл глаза.

Майлер по-прежнему возвышался над ним; но дубинка валялась на полу, а руки у него были высоко подняты над головой. За его спиной замерли двое подручных — в точно такой же позе. Кентон осторожно повернул голову. На входе в подвал стоял плотный невысокий курносый мужчина с воинственным лицом. Вокруг шеи у него был обмотан толстый шерстяной шарф. В руке вошедший держал огромный синий револьвер с взведенным курком.

— Первый, кто дернется, — сказал незнакомец по-немецки, — получит пулю в затылок.

9

Залесхофф стреляет дважды

Залесхофф шагнул вперед и встретился глазами с Кентоном.

— Мистер Кентон? — По-английски он говорил с американским акцентом.

Кентон кивнул.

Залесхофф взглянул на Майлера.

— А этот кто?

— Капитан Майлер.

— Есть кто еще наверху?

— Один человек. Называет себя полковником Робинсоном. Других я не видел.

— Это у него рука не гнется?

— Да.

Залесхофф направил ствол на одного из растерявшихся немцев.

— Lass ihn los!²⁴

Под внимательным взглядом русского тот достал огромный складной нож и перерезал шнур, связывающий Кентона по рукам и ногам. Журналист потянулся, разминая затекшие мышцы, и попытался встать. Но ноги так и пронзила острая боль — Майлер поработал на славу!

— Вы сможете встать? — озабоченно спросил Залесхофф.

— Попробую. Через минуту все будет в порядке.

— Ладно. Только уж вы давайте побыстрее!

— Богом клянусь, да я вас всех сгною за это! — вдруг злобно выпалил капитан Майлер.

Залесхофф наклонился, поднял резиновую дубинку и, не сводя глаз с немцев, протянул ее Кентону:

— Вот, держите! Хотите попробовать на них?

— Очень хочу! Но в данный момент предпочитаю убратся отсюда — и поскорее.

— Ладно. Возьмите веревку, которую он разрезал, свяжите им всем руки за спиной. А потом — к стене, и привяжите их к ручкам канистр. Ну а во рты — каждому по кляпу. А я постою на стреме.

Кентон исполнил все, что приказал ему этот странный человек. Но когда дело дошло до кляпов, растерялся.

— Порвите на куски вон те старые занавески, — распорядился Залесхофф и указал в угол, — потом скрутите их в комки, запихните им в глотки и привяжите, чтобы рты оставались открытыми.

Кентон последовал его указаниям. Майлер ругался и отказывался открыть рот, тогда Залесхофф треснул его дубинкой по подбородку, и капитан тотчас уgomонился.

— Ну вот, — сказал Залесхофф, — теперь, если вы готовы, можем идти.

И Кентон зашагал за ним по коридору. Они миновали узкую лестницу, вышли в холл и двинулись дальше. В конце коридора оказалась дверь, но Залесхофф, не обращая на нее внимания, свернул вправо, в узкий проход. Ярда через два остановился, обернулся к Кентону и шепотом предупредил, что двигаться дальше надо как можно тише. Еще несколько шагов — и они оказались на свежем воздухе.

Небо, как Кентон еще раньше разглядел через щель в ставнях, было черным, покрытым облаками. Ветра не было, но зубы застучали от холода. А потом он вдруг почувствовал, что в руки ему сунули что-то теплое и мягкое — это спутник отдал ему свой шерстяной шарф. Прошептав слова благодарности, Кентон обмотал его вокруг шеи, и сразу стало лучше. Но на плечо ему тут же опустилась

---

²⁴ Отпусти его! (нем.).

рука — это незнакомец предупредил, что надо молчать, а затем увлек его за собой по каменистой тропинке. Ярдов двадцать она спускалась со склона, затем вновь резко поднималась в гору. Внезапно перед ними возникла высокая темная стена, и Кентон понял, что они подошли к хвойному лесу.

Свернули влево и стали пробираться сквозь плотный кустарник, по мере возможности стараясь не шуметь. Внезапно Залесхофф резко схватил Кентона за руку. Они остановились. С минуту не было слышно ни звука, если не считать слабого шороха кустарника. Затем откуда-то из темноты донесся звук — какой-то человек тихо и нежно насвистывал немецкую песенку про любовь.

А секунды через две вдруг вспыхнул свет — мощный электрический фонарь осветил листву над их головами, свист прекратился, а затем раздался стук — это пустую металлическую канистру из-под бензина поставили на камни.

Залесхофф сложил ладони лодочкой и зашептал на ухо Кентону:

— Чтобы выйти на дорогу, надо обойти гараж. Пробираться лесом слишком долго.

— У шофера есть оружие, — прошептал в ответ Кентон.

Залесхофф секунду молчал, затем приказал Кентону оставаться на месте, а сам, пригнувшись, стал продвигаться к вырубке, туда, где стоял гараж. Кентон видел лишь очертания его головы и плеч, вырисовывающиеся на фоне света, затем он вдруг метнулся влево и скрылся из вида. Кентон привалился спиной к дереву и стал ждать.

Весьма своевременное появление этого незнакомца в подвале, решительность, с которой он встал на сторону Кентона и воспрепятствовал действиям «полковника Робинсона» и его подручных, — все это вызывало вопросы. Но в тот момент у Кентона просто не было времени подумать, кто же он такой, его спаситель. К тому же сама ситуация в доме полковника не располагала к знакомству. Теперь же, оставшись один, он начал искать ответы.

Кентон нимало не сомневался, что это Андреас — тот самый человек, который вошел в номер Захса в отеле «Джозеф» и обыскал его; тот самый мужчина, за которого приняли его, Кентона, чуть позже во дворе. Точно он — такая узнаваемая невысокая и плотная фигура в большом шерстяном шарфе. Что, в свою очередь, означало, что этот русский и убил Захса. Да, не слишком утешительный вывод! Несколько смущал американский акцент, но, с другой стороны, он есть у многих англоговорящих европейцев. Как бы там ни было, но, похоже, этот незнакомец знал его имя и был на его стороне — что бы это там ни означало — и пока что не проявлял к нему никакой враждебности. Затем Кентон отмахнулся от всех этих мыслей. На данный момент у него одна задача: сделать все, чтобы руки и ноги не онемели от холода.

Залесхофф отсутствовал минуты три, не больше. Вернувшись, он повел Кентона тем же путем, каким они пришли. Вскоре они удалились на достаточное расстояние, чтобы водитель уже не мог их слышать.

— Возится с машиной, что-то там чинит, — сообщил Залесхофф. — И мы должны пробраться мимо так, чтобы он не заметил. Задерживаться здесь нельзя. Если Саридза увидит, что мы сделали с его людьми в подвале, нам крышка!

— Саридза?

— «Полковник Робинсон». Его настоящее имя Саридза.

Кентон решил, что с дальнейшими вопросами на эту тему можно подождать.

— Ясно. И каков же план?

— У меня машина, но находится она на дороге, в двух километрах отсюда. Надо добраться до нее прежде, чем они спохватятся. Найти нас на дороге им ничего не стоит.

— Тогда как же быть?

— Дорога к гаражу проложена через возвышение. Самое ее узкое место наверху, но склоны там слишком крутые. Мы должны перебраться через обрыв где-нибудь поблизости, уловив момент, когда шофер будет смотреть в другую сторону.

— Понятно.

И вот они вернулись к кустарнику и начали осторожно пробираться влево. Часть пути преодолели легко, но местами кустарник был такой плотный, что пришлось продвигаться с крайней осторожностью — проползать на животе под ветками так, чтобы листва не зашуршала. И вот наконец справа в переплетении веток показался свет, и Залесхофф вскинул руку, давая понять, что надо остановиться.

— Мы уже почти у самого края обрыва, — еле слышно прошептал он, — там спуск до дороги метра два.

И они двинулись вперед. Внезапно Кентон увидел внизу пятно ярко освещенного бетонного покрытия. Он наклонился, чтобы разглядеть получше. Чуть в стороне стоял черный фургон. Капот был поднят, шофер возился с мотором.

Залесхофф ухватился за низко нависающую ветку и начал осторожно спускаться. Кентон последовал за ним. Вскоре оба оказались у края дороги. Спрятавшись за кустами, они отчетливо видели теперь и шофера, и склон холма, поднимавшийся по ту сторону дороги.

Залесхофф и Кентон просидели так несколько минут, следя за действиями водителя. Мужчина находился в круге света и, казалось, был целиком поглощен своим занятием. Очевидно, что-то произошло с электропроводкой, потому как время от времени он нырял в салон, склонялся над приборной доской и то включал, то выключал фары. Кентон уже начал было отчаиваться, как вдруг шофер принялся ощупывать карманы в поисках какого-то предмета, время от времени косясь на инструменты, разложенные на подножке автомобиля, затем выпрямился и двинулся к гаражу.

— Пошли, — шепнул Залесхофф.

Он поднялся и спокойно перешел дорогу, направляясь к кустарнику на противоположной стороне. Кентон тоже поднялся и последовал за ним, но ноги, сплошь в синяках, затекли от долгого сидения на корточках и плохо слушались. Он споткнулся и громко шаркнул подошвой по бетонной плите. Тут же выпрямился, но дело было сделано. От гаража донесся топот ног, затем — крик, и в следующую секунду — громкий хлопок, означавший, что он, Кентон, оказался на линии огня и что кто-то палит в него из крупнокалиберного револьвера.

Он уже пробирался через кусты по другую сторону дороги, когда грянули еще два выстрела. И вдруг где-то над головой во тьме сверкнула вспышка, грохнул выстрел, а от гаража донесся крик боли. Кентон судорожно продирался сквозь колючки и ветки, пребольно стукнулся головой о какой-то толстый сук. Затем вдруг чья-то рука ухватила его за шиворот и рывком втянула вверх, на крутой каменистый склон.

— Бежим, быстро! — прошипел Залесхофф.

Кентон поднялся на ноги и слепо бросился за своим спасителем. Здесь бежать оказалось легче, земля была более гладкой и твердой, внизу тянулся овраг. На противоположной его стороне виднелась изгородь из металлической проволоки. Когда Кентон и Залесхофф протискивались сквозь нее, сзади донеслось пронзительное гудение машины — сигнал тревоги. Они кинулись через густые заросли папоротника, растущего по другую сторону изгороди.

— У нас пять минут, чтобы добраться до машины, — выдохнул Залесхофф.

— Вы стреляли в шофера?

— Да, ранил в руку. Но если бы даже убил, все равно не помогло бы. Да такие выстрелы и мертвеца разбудят! Скоро они освободят ту троицу в подвале.

Две минуты спустя они уже съезжали по пологому склону к дороге. И, оказавшись на ней, помчались к машине Залесхоффа.

Кентон был просто не в состоянии бегать на длинные дистанции — сказывалось все испытанное им за последние двадцать четыре часа, к тому же он совсем ослабел от голода. И ко времени, когда они преодолели около полукилометра, он уже просто падал от усталости. Ноги отказывались слушаться, словно он пытался бежать в песке, доходившем ему до пояса. Воздуха не хватало, грудь разрывалась от боли. С головой тоже было неладно, перед глазамиплыли какие-то белые мушки. Залесхофф безжалостно подгонял его, но в конце концов тоже перешел на шаг. И почти сразу же послышался звук мотора — вверх по склону ехала машина, две фары на миг осветили пространство и тут же скрылись за поворотом.

— Они за нами гонятся, — сказал Залесхофф. — Нет смысла бежать, все равно догонят. О моей машине они знать не должны. Если найдут, нам конец. Единственный шанс — это дать понять, что мы еще наверху. Отвлечь их, а потом постараться добраться до машины.

Запыхавшийся Кентон кивнул в знак согласия.

— Пошли, — сказал Залесхофф. — Сюда, наверх. За мной, быстро!

Они стояли у подножия высокой и почти отвесной скалы. Слева виднелся склон, он почти вертикально спускался к другому отрезку дороги, что скрывался ниже за крутым поворотом, и, чтобы добраться до него, надо было преодолеть ярдов триста. Справа высился холм, густо поросший высокими елями. И Залесхофф выбрал это направление. Вскоре они поднялись ярдов на двадцать и оказались среди высоких прямых стволов деревьев.

— Когда они появятся, встаньте за дерево. И делайте, что вам говорят.

Кентон достиг уже той стадии изнеможения, когда человек уже не способен ни на что, кроме слепого подчинения командам, и пробормотал нечто нечленораздельное в знак согласия. Привалился спиной к стволу и молча смотрел в непроницаемую черноту леса.

— Вон они едут!

Кентон повернул голову и увидел вдалеке светящуюся точку. Она быстро двигалась, разрастаясь, вскоре от нее протянулся длинный луч, осветивший деревья.

— Это у них на машине прожектор. Не высовывайтесь! Держитесь за деревом.

Световое пятно все разрасталось, деревья в лесу начали отбрасывать длинные черные тени. Вот луч прожектора приблизился к ним, и Кентон увидел, как Залесхофф упер ствол револьвера в маленькую развилку среди ветвей дерева, за которым стоял, и прицелился. Секунду спустя грянул выстрел, и свет прожектора погас. Снизу донеслись крики на немецком.

Залесхофф пробормотал несколько слов по-русски, видимо, поздравлял себя с удачным выстрелом.

— Точно в яблочко с двадцати шагов! — добавил он. — Теперь попробуем подняться выше. А потом уже спустимся к дороге.

И вот они начали карабкаться по склону холма и преодолели, наверное, ярдов пятнадцать, когда послышался хруст сломанной ветки. Они замерли. В темноте на мгновение мелькнул свет фонаря.

— Ложись, — прошипел Залесхофф.

В следующую секунду тишину взорвал треск автоматной очереди, и одна из пуль с визгом срикошетила от камня, находившегося чуть выше на склоне.

Залесхофф болезненно вскрикнул, и Кентон услышал голос Майлера — он радостно прокричал что-то своим товарищам.

— Вы ранены? — испуганно спросил Кентон.

— Нет. Но пусть они так думают. Пошли!

Теперь они спускались со склона, и тьму впереди рассеивал лунный свет. Круглый и бледный диск просвечивал через тонкую пелену облачков, деревья на опушке отбрасывали размытые тени. А позади, за спиной, мелькали в темноте вспышки фонариков — преследователи пытались их обнаружить.

— Стой, — прошептал Залесхофф.

Они находились уже совсем рядом с дорогой. Внизу, ярдах в пятидесяти, виднелись красные габаритные огни черного фургона.

— А теперь, — прошептал Залесхофф, — переходите дорогу как можно тише и спокойнее, потом спускайтесь с холма, спрячьтесь, чтобы вас не было видно, и ждите меня там.

— А вы что собираетесь делать?

— Хочу посмотреть, остался ли кто в машине Саридзы.

— Это зачем?

— Позже объясню. Ступайте через дорогу, но чтобы тихо!

— Ладно.

Кентон медленно, на цыпочках, перешел через дорогу и начал карабкаться по крутому холму, что высился за ней. Сначала пришлось перебираться через огромные валуны и более мелкие камни. Пугала мысль нечаянно столкнуть их вниз и выдать себя. Но затем снова начался лес, и Кентон стал передвигаться зигзагом — от дерева к дереву. Вскоре он снова оказался в темноте леса, сел и стал ждать своего спутника.

Он просидел минут десять, мрачно прикидывая, есть ли у него шансы не заболеть пневмонией. Затем наверху послышался какой-то шум, и Залесхофф тихо окликнул его по имени. Кентон ответил, и русский к нему спустился.

— Кончилось наше везенье, — пробормотал он. — Рядом с машиной стоит Саридза с ружьем. Я надеялся, что они оставили машину без присмотра. Мог бы, конечно, всадить пулю в бензобак, но слишком опасно.

— И что же делать?

— Придется спуститься отсюда к тому месту, где начинается самый нижний поворот дороги. Идти будет трудно, потому как светить фонарем нельзя. Могут увидеть. Другого выхода у нас нет.

Спуск превратился для Кентона в сущий кошмар. Склон холма был сплошь изрыт глубокими ямами и впадинами, и он то и дело оступался и падал, вставал, скользил вниз, натыкался на деревья. Местами спуск был настолько крут, что приходилось ползти на четвереньках; зацепившись за острую ветку, он порвал брюки. Лицо и руки были исцарапаны, и еще он, кажется, вывихнул запястье. Абсолютная тьма лишь усиливала ощущение страха и полной беспомощности. И ко времени, когда Кентон добрался до дороги, он пребывал в полном изнеможении.

Залесхофф, чья одежда тоже изрядно пострадала от этого спуска, подхватил Кентона под руку и повлек за собой по дороге.

Кентону показалось, что шли они несколько часов. Но вот наконец Залесхофф замедлил шаг, и Кентон, с трудом разлепив веки, увидел впереди очертания большой легковой машины с поднятым капотом и погашенными фарами. Возле дверцы со стороны водителя стояла девушка.

Увидев их, она двинулась навстречу.

— Кто это, Андреас? — прозвучал знакомый голосок.

И тут Кентон истерически расхохотался.

— Андреас, — пробормотал он. — Нет нужды представлять меня! Мы с вами уже встречались.

Он высвободил руку, сделал шаг вперед и остановился. Колени подгибались, в ушах стоял какой-то странный шум. А затем, впервые в жизни, Кентон потерял сознание.

10

Залесхофф говорит

Кентон почувствовал приятную теплоту в желудке и еще вкус жидкости во рту, напоминающей смесь скипидара и оливкового масла.

Мужской голос произнес что-то по-русски, Кентон не понял, что именно, затем почувствовал, что к зубам прижимается край стакана или чашки. В следующую секунду он захлебнулся, закашлялся и открыл глаза.

Он лежал на диване с красной бархатной обивкой, в помещении, напоминавшем лавку подержанной мебели. Над ним склонился пожилой мужчина с ввалившимися щеками. Его запавшие глаза сверкали живым блеском. В руках он держал бутылку с бледно-зеленой этикеткой и маленький мерный стаканчик, наполненный бесцветной жидкостью. Только сейчас Кентон понял, почему по желудку разливается тепло, понял, отчего во рту появился такой странный привкус. Его отпаивали водкой.

За столом сидел и мрачно смотрел на него мужчина, которого он знал под именем Андреас.

— Ну как, вам лучше? — спросил Залесхофф.

Кентон ответил неуверенным кивком и приподнял голову, чтобы вытереть капли водки с подбородка. Рука была в пятнах йода. Мужчина с водкой протянул ему бутылку. Кентон отрицательно помотал головой, потом вопросительно уставился на Залесхоффа и хотел что-то сказать. Но русский его опередил.

— Вы в доме на Кёльнерштрассе, в Линце, — сказал он. — Мы с сестрой привезли вас сюда. Она считает, что вы голодны, и пошла купить еды.

— Очень мило с ее стороны, — произнес Кентон. — Я, наверное, доставляю вам уйму хлопот.

— Да уж, — пробормотал Залесхофф, — хлопот полный рот, но дело тут не в этом, мистер Кентон. Знакомьтесь — Рашенко, хозяин этого дома! Он приютил нас и рад оказать любую услугу. Но благодарить его не обязательно, — добавил он, видя, как журналист обернулся и посмотрел на Рашенко. — По-английски все равно не понимает, к тому же он нем, бедняга.

Кентон пробормотал слова благодарности по-немецки. Рашенко улыбнулся и радостно закивал. Журналист по-прежнему ощущал некоторую неловкость. И обернулся к Залесхоффу.

— Не хотелось бы показаться надоедливым, — начал он, — но не могли бы вы ответить на несколько вопросов? Ну, к примеру, может, скажете, кто вы такой и почему я оказался здесь? И еще хотелось бы знать, откуда вам известно мое имя, почему вы спасли меня из того страшного дома? Ну, и уж не сочтите за нескромность с моей стороны, но очень хотелось бы знать, имеете ли вы какое-то отношение к смерти человека по фамилии Захс, он же Борованский. Мне кажется, я знаю, с какой целью вы обыскивали его номер, но более полная информация тут не помешала бы. Любопытно также было бы узнать, что это за тип, представившийся полковником Робинсоном. И почему сами вы назвали его Саридзой? Меня также смущает еще целый ряд вещей, но с этим можно и повременить. И да, кстати, который теперь час?

— Начало первого ночи, — ответил Залесхофф. И поджал губы. — Что же касается всех остальных ваших вопросов, мистер Кентон, есть предложение немного подождать с ответами. Отдохнуть, подкрепиться, а уж потом пускаться в объяснения. Тамара скоро придет. И они с Рашенко приготовят нам чего-нибудь поесть. А мы с вами выпьем еще немного водочки. — Он стукнул по столу, как аукционист во время торгов. — Ну, что скажете? Как вам такой план?

Кентон улыбнулся.

— А вы мне нравитесь, Андреас, — сказал он. — Вам прекрасно известно, что у меня есть нечто вас интересующее, вы с плохо скрываемым удивлением выслушали мои слова о том, что я видел, как вы обыскивали номер Захса. И тем не менее предлагаете поесть и выпить, прежде чем поговорить по душам! Господи, да я даже еще не успел поблагодарить вас за спасение!

Залесхофф мрачно покачал головой.

— Вы неверно истолковали мои мотивы, мистер Кентон. А ну-ка попробуйте встать!

Кентон повиновался. Встал, но голова у него закружилась, к горлу подступила тошнота. И он снова опустился на диван.

— Ну вот, сами видите, мистер Кентон, вести серьезные разговоры пока что рановато, пустая трата времени! Рашенко некогда был врачом. И он сообщил, что вы находитесь в состоянии полного нервного и физического истощения. Даже, я бы сказал, шока — сказывается сотрясение мозга и долгое голодание. А то легкое возбуждение, в котором вы в данный момент пребываете, вызвано водкой. Так что советую выпить еще.

Рашенко возился у плиты. Залесхофф потянулся к бутылке, налил две полные большие рюмки и протянул одну Кентону.

— Водку надо пить умеючи, — заметил он. — Одним махом, а не полоскать ею рот. Сейчас покажу. Ваше здоровье!

Он поднес рюмку к губам, откинул голову и проглотил жгучую жидкость. А потом поставил пустую рюмку на стол.

Кентон последовал его примеру и почувствовал, как по телу разливается приятное тепло.

— И все равно, — упрямо заметил он, — мне очень хотелось бы знать, кто вы...

Слова его прервал стук в дверь. Залесхофф развернулся в кресле, и Кентон увидел у него в руке большой синий револьвер. Рашенко вопросительно уставился на Залесхоффа. Тот кивнул, и немой пошел открывать. В комнату вошла Тамара с объемистой продуктовой сумкой.

— Знакомьтесь, мистер Кентон, — Залесхофф весело взмахнул рукой с револьвером, — это моя сестра Тамара. Тамара, это мистер Кентон!

Девушка сухо кивнула журналисту.

— Прошу тебя, Андреас, — сказала она, — не надо размахивать своей пушкой. Это опасно.

Брат не обратил на ее слова ни малейшего внимания и обернулся к Кентону.

— Ну, как она вам, друг мой?

— Потрясающе красивая девушка, — ответил Кентон. — Столь же красива, как и ее голос.

Залесхофф весело шлепнул его по колену.

— Видишь, Тамара, что способна сделать водка даже с хладнокровным англичанином. «Потрясающе красивая, как и ее голос!» Ты это слышала, Тамара? — Он перевел фразу для Рашенко, который тотчас заулыбался и закивал.

— Ты его смущаешь, — заметила девушка и начала выкладывать покупки на стул. — Будьте осторожны, мистер Кентон, — добавила она, обернувшись через плечо. — Мой брат способен уболтать кого угодно. Создать у человека ложное ощущение полной безопасности, и все для того, чтобы вы ему доверились.

Залесхофф резко вскочил на ноги, опрокинул стул и чертыхнулся. Затем погрозил пальцем сестре.

— Вот, видели? — прорычал он Кентону. — Дочь моей матери только и знает, что дразнить и унижать меня при каждом удобном случае! Я вас успокоил, дал выпить водки, мы подружились, мы нашли общий язык, и тут — на тебе! Тамара взяла и разрушила все своими глупыми высказываниями!

Он рухнул в кресло и спрятал лицо в ладонях.

— Очень смешно, — холодно заметил Кентон. — Нельзя ли мне стакан воды?

Залесхофф медленно поднял голову и мрачно уставился на Кентона. А потом вдруг громко хлопнул ладонью по столу и зашелся в приступе смеха.

— Видишь, Тамара, — выдавил он наконец, — нашего гостя не обманешь. Ничем не проймешь! Он нас насквозь видит, все наши маленькие хитрости. Теперь понимаешь, почему все англичане такие замечательные дипломаты?

— Разве? — спросила Тамара, снимая пальто.

— Ясное дело! — Он обернулся к Кентону и улыбнулся. — Мои извинения, мистер Кентон! Нам следовало понимать, что такие маленькие спектакли только оскорбляют ваш интеллект.

— Естественно, — несколько растерянно ответил Кентон. Нет, подумал он, этот человек порой ведет себя просто как ребенок.

Русский облегченно вздохнул.

— Неплохо было бы знать, — нервно начал он, — если это вообще возможно знать, — тут в голосе его зазвучали мечтательные нотки, — о чем думает сейчас наш дорогой гость мистер Кентон. — Внезапно он всем телом подался вперед. — Почему, к примеру, мистер Кентон был готов на столь крайние меры, чтобы сохранить собственность советского правительства?

Столь неожиданный выпад застиг журналиста врасплох. С минуту он молчал. В комнате не было слышно ни звука, если не считать тиканья часов и тихого шипения сковороды на плите. Настроение резко изменилось. Даже Рашенко почувствовал это и оставил свое занятие. Девушка, стоявшая спиной к двери, смотрела на стол. Залесхофф, отбросив свои театральные эффекты, не сводил с Кентона пронзительного, хитрого и оценивающего взгляда голубых глаз.

Все это Кентон заметил в долю секунды. Затем вдруг заулыбался.

— Я думал, мы отложили разговоры о деле и вернемся к ним только после еды. Однако если вы настаиваете...

И тут Залесхофф так и рассыпался в извинениях.

— Да, да, конечно! Мистер Кентон совершенно прав. А пока что стакан воды, или, может, еще немного водочки? Нет? У Рашенко скоро будет все готово.

За этим последовал торопливый обмен фразами по-русски, Рашенко закивал. А Залесхофф принялся пересказывать сестре драматичные и изрядно преувеличенные подробности побега из дома на холме. Кентону даже показалось, что о его присутствии вовсе забыли.

И вот наконец накрыли на стол и подали еду.

Трапеза состояла из борща со сметаной и маленьких пирожков с начинкой из овощей. И если не считать пространных и восторженных похвал Залесхоффа в адрес кулинарных талантов Рашенко, проходила она в полном молчании. Кентон был окончательно сбит с толку, что не мешало ему, отчаянно проголодавшемуся, набивать рот едой и энергично жевать. Как только все доели, Рашенко принялся убирать со стола.

— Сигарету, мистер Кентон?

— Спасибо, с удовольствием.

Он закурил, глубоко втянул в легкие дым. И сразу почувствовал себя гораздо лучше.

Залесхофф обернулся к девушке.

— Куда ты положила ту бумагу, Тамара?

Девушка подошла к буфету и вернулась с листом сероватой бумаги, сплошь исписанной мелким почерком. Брат взял листок, попросил Кентона пересесть на диван, а сам устроился на стуле лицом к нему. Тамара села за стол с карандашом в руке, выложила перед собой блокнот.

— Допрос начинается? — спросил Кентон.

И заметил, как на губах девушки промелькнула улыбка.

— Да ничего подобного! — с наигранным возмущением воскликнул Залесхофф. И приподнял листок бумаги. — Вам известно, что это такое, мистер Кентон?

Журналист отрицательно покачал головой.

Залесхофф протянул ему бумагу.

И Кентон посмотрел. Документ был озаглавлен «Досье К.4596» и начинался следующими словами: «Десмонд д'Эстер Кентон, журналист, урожденный Карлисл, 1906». Далее — уже на немецком — описывались его родители и их биографии, его собственная внешность, черты характера, карьера, политические взгляды, его работа на различные газеты — так точно и так подробно, что Кентон просто растерялся. Он перечитал текст дважды и вернул листок Залесхоффу.

— Прекрасная работа, — заметил Кентон, — но есть одна неточность. Тут сказано, что большую часть тысяча девятьсот тридцать четвертого года я прожил в Венгрии. На самом деле я находился в Риме.

Залесхофф нахмурился и досадливо хмыкнул.

— Пожалуйста, Тамара, отметь это и доложи! — Он снова обернулся к Кентону. — Страшно трудно, — жалобно продолжил он, — заставить людей тщательно проверять информацию. Постоянно ставят тебя в дурацкое положение!

Кентон решил, что лучше не комментировать это высказывание.

— Я показал это вам, — заметил Залесхофф, — вовсе не для того, чтобы произвести на вас впечатление. Нет, скорее, чтобы прояснить кое-что для себя. Первое не важно! — Он бросил бумагу на стол. — Можешь порвать ее, Тамара.

Кентон заметил, что вместо того, чтобы выполнить распоряжение брата, девушка аккуратно вложила листок в блокнот.

— А теперь к делу, — произнес Залесхофф. — Не будете ли вы столь любезны, мистер Кентон, пояснить нам, каким именно образом и почему оказались той ночью в отеле «Джозеф»?

Кентон разглядывал свою сигарету.

— Да я бы с радостью, — пробормотал он. — Но думаю, вы опустили весьма важную вступительную часть.

— Да?

Кентон поднял голову, и глаза их встретились.

— Прежде хотелось бы знать, с кем имею честь, — сказал журналист.

Повисла пауза. С другого конца комнаты доносилось лишь бряканье тарелок. Залесхофф сердито нахмурился.

— Не понимаю, — выдавил он наконец, — какое отношение к этому делу имеет мое имя. Оно вам все равно ничего не скажет. Хотя, — тут он пожал плечами, — позвольте представиться — Андреас Прокович Залесхофф.

— Залесхофф?..

Русский кивнул. Кентон в глубокой задумчивости откинулся на спинку дивана. А потом вдруг прищелкнул пальцами.

— Есть!

Залесхофф приподнял брови.

— Теперь вспомнил, — продолжил Кентон. — Это не вас, случайно, выдворили из Соединенных Штатов за коммунистическую агитацию и пропаганду в двадцать втором? В Питсбурге, кажется. Или дело было в Детройте? Так где же именно?

Он ждал ответа, предполагая, что сейчас ему продемонстрируют очередной взрыв театрального возмущения. Но затем — к великому своему изумлению — увидел, что русский густо покраснел от смущения.

— В Чикаго, — еле слышно, даже как-то робко пробормотал Залесхофф.

Девушка рассмеялась.

И голос у нее приятный, и смех тоже, подумал Кентон, но тут брат сердито покосился на Тамару и даже стукнул кулаком по столу.

— Прекрати, Тамара, прекрати сейчас же! — Он обернулся к Кентону. — Вы правы, — сказал он и растерянно пожал плечами. — Видите ли, я в ту пору был еще очень молод. Мальчишеская эскапада, ничего более. Но было это в тысяча девятьсот двадцать пятом, друг мой, и в Чикаго. — И он как-то не очень убедительно рассмеялся. — Имя вы запомнили, все правильно, а вот факты переврали.

— Что ж, — заметил Кентон, — ничего удивительного. Когда вас выдворяли из Чикаго, я был прыщавым юнцом. И до настоящего момента, пока вы сами не заговорили, никогда и ничего о вас не слышал. И даже имени не знал.

Залесхофф откинулся на спинку стула и громко засопел. Девушка заговорила первой.

— Так вы хотите сказать, мистер Кентон, — она с трудом подавляла смех, — что вы понятия не имели о том, что мы жили в Америке, и просто придумали всю эту историю о моем брате?

Кентон кивнул:

— Да, придумал. Оба вы говорите по-английски с американским акцентом, говорите так же бегло, как и я. Отсюда вывод: очевидно, что несколько лет вы провели в Америке. К тому же у меня были все основания предполагать, что брат ваш работает на советское правительство. Вот и захотелось немножко подразнить его. Ну и эта история с депортацией показалась мне наиболее вероятной.

— Что ж, я буду... — начал Андреас Прокович Залесхофф, но сестра его перебила:

— В тысяча девятьсот девятом наш отец был тайно убит Охранкой. Мама бежала с нами из Баку через Мексику в Америку, я тогда только-только родилась. Но там она так и не удосужилась обзавестись нормальными документами, и когда у Андреаса начались неприятности с полицией из-за этой самой пропаганды, все это тут же всплыло наружу, и нас депортировали. Вскоре

мама умерла, мы с братом лучше говорили по-русски, чем по-английски, вот и решили попросить советское гражданство. Все очень просто.

— Если ты, Тамара, закончила со всеми этими фамильными откровениями, — сердито бросил ее брат, — я бы предпочел переговорить с мистером Кентоном сам. — Он обернулся к журналисту. — Итак, мистер Кентон, мы вроде бы ответили на ваш вопрос. И теперь вам известно, кто я такой. Может, тогда соблаговолите ответить на мой? Как вы оказались в отеле «Джозеф»?

Кентон призадумался, потом сказал:

— Что ж, думаю, вреда от этого никому не будет.

Он начал описывать свою встречу с Захсом, и Залесхофф слушал его очень внимательно. Затем журналист объяснил, по каким причинам принял предложение Захса, и поведал о том, что видел в отеле «Джозеф». Однако, когда он перешел к разговору с «полковником Робинсоном», русский начал перебивать его, задавая все новые и новые вопросы. Что именно он сказал? Упоминалась ли в разговоре нефть? Насколько далеко простиралось доверие «хозяина» к Майлеру? А когда Кентон упомянул о влиятельных знакомых полковника в Лондоне, в глазах у Залесхоффа вспыхнул огонек и он возбужденно пробормотал что-то сестре по-русски. Намерение полковника ехать в Прагу тоже весьма его заинтересовало.

— Ну а затем, — добавил уже в самом конце Кентон, — на сцене появляетесь вы. Но вот как и почему, не имею ни малейшего представления.

— Ну, это очень просто объясняется! Я видел, как люди Саридзы выносят вас из отеля «Вернер». Чуть позже обыскал ваш номер. В одном из карманов пальто нашел небольшой клочок бумаги, вырванный из записной книжки. Там значилось два адреса, оба написаны по-русски. Первый: отель «Джозеф». Второй: вилла «Песчик». Так назывался дом, где я вас нашел.

— Но как вы вообще узнали о моем существовании?! — воскликнул Кентон, а затем вдруг его осенило. — Наверное, тот отвратительный тип с физиономией как из теста, которого Захс называл нацистским шпиком, работал на вас?

Залесхофф смотрел загадочно.

— Кто убил Захса? — не унимался Кентон.

Русские обменялись многозначительными взглядами. Залесхофф пожал плечами:

— Кто его знает...

— Ладно, — раздраженно бросил Кентон, — пока это опустим. Есть еще информация, которая вас интересует? — с изрядной долей иронии произнес он.

У него вдруг сильно заболела голова.

— Пожалуй, мистер Кентон, — мурлыкнул Залесхофф. — Еще всего два вопроса.

— А именно?

— Мне удалось подслушать через окно конец вашей беседы с Саридзой перед тем, как вас увели в подвал. Скажите, мистер Кентон, почему вы отказались

отдать фотографии и спасти тем самым свою жизнь? Что заставило вас сказать «нет» и выносить издевательства этого садиста Майлера?

Кентон усмехнулся.

— Видите ли, Залесхофф, — начал он, — мой отец был ирландцем, а мама — французенкой. И я с удивлением обнаружил, что унаследовал от родителей два странных качества — упрямство и крайнее отвращение к насилию.

Русский взглянул на сестру.

— Ты поняла, Тамара? Я ведь рассказывал тебе, что они с ним вытворяли.

Девушка кивнула. Брат снова обратился к Кентону.

— Последний вопрос, — сказал он. — Где можно найти эти фотографии?

Кентон судорожно пытался сообразить. Судя по всему, Залесхофф слышал не весь его разговор с полковником и ничего не знал о кафе «Шван».

— Так вы и вправду не знаете?

Залесхофф медленно покачал головой. И Кентон почти физически ощутил исходящую от него враждебность, которой было отмечено самое начало их разговора.

— В таком случае, монсеньор Залесхофф, — ответил он, — я собираюсь поторговаться с вами.

— Вот как?

— Да. За последние двадцать четыре часа со мной произошло множество крайне неприятных событий. Хотелось бы как-то компенсировать все это.

Губы русского сжались в тонкую полоску, челюсть агрессивно выдвинулась вперед.

— Сколько? — тихо спросил он.

Кентон изобразил крайнее изумление.

— Господи, нет, не деньги! Вот уже в третий раз мне предлагают подкуп за пачку каких-то совершенно неинтересных снимков. Я был о вас более высокого мнения, монсеньор, — с упреком добавил он.

Залесхофф потемнел лицом.

— Ближе к делу, будьте добры!

— Конечно. Я репортер. И незадолго до того, как встретился с этим злосчастным Борованским, как раз ломал голову над тем, где бы раздобыть новую историю, занимательную и свеженькую, не затасканную всеми этими ребятами из новостных агентств и иностранными корреспондентами в Европе. И вот теперь мне кажется, я напал на золотиносную жилу. И мне страшно хочется узнать как можно больше о высокопоставленных друзьях Саридзы в Лондоне. Кто они такие, что собой представляют, почему так интересуются Бессарабией и Румынией. Мне также хотелось бы знать, имеет ли к этому отношение нефть и в чем тут ваш интерес. Хочу знать весь цимес, всю подноготную, технику дела, уж не знаю, как еще вы называли все это в Чикаго, в обмен на фотографии. Ну, как вам такое предложение?

Залесхофф смотрел мрачно.

— Боюсь, мистер Кентон, вынужден вас разочаровать. И еще, надо сказать, я немало удивлен тем, что человек с вашим опытом выдвигает такое предложение. Поверьте, я не располагаю никаким сенсационным материалом, который мог бы вас заинтересовать. — На губах Залесхоффа играла еле заметная улыбка. — Может, ты, Тамара, что-нибудь придумаешь?

— Так вам нужны фотографии или нет?

— Да, мистер Кентон, нужны, но я не уполномочен делать заявления прессе. В любом случае дело это носит чисто коммерческий характер. Никакой политической подоплеки в нем нет.

— Сильно сомневаюсь!

— Да никакая газета не станет публиковать столь неинтересный материал!

— Интересен он или нет, я смогу сказать вам только после того, как узнаю факты.

Настала долгая пауза, затем заговорила Тамара.

— Думаю, Андреас, — начала она, — нам следует найти какой-то компромисс с мистером Кентоном.

Русский пристально смотрел на журналиста секунды две-три. Потом пожал плечами:

— Что ж, ладно! Думаю, разницы никакой.

— Никакой разницы? — Кентону эта последняя фраза показалась странной.

Но Залесхофф объяснять не стал.

— Остается лишь сожалеть, — злобно прошептал он, — что кое-кто не оставил мистера Кентона доблестному капитану Майлеру, чтобы тот отточил на нем свое искусство.

Рашенко принес чай в стаканах. Залесхофф выдавил в чай ломтик лимона и долго задумчиво помешивал его ложечкой.

Потом наконец поднял глаза.

— Вы должны понимать, мистер Кентон, — со всей прямоотой начал он, — что мое отношение к этому делу носит чисто случайный характер. Я частное лицо, советский гражданин с деловыми интересами в Швейцарии. И ограничиваются они импортом станков и прочего промышленного оборудования.

Залесхофф умолк.

— Тем не менее, — продолжил он, отпив глоток чая, — советский гражданин, равно как и граждане других стран, пребывающие за границей, в определенных обстоятельствах всегда готов ставить интересы своего государства выше личных, в данном случае деловых. Когда по целому ряду причин, которые, думаю, вам несколько не интересны, мне было поручено помочь в довольно щекотливом вопросе, затрагивающем чисто деловые интересы нашей страны, у меня не было другого выбора, кроме как согласиться. Именно этим, мистер Кентон, — добавил он с некоторым вызовом в голосе, — и объясняется моя позиция в данном вопросе.

Кентон, втайне насмехаясь над столь наивной отговоркой, понимающе кивнул и закурил сигарету.

— Ну а убийство Борованского? — спросил он.

Залесхофф лишь отмахнулся.

— Ничего не значащий инцидент! Поговорим о нем позже. — Он подался вперед. — Вы журналист, мистер Кентон, а потому информированы лучше, нежели обычные люди. Так что, считаю, мне стоит только намекнуть, и вы сразу все поймете. И когда скажу, что важное лицо, высланное из России, снова мечтает вкусить власти, вам многое станет ясно. В тысяча девятьсот семнадцатом-восемнадцатом этот человек оказывал России большие услуги, но его погубили собственные амбиции. Он жаждал власти. Сегодня Россия не является гостеприимным домом для тех, кто ставит свои эгоистические интересы выше интересов граждан этой страны. Вот его и выслали.

— Вы говорите о Троцком?

Залесхофф важно кивнул.

— Возможно, было бы лучше просто расстрелять его, — с сожалением в голосе добавил он, — поскольку этот человек неустанно плетет заговоры и интриги против своей родины. Вокруг него собралась целая шайка фанатиков, опьяненных жаждой власти. Они очень опасны. Франция их изгнала. Норвегия и Швеция — тоже. Из всех стран мира только Мексика согласилась их принять. Несколько лет они работали на свержение советской власти; многие честные слуги народа, многие выдающиеся личности были подкуплены или отравлены ядом их пропаганды. Эти несчастные тоже должны заплатить за предательство. Когда конечность поражена ядовитой гангреной, ее следует ампутировать, чтобы сохранить тело здоровым.

— Процессы тридцать шестого года? — спросил Кентон.

В ответ на эту фразу Залесхофф разразился пространной и пылкой речью:

— Процессы тридцать шестого продемонстрировали людям, в чем состоит опасность, но сама опасность все еще существует. Цель этих вырожденков — дискредитировать Советский Союз в глазах его соседей. И они следуют этой цели с неиссякаемым упорством. Они готовы пойти буквально на все. Вот и вы, мистер Кентон, тоже стали жертвой их происков. Борованский был советским гражданином, человеком из народа. Волею случая эти подделки, ну, те снимки, которые вы видели, попали ему в руки. Он информировал Москву, и ему было приказано оставить работу и немедленно доставить фотографии сюда, в Линц, для изучения. И он, как истинный патриот, немедленно бросился выполнять задание. Но враг тоже не дремал, быстро напал на его след. Вот он и передал эти снимки на хранение вам, англичанину, которому, как он решил, можно доверять. Затем враги убили его и переключились на вас. К чему это привело, вам прекрасно известно. Но наши враги не учли, как лояльно относятся советские люди к любому порядочному человеку, готовому до конца исполнить свой долг. Вызвали меня. Я откликнулся на этот призыв, и мне удалось спасти

вас от пыток и, возможно, даже смерти. Теперь это моя обязанность — довести дело Борованского до конца. Что ж, теперь вы знаете все, мистер Кентон! И во имя погибшего на своем посту Борованского прошу вас вернуть эти снимки мне.

Залесхофф выразительно взмахнул рукой. Он так и излучал уверенность. Девушка сидела, уставившись в блокнот.

Какое-то время Кентон смотрел на брата с сестрой, затем откинулся на спинку дивана и засунул руки в карманы.

— Вы хотите убедить меня в том, — медленно начал он, — что снимки эти — подделка, что Борованский был русским патриотом, что «полковник Робинсон» и капитан Майлер являются пособниками Троцкого?

Залесхофф кивнул:

— Да, таковы факты.

Кентон поднялся.

— Что ж, — с горечью произнес он, — знаю, что вел себя как дурак! Мало того, меня еще и обозвали дураком. Но вот одного от себя не ожидал: что меня можно принять за полного и окончательного идиота.

— Это вы о чем?

— Просто хочу сказать, что никогда прежде мне не доводилось выслушивать столь несусветную чушь из уст одного человека в течение пяти минут. Поздравляю! Это было потрясюще! Но уже поздно, и я страшно устал. Думаю, вы извините меня, если прямо отсюда я отправлюсь в отель, где мне удастся хоть немного поспать.

И он направился к двери.

— Минутку, мистер Кентон!

Он обернулся. Залесхофф стоял у стола, сжимая в руке большой синий револьвер.

Журналист пожал плечами.

— Знаете, мне начинает надоедать вся эта мелодрама, — язвительно произнес он. — В чем дело?

— Фотографии, мистер Кентон!

— Я уже сделал вам предложение.

Залесхофф злобно поджал губы.

— То, что вы просите, просто абсурдно. Вы вмешиваетесь в дела, не имеющие к вам ни малейшего отношения. Проявите благоразумие, мистер Кентон.

— «Полковник Робинсон» требовал того же — чтобы я проявил благоразумие.

— Меня не интересуют проблемы «полковника Робинсона».

— А меня — ваши. И я готов проявлять благоразумие, но только так, как я его понимаю. У меня профессиональный интерес к этому делу.

С минуту или две мужчины стояли и молча мерили друг друга гневными взглядами.

— Думаю, — заметила Тамара, — будет лучше и удобнее, если вы оба сядете. Тогда и продолжим разговор.

— Не лезь не в свое дело!

Девушка слегка покраснела.

— Это и мое дело, Андреас. Ты эту работу выполнил из рук вон плохо, сам знаешь. И если не прекратишь обращаться с этим человеком как с каким-то кретином вроде Ортеги и не...

— Заткнись! — рявкнул ее брат.

— Что ж, прекрасно, Андреас! Буду молчать. А напоследок скажу тебе вот что: думай, прежде чем что-то сказать, иначе зайдешь слишком далеко!

— Не глупи, Тамара! Что толку в дальнейших разговорах?

— Все зависит от того, что это будет за разговор. Лично я считаю, Андреас, тебе придется принять условия мистера Кентона.

Кентон ожидал новой вспышки гнева от русского, но ее не последовало. Залесхофф сунул револьвер в карман, уселся за стол и налил себе еще чаю. Кентон неуверенно покосился на девушку. Та жестом пригласила его сесть на диван. Залесхофф поднял глаза от стакана и усмехнулся.

— Итак, — язвительно начал он, — вы очень в себе уверены, верно? Андреаса Проковича заставили пойти на уступки и согласиться с требованиями желтой прессы!

— И это, естественно, вопрос *quid pro quo*?²⁵

— *Quid pro quo*! — презрительно воскликнул Залесхофф. — Уж слишком много в этом деле *quid* и явно недостаточно *quo*!

— Наберитесь терпения! Через минуту он перестанет болтать ерунду, — спокойно заметила девушка.

— А ну молчать! — прикрикнул на нее брат. — Этот пронырливый и хитрый журналюга отвесил тебе дурацкий комплимент, а ты и растаяла, окончательно потеряв голову. — Он резко обернулся к Кентону: — Скажите мне, мой любопытный друг, как вы думаете, почему я хочу, чтобы вы отдали мне эти снимки?

— Потому что это оригиналы, а никакие не копии, — ответил Кентон.

— Очень умно. Эти фотографии были незаконно похищены одним московским правительственным чиновником.

— Борованским?

— Да. Который при знакомстве с вами назвался Захсом.

— Ну а при чем тут полковник Робинсон?

— Саридза был тем человеком, который заплатил Борованскому, чтобы тот украл снимки.

— Тогда, выходит, он не врал, когда говорил, что Захс должен был доставить их ему?

— Не врал.

---

²⁵ Одно вместо другого (*лат.*).

— А кто был тот человек в поезде, которого так боялся Захс?

— О человеке в поезде мне ничего не известно, — ответил Залесхофф. — Возможно, Борованскому просто привиделось. От страха.

Кентон решил на время оставить эту тему.

— Кто такой Саридза?

Залесхофф помрачнел.

— Думаю, вам стоит раз и навсегда забыть это имя, — медленно произнес он. — Насколько мне известно, имя этого человека лишь раз упоминалось в одной из европейских газет. Правда, в то время он звался совсем по-другому, но газета, расследуя некий финансовый скандал, к которому он имел отношение, упомянула его настоящее имя. Уж не знаю, откуда они его узнали. Возможно, в архиве редакции хранилось досье на Саридзу. Как бы там ни было, но на следующий день после публикации статьи журналиста, написавшего ее, застрелили вместе с женой на выходе из дома. — Он задумчиво разглядывал стакан из-под чая, и Кентону показалось, будто Залесхофф говорит сам с собой. — Принято считать, будто личности типа Аль-Капоне и Джона Диллинджера являются продуктами несовершенного законодательства и коррупции в кругах американской администрации. Саридза же и ему подобные являются, должно быть, продуктами порочной мировой системы бизнеса.

Принципиальное различие между Аль-Капоне и Стефаном Саридзой состоит в том, что Капоне работал исключительно на себя, а Саридза — на других. Когда Капоне отдавал своим головорезам приказ расстрелять из автоматов пару человек на тротуаре — сами бандиты проносились при этом мимо в бронированном автомобиле — делалось это с целью получения или сохранения им прибыли. Когда Саридза приказал капитану Майлеру избивать вас дубинкой до тех пор, пока вы не скажете, где фотографии, это приносило прибыль его людям в Лондоне, которых он называл доверенными лицами. Джентльменам от бизнеса, которые, по всей вероятности, тысячу раз подумают, прежде чем прихлопнуть надоедливую муху.

Как видите, вашему бизнесмену важен результат, а вот средства его достижения совсем не нравятся. Человек он добросердечный. Он стремится жить с чистой совестью. Ему нравится думать, что люди, которых он нещадно эксплуатирует, счастливы и довольны, что они просто в восторге от того, что их эксплуатируют. Ему нравится сидеть у себя в офисе и честно вести дела с другими бизнесменами. Вот зачем им нужен Саридза. В невероятно сложной мировой бизнес-структуре время от времени необходимо выполнять грязную работу. В одном случае это просто подкуп, в другом — манипуляция общественным мнением посредством различных инцидентов, скандалов или слухов. Порой возникает даже необходимость убрать кого-то — вот тут-то и нужны такие люди, как Саридза и ему подобные. Им очень щедро платят и дают инструкции в самой обтекаемой форме...

Он на мгновение умолк, затем продолжил:

— Карьера Саридзы началась в Болгарии, в нулевых годах двадцатого века. Тогда он занимался запугиванием лавочников — чистой воды рэкет с предоставлением «крыши», или «защиты», так теперь называют это в Америке. Но постепенно поднимался по карьерной лестнице. Сегодня его профессия — это манипуляции общественным мнением, в этом деле он персоне номер один. Получил награды от многих правительств европейских государств. У тех же правительств имеются на него досье, где он числится одним из самых опасных агентов в мире. Сам он называет себя пропагандистом. Но куда больше ему подходит определение «политический саботажник».

Кентон беспокожно заерзал на сиденье.

— Но для чего ему нужны эти фотографии?

Залесхофф шутливо погрозил ему пальцем.

— Ага! Вот мы и подошли к самой сути дела. Да, действительно, для чего? Как только я убедился, что в этом деле задействован Саридза, мы принялись изучать проблему.

— Мы?..

— Тамара и я, — тут же выпалил в ответ Залесхофф.

Кентон пожал плечами.

— Ладно. Как скажете.

— И мы пришли к выводу, — продолжил Залесхофф, — что ключ к разгадке следует искать в Румынии.

— Что ж, несложно догадаться!

— Да. Но сам этот факт еще ни о чем не говорит. Следовало копнуть глубже. И мы это сделали.

— По-прежнему вдвоем с сестрой?

— Естественно. У нас была всего лишь одна зацепка. Несколько лет тому назад Саридза был связан с Пан-Евразийской нефтяной компанией, и нанял его тогда не кто иной, как нынешний председатель совета директоров этой самой компании мистер Балтерген.

— Балтерген? О, это очень влиятельный в деловых кругах Лондона господин, не так ли?

— Да, вы правы. Крупная фигура. Но гораздо важнее тут другой факт. А именно: его компания стояла за всей этой заварушкой, связанной с реформой нефтяных концессий в Румынии.

— Погодите минутку! Тут произошла одна история. Какая-то газета напечатала об этом статью, и ее разгромили, я не ошибаюсь?

— Было дело. Не далее как сегодня утром мы узнали, что приказ разгромить помещение редакции исходил от агента Пан-Евразийской компании в Бухаресте. Правда, они немного запоздали, большая часть тиража газеты уже разошлась. Сама статья была не очень, но подпортила отношение к самой идее возобновления концессии и инициировала официальное расследование. Произошло это три месяца тому назад.

— Так вы хотите сказать, что влиятельные люди Саридзы в Лондоне — это Пан-Евразийская нефтяная компания?

— Похоже на то.

— Гм... Лично мне все это кажется случайным совпадением. Хотя... Пусть даже это правда, не понимаю, каким образом вписываются в эту схему Захс и его фотографии.

— Мы тоже не понимаем. Но дальнейшее расследование дало нам еще одну зацепку. — Залесхофф закурил, выпустил струйку дыма и, подняв глаза к потолку, проводил ее задумчивым взглядом. — Скажите, мистер Кентон, вы последнее время следили за политикой Румынии?

— Постоянно слежу.

Но вопрос Залесхоффа, судя по всему, носил риторический характер. Он перестал смотреть в потолок и продолжил, точно не слышал ответа журналиста.

— Вплоть до тысяча девятьсот тридцать шестого года, — сказал он, — политику Румынии можно было охарактеризовать всего одним словом — Титулеску. Международная политика Титулеску опиралась на дружбу с Советской Россией. Антанта стала первым звеном в цепи вокруг Германии. Последним ее звеном стал пакт между Франко и Советами. И логично было бы предположить, что реакция Румынии на все эти события не будет отличаться от реакции других стран Европы. Фашизм в Италии, национал-социализм в Германии, Croix de Feu²⁶ во Франции, монархизм в Бельгии и национализм в Испании — вряд ли на этом фоне от Румынии можно было ожидать, что она избежит всей этой заразы. Даже в Англии, в рядах нарождающейся бюрократии, были заметны эти симптомы. Маленьким Гитлером Румынии стал Корнелиус Кодряну, имелся при нем и свой Геринг в лице генерала Зизи Кантакузино. Кодряну начинал адвокатом, а затем создал свою партию и назвал ее Лигой архангела Михаила. Впоследствии он переименовал ее сначала в Железную гвардию, а потом — в Лигу за Родину. Впрочем, название здесь значения не имеет. Политика партии была вполне предсказуема — антисемитизм, корпоративные сговоры, союз с Германией и «спасение румын от еврейской и коммунистической заразы». Члены партии носили длинные зеленые рубахи и большую часть времени занимались сборами фондов, политическими заказными убийствами и терроризмом.

Когда Татареску вынудил Титулеску уйти в отставку, тот бежал из Румынии в сопровождении целой армии людей Кодряну. До сих пор многие считают, что массовое отравление в Сент-Морице было их рук дело. Что ж, не лишено оснований. Тут главное другое.

Вместо Титулеску министром иностранных дел стал Антонеску, и Румыния заключила союз с Польшей на основе соблюдения строгого нейтралитета по

---

²⁶ Политические волнения во Франции в 1934 году.

отношению и к Германии, и к России. С одной стороны, это был умный ход, сразу пресекающий на корню саму идею Германии напасть на Россию через Украину. Но до той поры, пока ничего серьезного не случилось, личная власть и союзничество с Германией Кодряну не светили. Так как вы считаете, мистер Кентон, на чьей стороне тут Саридза?

— Вы хотите сказать, что Саридзу наняли для того, чтобы он обеспечил это «серьезное»?

— Именно! Вам, разумеется, известно о старом бессарабском конфликте между Россией и Румынией. Железная гвардия была призвана бросить Румынию в объятия Германии. И сделать это они рассчитывали, настроив общественное мнение против России. Советы, декларировали они, планируют напасть на Бессарабию и захватить ее. Они должны были посеять страх среди людей, а затем в нужный момент представить доказательство, а именно — эти фотографии, якобы демонстрирующие намерения России. Проблема в одном — правильно выбрать время. А массовая истерия доделает всю работу.

— Разве? Лично я сомневаюсь.

Залесхофф недовольно фыркнул.

— Мой дорогой мистер Кентон, если бы вам удалось покопаться в архивах военного министерства Великобритании, вы наверняка нашли бы там развернутый план нападения Англии на Францию. Это работа офицеров из военных ведомств — сочинять подобные штуки! Никто в Англии и не думал нападать на Францию. Эти две страны — союзники. Но допустим, вы опубликовали этот план нападения во Франции вместе с заверениями, что Англия спит и видит, как бы захватить французское Марокко. Как думаете, какой эффект это произведет на общественное мнение? Недоверие ко всем поступкам и мотивам Англии в будущем — это наименьший вред, который можно тут причинить. Да, отношения между Англией и Францией сейчас самые дружественные, просто пример для всех остальных стран и народов. Но представьте, какой ущерб это может нанести отношениям между странами, находящимися в положении России и Румынии?! Войны начинались и по менее веским причинам.

— Теперь понимаю. Однако какое место отводится во всем этом деле Пан-Евразийской нефтяной компании?

— Самый нижний этаж. Или фундамент, если вам угодно. Саридзе платят за то, чтобы он убедил румын возобновить старые договоры по нефтяным концессиям в пользу именно этой компании. Старая игра. Нечто подобное разыгрывалось в Мексике на протяжении многих лет, и драка шла между крупными нефтяными компаниями. Вот почему в этой стране было так много революций!

Кентон призадумался.

— Но почему вы так уверены, — заметил он после паузы, — что все, что вы только что мне рассказали, должно убедить меня отдать эти снимки именно

вам? Ведь я могу оказаться и твердолобым тори с большим пакетом акций Пан-Евразийской компании.

Залесхофф мрачно усмехнулся.

— Ну, чтобы догадаться, что это не так, много ума не надо! Если бы у вас имелся большой пакет хоть каких-то акций, вы бы, по вашим же словам, не нуждались так отчаянно в деньгах в Нюрнберге. Возможно, вы мне солгали, и дело обстояло совсем по-другому, но я бы это сразу заметил. Как бы там ни было, но в досье на вас указано, что вы склонны к умеренному радикализму, что весьма характерно для английских журналистов.

Кентон зевнул.

— Вам не о чем беспокоиться! Я отдам вам фотографии. Вы были правы, говоря, что с моей точки зрения в них нет ничего ценного. То, что едва не случилось, — это еще не новости. Хотя... вы подсказали мне одну идею! Я могу съездить в Бухарест и раздобыть материалы по Кодряну. Но прошу, удовлетворите мое любопытство, скажите, *вы* убили Захса или нет?

И он снова заметил, как брат с сестрой обменялись выразительными взглядами.

— Нет, мистер Кентон. Не я.

Журналист пожал плечами.

— Что ж, хорошо! Не возражаете, если я попробую сделать для себя кое-какие выводы?

— Нисколько!

— Хорошо. Итак, я возвращаюсь к себе в отель. — Кентон поднялся.

— А о фотографиях не забыли, мистер Кентон? — На этот раз заговорила девушка.

— Ну разумеется, нет. Они у хозяина кафе «Шван». И я договорился с ним, что он может передать их из рук в руки только мне, никому другому. Кафе открыто всю ночь, находится неподалеку от отеля «Вернер». И мы можем зайти туда, когда пожелаем.

— Конверт на ваше имя? — резко спросил Залесхофф.

— Конечно.

Залесхофф вопросительно взглянул на сестру.

Та покачала головой.

— Рисковать мы не можем, — сказала она.

Залесхофф кивнул и снова обернулся к Кентону.

— Сожалею, — начал он, — но вам придется переночевать здесь. А утром решим, что делать дальше.

Кентон переводил мрачный взгляд с брата на сестру.

— Что-то я не совсем понимаю...

— Так будет гораздо удобнее, — утешительным тоном начал Залесхофф, но тут Тамара перебила его.

— Ему лучше знать правду, — сказала она. — Мистер Кентон, вы не можете вернуться к себе в отель! И еще вы не можете потребовать свой конверт обратно в кафе «Шван», это исключено! Вам просто опасно появляться на улицах города.

— Почему?

— Да потому, — ответила Тамара, — что во всех вечерних газетах сегодня можно найти ваше имя, описание внешности и увеличенный отпечаток пальца, обнаруженный на раковине в номере двадцать пять отеля «Джозеф». За вашу голову назначена награда в тысячу шиллингов. Именно вас австрийская полиция разыскивает за убийство Германа Захса.

В четверть третьего ночи владелец кафе «Шван» позвонил в полицию и сообщил, что примерно десять минут назад к его заведению подъехали на большой черной машине трое в масках. Угрожая присутствующим револьверами, они обыскали помещение. Один из двух посетителей, железнодорожный служащий с вокзала, попытался оказать сопротивление налетчикам и был ранен в ногу. Денег они не взяли, забрали лишь небольшой пакет. Его оставил молодой американец в ячейке для почты. В пакете, насколько понял владелец кафе, хранились компрометирующие письма от некой дамы.

Мужчина, ранивший железнодорожного служащего, был высокий и худой. Двое остальных — среднего роста. Рука одного из них, кажется, левая, вроде бы плохо сгибалась в локте, впрочем, он не уверен. Ему налетчики заявили, что это дело чести. Нет, он не может описать этих людей, поскольку они были в масках. А во что были одеты — просто не заметил. Нет, он не заметил ни марки, ни номера машины — да кто вообще способен что-либо заметить в подобных обстоятельствах?! Нет, он не помнит имени американца — если он будет запоминать имя каждого путешественника, который оставляет ему свои вещи на хранение, голова пойдет кругом и невозможно будет нормально вести бизнес. Вроде бы Краузе, но он не уверен.

Полиция обещала провести расследование.

11

Кентон размышляет

Наиболее впечатлительные из современных интерпретаторов истории частенько отмечают абсурдное влияние разных мелочей на значительные события в развитии человечества. И даже выработали целую философию на эту тему. Каков, спрашивают они, был бы дальнейший ход истории, если бы, допустим, Наполеон сражался в битве при Маренго с холодной головой, все предварительно просчитав?

Подобные причудливые размышления характерны для эпохи атеизма. Однако в общей структуре причинно-следственных связей, в этой безумной

pastiche,²⁷ которую многие называют «слепой рукой судьбы», зачастую наблюдается определенный артистизм.

В 1885 году жила в Зальцбурге молодая супружеская пара по фамилии Хёш. Муж Карл трудился в мастерской некоего Бушера по производству стеклянных бус. В начале 1886 года господин Бушер скончался. И в своем завещании упомянул каждого из служащих, а своему помощнику Карлу оставил в наследство две книги, как было сказано в завещании, «для воспитания и укрепления его разума и разума его доброй супруги». Одной из книг была «Жизнь Карла Великого», опубликованная в Берлине в 1850 году; второй — немецкий перевод «Илиады». С щедростью равно умилительной и бессмысленной (ибо фрау Хёш не умела читать) Карл разделил свалившееся на голову наследство поровну: отдал одну из книг жене. И вот «Жизнь Карла Великого» была аккуратно упакована вместе с воскресным платьем фрау и несколькими памятными мелочами, доставшимися ей от матери. «Илиаду» же Карл читал прилежно — и один, и вслух жене. И когда в 1887 году супруги узнали, что вскоре на свет должен появиться их первый ребенок, было решено: если родится девочка, то назовут ее Еленой. Карл втайне надеялся, что это будет мальчик, и решил назвать его Ахиллом. В августе того же года на свет появился сынишка, и при крещении ему дали имя Ахилл Карл Хёш.

Логично было бы предположить, что, подрастая, юный Хёш будет стыдиться своего первого имени. Однако ничего подобного. Возможно потому, что мама упорно называла его Карлом. После двух или трех лет чтений «Илиады» на ночь фрау Хёш всем сердцем возненавидела Гомера. Однажды она робко предложила почитать вслух «Жизнь Карла Великого», но муж решительно отказался, мотивируя тем, что подарил эту книгу ей, а подарки возвращать не полагается. Женщина покорно согласилась с таким вердиктом, но еще больше возненавидела «Илиаду». Именно тогда она и начала называть сына Карлом.

Однако для мира вне семьи юный Карл всегда оставался Ахиллом; и поскольку рос он здоровым, крепким и драчливым пареньком, его имя произносилось ровесниками не с насмешкой, а с завистью и даже некоторым трепетом. Благодаря этому он очень быстро обрел уверенность в себе и, закончив школу, твердо отверг предложение отца поступить на фабрику по производству стеклянных бус. Вместо этого он поступил на службу в железнодорожную компанию.

Несложно догадаться, что карьера Ахилла Хёша шла по восходящей. В каком-то смысле он весьма преуспел. Отслужив двадцать шесть лет в различных подразделениях, он получил должность помощника инспектора товарных перевозок через Линц. И, проработав на этой должности два года, выработал

---

²⁷ Подражание, пародия, имитация (*фр.*).

привычку после ночной смены заскакивать в кафе «Шван» — выпить чашечку Kaffee ausgeheizter²⁸ и съесть кусок Kuchen.²⁹

Именно этим он и занимался, когда ноябрьской ночью в кафе ворвался «полковник Робинсон» со своими головорезами, с пистолетами в руках и угрозами на устах. И тогда, услышав приказ поднять руки, Ахилл, вполне достойный своего славного имени, дрожа от ярости, схватил стул и запустил его в голову капитану Майлеру.

Капитан увернулся, выстрелил в Ахилла и ранил его в ногу. В больнице выяснилось, что пуля прошла навывлет, задев только мягкие ткани пятки.

Почти в каждом городе, вне зависимости от его размеров, имеется определенная квота на проявление насилия по ночам. Лишь характер самого насилия меняется в зависимости от страны и района, где это происходит. В лондонском Ист-Энде обычно предпочитают кастет, бритву или разбитую бутылку. На окраинах Парижа в ход идут ножи и пистолеты. В Центральной Европе, к северу от линии Базель — Триест, чаще всего используют револьвер.

В газетах редко пишут об этих малоинтересных инцидентах. Только в тех случаях, когда подобное происшествие окутано некой тайной, оно имеет шанс приобрести «новостную ценность». Ранение в пятку, полученное каким-то железнодорожным служащим в Линце, такой «ценности» не имело. Ранение в любую другую часть тела, полученное человеком по имени Ахилл, тоже не привлекло бы внимания. Но вот тот факт, что мужчина по имени Ахилл был ранен именно в пятку, уже представлял собой «новостную ценность» — надо же, какое совпадение! Лучше не придумаешь! Рука судьбы!

И вот примерно через полчаса после того, как Ахилла увезли в больницу, на телетайпные машины в редакциях всех венских утренних газет поступило сообщение. В результате напечатанной на первой полосе статье пришлось немного потесниться. И в левом уголке появилась информация, эффектно озаглавленная следующим образом: «АХИЛЛЕСОВА ПЯТА».

Примерно в половине восьмого утра Залесхофф поднялся из кресла, стоявшего возле печки в квартире Рашенко по адресу Кёльнерштрассе, 11. Он потянулся, разминая затекшее тело, и направился в полутьме к раковине. Плеснул в лицо холодной воды, вымыл руки. Затем посмотрел на сестру, она спала, уютно свернувшись в кресле калачиком.

— Тамара, — тихо прошептал он.

— Да?

— Пойду немного пройдуся.

— Хорошо.

---

²⁸ Горячий кофе (нем.).

²⁹ Пирог (нем.).

Залесхофф прислушался к храпу, доносившемуся с дивана и с железной кровати, на которой, тяжело и с хрипом дыша, спал Рашенко.

— Их не буди, — добавил он.

Дверь тихо скрипнула, он вышел.

Девушка какое-то время смотрела на слабо мерцающие угли в печке, затем снова закрыла глаза. Ей показалось, что со времени ухода брата прошла всего минута. И вот он снова стоит у кресла, тербит ее за руку и говорит, что надо встать и быстро одеться. В другой руке у брата была зажата газета.

Когда два часа спустя Кентон проснулся, Залесхоффа и Тамары в комнате не было. В щель между шторами просачивалась бледная солнечная полоска — она светила Кентону прямо в глаза. Он резко сел на диване и почувствовал, как что-то при этом свалилось на пол. Клочок бумаги, сложенный в несколько раз. Кентон развернул и прочел.

Дорогой мистер Кентон!

На столе, что посреди комнаты, лежит сегодняшняя газета. Думаю, вас заинтересуют два материала, напечатанные на первой странице. Одну из статей, относящуюся непосредственно к вам, полагаю, не стоит воспринимать всерьез. Когда это полиция не давала обещаний арестовать злоумышленника через несколько часов? А вот вторая статейка объясняет многое, в том числе и наше отсутствие. Гонка в самом разгаре. Не пытайтесь связаться с кем бы то ни было! Предлагаю вам оставаться здесь с Рашенко до тех пор, пока я не организую ваш вывоз из Австрии. Как вы неоднократно подчеркивали вчера вечером, именно я ответственен за ваше нынешнее положение. Моя сестра с недавно проснувшимися материнскими инстинктами шлет вам наилучшие пожелания.

Подписи не было. Залесхофф во всем привык соблюдать осторожность.

Кентон с каким-то отстраненным интересом прочел о «последних достижениях» в деле расследования убийства в Линце.

Первой его реакцией на сообщение, что именно его разыскивают за это убийство, был смех. Затем он взял вчерашнюю вечернюю газету, и смех сменился ироничным возмущением. Да он мог бы хоть сейчас пойти в полицию, отругать их за глупость, потребовать извинений, написать жалобу и уйти! Или же вообще потерять всякое терпение, как вчера, и обвинить в убийстве Захса Залесхоффа. Бурная получилась бы сцена.

Успокоить их смогла только девушка.

Именно она указала, что подозрения полиции не так уж и беспочвенны. Похоже, что Кентон был последним человеком, видевшим Захса живым. И у Кентона нашлись пропавшие деньги. И потом, удручающие показания свидетелей из отеля «Вернер». А в заключение она сказала, что беспокоиться ему пока не о чем, они все решат завтра и утро вечера мудренее.

Но вот оно настало, это утро, и Залесхофф с сестрой куда-то исчезли. Статья в газете, о которой говорилось в записке, показалась Кентону сомнительной. Но затем на глаза попало крошечное сообщение о том, что некий Ахилл Хёш был ранен в пятку, и он все сразу понял. Так, значит, Саридза все-таки заполучил фотографии! Вот так! А тем временем...

Он отдернул штору, выглянул в окно и посмотрел на тротуар внизу, перед домом. Там играли несколько ребятишек, мимо плелась какая-то старушка, торопливо прошли двое мужчин. Кентону вдруг страшно захотелось выбраться из душной и тесной, забитой разным хламом комнатухи Рашенко на свежий воздух. А собственно, почему бы и нет, что ему мешает? Ведь он никакой не преступник! Просто абсурд, что они подозревают его. Абсурд, что... но потом вдруг в голову пришла мысль: они его *не* подозревают, нет! Ведь здесь не Англия, а Австрия. И пока сам человек не докажет полную свою невиновность, он не просто подозреваемый, он преступник!

Кентон опустил штору и выпрямился. Вся нижняя часть тела ныла от боли. Отчасти она была вызвана растяжением суставов, но по большей части тем, что там все было сплошь в разноцветных синяках и ссадинах. Руки и спина пострадали меньше. Он увидел это в небольшом зеркальце, висевшем на стене. Оно также показало, что у него сильно отросла щетина на щеках и подбородке, но в остальном лицо было в порядке. А вот одежда просто в удручающем состоянии. Кроме огромной прорехи в штанине, имелись более мелкие дырки на рукавах и спине пиджака. Да и нижнее белье тоже носить просто неприлично! Чего еще ждать после всех стрессов, испытанных им, и непрерывной носки на протяжении семидесяти двух часов?! Ему просто необходимо принять ванну. Он разделся донага, пошел в душевую кабинку и исхитрился помыться, имея под рукой лишь маленький тазик и кувшин холодной воды.

Итак, его разыскивают за убийство. Тут, к своему удивлению, Кентон вдруг обнаружил, что сама эта мысль имеет эффект, идентичный тому, что испытывает человек, ожидая в приемной дантиста, — чувство дискомфорта в желудке и невозможность вздохнуть полной грудью. Наверное, предположил он, в обоих случаях задействованы те же железы — они выбрасывают в кровь одинаковые секреты. Возможно, именно это объясняет, почему реальным убийцам, захваченным полицией, часто не хватает сдержанности, они безрассудно выбалтывают все, что только приходит в голову. Излишняя самоуверенность в подобных обстоятельствах может оказаться куда опаснее слепой паники. Ничего не следует делать второпях.

Кентон кое-как обтерся маленьким ручным полотенцем, надел рубашку и брюки. Когда Рашенко проснется, он позаимствует у него бритву и побреется. В кармане нашлась пачка сигарет. Кентон закурил и сел подумать.

Первый и самый главный вопрос: следует ли ему принимать предложение Залесхоффа, упомянутое в записке?

Решение было бы куда легче принять, если бы он действительно убил Захса, тогда бы ему пришлось думать только о спасении собственной шкуры. Но сейчас перед ним стоит весьма сложная задача — попробовать доказать свою невиновность. Настоящий убийца об этом не беспокоился бы. При наличии всех улик последнее, чего ему хотелось, так это предстать перед судом. Кентон тоже не собирался представлять перед судом, но он еще не решился до конца признаться даже самому себе, что такое возможно. Он не убивал Захса, а потому они просто не смогут, не посмеют судить его за это! Вся эта история из области фантастики. Да и консул непременно вступится за него.

Затем неожиданно пришла другая мысль. Допустим, они все-таки приговорят его за убийство. Допустим, все его усилия доказать свою невиновность пойдут прахом, и консул тоже ничем не поможет. Замечательно, когда торжествует Закон и Правосудие карает виновных. Но как показывает практика, Закон и Правосудие трудно назвать непогрешимыми. Бездумные, честные и слепые, они на ощупь отправляются на поиски фактов и улик. Иногда на этом пути им под руку попадают невиновные. Закон и Правосудие налетают на них, как ястребы. Иногда осуждают и невиновных, и Правосудие вполне удовлетворено приговором. А полиция, со своей стороны, просто закрывает дело. Так что уповать на торжество Закона особо не приходится.

Сердце у Кентона забилося немного быстрее. Он схватил газету со стола и начал уже более внимательно перечитывать отчет полиции о ходе расследования. Отпечатки пальцев! Но ведь тогда он подумал об этом, протер все предметы, к которым прикасался! Должно быть, забыл про раковину, в которой смывал с рук кровь Захса.

Потом, эти показания ночного портье. Описание он дал вполне четкое, хотя имя в журнале регистрации было написано неправильно: «Кентен». Возможно, этот тип был не так уж и пьян, каким казался. Теперь пропавшие деньги. Захс заплатил авансом за свой номер, и портье видел его бумажник. О деньгах, которые он отправил почтой в отель, не упоминалось ни словом. Но у полиции, без сомнения, имеется образчик его, Кентона, почерка на конверте, они приберегают его как решающую улику для суда. Ну и сглупил же он, отправив эти деньги по почте!

В отеле «Вернер» тоже нашлось немало улик. Убийца, заявил управляющий, пришел к ним под утро, выглядел страшно обтрепанным, измученным и грязным, точно с кем-то боролся. Далее сообщалось, что в тот же день, немного позже, полиция обнаружила в номере страшный беспорядок. Что ж, вполне вероятно, заключил Кентон, с учетом того факта, что и Саридза, и Залесхофф обыскивали его вещи. Так что все улики и показания против него. Единственное, что говорило в его пользу, так это то, что Захс уже был мертв, когда он прибыл в гостиницу, но опять же, как это докажешь? История с фотографиями может принести больше вреда, чем пользы. Даже если их сочтут грубой подделкой, они послужат еще одним дополнительным доказательством преступности его

намерений. Совершенно ясно одно: сдаваться в руки полиции нельзя, слишком опасно. Единственный шанс — это найти настоящего убийцу и призвать его к ответу. Был и еще один выход: срочно вернуться в Англию, с помощью Залесхоффа или самостоятельно, и оставаться там. Насколько он, Кентон, помнил, экстрадировать человека из родной страны они не имеют права.

Он рассеянно расхаживал по комнате. Если бы только Залесхофф не исчез! Он заставил бы русского сказать всю правду об убийстве. С Захсом расправился или он, или тот «шпик наци», в этом Кентон был твердо убежден. И этой ночью во время «задушевного» разговора он должен был выбить правду из Залесхоффа. Если бы говорил меньше и думал больше. А так, получается, он упустил шанс. Если человек не привык к тому, что его неожиданно и несправедливо могут обвинить в убийстве, то тогда он, полагал Кентон, непременно возмутится, оскорбится, невзирая на все реалии ситуации. А сам он, с горечью вспомнил Кентон, вместо этого мирно улегся спать, сочинив несколько ироничных фраз в адрес дураков и тупиц, ответственных за такую ошибку.

Перспектива провести в «логове» Рашенко еще неизвестно сколько дней его удручала. Нет, он просто этого больше не вынесет! Риск быть схваченным, конечно, существовал, но шансы как-то оправдаться, избавиться от подозрений и обвинений будут только уменьшаться с каждым днем.

Залесхофф — он ни на миг в том не сомневался — отправился в Прагу, опираясь на информацию, которую Кентон сообщил ему вчера вечером. Тип с мучнистой физиономией из поезда «Нюрнберг — Линц» мог находиться теперь — и это почти наверняка — в сотнях миль отсюда. И Залесхоффу, без сомнения, плевать, что произойдет с Кентоном дальше. Для него главное — выполнить задачи, поставленные перед ним правительством, и судьба какого-то непонятого английского журналиста интересует его в последнюю очередь. Вероломство этого человека приводило Кентона в ярость.

Что же касается девушки... она проявила к нему хоть какую-то заботу и добросердечие. Он желчно усмехнулся. Добросердечие! Слишком уж емкое и благородное слово, чтобы использовать его с учетом рода занятий этих людей. Он совершенно утратил чувство объективности. Впрочем, обвинять всех подряд — напрасная трата времени. Главное — решить, что же делать дальше.

Стоит ли бежать в Англию? Сама идея не лишена привлекательности. Там по крайней мере он будет чувствовать себя в безопасности, с чисто физической точки зрения. С другой стороны, он будет лишен свободы передвижения, а это нанесет ущерб работе. Ведь стоит ему только ступить за пределы Англии, как его немедленно арестуют. Да и в самой Англии он наверняка окажется под наблюдением. Проблема такого рода, решил Кентон, требует консультации с юристом. В любом случае перспективы очиститься от подозрений, пребывая в Англии, нет почти никакой. Возможно, ему следует надеяться лишь на поимку настоящего убийцы, который сделает чистосердечное, не вызывающее сомнений признание. Как же, дождешься! А пока он будет ждать, его жизнь в

Англии тоже сахаром не покажется. Человек, которого разыскивают за жестокое убийство, не слишком желательный член общества. Стало быть, все упирается только в одно — найти настоящего убийцу и предать его суду.

Кентон мрачно перебирал в уме все эти варианты. Безнадежное дело... Просто разыскать Залесхоффа мало, надо еще убедить русского помочь ему. Выжать из него всю правду! Да, но как? Он вспомнил ничего не выражающие взгляды, холодные и спокойные отрицания, на которые наткнулся вчера, только еще начав расспрашивать об убийстве Захса. Кентон вздохнул. Ему так и не удалось правильно разыграть свою карту. Залесхофф и его сестра слишком умны, расколоть их ему не по зубам. Прежде чем сообщить ему о полиции, они выяснили, где находятся фотографии. И весь этот спор из-за цены, из-за того, что он хочет в обмен на эти фотографии, был разыгран ими как по нотам, с одной лишь целью — отвлечь его внимание от главной темы. С каким, наверное, облегчением они восприняли тот факт, что он не стал настойчиво выведывать у них имя убийцы Захса. И еще он заметил несколько мелочей, которые говорили о многом: то, как девушка торопливо припрятала смятый листок газеты, многозначительные взгляды, которыми обменивались брат с сестрой при каждом упоминании об убийстве Захса. Да, «управляли» они им очень умно. И Кентон почувствовал нечто похожее на радость при мысли о том, что им, несмотря ни на что, так и не удалось заполучить фотографии. Они...

Тут он вздрогнул.

Залесхоффу были страшно нужны эти снимки. Он, Кентон, выдал ему их местонахождение в обмен на журналистскую историю. Вот вам и предмет торга. Допустим, теми или иными средствами ему удастся снова завладеть этим предметом. И тогда...

Он поморщился и покачал головой.

Это безумие. Совершенно безнадежная затея. Каким образом он собирается вернуть эти фотографии? Саридза, по всей видимости, уже в Праге. Залесхофф помчался туда же, ему вдогонку. Есть ли шансы у него, Кентона, опередить русского? Он мрачно раздавил окурок в пепельнице и обхватил голову руками.

Какой-нибудь психиатр наблюдал бы за поведением журналиста последние две минуты с глубоким, чисто профессиональным, интересом. Ибо примерно минуты через полторы застывшее на лице Кентона выражение крайнего отчаяния изменилось внезапно и кардинально. Нижняя челюсть отвалилась, глаза расширились, на лбу прорезалась глубокая морщина задумчивости. А затем вдруг она исчезла, уголки губ начали раздвигаться в улыбке. Кентон резко вскочил, прищелкнул пальцами, воскликнул «Ха!», а потом стал тихонько насвистывать. Ибо он вспомнил нечто — нечто страшно важное — а именно тот факт, что «полковник Робинсон» собирался в Прагу на встречу с человеком по имени Бастаки.

Пока Кентон рассказывал Залесхоффу свою историю, пока отвечал на целый поток вопросов от русского, это имя совершенно вылетело из головы. Да и когда

оно только еще прозвучало, Кентон не обратил на него особого внимания. Мысли его в тот момент были целиком сосредоточены на резиновой дубинке капитана Майлера. А после — побег, а затем вся эта умственная акробатика Залесхоффа помогли выбросить из памяти сию малозначительную деталь. В любом случае он не придал значения тому, куда и к кому направляется Саридза. Мысли его были целиком сосредоточены на фотографиях, хранившихся у владельца привокзального кафе.

Теперь же все обстояло иначе. Самое важное — это узнать, куда направился Саридза. И степень этой важности определялась тем простым фактом, что именно он, Кентон, а не Залесхофф владел этой информацией. Возможно, эта информация поможет ему вернуть фотографии, завладеть ими раньше русского, обогнать его, пусть тот и стартовал раньше. Прага — большой город. Залесхофф не имеет никаких подсказок и ниточек, а потому задача ему предстоит крайне сложная. Правда, само по себе имя «Бастаки» может ничего и не дать, завести в тупик. И тем не менее есть шанс, что подсказка эта окажется бесценной. В любом случае, сказал он себе, терять тут нечего. Если ему не удастся найти Саридзу, а если даже и удастся, фотографий он не получит, тогда можно попробовать перебраться в Англию через Польшу. Как ни крути, а Чехословакия самая удобная для этого страна! До границы Швейцарии добираться из Австрии далеко и сложно, в Германию и Италию — слишком рискованно, если не показывать паспорта. В этих двух последних странах ему придется зарегистрировать свой паспорт в отделении местной полиции, там, где он остановится. В этих странах недостаточно просто заполнить бланк в отеле, вписать туда свое имя и номер паспорта. Пробираться через Венгрию — нет, это лишь усложнит маршрут, эта страна еще дальше от Англии. А вот Прага — то, что надо.

Итак, он определил цель, и на сердце сразу полегчало. В глубине души Кентон понимал: шансы сделать хоть что-то в Праге с его «ключом» ничтожны. Но он также осознавал, что если не хочет и дальше торчать пленником в этой жуткой комнатухе Рашенко, другого выхода у него просто нет. И он решил сосредоточиться на более насущной проблеме — как попасть из Австрии в Чехословакию, да так, чтобы его не арестовали и чтобы ни в коем случае не показывать паспорт.

Во-первых, ему необходима одежда. Шляпа и пальто остались в отеле «Вернер», или же их забрала полиция. Брюки в таком виде, что ходить в них невозможно, они сразу привлекают внимание. Еще одна насущная необходимость — деньги. Он подсчитал содержимое своего бумажника. Четыреста шестьдесят пять рейхсмарок и еще немного мелочи. Если потратить эти шестьдесят пять на одежду, оставшихся хватит, чтобы протянуть неделю или две. Ничего, скоро он узнает, напрасно ли потратил время в Праге. В случае необходимости можно будет добраться до Данцига и купить там билет на паром.

Он подошел к железной кровати.

Рашенко лежал на спине с закрытыми глазами. Дыхания слышно не было, и Кентон решил, что русский не спит.

— Рашенко, — тихо окликнул он.

Глаза тотчас открылись.

— Вам известно, — спросил Кентон по-немецки, — что Залесхофф с сестрой ушли?

Рашенко кивнул. Затем медленно поднялся с постели и накинул на плечи старый халат. Журналист следил за тем, как старик подошел к столу, наклонился и торопливо нацарапал что-то на клочке бумаги. Затем показал Кентону.

«Знаю, вы решили уйти, — прочел он, — но умоляю, оставайтесь здесь. Тут безопасно. Андреас Залесхофф вас не подведет».

— Откуда вам известно, что я собираюсь уйти?

Рашенко снова склонился над листком.

«Я наблюдал за выражением вашего лица, видел, как вы на что-то решились. Уходить отсюда опасно. Вас сразу схватят».

Глаза их встретились, старик энергично закивал.

— Если вы поможете, — сказал Кентон, — меня не схватят.

Рашенко помотал головой.

— Вы хотите сказать, — начал Кентон, — что не станете мне помогать или же что меня не схватят?

Рашенко слабо улыбнулся и написал следующее:

«Мы все хотим помочь вам, но если вы покинете этот дом, сделать уже ничего не сможем».

— И все-таки я попробую.

«Куда собрались?»

— В Англию. Там меня не арестуют.

«Вас схватят на германской границе, если не раньше».

— Буду пробираться через Чехословакию.

Запавшие глаза Рашенко на миг сверкнули недоверием, затем он просто пожал плечами. И двинулся к плите, на которой стал варить кофе и подогревать рогаики, их он достал из буфета.

За чашкой кофе и рогаиками Кентон изложил свои пожелания: бритва, немного австрийских денег в обмен на немецкие марки и кое-что из одежды. Рашенко мрачно кивнул, взял у Кентона сотенную банкноту, потом показал, где находится станок для бритья. А затем исчез за дверью, ведущей на лестницу.

И вот Кентон занялся бритьем, с улыбкой прикидывая, уж не собирается ли Рашенко купить ему домашний халат и ночную рубашку. Он решил оставить небольшие усики, однако, когда дело дошло до придания им нужной формы, испытал затруднения. Прежде он никогда не носил усов и толком не знал, как это делается. Если сделать усики «щеточкой», будет как-то слишком уж по-английски. И вот наконец он решил, что щетина должна обрываться в уголках

рта. Эффект получился несколько неожиданный: он заметил, что такая форма усов придает лицу злобное, даже скандальное выражение.

Он критически рассматривал дело рук своих, когда появился Рашенко с большим свертком.

Кентон с нетерпением раскрыл его. Сверху лежала небольшая кучка австрийских денег — сдача. Одежда состояла из серой мягкой шляпы с плоскими закругленными полями, пары коричневых брюк из плотной ткани и просторного темно-серого пальто. Вещи были не новые.

— Где вы все это раздобыли? — спросил Кентон.

Рашенко улыбнулся и не ответил.

Кентон надел шляпу и посмотрел в зеркало. Было нечто знакомое в том, как тулья плотно облегла голову. Наверное, он уже видел такую шляпу, но вот где или на ком — никак не удавалось вспомнить. Кентон пожал плечами. Да таких шляп полно по всей Европе!

Десять минут спустя он уже застегнул просторное пальто на все пуговицы. Пожал на прощание руку Рашенко и покинул дом на Кёльнерштрассе под номером 11. Оказавшись на улице, он глубоко, полной грудью, вдохнул прохладный свежий воздух и свернул налево.

12

Мистер Ходжкин

Следуя указаниям Рашенко, Кентон двигался к центру города.

С трудом подавляя желание поднять воротник пальто, чтобы прикрыть нижнюю часть лица и нырнуть в каждую боковую улочку, мимо которой проходил, Кентон быстро миновал плавательный бассейн, затем — отель «Вайцингер». И вот на Брюкнерплац он наконец нашел, что искал, — туристическое агентство.

К его облегчению, посетителей там оказалось немало. У длинной стойки, тянувшейся вдоль одной из стен, пара швейцарцев интересовалась поездами на Базель. Рядом с ними усталого вида англичанка громким и пронзительным голосом расспрашивала о том, какие отели в Каире самые лучшие. По левую сторону расселась в креслах целая группа говорливых туристов с фотоаппаратами и биноклями. За их спинами на стене красовалось объявление на немецком, французском и английском, возвещавшее о том, что ровно в двенадцать дня отсюда отправится комфортабельный автобус, готовый увезти всех желающих на экскурсию в Богемский лес.

Кентон огляделся по сторонам в поисках карты Австрии и обнаружил ее на стене позади себя. Развернулся и сосредоточил все внимание на районе к северо-востоку от Линца.

Он решил, что лучше всего добраться поездом до какой-нибудь станции близ границы с Чехословакией, дожидаться там ночи и уже затем пробираться к границе, минуя дороги и населенные пункты. А потом, полагаясь на темноту и удачу, попробовать проскочить мимо постов и пограничников, патрулирующих отдельные участки, — по его расчетам, много их там быть не должно. Затем, уже на чешской стороне, он выйдет на дорогу, доберется до какого-нибудь города и там сядет в поезд до Праги.

Карта предлагала два варианта. Можно добраться до железнодорожного терминала в Айгене и уже оттуда двинуться к Шварцбаху близ границы. Есть и еще один путь — через Гарсбах и Саммерау на австрийской стороне, а там попробовать пробраться напрямую к Будвайсу и Праге. Последний маршрут выглядел не слишком многообещающим. Во-первых, на этой карте не было отмечено ни одного пограничного города, а это означало, что паспорт могут потребовать в любой точке пути, и тогда у него не будет возможности сойти с поезда. Во-вторых, то была главная дорога из Австрии, а стало быть, полиция там очень внимательно осматривает всех путешественников. Сначала первый маршрут показался Кентону предпочтительней, но затем, при более пристальном рассмотрении, он заметил, что карта к северу от Айгена была помечена множеством маленьких черных треугольников. Обычно так обозначают высокогорные участки. Только тут до Кентона дошло: раз поезд останавливается в нескольких милях от границы, значит, этот участок недоступен для транспорта.

Он уже начал склоняться в пользу более длинного восточного маршрута, как вдруг заметил на карте к западу от Фрайштадта тонкую линию, пересекающую границу с Чехословакией. Дорога! Он присмотрелся и увидел не отмеченное никакими значками пространство, обозначенное одним словом — «Бомервальд».

Несколько секунд Кентон не сводил глаз с карты. Бомервальд... Ну конечно же! Это и есть Богемский лес! И как раз у него за спиной собралась целая группа людей, ожидающих экскурсионный автобус в этот заповедный край. Он взглянул на часы. Без двадцати двенадцать. Снова перевел взгляд на карту. Дорога проходила через местечко под названием Нойкирхен. Он подошел к стойке, и к нему тут же подскочил какой-то мужчина.

— В Линце у меня выкроилось немного свободного времени, несколько часов. Можете предложить мне какую-нибудь экскурсию? — спросил Кентон.

— Конечно, экскурсий сколько угодно. Можно съездить на раскопки в Холлстатер, в Бауернберг и Фрайнберг — очень красивая горная местность. Или же, если мой господин пожелает, можно съездить в Поштлигберг и Штайр — там много объектов, представляющих художественный интерес. Большинство зданий в стиле барокко.

Кентон небрежным кивком указал на туристов, ожидающих автобуса.

— А та экскурсия, она интересная?

— Да, да, из окна автобуса можно увидеть ни с чем не сравнимые и незабываемые красоты. Проехав через Нойкирхен, вы окажетесь в горном лесу, он раскинулся на высоте около тысячи метров, и оттуда открывается потрясающий вид на самое сердце Богемии. Но к сожалению, если у господина не так много времени, эта экскурсия ему не подходит. Возвращение только вечером.

Тогда Кентон торопливо пояснил, что уезжает поздно, ближе к ночи. Купил билет, быстро уселся рядом с другими туристами и почувствовал, что весь покрылся холодным потом. Нервы... В голове звучали две фразы: «На высоте около тысячи метров» и «вид на самое сердце Богемии». Он сделал над собой усилие, стараясь дышать ровней и реже, и исподтишка оглядел своих спутников.

Всего он насчитал девятнадцать человек, но большинство из них вроде бы австрийцы. Но прямо напротив разместился молодой француз с рассерженной физиономией, он что-то страстно и яростно нашептывал своей спутнице. Кентон уловил лишь несколько слов — «ta famille»,³⁰ «ce vieux salop»³¹ и «vicieuse».³² Неподалеку от них сидел мужчина, погруженный в чтение газеты. Он развернулся спиной к Кентону, но журналист вдруг с ужасом заметил, что читает этот господин об убийстве в отеле «Джозеф». Кентон уставился в пол и от души пожалел о том, что не догадался купить газету или книгу, которой можно было бы прикрыть лицо. Уголком глаза он заметил, что сидевший рядом мужчина выжидательно поглядывает на него и, видимо, готов завязать разговор. Напомнив себе, что он по мере сил должен стараться вести себя нормально и что полный отказ общаться и замкнутость привлекут нежелательное внимание, Кентон повернулся к соседу и заметил, что погода для поездки выдалась просто чудесная. Однако мужчина уже целиком был поглощен беседой с полной пожилой австриячкой, которая сидела напротив, и его не расслышал. Кентон почувствовал, что попал в дурацкое положение, и продолжил рассматривать пол.

Через несколько секунд взгляд его упал на маленький столик, стоявший футов в шести от кресла. На нем были выложены восемь аккуратных стопок туристических буклетов. Кентон с вождением уставился на них. Если взять хотя бы один и рассматривать, выглядеть он будет не так подозрительно. Однако для того, чтобы взять, надо было встать, пройти к столику шесть футов, потом снова вернуться на свое место. Для этого требовалось определенное мужество, но вот наконец он все-таки поднялся и подошел к столику. Кентону показалось, что в этот момент на него уставились все присутствующие, но, возможно, просто

---

³⁰ Твоя семья (фр.).

³¹ Старый салоп (фр.).

³² Порочный, ошибочный, неправильный (фр.).

разыгралось воображение. Он схватил буклет из ближайшей к нему стопки и поспешил вернуться на свое место. Но он неловко развернулся, и свисавшая с пояса пальто металлическая пряжка качнулась и звонко брякнула о край столика.

Густо покраснев, Кентон плюхнулся в свое кресло и уткнулся в буклет. То было расписание отплывов из Генуи на декабрь. Минуты две спустя, к величайшему облегчению, в помещение вошел мужчина в длинном пальто, отделанном золотым шнуром, и остроконечной шапочке и громко объявил, что автобус прибыл и все те, у кого есть билеты, могут пройти на посадку.

Половина мест в автобусе уже оказались заняты туристами из какого-то большого отеля, и Кентон, пристроившийся в самом хвосте процессии, когда поднялся в салон, обнаружил, что там осталось только одно свободное место. Пришлось втиснуться между довольно нескладной австриячкой средних лет и читателем газеты, маленьким австрийцем в очках без оправы на худом лице и пронзительными голубыми глазами. Кентон устроился на сиденье и выглянул в окно. Сердце у него упало — он смотрел прямо в глаза полицейскому, стоявшему на тротуаре.

На секунду Кентон потерял голову от страха. Первой мыслью было выскочить через запасную дверь и бежать. Только потом он понял, что благодаря отражению в оконном стекле полицейский никак не мог его видеть. Кентон расслабился, вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони и взмолился про себя, чтобы водитель наконец перестал болтать с кондуктором и автобус отправился в путь.

— Странное одеяние, не правда ли?

Кентон вздрогнул. К нему обратился мужчина с худым лицом, он говорил по-английски с акцентом, характерным для обитателей лондонских окраин.

Сделав над собой усилие, Кентон спокойно обернулся к соседу:

— Bitte?

В пронзительных голубых глазках, смотревших на него через стекла очков, мелькнула смешинка.

— Да перестаньте! Не станете же вы уверять, что вы не британец?

Кентон слабо улыбнулся.

— Извините. Привык тут говорить только по-немецки.

Он почувствовал, что краснеет.

— Хотя эта австрийская полиция работает что надо, — продолжил между тем его собеседник. — Вот уже много лет я езжу в эту страну и готов побиться об заклад: здешние полицейские лучшие в Европе. Совсем не то, что немцы со всеми этими их красными нашивками и прибабасами. Говорят, будто ни один преступник не может от них ускользнуть. И что вроде бы они тренируются в Вене.

Кентон решил сменить тему.

— Как вы догадались, что я англичанин?

Собеседник игриво подмигнул.

— Да я сразу вас раскусил, как только вы туда вошли. — Он указал пальцем на туристическое агентство. — А вот как и почему, вам сроду не догадаться!

— По одежде? — спросил Кентон.

— И да, и нет. — Он презрительно ткнул пальцем в его пальто. — Континентальная тряпка, и покрой тоже континентальный. Шляпа немецкая. Нет, не по ним. По лацкану пиджака, его уголок торчит из-под пальто.

— Пиджака?

— Да. Пиджак у вас английский.

Тут Кентон вспомнил, что купил этот костюм в Лондоне.

— И все равно не понимаю, в чем тут фокус. Ведь я мог купить его в Париже или Берлине, да где угодно!

Маленький человечек торжествующе покачал головой.

— Конечно, не понимаете, друг мой, и я скажу вам, в чем тут штука. Единственный на континенте образчик такого стежка на камвольной ткани остался сейчас в моей сумке с другими образцами в гостинице. Я представитель фирмы-производителя — «Стокфилд, Хэтли и сыновья» из Брэдфорда. А сегодня у меня выходной. Позвольте представиться — мистер Ходжкин.

— Вы очень наблюдательны, — заметил Кентон.

Состояние его было близко к истерике.

— Привык обращать внимание на подобные мелочи за то время, что занимаюсь бизнесом, — сказал мистер Ходжкин. Затем подался вперед и повысил голос: — Sie da! Sollen wir den ganzen Tag hier sitzen bleiben, oder wann geht's los?³³

В ответ послышался одобрительный гул голосов, и кондуктор, вытянув шею, стал поглядывать поверх голов, выискивая взглядом автора этого призыва к действию.

— Трепятся, как две кумушки! — проворчал мистер Ходжкин. — Но скажи им об этом — сразу обидятся! Самая худшая черта австрияков! Милые люди, стоит только узнать их поближе, но сплетники, это не дай Боже! Уверяю вас, в сравнении с ними какое-нибудь заседание дамского комитета выглядит сборищем глухонемых! Постоянно болтают, в основном о политике.

Я вот уже лет пятнадцать приезжаю по делам в эту страну, объехал всю территорию к западу от Карпат, и бизнес почти не идет. А брат мой работает в Лондоне и близлежащих графствах, и вы не поверите — нигде и никогда я не встречал таких болтунов! Как-то на днях разговорился тут с одним человеком в Вене, с Келлером. Владелец целой сети магазинов мужской одежды. Знаете его?

— Не имею чести, — выдавил Кентон.

---

³³ Вы, там! Мы что, должны весь день тут сидеть? Когда поедем? (нем.).

— О, он очень крупный покупатель. Все знают Келлера. Так вот, даже он просто помешался на Гитлере и этом Anschluss.³⁴ «Ситуация в Германии тяжелая, но не безнадежная, — говорит он. — Ситуация в Австрии безнадежная, но не тяжелая». Когда-нибудь слышали подобный треп? Все они таковы — слова, слова, одна болтовня, и это вместо того, чтобы заниматься делом.

Тут, к облегчению журналиста, автобус тронулся, и на протяжении нескольких минут мистер Ходжкин смотрел в окно. Кентон решил пересесть на другое место после первой же остановки. Если он собирается осуществить свой план и ускользнуть от этой компании где-нибудь близ границы, ему необходимо избавиться от мистера Ходжкина, пусть даже это покажется ему грубым. Ибо мистер Ходжкин принадлежит к тому разряду людей, которые прилипают как пиявка, дай им только малейший повод.

— А взять хотя бы чехов, — снова заговорил его сосед. — Они совсем другие. Говоря «чехи», я, разумеется, не имею в виду словаков. Словак не больше чех, чем моя тетушка Мюриэль. Они знают, что делают, эти чехи. Очень деловые. Никакой ерунды. Вера, надежда и рост валового дохода тридцать три и три десятых — вот их девиз. Да и чешская полиция — тоже ребята крутые, — как бы между прочим добавил он.

Кентона уже изрядно беспокоили эти частые упоминания об эффективности полиции.

— Как идет бизнес, хорошо? — спросил он.

Мистер Ходжкин усмехнулся.

— Я что, похож на царицу Шебу? — с горечью осведомился он. — Я же говорю, друг мой, с ценами, что существуют сейчас в Чехии и Венгрии, остается только диву даваться, что мы еще не разорились окончательно. Я продаю качественные вещи, но здешние мужчины этого не понимают. Старые покупатели знают меня и берут мой товар, потому как им нравится прикоснуться к настоящей вещи. Но они никогда не продадут ее, и понимают это. Слишком дорого. Один мой приятель из Нортгемптона еще перед войной начал ездить, продавать продукцию обувной фабрики. А потом вдруг сразу после войны появляется обувная фирма «Батя», и его торговле приходит конец. И так буквально на каждом шагу. Единственное, что сейчас хорошо продается, так это новые линии по производству автоматов, и ребята с континента моментально зацапали этот бизнес в свои руки. В одном из отчетов домой я предложил: может, нам стоит начать пошив военной формы, чтобы хоть как-то оживить бизнес. Нет, разумеется, я только над ними подтрунивал. Своего рода шутка, понимаете? Как думаете, что они написали в ответ?

— Что?

---

³⁴ Присоединение, идея объединения Австрии с Германией (нем.).

— Они сообщили, что уже начали строительство фабрики, которая будет производить только военную форму. И поскольку они денно и нощно работают над выполнением правительственных контрактов, новых заказов принимать пока не будут. Ну не смешно ли, ей-богу? Однако, — задумчиво продолжил мистер Ходжкин, — сдается мне, у вас и своих проблем хватает, чтобы еще выслушивать мое нытье. Нельзя ли полюбопытствовать, чем занимаетесь?

— О, в данный момент я, можно сказать, в отпуске.

— Быть того не может! — С этими словами мистер Ходжкин вытащил огромную вересковую трубку с женской головой, выгравированной на чубуке, и начал набивать ее табаком из клеенчатого кисета. Не отрывая глаз от своего занятия, он продолжил: — А знаете, до тех пор, пока не увидел этого лацкана пиджака, я принимал вас за немца. У стойки вы говорили на немецком, будто он ваш родной. Да и это пальто тоже...

Сердце у Кентона ёкнуло.

— Пробыл в одной санатории в Баварии довольно долго, — пробормотал он. — Проблемы с сердцем, знаете ли.

— О, это скверно, — сочувственно произнес мистер Ходжкин. — Надеюсь, теперь все в порядке. Знал я одного парня... — Тут он вдруг осекся и указал трубкой в окно: — Вон, видите? Это означает, что сегодня выпадет снег.

Кентон проследил за направлением его взгляда. Автобус неспешно катил вниз по длинному, обсаженному деревьями склону. Светило солнце, но вдалеке, на северо-востоке, небо приобрело какой-то необычный свинцовый оттенок.

— Не мешало бы сегодня хорошенько выспаться, — весело заметил мистер Ходжкин. — Вы в Линце где остановились?

Кентон вовремя вспомнил, что представитель «Стокфилд, Хэтли и сыновья» подслушал его разговор с агентом турфирмы.

— Сегодня вечером уезжаю в Вену.

— Десятичасовым поездом?

— Да.

— Самое милое дело!

Мистер Ходжкин раскурил трубку, что вызвало возмущенные протесты со стороны дамы, сидевшей справа от Кентона. Мистер Ходжкин покосился на нее, два раза глубоко затянулся, вдохнул, затем выпустил дым через нос и аккуратно выбил табак на пол автобуса.

— Вот так на континенте повсюду, — спокойно заметил он. — Сами дымят вонючими, точно сточная канава, сигарами, и никто не возражает. А стоит человеку раскурить честную трубку с хорошим ароматным табаком — и тут такое начинается!

Кентон признал, что это ненормально, и какое-то время они ехали молча.

Мистер Ходжкин, решил журналист, типичный представитель довольно специфичной в Англии профессии — странствующий коммивояжер. На этих людей можно наткнуться в самых неожиданных местах — в отдаленных

дальневосточных городах, в местных поездах, в маленьких отелях по всей Европе. Они бегло и грамотно — но с сильным акцентом — говорят на иностранных языках, они в отличных отношениях с представителями самых разных национальностей, с которыми им приходится иметь дело. Они пьют иностранные напитки, едят блюда национальных кухонь, выслушивают самые разные мнения, но при этом умудряются оставаться непрошибаемо упрямыми и нелюбопытными англичанами.

Путешествие из Парижа в Стамбул, по их мнению, отличается от поездки из Лондона в Манчестер только одним — первое длиннее и чаще прерывается таможенным досмотром. Все города планеты для них на одно лицо, железнодорожные станции и вокзалы различаются только языком, на котором там написаны названия и объявления, да еще, пожалуй, размером чаевых, полагающихся носильщикам. Они по большей части холостяки, поэтому проводят летние каникулы в одиночестве в курортном Богноре или Клэктон-он-Си, где попивают чай и сидят, как правило, близко к оркестру. Не нужно напрягать воображение, чтобы представить мистера Ходжкина в подобной обстановке. Возможно, у него есть замужняя сестра, проживающая где-нибудь в Клэпхеме или Хендоне, которая пишет ему раз в месяц. Возможно...

Но тут мистер Ходжкин прервал размышления Кентона — резко толкнул его локтем в бок.

— В Нойкирхен мы останавливаемся на Mittagessen.³⁵ Они наверняка попытаются заманить нас в один из тех ресторанчиков, где с туристов три шкуры дерут. Так что я предлагаю ускользнуть от них, мой друг! Найдем местечко, где можно поесть получше и, черт побери, куда как дешевле!

Кентон быстро обдумал предложение. Сейчас предоставлялась возможность избавиться от этого человека, но не хотелось показаться грубым. И он нехотя согласился:

— Было бы замечательно!

— Вот и славно! С этими акулами от туризма следует держать ухо востро! Не то обдерут как липку.

— Наверняка.

— Точно вам говорю! Я часто езжу на экскурсии. Люблю посмотреть на всякие там красоты, пейзажи и прочее. Хотя, думаю, наш Девон или Озерный край ни в какое сравнение с ними не идут.

— Ну, наверное, по-своему вы правы.

— И все равно, мне нравится ездить. Вы посмотрите! — Автобус как раз проезжал над величественно раскинувшейся внизу долиной. — Сосны, сосны, ничего, кроме сосен. И так до самого Владивостока! Скучное зрелище, доложу я вам, никакого разнообразия.

---

³⁵ Обед (нем.).

— Вы же говорили, вам нравятся пейзажи.

— Да, нравятся. И я всегда езжу в эти края, когда бываю в Линце. Сама поездка так себе, ерунда! Но в конце... сами увидите, оно того стоит! Вы поднимаетесь на высоту в тысячу метров — на самом деле там где-то девятьсот с хвостиком — и в ясный день все видно на многие мили. Нет, конечно, смотреть там особенно не на что, но просто дух захватывает от высоты, от того, как далеко с нее видишь. Ну по крайней мере у меня. Просто жалко становится тех людей, что рассуждают о какой-то там Эйфелевой башне.

Пять минут спустя автобус остановился в Нойкирхене.

Как и предсказывал мистер Ходжкин, туристов тут же погнали в живописно оформленный ресторан рядом с площадью. Кентон же свернул вслед за своим спутником на узкую боковую улочку, где они нашли за зданием церкви непритязательное с виду заведение.

За трапезой, состоящей из сосисок с кислой капустой и пива, мистер Ходжкин рассказал несколько бородатых и непристойных анекдотов. Все в раблезианском стиле и на тему любовных похождения коммивояжеров.

— Какое удовольствие, — заметил он, — обмениваться байками с англичанином. У этих иностранцев все анекдоты только про политику, в этом роде. Ни за что бы не подумал, если бы не знал, но факт есть факт.

Кентон рассеянно согласился с ним и продолжил с аппетитом поглощать еду. Он уже давно не ел так вкусно и с удовольствием. Затем вдруг подумал: есть вероятность, что этот мистер Ходжкин поможет ему решить одну важную проблему. И вот за бренди, прервав долгие рассуждения своего спутника о бешеной конкуренции в Югославии, он спросил, знает ли мистер Ходжкин Прагу.

— Да как свои пять пальцев, — радостно ответил тот. — Очень даже милый городок! Туалеты чистые, как в Германии, чего, к примеру, про Италию никак не скажешь, хотя сантехника у них немецкая. Должно быть, Муссолини просто плевать хотел на общественные туалеты. И поезда тоже. С расписанием поездов у них полный завал. Последний раз, когда ехал из Кремоны в Рим, мы опоздали на целых сорок минут! Вагоны оказались битком набиты, ехали, как сельди в бочке. И там было полно карабинеров, им, видите ли, вручали в тот день медали!

— Мне тоже всегда нравилась Прага, — продолжил гнуть свое Кентон. — А вы, случайно, не знаете человека по имени Бастаки?

— Как вы сказали?

— Бастаки.

Уголки рта мистера Ходжкина опустились, он покачал головой:

— Нет. Хотя имя вроде бы знакомое, но не припоминаю. А чем он занимается?

— Не знаю. Один мой друг упоминал о нем.

Мистер Ходжкин возвел взор к потолку, вскинул правую руку и несколько раз прищелкнул пальцами, словно призывая на помощь некие божественные силы.

— Национальность какая? — задал он неожиданный вопрос.

Кентон, убежденный, что мистер Ходжкин ему все равно не поможет, ляпнул первое, что пришло в голову:

— Румын.

И тут его собеседник, судя по выражению лица, удивился, а затем торжествующе пристукнул ладонью по столу.

— Есть! Вспомнил!

— Так вы знаете этого человека?

— Все понял. Так и знал, что где-то слышал это имя прежде. Бастаки! Ну конечно. Он в Праге.

Сердце у Кентона ёкнуло.

— Да, я знаю, что он в Праге.

— Бастаки, он самый! — возбужденно продолжил мистер Ходжкин. — А фамилия этого вашего друга, случайно, не Эклс? Из «Паркер, сыновья и Келси»? Ну, что в Олдхеме?

— Боюсь, что нет.

— Жаль, жаль. Вам бы очень понравился Эклс. Правда, сталкивался с ним всего раз, во время отпуска. Очень славный парень. У «Паркер, сыновья и Келси» есть тут кое-какой бизнес, но сам Эклс проводит большую часть времени в Олдхеме. Любит это место, что и понятно, у него там очень славный дом. Женат. Двое сыновей. Уже совсем взрослые ребята. Служат на флоте.

— Так он знает Бастаки?

— Ну, само собой, о том и речь! Бастаки один из его клиентов, закупает электрооборудование. А сам Эклс торгует хлопком.

— Но вы же только что сказали, что Бастаки занимается электрооборудованием.

— Так и есть, они производят кабели. При этом для изоляции им требуются целые мили пряжи. Обмотка, кажется, так они это называют. И Эклс продает им эту самую пряжу в бобинах — сотни миль пряжи. У него фабрика неподалеку от Праги.

— У кого? Эклса? — Кентон уже окончательно запутался.

— Да нет, у Бастаки. Делает горы денег, но они у него как приходят, так и уходят. Эклс говорит, что отец Бастаки владеет половиной Румынии, я имею в виду промышленность, не землю. Ну, как тот чудаковатый Вендель из Франции, только тот побогаче будет. Жена у него вроде бы чешка.

— Жена Бастаки?

— Ну да. Жаль, что вы не знакомы с Эклсом. Очень славный парень. Если вдруг повстречаете его, передавайте от меня большой привет! И еще напомните, что он задолжал мне пару франков. Он знает за что! — И мистер Ходжкин проказливо усмехнулся.

Понимая, что за этим кроется какая-то шутка или скабрзная история, Кентон рассмеялся и обещал непременно передать.

— Что ж, — продолжил мистер Ходжкин уже с серьезным видом, — думаю, нам пора вернуться к автобусу. Что вовсе не означает, что мы сразу тронемся в путь.

Примерно через полчаса автобус выехал из Нойкирхена и снова покатил по дороге.

Похоже, что темы для разговора у мистера Ходжкина временно иссякли, и после второй неудачной попытки раскурить трубку он мрачно уставился в окно. Кентон, которому надо было многое обдумать, притворился, что задремал.

Итак, Бастаки румын. А его отец — крупный румынский промышленник. Саридза с ним встречался. Если связать все эти факты, получается интересная история. И довольно знакомая. Бастаки и Балтерген делали для Кодряну то же самое, что Тиссенy и Круппы — для Гитлера.

Впервые за все то время, что он покинул душную комнатyшку Рашенко, Кентон почувствовал, что поступил правильно. Пусть планы его пока еще не совсем понятны, даже можно сказать, смутны, пусть он не имеет ни малейшего представления о том, что делать дальше с этой информацией, он успокоился, и настроение у него улучшилось. Затем Кентон напомнил себе, что все еще находится на территории Австрии, что ему предстоит перейти границу, не показывая паспорта, и что вместе с информацией о Бастаки он приобрел в компаньоны прилипчивого как пиявка представителя «Стокфилд, Хэтли и сыновья» из Брэдфорда. Так что радоваться, пожалуй, преждевременно. Надо составить какой-то план дальнейших действий, простой и в то же время толковый и эффективный. Но в салоне автобуса было так тепло и уютно, что Кентона клонило в сон. Ему никак не удавалось сосредоточиться на поисках решения проблемы, а времени оставалось в обрез. С удивлением он вдруг поймал себя на том, что думает о сестре Залесхоффа. В своей записке Залесхофф саркастически отметил проснувшийся в ней материнский инстинкт. Кентон улыбнулся при мысли об этом. Ему было приятно вспоминать Тамару. У нее удивительно красивые руки. Материнский инстинкт? Но ведь это не он сказал, а Залесхофф. И рот у нее тоже очень красивый.

Болтовня пассажиров и рокот мотора постепенно стихали, словно удалялись. Минуту спустя Кентон уронил голову на грудь и уснул.

Пробуждение было резким и неприятным. Острый локоток Ходжкина ткнул его под ребра.

— Прибыли, мой друг.

— А, да. Я, должно быть, на минуту задремал.

— Проспали целый час, если не больше, — уточнил мистер Ходжкин.

Кентон посмотрел в окно.

Автобус медленно катил по хребту холма с крутыми склонами. К дороге вплотную подступали деревья. Впереди, на опушке, виднелось небольшое

бревенчатое здание, нечто вроде гостиницы или таверны. Автобус остановился возле него.

— Мы на месте, друг.

Они вышли и тут же задрожали от холода. Мистер Ходжкин посмотрел на Кентона через запотевшие стекла очков.

— Хотите вместе с остальными? А то я могу показать отличное местечко! Обнаружил его два года назад.

Кентон неуверенно покосился на других пассажиров, кондуктор уже повел их по тропинке в гору.

— А он не подумает, что мы потерялись?

— Да ему плевать! Денежки-то наши уже у него.

— Ладно.

Мистер Ходжкин повел его по тропинке, огибающей здание. Ярдов сто она еще была видна, а дальше терялась среди деревьев.

— Нам прямо вперед, — сказал Ходжкин.

Вот бревенчатое здание скрылось из вида, и теперь они пробирались среди высоких елей, которые росли так тесно, что через разлапистые ветки почти не проникало солнце. Было очень холодно и тихо. Лишь изредка шелестели верхушки деревьев да похрустывали еловые шишки под ногами. Вскоре впереди между деревьями показался просвет. Минуту спустя они вышли из леса и остановились на каменистом выступе скалы шириной в несколько ярдов. С трех сторон выступ окружал густой ельник. Впереди же открывался вид на лесистые холмы и горы Богемии, они катились и уплывали вдаль монотонными черно-зелеными волнами.

— Вот! — сказал мистер Ходжкин.

— Потрясающий вид.

Мистер Ходжкин глубоко вздохнул и кивнул.

— Да, вид просто чудесный, — пробормотал он.

Снова вздохнул и грустно смотрел на серый, затянутый туманной пеленой горизонт.

Кентон судорожно пытался сообразить, что делать дальше. Наверное, стоило все-таки пойти с остальными. Тогда можно было бы как-то незаметно отстать и затеряться. А потом выждать, когда все уедут. Но что же делать теперь? Бежать? Похоже, это единственный выход. Спуск здесь не слишком крутой, лес совсем рядом. Даже если Ходжкин бросится за ним вдогонку, можно спрятаться среди деревьев. Ну, а скоро он просто устанет его искать. Но с другой стороны, он ведь может сообщить об этом происшествии кондуктору. Если...

Тут Кентон заметил, что маленький человечек не сводит с него хитро сощуренных глаз, и улыбнулся.

— Воздух такой свежий... — заметил он.

Мистер Ходжкин отвернулся.

— Граница в четырех милях отсюда, — медленно произнес он. — Если отправитесь прямо сейчас, мистер Кентен, до наступления темноты успеете.

Слова эти произвели на Кентона впечатление разорвавшейся бомбы. Он понимал, что должен что-то ответить, но никак не мог сообразить, что именно. Казалось, он утратил дар речи.

— Кентон, а не Кентен, — выдавил он наконец. Больше не получилось.

Мистер Ходжкин обернулся к нему. На узких губах играло подобие улыбки.

— Извини, друг, но в бумагах у них записано «Кентен».

— Это не важно, — отмахнулся Кентон. Он уже начал приходить в себя. — Лучше скажите, как вы меня раскусили.

— Как только вы вошли в агентство! — Спутник его помрачнел. — Надо сказать, друг мой, сегодня вам невероятно повезло. Вы прямо нарывались на неприятности и вполне заслуживали того, чтобы копы вас сцапали. Вы вошли в агентство через две минуты после того, как там побывали полицейские, расспрашивали о вас, вынюхивали. А потом входите вы, осматриваетесь по сторонам, ну в точности как тот злодей из фильмов, и начинаете разглядывать карту на стене и что-то бормотать по-английски. А над верхней губой у вас однодневная щетина, и часть английского твидового пиджака торчит из-под пальто, которое сидит на вас из рук вон плохо. А потом вы идете к стойке и говорите, что у вас только час или два свободного времени, но при этом покупаете билет на экскурсию, которая длится восемь часов. Вы едва не упали, пробираясь к свободному креслу — так нервничали и торопились; вы схватили буклет с расписанием отплытия кораблей из Генуи и рассматривали его с таким видом, словно хватались за последнюю соломинку. Вы увидели полицейского на тротуаре, и лицо у вас было такое, точно вас вот-вот хватит удар. Вы сказали мне, что едете в Вену десятичасовым поездом, а такого поезда нет. Вы начали расспрашивать меня об одном из величайших мошенников на территории от Европы до Шанхая. Вы сказали, что долго лечились в санатории в Баварии, а говорили по-немецки с классическим берлинским акцентом, такой за пределами столицы теперь не часто услышишь. И — вы уж извините за подробность! — но сзади на правом рукаве у вас пятно размером с Женевское озеро, сильно смахивает на кровь. Этот лягушатник в автобусе сразу положил на вас глаз, и если бы мы с вами не болтали так дружески и увлеченно, наверняка предпринял бы что-нибудь. Пока вы дремали, он что-то сказал своей жене на эту тему, и если бы та не была так обижена на него за придирки к ее туалету, то вряд ли ответила бы, что ему все это привиделось. Сложись отношения между ними иначе, вам бы пришлось бежать на первой же остановке. Я видел, как он читает то объявление в газете, а вы сами знаете, как французы жадны до денег. Да, друг мой, вам очень повезло!

Кентон неуверенно хмыкнул.

— Смеяться тут нечего, — строго заметил мистер Ходжкин, — вы еще не на свободе. Граница впереди, в четырех милях отсюда, и в конце вам придется

взять немного правее, потому как близ границы дорога поворачивает вправо. Когда будете переходить ее, следите за тем, нет ли звуковой сигнализации. Иногда ее устанавливают — протягивают проволоку с колокольчиками — борются с контрабандистами. Если пройдетесь — я говорю «если», потому что вряд ли вам это удастся, — итак, если все же пройдетесь, сядьте в автобус в одной из деревень, на нем можно доехать до Будвайса. Там можно спокойно дожидаться поезда. И ради Бога, постарайтесь избавиться от этого пальто и шляпы. Это черт знает что!

Мистер Ходжкин отвернулся и начал набивать трубку. Повисла пауза.

— Вы еще не ушли? — бросил он через плечо.

— Нет, — ответил Кентон. — Хочу поблагодарить вас, пожать на прощание руку!

Мистер Ходжкин повернулся и мрачно посмотрел на журналиста.

— Послушай, друг, — сказал он, — сегодня я много для тебя сделал. Не скажу, что это было неприятной обязанностью, потому как это не так. Я был рад поболтать с соотечественником. Но если думаешь, что я стану пожимать руку хладнокровному убийце, то ошибаешься!

— В таком случае, — сердито начал Кентон, — может, вы все-таки объясните, на каком основании считаете меня хладнокровным убийцей, как и эта идиотская полиция? И почему тогда не сдали меня, чтобы получить обещанное вознаграждение?

Лицо мистера Ходжкина с заостренными чертами исказило какое-то странное выражение.

— Почему?! — воскликнул он. — Я скажу вам, друг мой, почему! Если бы мы были в Англии, я бы сдал вас со всеми потрохами первому встречному копу. И знал бы, что поступаю правильно, и не важно, виновны вы там или нет.

Почему не сдал сейчас? Ответ очень прост, друг мой! Потому как мне здесь все изрядно осточертело. Вот уже пятнадцать лет я путешествую по этому долбаному континенту и ненавижу каждую секунду, что провел здесь! Ненавижу их жратву! Ненавижу их выпивку! Ненавижу, как они развлекаются, и их самих тоже ненавижу.

Они говорят, будто британцы настроены против всех иностранцев, что все мы, мужчины и женщины, одинаковы. Что у них очень много хороших качеств, которых нет у нас. Все это вранье, подлая ложь, и если бы вам довелось так же долго быть вдали от дома, вы бы тоже это поняли! Они нас не любят, точно вам говорю.

Люди приезжают сюда в отпуск на две недели и видят множество красивых шале, и шато, и Schlsser³⁶ и говорят: как здесь чудесно и хорошо жить. Они не понимают, о чем говорят. Они видят лишь вывеску и не заглядывают за кулисы.

---

³⁶ Замок (нем.).

Они не знают, каковы эти иностранцы, когда у них закипает кровь. А я знаю, я видел.

В двадцать пятом я был в солнечной Италии, когда фашисты расправлялись со свободными масонами. Это происходило во Флоренции. Ночь за ночью — сплошная стрельба, крики, избиения, меня уже просто тошнило от всего этого! В тридцать четвертом я был в Вене, тогда они стреляли в муниципальные дома, а в квартирах там находились женщины и дети. Многих мужчин потом они повесили потому, что они были ранены. Я видел парижские волнения, когда в толпу стреляла мобильная гвардия. Людей убивали, словно мух, и орали как сумасшедшие «mort aux vaches».³⁷ Я видел, как наци во Франкфурте насмерть забили ногами какого-то мужчину, прямо в садике перед его домом. Он не издал ни звука. Той же ночью меня арестовали, только за то, что я стал свидетелем, но потом им пришлось меня выпустить. Говорят, что в Испании они обливали людей бензином и поджигали.

Он на секунду умолк, чтобы перевести дух.

— Славные ребята, не правда ли? Нарядные, симпатичные, веселые. Умные, мыслящие более логично, чем мы, дураки. И в бизнесе очень даже смыслят. Пальцем не пошевелият, если не видят в том выгоды.

Владельцы фабрик и заводов обращаются со своими рабочими по-свински. Почему бы и нет? Ведь всегда найдутся другие бедолаги, которым нечего есть, готовые наняться на любую работу. Если человека увольняют, он сразу же попадает в черный список, и все владельцы окрестных предприятий знают об этом. Да поговорите с любым иностранным рабочим! Полжизни он пребывает в безумном ужасе, то и дело задается вопросом: уж не собирается ли сидящий рядом с ним на скамье человек отхапать у него работу? Боссам это нравится! А простыми людьми движет страх, они боятся попросить за свою работу больше денег. Это, в свою очередь, означает, что они могут производить гораздо больше своей поганой продукции за те же деньги. Они не гордятся делом рук своих. Они не знают, что такое настоящее мастерство. Им все равно. Они выходят на работу просто для того, чтобы делать деньги. И лично я не могу винить их за это. Мы все таковы. Они не желают производить качественную продукцию за эти деньги. Просто мозги у них устроены иначе.

Для них бизнес — изначально и всегда нечестное дело. Другая политика, психология, совсем другой подход. «Сколько стоит эта ткань?» — спрашивают меня они. Я отвечаю. Они смеются; и когда я советую им обратить внимание на качество, приходят в бешенство, суют мне к носу какую-нибудь тряпку пятого сорта — я бы и ботинки такой тряпкой протирать не стал — и говорят, что это куда как дешевле! Они говорят на другом языке, отличном от нашего с вами. Нет, я вовсе не имею в виду, что они не говорят по-английски, просто мышление у

---

³⁷ Смерть скотам (*фр.*).

них другое. Они — как животные, и мне отвратителен сам их вид, их речь и все прочее. И лишь потому, что вы англичанин, я говорю: бегите сейчас же, убирайтесь отсюда, пока все складывается так удачно! Ступайте себе с Богом и оставьте меня в покое!

Впалые щеки Ходжкина покраснелись, дыхание сбилось, в глазах за стеклами очков блеснули слезы. Он резко отвернулся.

Журналист смотрел на него секунду-другую, потом повернулся спиной и начал спускаться по склону к кромке леса. Достигнув ее, он обернулся и, подняв голову, взглянул на каменистую площадку уступа, но мистер Ходжкин уже исчез.

С тяжелым сердцем Кентон двинулся в путь. Он брел среди деревьев, и воздух, казалось, сгустился от запаха сосен, и лучи заходящего на западе солнца едва просачивались сквозь переплетение ветвей над головой, рисуя причудливые световые узоры на мягкой, усыпанной коричневыми иглами земле. И все же, подумал Кентон, этот вид лучше того, что открывался с уступа мистера Ходжкина.

13

Колючая проволока

Ближе к ночи Кентон был уже в нескольких ярдах от границы.

Путь занял больше времени, чем он ожидал. Кентон где-то читал, что не привыкшие к лесу люди обычно начинают блуждать и ходить кругами; он и сам несколько раз возвращался на ту же дорогу. И получилось, что четыре мили вылились во все шесть. Солнце давно зашло, в лесу стемнело, но вот наконец примерно в четверти мили от себя Кентон рассмотрел маленький белый домик — караульную будку, а также полосатый пограничный столб, вырисовывающийся на фоне темного, затянутого тучами неба.

Кентон отошел от дороги в лес на добрый километр, а затем начал пробираться вперед.

Теперь он двигался в полной темноте, и единственным ориентиром служил склон горы, по которому надо было подняться. Кентон шел минут двадцать, затем подъем кончился, а сосновый лес заметно поредел. Кентон вытянул руку, чтобы не наткнуться на что-нибудь, нащупал прохладную, гладкую поверхность пня и тотчас остановился. Здесь было немного светлее, чем в глубине леса, и он различил впереди очертания густого кустарника. Осторожно двинулся вперед и наткнулся на еще один пенек. Он оказался на вырубке возле самой границы.

Кентон замер и какое-то время прислушивался. Ни звука, лишь слабый шум ветвей над головой. Затем слева, где-то вдалеке, мелькнул тонкий луч фонарика. Кентон выждал еще — минуту спустя луч вспыхнул снова. Только на этот раз он не исчез, а стал раскачиваться из стороны в сторону. Кентон никак не мог понять, что же происходит, но по мере того как источник света становился все больше и

ярче, сообразил: к нему кто-то приближается, пробирается среди кустов, размахивая фонарем. Кентон торопливо отступил в тень деревьев, присел на корточки и затаился.

Свет приближался, и уже было слышно, как хрустят ветки под ногами человека, идущего, видимо, по какой-то тропинке. Шаги становились все громче, луч света запрыгал по кустам. Мужчина что-то тихонько напевал себе под нос. Вот луч фонаря на миг скользнул по земле, и он прошел дальше.

Кентон быстро привстал и глянул вслед. Мужчина был в униформе, с левого плеча свисало ружье. Но куда больше заинтересовало Кентона то, что он увидел в свете фонаря. Сердце у него упало.

Он находился ярдах в тридцати от пограничной линии. С того места на опушке, где он притаился, была видна тропинка, пересекающая вырубку площадью около двадцати ярдов, покрытую пнями и плотным кустарником. Сама тропинка, около шести футов в ширину, была усеяна большими серыми валунами, между которыми торчали буйно разросшиеся сорняки. В конце тропинка обрывалась у самой неприступно и грозно выглядевшей изгороди, которую доводилось видеть Кентону.

Она была высотой в восемь футов и состояла из колючей проволоки, натянутой между тяжелыми стальными столбами. Каждый был вмурован в бетонное основание и отстоял от соседних на десять ярдов. Ряды проволоки были переплетены так тесно, что не то что протиснуться, даже просунуть между ними руку и не пораниться до крови было невозможно. Но дизайнер изгороди на этом не остановился, видимо, он не желал оставлять нарушителю ни малейшего шанса, поскольку горизонтальные ряды украшали дополнительные витки все той же проволоки, отчего это сооружение походило, скорее, не на изгородь, а на непролазные джунгли.

Кентон сел на пенек и попытался обдумать свое положение.

Ясно одно. Через эту изгородь не перебраться никоим образом. Если бы при нем были специальные кусачки и пара плотных брезентовых рукавиц, может, тогда и удалось бы прорезать отверстие, но ни кусачек, ни рукавиц не было. Кроме того, ему вовсе не хотелось оставлять за собой след, знак того, что кто-то перебрался через границу в этом месте. Иначе чешская полиция будет высматривать его в каждом из приграничных городков. Кентон уже было подумал о том, что можно накинуть поверх изгороди пальто и попробовать перелезть так, но затем решил, что не получится. Да для этого нужна ткань толщиной в несколько одеял или даже матрасов! И потом, даже если и удастся перебраться, с пальто придется попрощаться — оно застрянет в колючей проволоке. Затем в голову пришла уже совсем безумная мысль — поискать где-нибудь длинную палку, которую можно будет использовать как шест, и попробовать перепрыгнуть через изгородь, но Кентон тут же отверг эту идею. Он никогда не прыгал на восемь футов в высоту — даже с настоящим шестом, — чего уж тут говорить! И потом, при приземлении можно сломать ногу,

зацепиться за верхнюю часть проволоки и застрять на изгороди. Кентон зябко поежился.

Ветер усиливался, с каждой минутой становилось все холоднее. Он вспомнил прогноз от мистера Ходжкина — тот говорил, что к ночи должен пойти снег. Может, вернуться в Линц? Но Кентон тут же отверг и эту идею. Даже если ему удастся добраться до города, велика вероятность того, что его там схватят. Перечень его промахов, составленный мистером Ходжкином, изрядно поколебал уверенность Кентона в том, что ему удастся избежать ареста. Так что ничего не остается, кроме как перебраться через эту проклятую границу, — непонятно, правда, каким образом.

Не так уж это, должно быть, и сложно. В истории полно примеров. Если верить биографам, такие люди, как Ленин и Троцкий, Масарик и Бенеш, Муссолини и Бела Кун, уже не говоря об их друзьях-приятелях, полжизни только и занимались тем, что «ускользали» через границы, когда за их головы было обещано большое вознаграждение, и проделывали это без всяких там паспортов в карманах. Но возможно, новое поколение пограничников тоже знакомо с их биографиями.

Кентон посмотрел в том направлении, куда ушел пограничник с фонарем, убедился, что все чисто, и двинулся к изгороди.

Вдруг через нее можно перелезть, если подняться по одному из столбов, используя поперечно натянутую проволоку как ступени? Несколько секунд осторожного ощупывания и надавливания руками показали — не получится, проволока сильно провисает. Тогда остается только одно. Если нельзя перебраться сквозь изгородь или через нее, надо попробовать под. Кентон опустился на колени, готовый проверить. К радости своей, он обнаружил, что земля у основания изгороди по большей части состоит из довольно крупных камней, беспорядочно наваленных и образующих нечто вроде небольшой насыпи. Кентон принялся разгребать их и минут через пять понял, что уже можно просунуть руку. Затем ему пришлось вскочить и кинуться к лесу в поисках укрытия — возвращался пограничник с фонарем.

Кентон спрятался за деревом и выждал, когда мужчина пройдет мимо. Затем вернулся к изгороди и принялся яростно разгребать землю и камни руками. Быстрота действий решала все — по мере того, как углубление под изгородью расширялось, возрастала опасность быть застигнутым очередным патрулем. Еще одна такая же опасность подстерегала его на чешской стороне границы. Но пока что никаких признаков жизни по ту сторону не наблюдалось, хотя Кентон и понимал: полагаться на это обманчивое спокойствие никак нельзя.

Минут через двадцать лаз уже был достаточно широк и глубок, чтобы можно было просунуть голову и плечи. Кентон попробовал было это сделать, но тут снова пришлось бежать в укрытие: свет фонаря подсказал, что пограничник возвращается.

На этот раз Кентон испугался не на шутку. Отверстие в насыпи достигало около ярда в ширину, рядом высились груды свежевыкопанной земли и камней.

Пограничник наверняка сразу это заметит! Проклиная добросовестность человека, которому было поручено охранять границу, Кентон снова затаился за деревом, тихонько дуя на замерзшие исцарапанные пальцы.

Пограничник неспешно приближался, а затем вдруг резко остановился — всего в ярде или двух от лаза. Было слышно, как он что-то проворчал. Кентон обмер от страха — сейчас пограничник выстрелит, поднимет тревогу! Он скорчился за деревом, словно окаменев, сидел и слушал, как громко колотится в груди сердце. Затем в полной тишине послышались шаги — кто-то приближался справа. А секунду или две спустя подошедший громко откашлялся и сказал:

- Добрый вечер!
- Добрый, — ответил ему первый пограничник.
- Сегодня вечером пойдет снег.
- Это точно!
- А я опять сильно простудился.
- Сочувствую, выздоравливай. У меня ноги.
- А мне как раз на этой неделе в ночную смену.
- Мне лучше. Завтра вечером в ночную выходит Шульц.
- Чихать я хотел на этого Шульца! Уж больно много о себе воображает.
- Он не у Каринтии, поэтому и недоволен.

Кентон несколько минут слушал, как они сплетничали, затем осторожно приподнялся, чтобы видеть говоривших. Австрийский пограничник стоял на тропинке, свет фонаря проникал через изгородь и падал прямо под ноги мужчине в униформе чешского пехотинца. К ужасу своему, Кентон заметил, что стоят они оба всего в шести футах от лаза. Хорошо еще, что чех выключил свой небольшой светильник. Но во время разговора австриец все резче жестикулировал рукой, в которой держал фонарь.

— Нас предупредили, — говорил он, — чтобы мы держали ухо востро. Может появиться некий Кентен, англичанин, убивший немца в Линце.

— И где же его видели?

— Какая-то женщина сообщила, что в туристическом автобусе были два англичанина, они выехали на экскурсию как раз в нашем направлении. А после того как все вышли перекусить и полюбоваться красотами, один из них не вернулся. В полиции ее допросили, и она сказала, что ей кажется, тот, кто вернулся, и есть убийца. Говорила, будто он грубил ей и курил трубку. Его проверили — все документы оказались в порядке. О втором известно только то, что теперь мы должны его искать! В этой полиции Нойкирхена работают круглые дураки.

Он небрежно взмахнул рукой с фонарем, и пляшущий луч света упал на землю совсем рядом с лазом. Кентон затаил дыхание, опасаясь, что его вот-вот схватят. Но пограничники продолжали болтать как ни в чем не бывало. Затем чех заявил,

что ему пора, надо доложиться командиру смены, и двинулся к караульной будке. Австриец пошел по тропинке и вскоре свернул направо.

Едва они отошли на достаточное расстояние, как Кентон бросился к лазу и продолжил работу. За насыпью из камней шел пласт твердой земли, и потрудиться пришлось немало, но еще примерно через четверть часа он, дрожа от радостного нетерпения, обнаружил, что, если лечь на спину и отводить нижние ряды проволоки от лица и одежды, вполне возможно протиснуться в узкий проход. Аккуратно выложив камни так, чтобы потом завалить ими изнутри зияющую дыру, Кентон заполз в подкоп. И вот минуты через две, ободранный и весь в грязи, он оказался на территории Чехословакии.

Кентон закладывал отверстие последними камнями, когда вдруг услышал шаги — они приближались со стороны дороги. Пребывая в возбуждении, Кентон ослабил внимание, не следил за тем, что происходит вокруг, и человек подошел совсем близко. То вспыхивающий, то гаснущий луч подсказал, что это чех, — австриец постоянно держал свой фонарь включенным. Нельзя было терять ни секунды. Кентон развернулся и слепо бросился к лесу, ища там укрытия, но не пробежал и десяти шагов, как споткнулся, налетев на какую-то корягу. Он взмахнул руками, отчаянно пытаясь сохранить равновесие, снова споткнулся и рухнул на землю лицом вниз. В следующую секунду пальцы вытянутой руки нащупали толстую ржавую проволоку. Тут же вспомнились слова мистера Ходжкина о том, что на границе, борясь с контрабандистами, протягивают иногда сигнализационную проволоку. Времени подняться и бежать дальше уже не было. А потому он лежал неподвижно, лихорадочно молясь о том, чтобы удача не оставила его и на сей раз. Продержаться незамеченным надо было всего минуты две.

Человек между тем приближался. Он слегка ускорил шаг, потом снова замедлил и наконец остановился в нескольких ярдах от того места, где лежал парализованный страхом журналист. Очевидно, пограничник все же расслышал звук падения. Лучом фонарика он пень за пнем обшаривал вырубку. Затем вдруг мужчина так и зашелся в кашле. Громком, болезненным, со всхлипами — очевидно, бронхи у него были не в порядке. Кентон слышал, как он отчаянно хватает воздух ртом, когда приступ прошел. Луч фонарика погас, под подошвами тяжелых ботинок снова заскрипели камни. Мужчина удалялся, и вскоре его шаги затихли.

Кентон облегченно выдохнул и поднялся. Затем, осторожно зажав ржавую проволоку между большим и указательным пальцами, перешагнул через нее и медленно двинулся вперед.

Однако, снова оказавшись в лесу, Кентон резко прибавил шаг. Он решил: возвращаться на дорогу близ пограничного поста не стоит. В этих краях любители пеших прогулок встречаются не часто; так что велика вероятность того, что его заметят, остановят и попросят показать паспорт. А потому Кентон выбрал маршрут, который, по его расчетам, должен вывести его на дорогу примерно в

миле от границы. Но в темноте и среди деревьев он вскоре сбился с пути, опять стал кружить и через час вышел на дорогу где-то в сотне ярдов — или даже ближе — от пограничного поста. Решив, что и без того потратил слишком много времени, Кентон двинулся по опушке вдоль дороги — если заметит какое-то движение впереди, сразу можно укрыться за деревьями. Но дорога была пуста. Где-то поодаль башенные часы пробили восемь; и вот минут десять спустя он, отряхиваясь и поправляя галстук, подошел к деревне под названием Манфурт.

На крошечной площади, напротив почты, стоял полуразвалившийся автобус с включенными фарами и работающим двигателем. В салоне сидела крестьянка с корзиной — в ней попискивали и копошились желтенькие цыплята. На ступеньке с большим чемоданом в руке стоял молодой работяга. Застенчиво улыбаясь, он прощался с веселой компанией друзей, топтавшихся рядом на дороге.

Кентон посмотрел на табличку с маршрутом. Автобус через Хохенфурт, Зилберберг и Каплиц следовал в Будвайс.

Без четверти двенадцать ночи следующий из Будвайса поезд медленно подкатил к платформе пражского вокзала.

Сидевший в пустом купе Кентон поднялся, сунул левую руку в карман пальто, чтобы не было видно пятна крови на обшлагае, и вышел в коридор.

Поезд дернулся и остановился. Кентон спустился из вагона, прошел вдоль платформы, отдал свой билет на контроле и двинулся к ближайшему выходу.

Несмотря на поздний час, народу на вокзале было полно, и Кентон не замечал двоих мужчин до тех пор, пока не поравнялся с ними. Внезапно его грубо подхватили с двух сторон под руки, а под ребра ткнулся округлый и твердый ствол пистолета. Сердце у Кентона упало.

— Herr Kenton?

Он помедлил, а затем пожал плечами. Невозможно догадаться, каким образом, но его все-таки выследили! И раз уж он попался, осложнять свое и без того печальное положение, пожалуй, не стоит. Следует принять его как неизбежное. И Кентон кивнул:

— Ja.

— Gut.

Они повели его к выходу, затем — вниз, по ступенькам, к поджидавшему у тротуара большому «мерседесу» с шофером в униформе.

Один из мужчин сел на заднее сиденье. Его напарник толкнул к нему Кентона.

— Einsteigen!³⁸

Кентон влез в машину, за ним последовал мужчина с револьвером, и журналист оказался посередине. Шторки на окнах были опущены, машина тронулась с места. Сначала Кентон размышлял — стоит ли попросить этих людей

---

³⁸ Садитесь! (нем.).

предъявить удостоверения? Вроде бы похожи на полицейских в штатском, но ведут себя как-то слишком неформально.

Внезапно он обернулся к мужчине, сидевшему слева.

— Куда вы меня везете?

— Stillschweigen!³⁹

Для пущей убедительности в бок ему снова ткнулся ствол револьвера.

Кентон откинулся на спинку сиденья и принялся судорожно соображать. Если они не из полиции, то кто, черт возьми, такие и куда его везут?

Похоже, что пунктом назначения была не Прага. Уж слишком быстро мчалась машина! Совершив несколько крутых поворотов, минут через десять она устремилась по прямой. Судя по хорошо уложенному асфальту и легкости, с которой машина делала виражи, они выехали из города и мчались теперь по главной дороге.

Кентон покосился на своих стражей. Невыразительной внешности, гладко выбритые мужчины в черных макинтошах и темно-серых фетровых шляпах, словом — типичные континентальные полицейские в штатском. Он решил завязать с ними разговор, попросив разрешения закурить. Мужчина с револьвером — похоже, он был здесь главный — что-то проворчал в знак согласия. Но от предложенной сигареты отказался, покачав головой. Второй не проронил ни слова. Кентон оставил эти попытки.

Через несколько минут машина свернула влево и стала спускаться по холму; затем повернула вправо, замедлила ход и остановилась.

Ни один из находившихся в машине людей не выказывал желания выйти. Затем кто-то дверцу отворил снаружи.

— Heraussteigen!⁴⁰

Кентон вышел и в сопровождении эскорта стал подниматься по широким ступеням к высоким и массивным дверям. У него не было времени как следует разглядеть фасад этого большого и явно дорогого дома. Вот шофер распахнул перед ним двери, и он вошел в узкий, продолговатый и очень ярко освещенный холл.

Дверь в его дальнем конце распахнулась, из нее вышел мужчина и, улыбаясь, заспешил навстречу. Кентон был так потрясен, увидев его, что на секунду лишился дара речи. Затем кивнул.

— Мне следовало это предвидеть, — мрачно пробормотал он.

— Да уж, это точно, что следовало, — усмехнулся Залесхофф. — А мы ждали вас более ранним поездом. Вы, должно быть, страшно устали! Идемте же, вам

---

³⁹ Молчать! (нем.).

⁴⁰ Выходите! (нем.).

надо выпить! Тамаре не терпится увидеть вас снова, — добавил он, и на губах его заиграла многозначительная и лукавая улыбка завязтого сводника.

Кентон шел через холл, словно в тумане. Уж не сошел ли он с ума, уж не привиделось ли ему все это?..

14

Маневры

Кентон оглядел комнату, в которую его ввели, и одобрительно кивнул:

— А у вас тут очень мило!

Залесхофф поднял голову от подноса с напитками.

— Владелец этого дома — тайный поклонник не столь давно почившей императрицы Евгении, супруги Наполеона III. Поэтому такая обстановка. Честно говоря, она немного действует мне на нервы. — Он протянул Кентону стакан виски с содовой.

Журналист взял его и посмотрел на свет.

— Надеюсь, никаких капель, вырубавших напрочь, никаких малоизвестных ядов растительного происхождения или наркотиков тут не подмешано? — язвительно осведомился он.

Залесхофф нахмурился.

— У меня уже имелась возможность отметить у вас, Кентон, отвратительную манеру острить по поводу и без! Если не хотите пить, так и скажите прежде, чем я налью себе.

Кентон поставил стакан и вздохнул.

— Извините, Андреас, но не вам меня винить. Вы попросту свалили, оставив у меня на руках отвратительного младенца в виде обвинения в убийстве. Я попросил вашего сообщника Рашенко помочь мне уйти. И вот он приносит мне пальто, запачканное кровью, все это, как я подозреваю, принадлежало джентльмену по фамилии Борованский — кровь я имею в виду. Затем вы посылаете за мной пару головорезов, маскирующихся под детективов, и они похищают меня. А теперь предлагаете мне выпить. Так почему бы заодно и не отравить, а, скажите на милость?

Тут дверь распахнулась, и вошла Тамара. Увидев Кентона, она так и просияла. Тот сдержанно кивнул ей в ответ. Девушка улыбнулась.

— Рада, что вы благополучно добрались.

— Мистер Кентон, — встрял ее брат, — только что говорил о своих подозрениях. Считает, что я собираюсь отравить его виски с содовой.

— Что за глупости!

— Ради Бога! — возмущенно взмолился Кентон. — Давайте перейдем к делу и оставим все эти выяснения на потом! Какого черта вы затащили меня сюда? И не пытайтесь вилять, отвечайте прямо. Мне нужны только факты, вот и все. Я очень устал.

— Да будет вам, будет, — принялся увещевать его Залесхофф. — Давайте присядем и все обговорим. Снимите пальто.

— Я здесь не останусь.

— Как хотите. И все же присядьте, ненадолго.

— Вы прекрасно знаете, что от моих пожеланий здесь ничего не зависит. Я не идиот и понимаю, что привезли меня сюда не для того, чтобы выпивать за дружеской беседой.

— Тогда почему вы до сих пор в пальто?

Кентон, гневно сверкая глазами, смотрел на русского. Затем решил сменить гнев на милость. Надо успокоиться, сказал он себе, утихомирить свой пыл. И Кентон снял пальто. Залесхофф взял его, приподнял левый рукав, испачканный кровью, и показал сестре.

— Вот, смотри, — сказал он, — так ничего не видно. Разве что ты топаешь прямо по пяткам за человеком в этом пальто. Рашенко вряд ли виноват. Он, наверное, просто не заметил.

— Ну конечно, — саркастически заявил Кентон. — А я тот простофиля, который надел это пальто. Впрочем, я не ожидаю получить от вас сколько-нибудь приемлемые объяснения.

Залесхофф похлопал его по плечу:

— Теперь послушайте меня, мистер Кентон. Покидая утром Линц, я оставил вам записку, в которой просил сидеть и ждать у Рашенко до тех пор, пока я все не устрою. Почему вы меня не послушались?

— Потому что я вам не доверяю! Да и с какой стати? С какого такого перепугу вы должны обо мне заботиться? Вы должны делать свое дело. И возможно, для вас очень выгодно обвинить в убийстве именно меня, а не того наемника с мерзкой физиономией, который ехал в поезде.

— Наемника? В поезде?

— Кого ж еще... Видите ли, мужские шляпы обладают одной особенностью. Каждая обретает характерный, присущий только ей вид, стоит ее только подольше поносить. Вы, наверное, и сами это замечали. Мои шляпы всегда выглядели так, словно я извлек их из мусорного бака, где они пролежали минимум неделю. Все дело в том, как их носить. Должен заметить, ваши шляпы выглядят так, точно вы сидите на них каждое утро. Наверное, вы слишком плотно натягиваете их на...

— Все это очень интересно, но...

— Когда Рашенко дал мне эту шляпу, она показалась странно знакомой. Сегодня в поезде я пытался сообразить почему. А потом вдруг вспомнил, где ее видел. На голове у того типа, которого Захс назвал «шпиком наци». Пальто не запомнил, а вот шляпу — очень хорошо. Ясно, как дважды два четыре, что шляпа и пальто принадлежат одному человеку, и скорее всего он является вашим другом. На рукаве пальто была кровь. Захс смертельно боялся типа, который его

носил, а потом я нашел Захса убитым. Его закололи ножом. Ну, что вы на это скажете?

Залесхофф поджал губы.

— Вот вы сказали «ясно, как дважды два четыре», мистер Кентон. Как прикажете понимать?

— Рашенко раздобыл эти пальто и шляпу где-то в доме. На улицу он точно не выходил, поскольку был в домашнем халате.

— И вы решили ехать в Прагу?

— Да.

— И как же добрались? Паспорт где-нибудь показывали?

— Я, конечно, дурак, но не до такой степени. Перебрался через границу вблизи Манфурта.

Залесхофф присвистнул.

— Манфурт! Что заставило вас выбрать именно это место? Гораздо легче перейти южнее.

— Другой дороги на карте я не увидел. Ну и потом, леса служили надежным укрытием.

— Да уж, оно вам явно не помешало. Так вы сказали, что перешли через границу. Но как? Перелезли через изгородь?

— Не через, а под ней! — Кентон объяснил, как это ему удалось.

— Нет, ты только послушай его, Тамара! — восторженно воскликнул Залесхофф. — Твой Кентон — парень не промах. Только на будущее, друг мой, запомните одну важную вещь: те участки границы, что выглядят на карте проще, всегда строже охраняются.

— Надеюсь, мне эти знания больше не пригодятся!

Залесхофф громко расхохотался.

— Знаешь, Тамара, а мне начинает нравиться этот парень. Он меня забавляет, нет, правда!

— Чего никак не могу сказать о вас, Андреас, — мрачно заметил Кентон. — У вас очаровательная манера уводить разговор в сторону от главной темы. Давайте же вернемся к делу.

Залесхофф вздохнул:

— Что ж, хорошо.

— Вот и славно. Итак, я прибыл в Прагу с одной целью. И цель эта — выкрасть фотографии у Саридзы и заключить с вами сделку. И цена этой сделки — ваш друг, тот тип с мерзкой физиономией в комплекте с доказательствами для полиции.

— Ну, допустим, вам удастся заполучить эти фотографии, что лично мне кажется весьма смелым предположением. Как затем вы собираетесь связаться со мной, а?

— Через советское посольство.

Повисла пауза. Девушка первой прервала молчание:

— Я вижу, вы оптимист, мистер Кентон! Сами вы так не считаете?

— Я не столь оптимистичен, как вам может показаться. Этим утром вспомнил кое-какую любопытную информацию, которой забыл поделиться с Андреасом. Речь идет об одной фразе в разговоре Саридзы с Майлером. В тот момент я не обратил на нее внимания. Теперь думаю, что она крайне важна.

— Что именно? — рявкнул Залесхофф.

Кентон покачал головой.

— Так дело не пойдет, Андреас, — сказал он. — Когда человека разыскивают за убийство, это, знаете ли, накладывает на его поведение определенный отпечаток. Он становится скрытным.

Снова пауза.

— Надеюсь, вы понимаете, Кентон, — произнес наконец Залесхофф, — что я, если захочу, смогу заставить вас заговорить?

— А вот сейчас вы сказали глупость.

— Ничего подобного. Допустим — это всего лишь предположение, не более того — я бы мог сказать вам, что знаю, кто убил Борованского. Допустим, я бы сказал, что с самого начала имел намерение использовать это знание, чтобы освободить вас от подозрений. Предположим, я бы сказал, что с учетом вашего упрямства и тупоголовости все же решил передать вас в руки полиции. Что бы вы на это ответили?

— Ответил бы, что поступаете глупо.

— Вот как? Думаю, вы не понимаете, насколько крепко сколоченное против вас обвинение. Просто недооцениваете полицию.

— Я прекрасно понимаю это. И скажу вам вот что: это вы поступаете глупо, ибо мне известно, насколько важнее для вас довести игру с Саридзой до конца, нежели покрывать настоящего убийцу или подставлять меня.

Девушка рассмеялась.

— Прекрасно, мистер Кентон! Нет, правда, просто великолепно! А теперь выпейте наконец виски с содовой. Уверяю, напиток совершенно безвреден.

— И еще сядьте наконец ради Бога! — раздраженно добавил Залесхофф. — Невозможно сосредоточиться, когда кто-то стоит над душой.

Кентон уселся рядом с Тamarой и осторожно пригубил виски.

— Тут не о чем особенно раздумывать, Андреас, — заметил он. — Вы собираетесь заключить со мной сделку или нет? Все очень просто.

Залесхофф задумчиво смотрел на него какое-то время.

— Знаете что, Кентон, — произнес он наконец, — ваша проблема в том, что вы родились в стране с имперскими амбициями, привыкшей править другими народами. А потому чувство опасности у вас недоразвито, а вот самонадеянности — хоть отбавляй! Но может, все продиктовано недостатком воображения?

— Иными словами, вы хотите сказать, что я не в том положении, чтобы диктовать условия?

— Именно! Люди, которые доставили вас сюда, прекрасно умеют обращаться с огнестрельным оружием. Более того, они не остановятся перед тем, чтобы изрядно подпортить мишень, пока она еще жива. И вы никак не сможете покинуть этот дом без моего на то разрешения.

— Я одного не могу понять. Зачем меня сюда притащили?

— А вы очень удивитесь, если я скажу, что сделано это было для вашего же блага?

— Очень удивлюсь! И не в обиду будет сказано, отнесусь к этому заявлению скептически.

— Естественно.

Русский встал и начал расхаживать по комнате. Затем остановился прямо перед сидевшим в кресле журналистом и посмотрел на него сверху вниз.

— Послушайте, — начал он, — я не верю, что у вас есть информация о Саридзе, которая могла бы представлять для меня интерес. Вы блефуете, но я не могу ответить тем же. Да, если честно, мне очень нужны эти фотографии. Если я их не раздобуду... это приведет к большим осложнениям, и не только в Румынии. И если у вас есть хотя бы малая толика информации, неведомой мне, я не могу рисковать, мне непременно нужно с ней ознакомиться. Так есть у вас эта информация или нет?

— Есть.

— Надеюсь, что это так. В любом случае я готов предоставить вам все, что пожелаете. Я даже готов рассказать вам, кто убил Борованского и как вам выйти из ситуации, в которой вы оказались. Но вот что еще я хотел бы заметить — не позволяю вам предпринимать что-либо без моего разрешения. Теперь вы здесь у нас, здесь и останетесь — столько, сколько я буду считать необходимым. Позже поймете почему. Ну а теперь выкладывайте все, что знаете! Если, конечно, вам есть что сказать.

— Кое-что знаю.

— Сильно сомневаюсь!

Залесхофф налил себе еще, одним махом опрокинул содержимое стакана в горло и уселся в кресло.

— Когда Борованский выезжал из Берлина, один мой друг посадил ему на хвост испанца, человека по имени Рамон Ортега. Тот должен был следовать за Борованским по пятам и выкрасть у него фотографии в Австрии.

— Так, значит, владелец моего пальто и шляпы некий Ортега? — вставил Кентон.

— Если будете перебивать...

— Простите.

— Ортеге было приказано выкрасть фотографии. Но он превысил свои полномочия. Пробравшись в отель «Джозеф», он убил Борованского. Сказал, что Борованский угрожал ему пистолетом, но скорее всего это ложь. Дело в том, что

Ортеге нравится убивать людей ножом. Некогда он работал на бойне в Сеуте. Вот и пристрастился к этому занятию.

— Да, у Захса был пистолет, он держал его под мышкой в кобуре. А когда я нашел его мертвым в номере, оружие исчезло.

— Ортега забрал его. А вот снимки — нет. Потому как их взяли вы. Как бы там ни было, но Ортега ускользнул из отеля через черный ход и отправился по адресу Кёльнерштрассе, 11. Рашенко спрятал его в пустующей комнате этажом ниже. Ну а потом уже полиция вплотную занялась вами. И в данных обстоятельствах... Я, знаете ли, человек, не склонный к сантиментам, но и не тот, за кого вы меня принимаете. И далеко не в восторге от того, что человека преследуют за убийство, которого он не совершал. Так что я убедил мастера Ортегу написать чистосердечное признание и поставить под ним свою подпись.

— Просто вежливо так попросили его подписать себе приговор к пожизненному заключению в австрийской тюрьме? — язвительно спросил Кентон.

Залесхофф, побагровев от злости, вскочил из кресла.

— Тамара! — рявкнул он. — Скажи этому репортеришке... этому жалкому писаке, что я снова заговорю с ним, только когда он будет готов выслушать меня до конца!

— Да полно вам, полно, — спохватился Кентон. — Без обид. Я просто хотел спросить.

— А я не просил вас спрашивать! — резко заметил Залесхофф. — Просто просил нормально выслушать.

— Слушаю вас внимательно.

— Что ж, хорошо. Только слушайте и не влезайте со своими дурацкими ремарками.

— Простите.

— Ортега признался потому, что его приперли к стенке. И главное — потому, что ему плевать. Он и без того уже разыскивается за убийство в Лиссабоне. И я пригрозил, что помогу выдворить его из страны, если он не сознается в убийстве Борованского. Естественно, я не сказал ему, зачем мне понадобилось это признание. Он решил — для того, чтобы в будущем шантажировать его этим фактом. Да и потом, одним признанием больше, одним меньше — такому типу без разницы. Его ведь и в Испании разыскивают — там он тоже натворил дел. Португалия с Австрией отменили смертную казнь за убийство, в двух тюрьмах одновременно он сидеть не может, так что какого черта?

Как бы там ни было, у меня на руках его признание, и я смогу использовать его, если дело для вас запахнет жареным. Проблема в одном. Мне нужно делать свою работу. Если бы вас арестовали, вы наверняка рассказали бы им о своем маленьком приключении, а в данный момент это нежелательно. Если я устрою так, что Ортегу арестуют — он тоже расколется, выдаст уже свою историю с кое-какими дополнениями.

Когда Рашенко позвонил и сообщил, что вы ушли, моей первой мыслью было: вы решили сдаться. Хорошо, что этого не сделали. Вы попали в нешуточный переплет, и помогать вам в такой ситуации мне стало сложно. Полиция мыслит слишком прямолинейно, предпочитает держаться самой первой и простой версии. Решают, что человек виновен, — и все. Но затем Рашенко сказал, что вы собираетесь в Прагу. И поскольку я не велел удерживать вас силой, он позволил вам уйти и даже дал вещи Ортеги. Если бы он счел, что вы прямиком из его квартиры отправитесь в полицию, он без долгих раздумий всадил бы в вас пулю. Но Рашенко у нас человек весьма проницательный, разбирается в людях, вот и посчитал, что вы сказали правду, когда заявили, что едете в Прагу. Он допустил только одну промашку — не заметил пятна крови на рукаве пальто. И когда я сказал ему об этом по телефону, беднягу едва удар не хватил. Должен признаться, и я тоже нервничал, пока вас не привезли. Вы, наверное, догадались, что ребята на вокзале схватили вас именно из-за этого пятна на рукаве?

— Как же Рашенко мог говорить по телефону, если он немой?

— Он приспособил для этого специальное сигнальное устройство.

— Гм... И все равно не понимаю, почему он дал мне вещи Ортеги.

Залесхофф шумно вздохнул.

— Да потому, мой дорогой Кентон, что для него было бы слишком опасно в таком маленьком городке, как Линц, выйти и купить вещи в магазине. В полиции, надеюсь, вы это понимаете, работают далеко не дураки.

— Что ж, ладно. И каков будет следующий шаг? Наверное, я должен торчать здесь до тех пор, пока вы не убедите полицию Австрии в моей невиновности?

— Верно, — кивнул Залесхофф, — хотя, конечно, на самом деле все далеко не так просто. Ортегу следует обнаружить и разоблачить в строго определенных обстоятельствах. Вовлекать в это меня и Рашенко ни в коем случае нельзя. В любом случае Рашенко должен съехать с квартиры.

— Почему?

Залесхофф не ответил.

— Наверное, потому, — предположил Кентон, — что я знаю, где он живет?

— Не желаете ли выпить еще, мистер Кентон?

— Спасибо. А вы чертовски хладнокровны, не так ли, Андреас? Этот Ортега — отъявленный убийца и негодяй, но лично у меня нет ни малейшего желания сдавать его полиции вместе с признанием, которое он написал, чтобы спасти свою шкуру.

Залесхофф занялся сифоном.

— Что это вы вдруг раскипятились, а? Ведь совсем недавно рассуждали, как это несправедливо, что полиция обвиняет вас. А теперь, когда начала вырисовываться реальная перспектива наказать настоящего убийцу, вам это, видите ли, не нравится! — Он обернулся к сестре. — Вот тебе, Тамарочка, типичный пример англосаксонского мышления.

Девушка достала сигарету из коробки на подносе.

— Не думаю, что мистеру Кентону стоит волноваться, — заметила она. — И просто уверена — вскоре он убедится, что сам Ортега отнесется к этому философски.

— Ну, знаешь ли, моя дорогая, — заметил Залесхофф, — это проявление не самого лучшего вкуса.

Кентон уже хотел потребовать объяснений — он не понял, в чем смысл этой загадочной ремарки, — но тут в дверь громко постучали. Залесхофф извинился, встал и вышел из комнаты, затворив за собой дверь.

— Что происходит? — спросил Кентон.

— Не знаю, — ответила Тамара.

Явная ложь, но Кентон решил не заострять на этом внимания.

— Знаете, — начал он, — я просто теряюсь в догадках. Как это вы могли оказаться замешанной в этом деле? Если это вообще можно назвать делом.

— Да, назвать, пожалуй, можно. Что же касается первого вопроса, я постоянно задаю его себе сама. И не получаю ответа. Надеюсь, скоро настанет день, когда впервые за долгие годы мы с братом позволим себе отпуск. Хотя бы недолго попробуем пожить, как все остальные нормальные люди, подальше от этих безумных и опасных игр.

— Похоже, вам не слишком нравится ваша работа.

— Вопрос не в том, нравится или нет. Вопрос в том, умеешь ты отражать удары или нет.

— И можешь ли подниматься и падать или, лавируя среди змей, одерживать одну победу за другой, так?

— Нет, мне это безразлично. А вот брату — нет. Стоит ему одержать хотя бы маленькую победу, и он абсолютно счастлив. А вот если проигрывает, несчастней его нет на свете человека. Мне же все равно. Просто еще одна очередная дурацкая игра среди змей и лестниц.

— Меня не слишком устраивают эти аллегорические метафоры. Они всегда заканчиваются разной путаницей и ерундой.

— Меня тоже. Плюс тут только один — ты не особенно задумываешься. Брат называет это «философией литерного вагона», поскольку люди не слишком задумываются о цели назначения, когда едут в поездах. Везет себе поезд и везет.

— Да, верно. Знаю по собственному опыту, наездился немало. Однажды познакомился в купе — ехал тогда в Афины — с одним человеком. Он всю ночь не давал мне спать. Объяснял строение Вселенной в терминах игры в покер — накануне он всю ночь провел за этим занятием. И, понятное дело, все время выигрывал.

Тамара рассмеялась, но не успела ответить. Дверь распахнулась, и в комнату ворвался Залесхофф.

Кентон сразу уловил перемену в его поведении. Терпеливое добродушие, с каким он выслушивал Кентона всего несколько минут назад, испарилось, на смену ему пришло выражение какой-то отчаянной беззаботности, интерпретировать которое было сложно. Журналист покосился на девушку, но та равнодушно смотрела в камин, где пылали поленья.

— Извините, что задержался, — сказал Залесхофф. — Просто надо было повернуть одно маленькое дельце.

— Очередное похищение человека или же устранение?

Русский проигнорировал эту язвительную ремарку и присел на край кресла.

— А теперь, мистер Кентон, — начал он, — давайте наконец, как вы любите выражаться, приступим к делу. Надеюсь, мне удалось успокоить вас в том, что касается убийства Борованского. Так что настал ваш черед. Не будете ли вы столь любезны выполнить свою часть сделки и поведать мне, в чем же заключается та ценная информация, о которой вы здесь толковали?

Он произнес это небрежно, почти равнодушно, но за этими легкостью и небрежностью Кентон уловил напряжение парового котла, который вот-вот взорвется. Очевидно, что пока он сидел здесь с Тamarой, произошло нечто важное.

— Итак?.. — произнес Залесхофф.

Кентон кивнул:

— Ладно. Но при одном условии.

— Еще одно условие, мистер Кентон?

— Да, и выполнить его очень просто. Мне нужен шанс, сущий пустяк, по правде говоря. Хочу видеть лицо Саридзы, когда у него отберут фотографии.

— Вы хотите сказать, если у него отберут фотографии?

— Нет. Я хотел сказать «когда».

— Давайте не будем спорить на эту тему! Не вижу смысла встречаться с Саридзой.

— А я не понимаю, как вы собираетесь забрать фотографии, не встретившись с ним.

— Может, и не понимаете. Итак, выкладывайте! Я жду.

— Что ж, ладно, слушайте! — Кентон всем телом подался вперед. — Когда я говорил вам, что Саридза собирается ехать в Прагу, то упустил одну мелочь. Он сказал, что собирается встретиться там с человеком по фамилии Бастаки. И вот когда я ехал в автобусе к границе, то познакомился с англичанином, коммивояжером, с занятым таким человечком мистером Ходжкином. От него и узнал, что этот Бастаки румын и что отец его является одним из крупнейших промышленников страны. У самого же Бастаки имеется завод по производству электрических кабелей, находится где-то на окраине Праги. И еще Ходжкин назвал его одним из крупнейших мошенников на всей территории отсюда и до самого Шанхая. Так что если теперь вы скажете, что это не ценная информация, я готов съесть пальто Ортеги!

Залесхофф медленно поднялся из кресла и подошел к окну. Минуту или две он стоял неподвижно, рассматривая узор на плотных шторах. Затем обернулся.

— Мистер Кентон, — мрачно начал он, — у меня просто нет слов! Вы не представляете, как я глубоко заблуждался. Мне следовало сразу сдать вас полиции, еще в Линце. Я потратил на вас слишком много времени и сил в надежде, что вы дадите мне хоть сколько-нибудь ценную информацию. И что же я получаю взамен?

— Вы мне не верите?

Залесхофф приложил ладонь ко лбу и закрыл глаза, словно молясь о том, чтобы Всевышний дал ему сил.

— Ну почему же, мистер Кентон! Верю, конечно, верю! — Он повысил голос, а затем слова так и полились яростным нескончаемым потоком: — Я верю вам, мой дорогой друг, поскольку получил в точности такую же информацию по телефону буквально три минуты тому назад! Мало того, я могу — и этот факт, без сомнения, удивит вас — добавить к ней кое-что.

Буквально час тому назад Саридза встретился с Бастаки в его офисе на кабельном заводе. И при нем были фотографии. А полчаса спустя, когда вы пытались сообразить, отравил я ваш виски или нет, Бастаки отбыл на вокзал и сел на поезд, отбывающий в 12.20 в Бухарест. Саридза вместе с Майлером отправились к дому Бастаки, находящемуся на другом конце города. Всего полчаса тому назад, мистер Кентон, фотографии еще можно было забрать. А теперь благодаря вам они едут в Бухарест! — Он умолк и глубоко вздохнул. — Ну-с, что скажете на это, мистер Умник?

Кентон опустил глаза и стал рассматривать узор на ковре.

— Ничего.

Залесхофф злобно рассмеялся.

— Ничего! Как вам это нравится, а? Нет, мы должны сохранить способность здраво мыслить!

— Я ничего особенного не сказал.

Залесхофф нетерпеливо фыркнул и принялся нервно расхаживать по комнате.

— Вот что, Тамара, — сказал он вдруг, — прямо сейчас позвонишь в полицию и сообщишь, что у тебя украли ожерелье. Бриллиантовое ожерелье. Скажешь, что похитил его — просто сорвал с шеи! — какой-то мужчина, который остановил твою машину в Альтштадте. Дашь описание Бастаки. У них в картотеке оно есть. Скажешь, что твой водитель преследовал грабителя до самого вокзала, но тот успел вскочить на поезд, отбывающий в 12.20 в Бухарест. Скажешь им, что его можно будет перехватить в Брунне. Нет, не годится! Ну придумай что-нибудь сама! История должна выглядеть убедительно, главное — Бастаки должны продержаться на границе достаточно долго, чтобы мы могли успеть добраться туда. Скажи Сержу — пусть подготовит маленькую машину и наденет униформу. В полиции тебя будут допрашивать. А Григорий пусть подготовит для меня «мерседес». И поторопись, слышишь?

Девушка направилась к двери.

— Погодите минутку, — сказал Кентон.

Тамара остановилась и обернулась.

— Ну что еще? — раздраженно воскликнул Залесхофф.

— Я бы не стал беспокоиться о Бастаки.

— О чем это вы? Ступай же, Тамара!

— Никаких фотографий у Бастаки нет.

— Что?

Кентон откинулся на спинку кресла.

— Видите ли, мсье Залесхофф, — пародируя манеру русского, начал Кентон, — ваша главная слабость состоит в том, что вы слишком уж зациклены на своей работе.

— Если у вас есть что сказать, говорите, но только быстро!

— Да, конечно, только слушайте и не перебивайте. Вы слишком быстро приходите к заключениям. Если бы я сказал вам о Бастаки в первую же минуту, как только меня доставили сюда, у вас бы все равно не было никакой возможности что-то предпринять. Поскольку, как вы сами только что сказали, его встреча с Саридзой состоялась всего полчаса назад.

— Напрасная трата времени!

— Погодите минутку. Я сказал, что вы слишком поспешно делаете выводы! Бастаки встречается с Саридзой, у которого есть фотографии. Затем Бастаки уезжает на вокзал и садится на поезд. Вы настолько уверены, что теперь эти снимки отправятся в Бухарест, что тут же делаете вывод: Бастаки увозит их с собой. Но это не так. И фотографий при нем нет.

— С чего вы взяли?

— Да с того, что я сам часто ездил этим поездом из Праги в 12.20. Очень удобный поезд, но только ни в какой Бухарест он не идет. Он идет в Берлин.

— В Берлин?

— Именно. И если вы обладаете хотя бы каплей здравого смысла — а прежде я несколько в том не сомневался, — то догадаетесь, почему Бастаки после встречи с Саридзой отправился в Берлин.

— Интересно знать, почему же?

— Помните, как вы весьма отчетливо обрисовали мне взаимоотношения Саридзы с румынскими фашистами?

— Да.

— Тогда вы должны помнить, как особо подчеркнули тот факт, что одной из главных целей Кодряну является союз с Германией.

Залесхофф кивнул.

— А вы хоть раз задумывались о том, каким образом Бастаки вообще вписывается в эту картину? И почему Саридза отправляется в Прагу вместо того, чтобы ехать прямо в Бухарест?

— Не знаю.

— Потому что так было задумано. Бастаки не слишком важная персона. Тот факт, что его отец — крупнейший румынский промышленник, лишь отводит от него подозрения. Почему Саридза не стал иметь дел с его отцом, ведь последний, несомненно, является финансово заинтересованной стороной? Где в дело вступает Бастаки-младший? Все эти вопросы, Андреас, я задавал себе, пока дожидался поезда в Будвайсе. И поскольку мне нужно было как-то скоротать время, я решил развлечься — зайти в пражское новостное агентство. Я прикинулся их независимым корреспондентом в Вене — кстати, такой человек существует, и он мой друг — ну и расспросил тамошних ребят о Бастаки. И узнал одну весьма любопытную вещь.

Жена Бастаки чешка — поэтому он и работает здесь. Но она немецкая чешка, и, хотите верьте, хотите нет, фамилия ее родного брата Ширмер, он нацист и работает секретарем в германском министерстве иностранных дел. Теперь понимаете, почему после встречи с Саридзой Бастаки отправился в Берлин? Перед ним была поставлена задача: изучить фотографии, убедиться в их подлинности, а уже потом бежать к своему родственнику Ширмеру с радостной вестью. Кодряну далеко не дурак. Прежде чем сделать очередной ход, он хочет убедиться, что у него есть поддержка. Ну а Саридза отсиживается где-то и ждет, когда Бастаки вернется с официальным благословением.

Балтерген тоже не дурак. Он и пальцем не пошевелит, чтобы помочь Кодряну, до тех пор, пока точно не убедится, что дело стоит затрат. Так что, думаю, Саридза просидит на фотографиях в доме у Бастаки часов тридцать шесть, не меньше, будет ждать возвращения Бастаки. Вы можете, конечно, позвонить своему маленькому другу в Берлине, чтобы тот задержал Бастаки, но я бы не советовал. Вы можете провалиться и только подлить тем самым масла в огонь. Саридза улетучится со скоростью пули.

Залесхофф перестал расхаживать по комнате и устоялся в потолок. Кентон плеснул себе в стакан содовой и выпил. И вдруг почувствовал, что русский положил ему руку на плечо.

— Наверное, мистер Кентон, — произнес Залесхофф, — я просто старею. Или же сказался тот факт, что три ночи подряд не сомкнул глаз. Простите, друг мой, только теперь понимаю, как я вас обидел.

— Ничего, все в порядке.

— Но почему, — вмешалась девушка, — вы не говорили нам этого прежде? А, мистер Кентон?

— Потому, — сердито заметил ее брат, — что я просто не дал ему такого шанса. — Он обернулся к Кентону и виновато посмотрел на него. — Так, по вашим прикидкам, получается где-то тридцать шесть часов, так?

— Ну может, немного больше. Я просто прикинул, сколько времени уйдет на то, чтобы добраться до Берлина, повидаться с Ширмером и вернуться назад в Прагу.

Залесхофф призадумался и направился к двери. Потом вдруг резко обернулся.

— Скажите, друг мой, я могу что-нибудь для вас сделать? Чем-то отблагодарить вас? Только, — торопливо добавил он, — прошу пока не поднимать вопрос об Ортеге.

— Можете, — ответил ему Кентон. — Хотелось бы принять ванну с горячей водой, а потом выспаться в удобной постели.

Русский обернулся к сестре.

— А знаешь, Тамара, — заметил он, — мне все же нравится этот парень Кентон. Он очень рассудителен.

Сорок минут спустя Кентон впервые за три дня оказался в постели.

Минуту или две он лежал на спине, расслабившись и давая отдых ноющим от усталости мышцам. Затем протянул руку и выключил настольную лампу. И почти одновременно с этим услышал какой-то шорох в коридоре, а затем тихий щелчок — это ключ повернулся в замке. Его заперли. Усмехнувшись в темноте, Кентон перевернулся на бок. И вот, когда сон теплой волной стал накатывать на него, он различил еще один звук — отъезжающей от дома машины. И сразу после этого крепко уснул.

Фрау Бастаки была молчаливой женщиной средних лет с неприбранными сидящими волосами и нездоровым цветом лица. Она неподвижно сидела в кресле с высокой спинкой, устремив взор на сложенные на коленях руки. По всей очевидности, она находила гостей мужа столь же неподходящей компанией, как и они ее. В половине третьего, убедившись, что они прикончили весь бренди на столе, и не имея ни малейшего намерения предложить им еще, она поднялась и заявила, что готова показать им их комнаты.

Мужчина, назвавшийся полковником Робинсоном, тоже поднялся и отвесил сдержанный поклон.

— Пошли, Майлер, — сказал он по-английски, — этой женщине не терпится от нас избавиться.

Капитан Майлер пробормотал что-то односложное — явно не комплимент — в адрес хозяйки дома, допил остаток бренди, с грохотом поставил стакан на стол и последовал за ним.

Несколько минут спустя мужчины, кивнув друг другу на прощание, разошлись по своим комнатам.

Саридза не стал раздеваться сразу. Он подошел к одному из своих чемоданов и достал оттуда коробочку с какими-то капсулами, маленькую бутылку и складной стаканчик. Проглотил одну капсулу, налил полстаканчика воды, добавил несколько капель жидкости из бутылочки и выпил. Примерно через час ему удастся уснуть. Он выключил свет, накинул на плечи одеяло и уселся у окна.

Он просидел неподвижно в темноте где-то около получаса. По небу, затеняя лунный диск, мчались гонимые сильным ветром облака. Затем между ними внезапно образовался просвет, и серебристое сияние луны на несколько секунд

озарило сад. Внезапно Саридза всем телом подался вперед и протер затуманенное стекло. Затем встал и отворил дверь в смежную комнату.

Когда Саридза вошел, Майлер уже был в постели.

— Привет, шеф! Вы что, еще не ложились?

— Ступай вниз — только потихоньку! — в комнату, соседнюю с гостиной, где мы сидели. И включи там свет. Сделай вид, будто спустился за сигаретами. Вот и все. Там, на террасе у дома, кто-то есть. Хочу разглядеть кто.

— Но я не пойму...

— В той комнате шторы остались незадернутыми. Хочу, чтобы ты осветил его лицо. Нет, ствол не бери, просто делай, что тебе говорят!

Саридза снова вернулся к окну и посмотрел вниз на террасу. Минуту спустя ее затопил яркий свет из окон, и невысокая плотная фигура человека метнулась в тень.

Вернувшись, капитан Майлер увидел, что Саридза раздевается, готовясь лечь в постель.

— Разглядели его, шеф?

— Да, это Залесхофф. Человек, который забрал журналиста.

— Бог ты мой! Значит, прямо сейчас я возьму эту свинью. — И капитан направился к двери.

— Вернись, Майлер! И ложись спать.

— Но, черт побери, это же...

— Делай, что говорят.

Капитан нехотя направился к себе в спальню. У двери вдруг остановился.

— Просто не терпится захватить эту маленькую свинью.

Саридза посмотрел на него и улыбнулся уголком рта.

— Думаю, у тебя будет возможность осуществить это желание. Доброй ночи, Майлер!

— Доброй ночи!

Саридза устало улегся в постель. Для того чтобы подействовать, капсуле со снотворным требовалось немало времени, зато уж как подействует, то, Gott sei dank,⁴¹ на совесть!

15

План и экзекуция

Кентона разбудило щелканье дверного замка. Пауза, затем в дверь негромко постучали. Он ответил: «Herein!»⁴² — и в спальню вошел мужчина с подносом. Кентон узнал в нем своего главного вчерашнего похитителя.

---

⁴¹ Слава Богу (нем.).

⁴² Войдите! (нем.).

Мужчина сказал: «Guten Tag, Kamerad»⁴³ — поставил поднос на столик у кровати и раздернул шторы. Затем зашел в ванную, пустил там воду и, дружелюбно кивнув, вышел в коридор.

Кентон съел завтрак и направился в ванную. Бритва, зубная щетка, расческа, полотенца — все это уже было приготовлено для него.

Вернувшись в спальню, он обнаружил, что в его отсутствие кто-то оставил на кровати стопку свежего белья и новую рубашку. А на кресле лежал твидовый костюм — светло-зеленый, немного ярковатый для него, но, как выяснилось чуть позже, сидел он вполне прилично. Закончив одеваться, Кентон спустился вниз, в ту самую комнату, куда его вчера привели.

И застал там Залесхоффа — он сидел перед камином, где ревел пламя, пил чай и читал газету.

Увидев журналиста, русский отложил газету и оглядел его критическим взглядом с головы до пят.

— Очень даже неплохо, — заметил он после паузы. — Вполне прилично. Рад, что вы не сбрили усики. В одном из карманов у вас лежат очки без диоптрий. А ну-ка, наденьте!

Кентон повиновался и обозрел результат в большом зеркале в позолоченной раме.

— Немного театрально, вам не кажется? — заметил он.

— Это потому, что вы еще не привыкли к своему новому образу. Спросите Тамару, она спустится через минуту. Хорошо выспались?

— Да, спасибо. Ваш главный похититель оказался прекрасным камердинером. Даже назвал меня «товарищем».

— Вообще-то Григорий — механик из Праги, когда не работает на владельца этого дома. Или на меня.

— И все равно, из него получился замечательный камердинер. Надеюсь, и вам стало лучше — хорошо отдохнули, отоспались...

Залесхофф хмыкнул.

— Слышали, как я выезжал? Да, ездил провести рекогносцировку у дома Бастаки. Как видите, я воспринял ваши рассуждения вполне серьезно. Дом находится примерно в шести километрах отсюда, на частной территории.

— Мне это ничего не говорит. И потом, что значит «отсюда»? Я успел посмотреть в каждое окно, мимо которого проходил, и ничего, кроме деревьев, не увидел.

— О, мы совсем недалеко от Праги.

— Ну, это я понял, когда меня сюда везли. Впрочем, думаю, это сейчас не так важно. Что собираетесь делать? Предпринять штурм дома Бастаки, пристрелить Саридзу и Майлера, а потом забрать фотографии?

---

⁴³ Добрый день, товарищ (нем.).

Залесхофф поморщился.

— Надеюсь обойтись без столь грубых и крайних мер! — Он взмахнул газетой. — Да, кстати, вы сегодня снова в новостях. Они арестовали вас в Вене.

— Что?!

— Арестовали вас. Австрийская полиция часто использует этот трюк. Объявляет об аресте, и тогда разыскиваемый человек выходит из укрытия, посмеиваясь над дураками полицейскими, и попадает прямо им в лапы.

— А что, если Ортега видел это сообщение?

— Не видел и не увидит. Рашенко об этом позаботится.

— Что ж, рад слышать! Однако вернемся к Саридзе. Очень хотелось бы знать, что вы собираетесь предпринять по поводу фотографий.

Залесхофф подлил себя чая.

— Как раз собирался поговорить об этом. — Он задумчиво разглядывал ломтик лимона. — Вам бы хотелось принять участие в их возвращении?

— Очень. Но что я могу сделать?

— Да много чего, — последовал уклончивый ответ. — Понимаете, мне нужно как можно больше людей. Тамара будет управлять машиной.

Кентон усмехнулся.

— Лучше уж сказали бы прямо, о чем именно идет речь, а не ходили вокруг да около, — заметил он. — Я же чувствую, что-то не так. Наверное, проблема в том, что вы просто не можете оставить меня здесь одного без присмотра?

— Что за ерунда, мой дорогой! Вы же еще вчера уверяли, что хотели бы быть в центре событий. Я правильно понял? Вот вам и шанс.

Кентон вздохнул.

— Ладно, понимайте как хотите. Что я должен делать?

— Взять незаряженный автомат и следовать за мной.

— Что-то не слишком вдохновляющая перспектива.

— Это как посмотреть! Тут вот в чем проблема. Хотя мы считаем, что фотографии у Саридзы, точно неизвестно, где именно он их держит. Носит ли при себе, или же они спрятаны у него в комнате. У нас должна быть свобода поиска. А это невозможно, потому как нам придется держать под контролем вас.

Кентону такое объяснение показалось не слишком убедительным, но он решил не придавать этому значения. Саридза наверняка носит снимки с собой. И все же, если Залесхофф так боится оставлять его одного и без присмотра, тем лучше. Приятно будет возобновить знакомство с «полковником Робинсоном» и капитаном Майлером.

— И каков план кампании? — спросил он.

Залесхофф достал из кармана довольно приблизительный план дома и пустился в объяснения минут на десять.

— Все очень просто, — заключил в конце он. — Вам всего-то и надо, что следовать инструкциям. Серж возьмет на себя гараж, Питер будет стоять на страже у ворот. Григорий, вы и я займемся поисками в доме.

— А если у Саридзы там целый отряд вооруженных головорезов?

— Это не так. Он там с Майлером, и помимо них в доме три служанки и фрау Бастаки. Григорий присмотрит за женщинами. А мы с вами займемся делом.

— Не понимаю, как можно идти на серьезное дело с незаряженным автоматом!

— Никакой стрельбы допускать нельзя. Вас и без того уже полиция разыскивает за убийство. И если вы действительно кого-то убили, ситуация получится крайне неприятная. Автомат — штука весьма коварная, особенно если у человека нет навыка им пользоваться. А незаряженный он выглядит столь же грозно, как и с полной обоймой.

— Хорошо. Когда начнем?

— Думаю, часов в десять. Не стоит ждать, пока они улягутся в постель. Отсюда надо выехать без четверти десять.

В этот момент вошла Тамара.

— Вот как раз объяснял нашу сегодняшнюю программу мистеру Кентону, — сказал Залесхофф. — Он разочарован, потому что автомат у него не будет заряжен. Но я сказал, что иначе он может кого-то убить.

— Мистеру Кентону очень идет этот наряд, — заметила Тамара.

Кентон же подумал, что в блузке и юбке девушка выглядит очень привлекательно.

— Ваш брат сказал, что вы одобрите это превращение.

Девушка улыбнулась.

— Если Саридза носит темные очки, то ему придется посмотреть дважды, прежде чем он вас узнает.

— Вижу, вы настроены скептически.

— Вам не о чем беспокоиться, — сказал Залесхофф. — Саридза никогда не станет связываться с полицией. В противном случае ему придется очень многое им объяснять.

Кентон умолк, призадумавшись.

— Интересно, — заметил он наконец, — что скажет Саридза, потеряв фотографии?

Залесхофф взглянул на часы.

— В нашем распоряжении еще целых девять часов, — заметил он, — так что успеем услышать ответ на этот вопрос. Идем, Тамара, у нас дел полно.

Предоставленный самому себе, Кентон закурил сигарету и подошел к книжному шкафу в углу комнаты. Большинство книг там было на русском. Рассеянно разглядывая корешки в надежде найти хоть что-то напечатанное на знакомом ему языке, он наткнулся на старое издание Монтеня в переводе Джона Флорио. Кентон поднес книгу к свету и открыл наугад. Внимание его привлекло предложение где-то на середине страницы.

«Что касается предприятий военного толка, ни один человек не слеп настолько, чтобы не видеть, какую долю уготовила ему тут судьба; что, невзирая

ни на какие намерения и планы, спасти его может только случай, редкая удача, ибо всей нашей мудрости не хватит, чтобы повлиять на ход событий. Чем быстрее и острее наш разум, тем больше в нем слабости, тем меньше начинает человек верить в себя».

Кентон вздохнул, закрыл книгу и поставил ее обратно на полку. Затем медленно подошел к камину и остановился, наблюдая за тем, как языки пламени с шипением лижут мягкие темные угольки. Если бы тогда господин Захс выбрал другое купе...

Примерно в половине десятого вечера Залесхофф осмотрел магазин большого автоматического пистолета «люгер», убедился, что он не заряжен, и отдал оружие Кентону.

Журналист сунул «люгер» в карман кожаного пальто, которым его снабдили, и сразу почувствовал себя лучше. Может, и не заряжен, зато придает то, чего ему до сих пор так не хватало, — чувство драматизма, серьезности ситуации, что ли.

Днем у него было много свободного времени, и он дал волю воображению. Рисовал себе сцену — общий сбор в холле, люди сосредоточенны и смотрят мрачно, Залесхофф дает последние указания. Напряжение нарастает по мере того, как близится час «икс». Удручал тот факт, что происходящее в реальности никак не соответствовало этой картине.

Точно на пикник собираются, подумал он. Тамара с гордостью продемонстрировала термос с горячим кофе. Залесхофф никак не мог решить, стоит ему надевать шарф или нет. Его помощники Серж и Григорий спорили из-за места в машине. Кентон, чьи нервы были на пределе, уже почти потерял всякое терпение, но тут вдруг Залесхофф посмотрел на часы и объявил, что им пора выезжать — и немедленно.

Надежды Кентона на то, что можно будет оглядеть окрестности и само место, где располагалась штаб-квартира Залесхоффа, не оправдались. Девушка села за руль и задернула шторы на перегородке, отделяющей водительское место от остальной части салона. Григорий повторил ту же процедуру со шторами на всех оставшихся окнах. Кентона поместили рядом с Залесхоффом на заднем сиденье, лицом к Сержу и Григорию. Третий мужчина, Питер, уселся на переднее сиденье рядом с Тамарой.

— Не хотите рисковать, верно, Андреас?

Залесхофф усмехнулся и не ответил, затем заговорил с Григорием по-русски.

Машина свернула вправо, немного проехала по главной дороге, снова свернула, на этот раз налево, судя по всему — на проселочную дорогу с плохим покрытием. Минут пятнадцать или около того «мерседес» трясся по кочкам и ухабам, затем сбросил скорость. Тамара выключила мотор, и машина остановилась.

— А теперь тихо, — сказал Залесхофф.

Они вышли.

«Мерседес» с выключенными фарами остановился у въезда на небольшую, погруженную во тьму, площадку. При слабом свете звезд Кентон различил, что вокруг высились деревья. Размытые очертания дороги, по которой они только что приехали, уходили влево и терялись во тьме. Было страшно холодно. Кентон приподнял воротник кожаного пальто, и тут кто-то дернул его за рукав.

— Vorwrts, — сказал Залесхофф, — остальные уже на месте.

Они углубились в лес, и Кентон, обернувшись, увидел в лобовом стекле машины оранжевую точку — то мерцал огонек сигареты девушки — и ему показалось, что она слегка взмахнула ею на прощание. Затем со всех сторон их обступили деревья, заслонив собой небо и дорогу. Какое-то время пришлось пробираться в полной темноте, причем Залесхофф держал журналиста за руку.

— А здесь осторожней!

Через несколько секунд они вышли из-под темного покрова леса. Земля круто пошла в гору. Затем Кентон услышал тихое журчание воды. В следующую секунду он ступил на какое-то очень твердое покрытие, звеневшее, как ему показалось, при каждом шаге. Он напряг зрение и увидел, что они переходят по железному мостику через ручей.

На другом берегу дорожка сворачивала влево, и на протяжении минуты или двух он довольно отчетливо видел, куда идет. Затем над головами снова навис темный лесной покров, и Залесхофф замедлил шаг.

— Чуть дальше, среди деревьев, ворота. Там уже ждут остальные.

Едва он произнес эти слова, как раздался тихий шорох шагов и впереди мелькнула какая-то тень. А потом послышался шепот. И через мгновение Кентон остался один. Он нерешительно прошел несколько шагов вперед, затем остановился и протянул руку. Она уперлась в кирпичную кладку. Стало быть, он находится возле одного из воротных столбов. И тут к нему присоединился Залесхофф. С ним был Григорий.

— А теперь вперед, но только тихо!

Согласно плану, который показывал Кентону Залесхофф, к дому можно было подъехать по дорожке, полукругом огибающей небольшой участок, поросший травой, деревьями и кустарником. Маршрут, составленный Залесхоффом, пролегал через нее — к точке за пределами дорожки и чуть левее дома. На плане, конечно, все выглядело просто, но едва они успели отойти от ворот на несколько ярдов, как Кентон перестал понимать, где находится. Тогда он оставил попытки сориентироваться и сконцентрировал все усилия на том, чтобы просто не отставать от двух смутно вырисовывающихся впереди фигур. Но вот наконец они остановились, и Кентон поравнялся с ними.

— Теперь нас отделяет от сада только один ряд деревьев, — прошептал Залесхофф. — Через секунду увидите дом. Только надо дать Сержу время добраться до гаража.

На протяжении пяти минут все они стояли неподвижно. Трава была мокрая, и ноги у Кентона стали мерзнуть, но тут Залесхофф наконец дал сигнал: «Вперед!» И секунды через две они вышли из-за деревьев.

Дом был построен на возвышении, сад террасами поднимался к продолговатому каменному балкону с тремя парами стеклянных дверей, открывавшихся из комнат первого этажа. Справа от балкона, прямо к дорожке от ворот, выходило уступом небольшое крыло здания, там и располагался главный вход. Свет горел только в двух комнатах, двери которых выходили на балкон — он просачивался сквозь щели в шторах, — за этим исключением весь дом был погружен во тьму.

Залесхофф прошептал что-то по-русски Григорию, и тот бесшумно отошел и скрылся за углом.

— Он должен пробраться через кухню. Дадим ему минуту, затем выдвигаемся к балкону.

Они выждали, потом пригнулись и начали пробираться вперед, прячась за аккуратно подстриженной живой изгородью. И уже минуту или две спустя оказались на выложенной каменными плитами дорожке прямо под балконом.

— А теперь на цыпочках, — прошептал Залесхофф.

И они стали красться по дорожке. Еще несколько шагов — и перед ними открылась прогалина в балюстраде, к ней вели три каменные ступеньки. Еще пять секунд — и они уже вжались в стену дома. И Залесхофф начал медленно продвигаться к первому из освещенных окон. Кентон с бешено бьющимся сердцем последовал за ним.

Залесхофф остановился примерно в футах от окна. Кентон вытянул шею и всем телом подался вперед. За окном слышалось невнятное бормотание, голос был явно мужской. Залесхофф тоже прислушался.

— Вроде бы польский, — тихо бросил он через плечо.

Послушал еще несколько секунд, затем развернулся и подтолкнул Кентона.

— Слов не разобрать, — прошептал он. — Саридза по-польски не говорит, но, полагаю, должен быть там. Сюда!..

И он двинулся вдоль балкона к неосвещенному окну, затем Кентон увидел, как он достает из кармана какой-то небольшой инструмент, напоминающий сверло для гравировки. Залесхофф вставил его в щель под рамой, поднажал — и окно отворилось.

Залесхофф тут же отпрянул в сторону и замер на несколько секунд.

— Неплохая работа, — шепнул Кентон.

Русский обернулся к нему.

— Окно было не заперто, — сказал он. — И мне это не нравится. — Залесхофф пожал плечами. — Пошли!

Они шагнули в темную комнату. Кентон почувствовал под ногами толстый ковер, потом протянул руку, и пальцы его наткнулись на небольшой столик. На секунду Кентона охватила паника, он испытал непреодолимое желание убраться

отсюда как можно скорее. По непонятной причине в голове вертелось словосочетание «вторжение со взломом» — это древнее, как мир, клише из юриспруденции повторялось, назойливо звенело в ушах. И пока Кентон ощупывал отполированную столешницу, желание бежать подавило все остальные мысли и ощущения. Он должен убраться отсюда — подальше от этого пышного ковра, от этого отполированного столика. От всех этих предметов, которые принадлежат кому-то другому, убраться, вырваться из тепла и темноты комнаты, где витает слабый запах духов, и оказаться на ярко освещенных улицах города, где мимо спешат прохожие. И Кентон шагнул вперед.

— Залесхофф... — шепнул он.

Русский схватил его за руку.

— Осторожней, стул! Пистолет наготове?

Рука Кентона скользнула в карман пальто. Он стал вытаскивать автоматический пистолет, но оружие зацепилось за подкладку. Руки были горячими и скользкими от пота. Он сражался с гладким холодным металлом и чертыхался про себя. Между тем Залесхофф уже отворил дверь и всматривался в темноту холла. Кентон колебался, затем все же последовал за ним.

Холл оказался просторным. Залесхофф бесшумно притворил за собой дверь и двинулся влево. Через несколько футов обнаружилась дверь, из-под которой пробивалась тонкая полоска света. Здесь они снова услышали бормотание мужского голоса. Залесхофф прислонился к косяку и осторожно взялся за ручку двери. В ушах у Кентона зазвенело от прилива крови, он поднял руку с зажатым в ней пистолетом. Залесхофф решительным и резким движением распахнул дверь — свет из комнаты хлынул в холл, на миг ослепив Кентона. А через долю секунды Залесхофф уже оказался внутри.

В камине весело плясали язычки пламени. В воздухе плавал запах сигар. Сбоку стоял большой деревянный проигрыватель с радиоприемником. Едва Залесхофф вошел в комнату, как голос, говоривший по-польски, стих. Теперь слышно было лишь негромкое, с помехами, бормотание из радиоприемника. Но журналист едва обратил внимание на все эти детали, взгляд его был прикован к единственному оказавшемуся в комнате человеку. Им был Серж. Он лежал на полу с раскрытым ртом и расширенными глазами. Из спины между лопатками торчала рукоятка ножа.

Залесхофф вышел из оцепенения первым. Подскочил, наклонился, взял Сержа за запястье. Потом резко отпустил руку покойного и выпрямился.

— Что-то пошло не так, — хрипло прошептал он. — Надо убираться отсюда, быстро!

И он бросился к окну. Кентон успел сделать лишь шаг, затем остановился.

— Стоять, не двигаться! Оружие на пол!

Еще секунда ледящей душу тишины. Потом Кентон разжал пальцы, и автоматический пистолет упал на ковер. Кровь отлила от лица Кентона, в ушах

зазвенело. Он видел, как револьвер Залесхоффа упал на пол, но звука падения не слышал.

— Кругом!

Этот приказ донесся до Кентона словно через слой ваты. Он медленно повернулся.

В дверях с большим револьвером в руке стоял Саридза. На его губах играла усмешка.

16

Потери среди мирного населения

Саридза взмахом ствола дал понять, что они должны отойти от окна.

— А теперь подальше от пушек и руки за головы! — приказал он. — Так-то лучше.

Секунду-другую в комнате стояла мертвая тишина. Саридза медленно поставил револьвер на предохранитель и оперся о спинку стула.

— Надо же, — произнес он, — какая приятная встреча! Надеюсь, товарищ Залесхофф, вы не испортите ее дурацкими и бессмысленными попытками бежать?

Залесхофф отрицательно покачал головой.

— Нет. У Саридзы репутация отменного стрелка из револьвера, — пояснил он Кентону.

Саридза заулыбался.

— У вас отличная память, Залесхофф! Интересно, помните ли вы нашу последнюю встречу в Нью-Йорке? Ведь она состоялась именно в Нью-Йорке, я не ошибаюсь?

— Да, верно. В тридцать третьем.

Кентон слушал все это, словно во сне. Сейчас эти двое походили на добрых знакомых или партнеров по бизнесу, вспоминавших старые времена.

— Что же тогда случилось, — продолжил между тем Саридза, — с этим вашим человеком в Нью-Йорке? Господи, как же его звали? Фамилия вроде бы начиналась с буквы «Р». Да, точно, вспомнил! Рогожин, вот как. Где он теперь?

— В Москве.

— Просто невероятно! Должно быть, я что-то перепутал. Подумал, что сейчас он является вашим агентом в Базеле. Наверное, просто однофамилец. — Он усмехнулся, затем сверкнул глазами и обратил свой взор на Кентона. — А вы не кто иной, как мистер Кентон, верно? Надо сказать, не ожидал увидеть вас здесь. Я, знаете ли, поверил в вашу историю про встречу с Борованским в поезде. Как же я жестоко заблуждался! Однако Майлер обрадуется, узнав, что австрийской полиции не удалось вас схватить. Он с нетерпением ждет встречи с вами, да и с вами, наверное, тоже, товарищ Залесхофф. Должен извиниться за его

отсутствие. Он сейчас немного занят, общается с вашим дружкой, который, видно, заблудился, его обнаружили на половине для слуг. Вообще сегодня ночью дом фрау Бастаки посетило слишком много непрошенных гостей. Взять, к примеру, этого беднягу, что лежит сейчас на полу, Майлер застал его в гараже, он пытался вскрыть машины. Тело перенесли сюда, чтобы сделать вам сюрприз. Идея Майлера. Немного мрачная шутка, но такие уж вкусы у нашего Майлера. Сама идея понравилась мне по другой причине. Знаете старую поговорку — «око за око, зуб за зуб»? Меня греет одна только мысль о том, что душа Борованского отныне покоится с миром. Ибо он отомщен.

— Смотрю, по-прежнему любите почесать языком? — заметил Залесхофф.

Улыбка на губах Саридзы померкла.

— Да, Залесхофф, поболтать я люблю. Да и действовать тоже. Надеюсь, этот факт не прошел мимо вашего внимания.

— Не прошел. Любопытно все же узнать, откуда вам стало известно о моем визите.

— За это надо благодарить мою бессонницу.

— А, так вы о прошлой ночи. Наверное, успели увидеть меня на террасе, когда Майлер включил свет? Но я быстро спрятался, как мне показалось.

— Не совсем. Я бы мог запросто пристрелить вас, но потом подумал, что вы наверняка явитесь снова и приведете с собой друзей. Вот и предпринял некоторые меры предосторожности, установил небольшой заградительный отряд, отослал фрау Бастаки и служанок в Прагу. И оказался прав, хотя и не рассчитывал на появление этого молодого человека. А вы сегодня странно молчаливы, мистер Кентон. Наверное, просто не привыкли к усам или очкам? Во время прошлой нашей встречи вы произвели впечатление человека более разговорчивого.

В этот момент из приемника донесся треск, затем невнятный обрывок речи, а секунду или две спустя — барабанная дробь, после чего оркестр в полную силу грянул вальс «Голубой Дунай».

Залесхофф рассмеялся.

Саридза направился к приемнику, повернул переключатель, и музыка тотчас стихла.

— Занятный штрих ко всей этой гротескной картине, — вполне серьезно заметил он. — На полу лежит мертвец, двое приговоренных с поднятыми над головами руками — и вальс Штрауса, которому отведена роль похоронного марша. Забавно, не правда ли? Кстати, этот наш маленький трюк с использованием приемника — моя идея. Вы попались на крючок, уловка удалась. Жаль только, что вы рановато явились. Лекция из Кракова — ничего лучше найти не удалось. Там рассуждали о народных танцах Галиции. А появившись вы на полчаса позже, то услышали бы речь доктора Геббельса из Лейпцига. Меня, конечно, больше устроила бы какая-нибудь московская радиостанция. Но чувство юмора — вещь опасная, может далеко завести. Если бы в момент вашего

появления вдруг заиграли Интернационал, вы бы точно заподозрили что-то неладное.

Кентон почти не слышал этих слов. Серж погиб. Механик по имени Григорий, по всей видимости, тоже. Что же произошло с остальными двумя — с Тamarой и с человеком, оставшимся у ворот? Едва эти мысли промелькнули у него в голове, как где-то вдалеке грянули три выстрела подряд. Затем пауза, а потом еще один выстрел, прозвучавший громче остальных.

Уголком глаза он покосился на Залесхоффа. Лицо русского сохраняло невозмутимое выражение. Тогда Кентон взглянул на Саридзу. Тот все еще улыбался, но как-то натянуто. И явно прислушивался. Наверное, минутой, не меньше, в комнате стояла полная тишина.

Затем Залесхофф откашлялся.

— Вот несчастье, если вдруг застрелили капитана Майлера, — заметил он.

— Это вряд ли, — огрызнулся Саридза.

— А я на вашем месте не был бы столь уверен, Саридза. Моя сестра — отменный стрелок. К тому же находится в укрытии, в машине.

Кентон чуть не подпрыгнул. Зачем он все это говорит, черт бы его побрал?

— Не думаете же вы, что мы явились сюда, не подготовленные заранее к разным неожиданностям, — невозмутимо продолжил Залесхофф.

Кентон кашлянул, стараясь его предупредить, но Залесхофф не обратил внимания.

— Нет, конечно, это мог быть человек, которого я оставил у ворот. Должно быть, Майлер со своими людьми напоролся на засаду.

Журналист метнул в его сторону яростный взгляд. А потом заметил нечто, что заставило его быстро отвернуться и уставиться прямо перед собой. Залесхофф медленно продвигался к углу каминной доски, он вытянул пальцы одной руки, поднятой над головой, и приготовился схватить небольшую бронзовую вазу. Кентон затаил дыхание.

Но в этот момент в холле раздались шаги, и в комнату вошел Майлер.

Бывший член партии «Черные и загорелые» окинул пленных беглым взглядом.

— А ну, отошел от камина, живо! — рявкнул он.

Залесхофф шагнул вперед. Сердце у Кентона упало.

— Вижу, шеф, — сказал Майлер, — вы все-таки взяли эту свинью. Еще одна сидит связанная на кухне. Хочу задать ей хорошую трепку.

— Что за стрельба была?

— Там оказались еще двое, сидели в машине. Пальнули пару раз в небо, видно, для острастки, и укатили прочь. Я тоже стрелял, хотел пробить им бензобак, но было слишком темно.

Саридза сердито фыркнул.

— Ты должен был остановить их, Майлер. Они могут вернуться. Так что придется срочно увозить отсюда эту парочку. Ты тут посторожи. А я пойду, отдам распоряжения.

Майлер приподнял тяжелый «кольт», и ствол оказался на уровне его груди.

— Будет сделано!

Саридза вышел из комнаты. Майлер, злобно прищурившись, разглядывал Кентона и Залесхоффа. Журналист понял, что его узнали.

— А что, очень славная компашка, — насмешливо протянул Майлер. Потом повысил голос: — Heinrichs, komm her!⁴⁴

В комнату вошел высокий тощий мужчина с безобразным родимым пятном на щеке. Споткнулся о ноги мертвого Сержа и злобно пнул тело носком ботинка.

— Держи их под прицелом и следи за тем, чтобы не подходили слишком близко к камину! — скомандовал Майлер по-немецки.

— Jawohl, Herr Kapitn.⁴⁵

Тощий занял позицию и положил палец на спусковой крючок.

Майлер сунул руки в карманы плаща и секунду-другую смотрел на пленных. Кентон заметил спереди на пиджаке у него длинную и тонкую полоску крови. Внезапно капитан вскинул ствол револьвера и направился к Залесхоффу. Остановился примерно в футах от него.

— Так ты и есть тот самый грязный красный, верно?

Залесхофф смерил его холодным взглядом.

— Рад встретиться с вами снова, капитан. Мне, знаете ли, удалось выяснить о вас кое-что любопытное. Ваша настоящая фамилия Холлиндер. Более того, вас разыскивает полиция Нового Орлеана за убийство цветной женщины по имени Робинс.

Майлер взмахнул кулаком в перчатке и ударил русского по лицу. Залесхофф пошатнулся и отпрянул. Тогда капитан вскинул руку с револьвером и нанес еще один удар — по голове. Залесхофф рухнул на пол лицом вниз и остался лежать неподвижно.

Майлер обернулся к Кентону.

— Ты тоже свое получишь, старина! Очень скоро!

Он пошарил в кармане, достал моток толстой медной проволоки и плоскогубцы. Скрутил за спиной запястья Залесхоффа, резким движением плоскогубцев закрутил проволоку, затем обрезал концы.

— Теперь ты. Руки опустил — медленно! — и вытянул перед собой!

Кентон повиновался, и медная проволока врезалась ему в плоть. Секунду или две ему удавалось держать запястья повернутыми так, чтобы потом можно было

---

⁴⁴ Генрих, иди сюда! (нем.).

⁴⁵ Слушаюсь, господин капитан (нем.).

хоть немного ослабить давление проволоки, но поворот плоскогубцев сделал это невозможным. Боль была страшная, и Кентон поморщился.

Майлер рассмеялся.

— Что, туговато, старина? Все правильно, руки у тебя занемеют через минуту. Да ты садись!

Он толкнул Кентона, а потом, выставив ногу, сделал ему подсечку. Журналист рухнул на пол. Майлер принялся связывать ему ноги в лодыжках. И почти закончил, когда в комнату в пальто и шляпе вошел Саридза. Покосился на Залесхоффа, по-прежнему лежавшего неподвижно.

— Что это такое, Майлер?

— Эта свинья совсем обнаглела!

Саридза нахмурился и посмотрел на Кентона.

— К сожалению, — торопливо начал он, — нам вскоре снова предстоит расстаться. *Partir est mourir un peu*,⁴⁶ однако, боюсь, вы и ваш компаньон заблуждались насчет того, кто именно должен умереть. А пока что мы отправляемся на небольшую прогулку. Майлер, в машину их! Отвезем на кабельный завод. Не думаю, что тому человеку на кухне осталось долго жить, но и он может поехать вместе с ними! — Саридза задумчиво взглянул на труп на полу. — Напроказничал ты тут, Майлер, теперь такой прекрасный ковер испачкан! Бастаки вернется утром, так что надо навести здесь порядок. На заднем дворе есть пруд, в гараже и сарае полно всяких тяжелых железяк, так что избавиться от этой падали не составит труда. И поживей!

— Будет сделано, шеф.

Майлер вышел и через минуту вернулся в сопровождении какого-то молодого человека с порочным и бледным лицом, которого он называл Берг. Под руководством Майлера Берг вместе с Генрихом вынесли тело Сержа из комнаты.

Саридза наблюдал за этой операцией в полном молчании. Когда его подручные вышли, он подошел к журналисту и взглянул на него сверху вниз.

— А вы, друг мой, — заметил он, — просто набитый дурак.

— Впервые в жизни согласен с вами, — пробормотал в ответ Кентон.

— И тем не менее, — продолжил Саридза, — мне не слишком хочется видеть, как вы умрете. Вы производите впечатление человека мыслящего — до определенной степени, разумеется! Вы довольно талантливый журналист. И еще обладаете качеством, которое я, будучи бизнесменом, ценю очень высоко, — чувством лояльности. Теперь такие люди попадаются редко. Лояльности можно добиться силовыми методами, ее можно купить, но лично я не слишком полагаюсь на результат, добытый таким путем. Мне могут понадобиться ваши услуги, мистер Кентон.

— Работу, что ли, предлагаете?

---

⁴⁶ Уйти и умереть, вроде того (*фр.*).

— Предлагаю. И вовсе не прошу вас предавать этого человека, Залесхоффа. Его в расчет можно уже не принимать. Предлагаю вам альтернативу казни. Если согласитесь на мое предложение, останетесь здесь, а не отправитесь на тот свет за компанию с этими двумя.

— И в чем же состоит ваше предложение?

— О, все очень просто! Вы продолжите свою работу, но только под моим руководством. Время от времени вам будут подкидывать специальные темы — новости, о которых станете писать. Вот, собственно, и все! И зарплату я вам назначаю приличную — пятьдесят тысяч французских франков в год. Вы мой протеже, а потому для вас всегда будут открыты все дороги и пути, если, конечно, вы будете неуклонно придерживаться этой линии, мистер Кентон.

— Звучит весьма заманчиво!

— Рад слышать это. Но только, пожалуйста, не воображайте, что, согласившись на мое предложение, сможете вмешиваться в дело, которым я сейчас занимаюсь. Свобода передвижений будет ограничена для вас на протяжении нескольких недель. А там ступайте себе на все четыре стороны.

— Иными словами, я буду торчать здесь до тех пор, пока Кодряну под контролем, до тех пор, пока союз с Германией не окрепнет, и судьба нефтяных концессий не будет решена в пользу Пан-Евразийской компании, так, что ли?

— А вы еще умней, чем я ожидал! Да, до тех пор, пока все эти вопросы не утрясются в Бухаресте.

— И это все?..

— Не совсем. Вы можете вообразить, что, согласившись на эти мои условия, спасете свою шкуру, чтобы затем удрать и выйти из дела. Не получится! Я требую доказательств искренности ваших намерений.

— Каких еще доказательств?

— Там, на кухне, человек, которого схватил и обезвредил Майлер. На полу рядом с вами лежит его наниматель. К завтрашнему утру эти люди умрут. Это произойдет с той максимальной степенью вероятности, которая только возможна в нашем мире неопределенности. Что, если я попрошу вас пристрелить эту парочку? Сделать за нас грязную работу? Это же очень просто! Всего два выстрела, помощники Майлера выступят в роли свидетелей, — и дело сделано. Ну, что скажете?

Очень трудно сохранять чувство собственного достоинства, когда лежишь на полу, связанный по рукам и ногам, точно овечка для заклания, но Кентону это удалось.

— Я бы сказал, — медленно и многозначительно начал он, — что вам самое место в сумасшедшем доме. Среди маньяков-убийц.

Губы Саридзы сжались в тонкую плотную полоску.

— Вы что же, мистер Кентон, считаете, что ничто не сможет заставить вас изменить свое решение?

— Ничто.

Саридза вздохнул.

— Впервые за все время, — заметил он, — вижу, как человек совершает самоубийство, произнеся всего одно слово. — Он обернулся, так как в комнату в этот момент вошел Майлер. — Шевели задницей, нельзя терять время! Тащи этих двоих в машину!

Кентона протащили через холл на улицу и бросили на пол машины, стоявшей с включенным мотором. Через несколько минут рядом с ним оказался Залесхофф — по-прежнему без сознания. Затем Майлер и Берг появились снова, на этот раз они волокли Григория. В свете, падающем из холла, Кентон успел заметить, что лицо механика все в крови. Григория швырнули на заднее сиденье, и он тихо застонал. Его дыхание было хриплым и прерывистым.

Через минуту из дверей дома вышел Саридза.

— Возьмешь с собой Берга, — услышал Кентон его слова. — Мы с Генрихом поедem следом в другой машине. Со сторожем сами разберетесь, но только не причиняйте ему вреда. И еще — ни при каких обстоятельствах он потом не должен вас узнать!

Майлер буркнул что-то в знак согласия, дверца со стороны водителя захлопнулась, и машина рванула вперед.

Она с ревом мчалась по ухабистой дороге, той самой, по которой они чуть раньше этим вечером подъехали к дому. Связанного и беспомощного Кентона немилосердно швыряло из стороны в сторону. Что еще хуже, безжизненное тело Григория начало сползать с сиденья и могло свалиться на журналиста и Залесхоффа. Чтобы не допустить этого, Кентон по мере сил плечом заталкивал его обратно.

Еще минут двадцать такой тряски, и вот машина остановилась, и сидевшие на переднем сиденье мужчины вышли. Кентон слышал их шаги и невнятные голоса — они шли куда-то вперед по дороге, и под их ногами похрустывал гравий. А через секунду донесся сдавленный крик и звуки какой-то возни. Впрочем, длилось все одну-две секунды, затем наступила тишина. Вдруг Кентон услышал щелчок и скрип — это открывались тяжелые железные ворота. «Должно быть, мы уже на кабельном заводе, — подумал он, — и кричал, наверное, сторож». Вскоре Майлер и Берг вернулись к машине и молча уселись на переднее сиденье. Потом послышался новый звук — это сзади подъезжала какая-то машина. Майлер включил мотор, выжал сцепление, они немного проехали вперед, свернули влево и через несколько ярдов остановились. Снова хлопнули дверцы, шаги затихли вдали. Через несколько минут Берг вернулся уже с Генрихом, они вытащили Кентона из машины и поволокли по выложенной бетонными плитами дорожке. Остановились у деревянной двери в кирпичной стене. Дверь распахнулась, и Берг придерживал ее, пока Генрих затаскивал журналиста внутрь.

Несмотря на плохое освещение, Кентон все же разглядел, что находится в длинном и узком заводском здании. Сильно пахло резиной и битумом. Он

различил длинный ряд каких-то странных станков, напоминающих в темноте гигантских, распластавшихся на полу насекомых. В дальнем конце цеха внутрь просачивался свет через небольшое окно-фонарь. Отсек, где оно находилось, был частично отделен от главного помещения рифленой железной перегородкой. К этому отсеку его и поволокли.

С одной из потолочных балок свисала одинокая лампа в стальном плафоне. В круге света под ней стояли Саридза и Майлер. Кентона бросили к их ногам — прямо на бетонный пол, запыленный меловой пудрой.

— Оставьте его, тащите остальных, — распорядился Саридза по-немецки.

Берг и Генрих удалились. Саридза и Майлер о чем-то перешептывались. Кентон перекатился на левый бок и стал озиаться по сторонам.

Отсек был примерно восемь ярдов в ширину и шестнадцать в длину. Никаких станков тут не было. В бетонный пол на расстоянии около трех ярдов друг от друга были вделаны два узких стальных рельса, они тянулись по всей длине помещения. В одном месте над ними нависал подвижный порталый кран, стальные тросы позволяли ему передвигаться и дальше, к главному цеху. В другом конце отсека рельсы обрывались у двух двояковыпуклых железных дверей, каждая была примерно около шести футов в диаметре и закреплена на массивных петлях. На одном из рельсов стояли три приземистые вагонетки. Две из них были наполнены большими металлическими барабанами с намотанным на них кабелем.

Майлер двинулся к главному цеху и скрылся во тьме, Саридза подошел к Кентону.

— Удивлены, мистер Кентон?

— Очень.

— Тогда позвольте объяснить. И не стоит дожидаться появления тех двух ваших. У вас будет достаточно времени пересказать им все. Я, знаете ли, решил несколько изменить наши планы. Нет, конечно, я мог бы привезти вас сюда, застрелить и оставить, но потом решил, что не стоит. Вы подобного обращения не заслуживаете. Знаете, какой сегодня день?

— Нет.

— Суббота, вернее, была суббота несколько минут тому назад. И сюда вплоть до утра понедельника никто не придет. Сторож живет здесь же, при фабрике, но не станет вмешиваться, пока кто-то не явится и его не освободит. К этому времени я уже буду за сотни миль отсюда. Расстрелять вас здесь было бы, конечно, удобно, но завод предоставляет и другие возможности. Это Майлер предложил ими воспользоваться. И вместо выстрелов, которые, боюсь, могут услышать рабочие, которые живут неподалеку отсюда, прямо за железнодорожной веткой, будет стоять полная тишина.

Он указал на две железные двери.

— Знаете, что это такое?

— Напоминают большие сейфы.

— Это камеры для вулканизации. Барабаны с намотанными на них кабелями в резиновой оболочке одновременно проталкиваются внутрь в вагонетках, затем в камерах пускают пар, ну а потом — примерно через час или около того — вагонетки выезжают оттуда с подготовленным для обмотки кабелем. Весьма любопытная технология.

— Я так понимаю, вы собираетесь сварить нас там заживо?

— О нет, что вы, Боже упаси! Никакого пара там сейчас нет. Вас оставят там просто для того, чтобы вы посидели и спокойно все обдумали. Двери практически герметичны.

— То есть вы хотите запереть нас там, чтобы мы умерли от удушья?

— Поверьте, мистер Кентон, мне совершенно этого не хочется, так же как и вам, но вынуждает необходимость. Вы журналист и по природе своей любопытны. И несчастье ваше состоит в том, что вы впутались в историю, уведомлять о которой мир еще рановато. Возможно позже, когда Кодряну утвердится во главе румынского правительства, вот тогда ваше присутствие окажется как нельзя более кстати. Жаль только, что вы видели и слышали слишком много. Журналист должен сообщать только о том, что произошло, а не о том, что может случиться. Должен признаться, мне жаль вас, искренне говорю. Люди, подобные Залесхоффу, знают, на что идут, и осознают всю степень риска. Вас же, если так можно выразиться, можно отнести к потерям среди гражданского населения. Впрочем, не стоит сильно расстраиваться. Смею заверить, смерть от удушья далеко не самая мучительная. Вы просто тихо уснете, и все. Ну, сначала, конечно, будет немного неприятно, зато финальная стадия, уверяю вас, пройдет спокойно и гладко.

И тут Кентон вдруг потерял голову. Он отчаянно пытался высвободиться из пут. Перед глазамиплыли круги. Он понимал, что бешено кричит на Саридзу, но не слышал собственных слов. Он словно частично потерял сознание. Лишь смутно осознавал, что Залесхофф лежит на полу рядом, что глаза у русского открыты и он смотрит на него. Затем в голове у Кентона прояснилось, и он с удивлением заметил, что все его тело сотрясает дрожь. Рядом послышались шаги, затем — смех. А потом он увидел, как Майлер поворачивает на одной из дверей запорный механизм в виде колеса и открывает камеру. Железная дверь была, по всей видимости, очень тяжелая и открывалась медленно. Но вот наконец показалось черное нутро, и Майлер шагнул к нему.

Кентона подхватил под мышки какой-то человек, стоявший рядом, и его снова потащили по бетонному полу. Минуту или две спустя он уже лежал на рельсах внутри камеры. Услышал, как Саридза шепнул несколько слов Майлеру. Тот что-то проворчал в ответ, а потом добавил:

— Этот готов, — расслышал Кентон.

И к нему закинули тело Григория. Оно в неловкой позе распласталось по вогнутой стене камеры. Залесхоффа втолкнули последним. А затем дверь начала закрываться.

Кентон молча и равнодушно наблюдал за тем, как сужается полоска света, проникающая в темницу из цеха. Ему было плохо. Вот она стала тоненькой, как ниточка, а потом все провалилось во тьму. Кентон прислушался к слабому скрипу — это по ту сторону двери поворачивали запорный механизм.

17

Время убивать

Какое-то время Кентон лежал с открытыми глазами, но вскоре ему показалось, что непроницаемая тьма давит на глазные яблоки. Он закрыл глаза и лежал, прислушиваясь к дыханию Залесхоффа.

Пока что в камере было тепло, видно, оно сохранилось здесь после недавнего использования. Сильно пахло разогретой резиной. Ничего, вяло подумал он, ждать осталось недолго. Он потеряет сознание, и всем этим страхам и мучениям наступит конец. Но какое-то время еще придется терпеть — секунды, минуты, возможно, даже часы — и все это время мысль будет работать, а тело чувствовать. Вот этого, решил Кентон, он больше всего и боится. В сравнении с этим сама смерть казалось не важной, ничего не значащей. Отправится ли его трепещущая душа в огонь чистилища или же тело, бесстрастно подчиняясь законам биохимии, просто сгниет, его в этот момент тоже не волновало. Его час пробил, настало время умирать. Бургомистра Корнелиуса де Витта, вспомнил Кентон, пытали и замучили до смерти, и он все это время читал вслух оду Горация «Регул». Кентон начал повторять про себя сохранившиеся в памяти старые стихи, первые, что приходили на ум, — сонет Донна, отрывки из Уилфреда Оуэна, отрывок из «Кубла Хан» Кольриджа, монолог из трагедии «Тамерлан Великий» Кристофера Марлоу. Но через некоторое время поймал себя на том, что повторяет одну и ту же строчку снова и снова, и оставил это занятие. Поэзия всегда ассоциировалась у него с любовью к жизни и страхом смерти, а не с перспективами на бессмертие. Занятно все же, вдруг подумал Кентон, как мало утешения приносит она при физических страданиях. Возможно, де Витт, читая вслух Горация, лишь хотел поторопить своих палачей. Возможно...

— Кентон!

Имя было произнесено шепотом, но в замкнутом пространстве прогремело как гром среди ясного неба.

— Это вы, Залесхофф?

— Да.

— Только теперь очнулись?

— Нет. Пришел в себя, когда меня вытаскивали из машины.

Какое-то время Кентон молчал. Затем спросил:

— Тогда вы знаете, где мы?

— Да. Сожалею. Это моя вина.

— Как себя чувствуете?

— Не очень. Все время пытаюсь уговорить пневматический бур, который долбит в голове, наконец заткнуться. Но он все сверлит и сверлит.

— Слышали, что сказал мне Саридза?

— Нет. Зато слышал, что вы говорили Саридзе. Когда меня втащили сюда, вы орали на него как сумасшедший.

Кентон решил поделиться с ним новостями.

Выслушав его, Залесхофф чертыхнулся.

— Это камера для вулканизации.

— Полагаю, что так.

— И заперта она герметично и никакого воздуха не пропускает?

— Похоже, что так. Каков диаметр двери?

— Точно не знаю. Но думаю, метра два.

— А сколько в глубину?

— Саридза сказал, что тут помещаются две вагонетки с кабелем. Так что, думаю, около четырех метров. А почему вы спрашиваете?

Залесхофф забормотал что-то себе под нос.

— Это означает, — начал он, — что здесь у нас примерно двенадцать с половиной кубометров воздуха. Ну, с учетом объема наших тел, скажем, одиннадцать. Григорий жив?

— Не думаю.

— Таким образом, получается по пять с половиной кубов на каждого. Если повезет и если эта емкость охладится достаточно быстро, можно протянуть часов семь. Это если не будем шевелиться и болтать. К этому времени могут появиться рабочие.

Кентон хотел возразить, но не стал.

— Скажите, есть шанс, что Тамара и тот, другой ваш человек по имени Питер, будут искать нас и найдут здесь?

— Тамара непременно пришла бы на помощь, если бы знала, что мы здесь, но ей и в голову не придет искать нас в этой дыре. Кроме того, у нее работа. Слышали те три выстрела?

— Да.

— Это Тамара послала мне сигнал, что она уходит. Она должна следить за Саридзой и связаться с нашими людьми в Праге. Меня одно удивляет: почему Саридза просто не застрелил нас? Должно быть, резко подобрел.

Кентон глубоко вздохнул.

— Лично я предпочел бы, чтобы он сразу нас прикончил. Дело в том, Андреас, что рабочие появятся тут не раньше чем через тридцать часов. Сегодня воскресенье.

Минуту Залесхофф не отвечал, было слышно лишь тиканье часов у него на запястье. Затем русский тихо засмеялся.

— Понимаю, — протянул он. — Это означает, что нам надо хорошенько подумать.

— Это о чем?

Но Залесхофф не ответил. Довольно долго оба молчали. Кентон почувствовал, что ему становится жарко. Он весь вспотел и поймал себя на том, что стал дышать чаще. Наверное, количество кислорода стало уменьшаться, подумал он. Кентон старался лежать неподвижно, а дышать — глубже и реже.

— А вы уверены, — произнес через какое-то время Залесхофф, — что здесь умещаются две вагонетки? Именно так сказал Саридза?

— Да. А что?

— Воздуха стало заметно меньше. Думаю, больше часа нам не протянуть.

— Я думал, хватит еще на несколько часов.

— Посмотрим. Здесь вроде бы должен быть сторож?

— Его вырубил Майлер.

— Надо что-то делать. Есть при вас что-нибудь, чем можно стучать в дверь? Если вдруг появится Тамара или сторож очнется, мы должны привлечь их внимание.

Кентон подумал, что шансы невелики, однако начал соображать, какой предмет может пригодиться. И сделал вывод, что ничего такого при нем нет.

— У меня ничего. Может, у Григория?

— Да, возможно, пистолет остался при нем. У вас есть спички?

— В кармане, но я не могу их достать.

— Попробуйте перекатиться поближе ко мне.

Кентон повиновался. Перекатился и вскоре почувствовал, как пальцы Залесхоффа шарят у него в кармане. Через несколько секунд тот пробурчал, что коробок у него.

— Тратить кислород на спички мы себе позволить не можем, — сказал он. — Я чиркну спичкой, и гореть она будет три секунды, потом задую. За это время вы должны разглядеть, где лежит Григорий и где находится правый карман его пальто. Он всегда носил свою пушку в правом кармане. А после этого попробуйте подобраться к нему и нащупать оружие.

Первая спичка сломалась.

— Пальцы онемели, не слушаются, — пробормотал Залесхофф.

Через секунду вспыхнула вторая спичка. Пламя ее осветило заднюю часть камеры и тут же погасло. Кентон, извиваясь, начал пробираться к телу Григория, на это у него ушло несколько минут. От затраченных усилий он задышался, пот градом катился со лба и заливал глаза, но вот наконец он перекатился последний раз, и костяшки пальцев уперлись в карман пальто убитого. Он был пуст. Кентон отодвинулся в сторону и лежал неподвижно, стараясь отдышаться.

— Нет? — спросил Залесхофф.

— Нет. Зато я понял, почему воздух уходит так быстро.

— Почему?

— Там вагонетка с катушками кабеля.

— А в центре барабана пусто?

— Не заметил.

— Стало быть, эта вагонетка с кабелем уже сама по себе занимает треть объема. Похоже, воздуха нам хватит еще часа на четыре с половиной, не больше.

— Четыре с половиной часа — не так уж и мало времени.

— Тоже верно.

Оба они умолкли. У Кентона вдруг страшно заболела голова. Он попытался уснуть, но, несмотря на вялость, вдруг охватившую все тело, сон не приходил. И еще сердце — зачем оно так громко стучит в висках? Возможно, если он примет сидячее положение и привалится спиной к вогнутой стенке камеры, кровь отхлынет от головы?.. Но тут Кентон обнаружил, что у него просто нет сил на это несложное движение. Снова и снова он принимался считать до десяти, мысленно приказав себе, что на цифре одиннадцать должен сделать усилие и сесть, но всякий раз совершал это действие лишь в воображении. Тело оставалось на том же месте. В ушах тихо, но противно звенело. Словно комар зудит, подумал Кентон. А потом вдруг резко вздрогнул. Он задремал, но только теперь понял, что засыпать никак нельзя, надо держаться, любой ценой гнать от себя эту противную дремоту. Кто-то обязательно должен прийти. И едва эта мысль промелькнула у него в голове, как на смену ей пришло горькое осознание того, что это вряд ли случится, что робкие его надежды совершенно беспочвенны, просто разум отказывается мириться с неизбежным даже тогда, когда шаги палача уже звучат в тюремном коридоре. Кто-то должен прийти... Ведь порой и невозможное возможно. Век чудес... один стежок, сделанный вовремя, стоит девяти... случаи самых удивительных побегов и спасений. Глаза его наполнились слезами.

— Залесхофф, — нерешительно начал он, — что, если мы с вами возьмемся за руки, а?

Ответа не последовало.

— Залесхофф! — уже громко воскликнул он.

— Да тише вы, не мешайте думать! Скажите, а вы, случайно, не заметили, как закрывается эта дверь?

— Я думал, вы спите. Да, заметил. Там нечто вроде ушка с пазом. Длинный и толстый засов, на нем гайка крепления с колесом или диском. И засов заходит в этот паз, если подкручивать эту самую гайку.

— А это ушко... оно часть двери или привинчено к ней?

— Вроде бы часть двери. А почему вы спрашиваете? Отсюда, изнутри, ее все равно не достать.

— Ну а петли какие?

— Каждая примерно в четыре дюйма толщиной.

— Тоже часть двери?

— Не знаю. Но зачем вам все это?

— Некоторое время назад мы с вами искали предмет, которым можно стучать в дверь. Оказалось, он у нас есть.

— Вы это о чем?

— Да вагонетка с кабелем! Она же на рельсах. Как раз один из этих рельсов сейчас упирается мне в задницу, поэтому и вспомнил. Если пробраться за вагонетку и как следует толкнуть... расстояние от нее до двери примерно футов шесть. А в вагонетке, значит, барабан с кабелем?

— Да.

— Тогда, наверное, эта вагонетка весит примерно полтонны. Если придать ей достаточное ускорение, в дверь она врежется — будь здоров!

— И наделает много шума. Да, понимаю.

— Дело не просто в шуме. Я ощупал поверхность двери. Давление внутри камеры для вулканизации поднимается не сильно, поэтому и не было нужды как-то особо укреплять эту емкость изнутри. Она отлита из чугуна. Вот почему я спрашивал вас, является ли ушко частью двери.

— И все равно, я что-то не понимаю...

— Чугун — материал хрупкий.

Сердце у Кентона ёкнуло. Впервые за все время у него забрезжила хоть какая-то надежда. Но он приказал себе не радоваться раньше времени.

— Но что мы можем сделать со связанными руками и ногами?

— Да, это первая наша проблема. Мы должны попытаться освободить друг другу руки, вот только, боюсь, с закрученной проволокой это будет очень непросто. К тому же пальцы у меня онемели, я их не чувствую.

— У меня тоже. Но можно попробовать.

Они начали перекатываться до тех пор, пока не оказались спиной к спине. Теперь их руки соприкасались. Кентон почувствовал, что упирается пальцами во что-то твердое, но они онемели, поэтому невозможно было понять, что это: связанные запястья Залесхоффа или рельс под ними.

— Бесполезно, — произнес он через минуту или две. — Вообще ничего не чувствую.

— Я тоже, — пробормотал Залесхофф. — Но можно попробовать вот что. Перетереть проволоку о край рельса. Внутренняя поверхность, под загибом, довольно острая.

— Ни за что не получится!

— Мы должны постараться.

Кентон с трудом привел себя в сидячее положение и обнаружил, что если согнуться, можно подвести проволоку на руках под край рельса. Однако в такой позе не получалось оказать на рельс ни малейшего давления. Тогда он заставил себя улечься на короткую стальную крестовину, образующую шпалу. И начал тереть о рельс витком проволоки на той руке, что оказалась ближе.

Мужчины работали в полном молчании. Какое-то время край рельса лишь царапал проволоку между запястьями Кентона; но постепенно медь начала поддаваться, и дело пошло быстрее. От всех этих усилий дышать с каждой минутой становилось труднее, кислорода в воздухе оставалось все меньше, да к тому же поза была столь неловкой, что вскоре Кентон начал задыхаться и почувствовал, как весь вспотел. Затем он окончательно обессилел, в голове гудело. Кентон лег и уперся лбом в стенку камеры.

— Продолжай, — прохрипел Залесхофф.

— Ладно.

Стиснув зубы, Кентон вновь начал сражаться с проволокой. Теперь он уже не берег силы. Запястья и ладони покрылись синяками и ссадинами, на пальцах кровоточили порезы, а он отчаянно продолжал тереть проволоку о край рельса. Всем своим существом, всеми мыслями он сосредоточился на этом маленьком переплетении металла между запястьями. Еще двадцать движений — и оно лопнет! Но двадцать движений превратились в сорок, затем в восемьдесят, потом в сто. Он начал отсчет заново. Но проволока никак не поддавалась, а кислорода в воздухе становилось все меньше и меньше. Кентон уже почти плакал от отчаяния и усталости, когда Залесхофф торжествующе и хрипло воскликнул:

— Есть!

Кентон собрал все оставшиеся силы. И вот две минуты спустя проволока сдалась, и давление на запястья уменьшилось. Он перекатился на спину и с наслаждением пошевелил пальцами. Потом начал массировать их, чтобы восстановить кровообращение. И тут пришла боль. В пальцы словно вонзались иголки и булавки по мере того, как кровь притекала к самым их кончикам. Он наклонился, освободил ноги от пут, затем неуверенно выпрямился и встал. Тут к его пальто прикоснулся Залесхофф.

— Ну как, вы в порядке? — спросил он.

— Более или менее.

— Теперь займемся вагонеткой.

— А как быть с Григорием?

— Придется убрать его с дороги.

— Там есть свободное пространство, между шпалами.

Они на ощупь пробрались к телу и оттащили его в центр помещения. Пришлось долго передвигать его то вперед, то назад, держа за ноги, пока наконец не удалось уложить между двумя стальными крестовинами. Осторожно опустив голову покойного, Залесхофф пробормотал по-русски несколько слов.

— Григорий был честным и преданным советским гражданином, — добавил он, — и принадлежал к греческой православной церкви. — Залесхофф помолчал несколько секунд, а потом сказал: — Пошли!

Они протиснулись за вагонетку с кабелем и обнаружили, что ее отделяет от стены фут свободного пространства.

К этому времени внутри камеры стало уже почти невыносимо жарко и душно. Прежде чем перейти к делу, мужчины разделись до пояса.

— Теперь, — задыхаясь, пробормотал Залесхофф, — будем толкать, вместе! Только осторожнее, смотрите, чтобы нога не застряла между шпалами!

Они навалились на вагонетку. Та со скрипом сдвинулась на несколько дюймов.

— Еще раз!

Вагонетка набрала скорость. В следующую секунду она с грохотом врезалась в дверь. Обогнув ее, Кентон и Залесхофф проверили — дверь устояла.

— Давай назад!

Они навалились на вагонетку и откатали ее в исходное положение. Толкнули снова — дверь держалась! После восьмой попытки Кентон, вконец обессилив, рухнул на колени. Голова кружилась, в груди ломило; он чувствовал, что его вот-вот вырвет, а руки и ноги, казалось, вовсе не принадлежат телу.

— Бесполезно, — выдохнул он. — Нам конец!

Он слышал, как русский со всхлипами ловит ртом воздух.

— Нет, мы должны продолжить, — выдавил наконец Залесхофф. — Только сперва немного передохнем.

И Кентон весь сосредоточился на том, чтобы набрать в легкие как можно больше кислорода. Казалось, что на него давит огромный вес, заставляет опускать голову все ниже и ниже, вот-вот совсем расплющит...

И тут он вдруг очнулся — голова дернулась от того, что ему влепили пощечину.

— Кентон!

— Да?

— Прекратить! Встать!

Он медленно поднялся и, пошатываясь, поплелся к вагонетке.

— Навалитесь на нее как следует, Кентон!.. Толкайте! Ради Бога, сильнее!..

Плохо соображая, что делает, журналист прислонился плечом к вагонетке и шагнул вперед. Вагонетка откатилась к задней стенке.

— Теперь зайдите сзади!

Задыхаясь, Кентон стал огибать вагонетку.

— Я... — начал он.

Залесхофф потряс его за плечо.

— Быстрее, Кентон... — выдохнул он. — Последний шанс... а потом спать... Живее, живее!

В висках уже не звенело — ревело, и он едва слышал голос Залесхоффа. Затем, сделав над собой невероятное усилие, он выпрямился и ухватился за край вагонетки. Потом почувствовал, как рядом, вплотную, встал русский.

— Давай!

Вагонетка начала двигаться. С губ русского сорвалось нечто напоминающее рыдание. Кентон навалился всем своим весом, поднажал. Вагонетка со скрипом пронеслась по рельсам и врезалась в дверь. В момент столкновения слышался

резкий щелчок, похожий на удар хлыста. Залесхофф вскрикнул. Кентон был словно в тумане, но понял, что он ползет к двери. А потом почувствовал, как его тащат через рельсы. И вот через секунду или две он уже вдыхал свежий холодный воздух.

* * *

Примерно минут пятнадцать ни один из них не произносил ни слова. Первым нарушил молчание Залесхофф.

— Нам надо одеться, — сказал он, — так и воспаление легких недолго подхватить.

Они забрались обратно в камеру, взяли одежду и стали одеваться.

Небо над головой, за стеклянной крышей, начало светлеть, наливаясь голубовато-синим оттенком. Залесхофф чиркнул спичкой и посмотрел на наручные часы.

— Без десяти пять, — сказал он, — но стекло на циферблате разбито. Думаю, мы пробыли в этой вонючей дыре часа четыре с небольшим.

— Всего-то?

— Вам что, мало показалось?

— Нет, спасибо, мне вполне хватило. Но я думал, что часов шесть, никак не меньше!

— Мы бы так долго там не протянули. Воздух в этой камере, должно быть, пропитан парами от резины. Как самочувствие?

— Если не считать того, что голова просто раскалывается и пульс немного частит, неплохо. Должен поблагодарить вас, Андреас!

— За что?

— За то, что спасли мне жизнь. Без вас я бы там ни за что не справился.

— Вы бы там не оказались, если бы не допущенная мною глупость. Как ноги, в порядке?

— Немного дрожат. Такая слабость в коленях!

— Но идти-то сможете? Нам надо выбираться отсюда.

— Я готов.

— Тогда пошли.

— А как быть с Григорием?

— Он останется там, где есть.

— А что будет, если его найдут?

— Да то же, как если бы его нашли мы. Вызовут полицию.

— Считаете, мы не должны остаться, чтобы рассказать им все?

— Хотите, чтобы вас арестовали? Кроме того, они и меня тоже наверняка задержат для допроса, а мне надо как можно скорее заполучить эти фотографии. Бастаки должен появиться через час или два.

— Ясно. Тогда вперед!

Они прошли в главный цех.

Дверь, через которую их втащили сюда, была заперта. Залесхофф извлек из кармана свой инструмент и занялся замком. Несколько минут спустя устало выпрямился.

— Ничего не получается.

— Тогда как же они ее отперли?

— Наверное, забрали ключи у сторожа.

— Может, через окно?

— Не думаю, что они тут есть. Но посмотрим.

Поиски показали, что Залесхофф был прав. Окон они не нашли, зато наткнулись еще на три двери. Одна была заперта на навесной замок снаружи, замки на двух остальных не поддались попыткам русского отпереть их. Залесхофф выругался.

— Да такой замок никакой инструмент не возьмет, — пробормотал он.

— Но где-то здесь точно должна быть вентиляция!

— Скорее всего на крыше.

— Так почему бы нам не выбраться через крышу?

— Интересно, как это вы себе представляете?

— Я заметил порталый кран, он под потолком, в цехе вулканизации. Если вдруг он ломается, должны быть какие-то средства, чтобы добраться до него и починить.

— Это мысль!

Включить свет Залесхофф не разрешил, и Кентон извел почти весь коробок спичек, зато они нашли стальную приставную лестницу, прислоненную к одной из опор мостков, что тянулись под самой крышей. Залесхофф приказал Кентону оставаться на месте, а сам поднялся по лестнице и перебрался с нее на мостки. Кентон наблюдал за тем, как он медленно ползет среди балок и перекрытий, — крохотная темная фигурка на фоне дымно-голубого светящегося неба. Примерно через минуту Залесхофф крикнул, что спускается.

— Окно там есть, — сообщил он уже внизу, — нечто вроде люка в неостекленной части крыши, открывается изнутри. Надо пододвинуть порталый кран прямо под него, иначе не добраться.

Дальнейшие поиски привели к стальной коробке с переключателями. Рядом находился щиток — панель управления краном. Русский ухватился за один из переключателей и потянул рычаг вниз. Сверкнула вспышка, и переключатель вернулся в прежнее положение.

— Черт! — пробормотал Залесхофф.

— Там есть стартер для одного из моторов, — сказал Кентон, — и включать надо в определенной последовательности. Но нам совершенно ни к чему, чтобы вся эта лавочка вдруг заработала. Дайте-ка я посмотрю!

Залесхофф чиркнул одной из немногих оставшихся спичек, и Кентон осмотрел щиток.

— Вы хоть что-нибудь в этом смыслите? — скептически спросил русский.

— Не слишком. Но если переключатель подсоединен с помощью кабеля к этой коробке, думаю, надо первым делом попробовать его. Вот так!

Кентон щелкнул переключателем и подошел к щитку. Секунду спустя над головами у них послышалось жужжание, а затем — погромыхивание колес.

— Держите, не отпускайте, — крикнул Залесхофф. — Я скажу, когда кран будет под окном.

Маневры с краном заняли довольно много времени, но вот наконец Залесхофф объявил, что кран занял нужное положение, и Кентон отключил ток. И увидел, что русский возится с механическим приводом, позволяющим открыть панель застекленной крыши.

— Открывается всего дюймов на восемнадцать, не больше, — сообщил Залесхофф. — Прилегает очень плотно. Так что придется лезть через окошко.

Он подошел к металлической лестнице и снова стал карабкаться вверх. Кентон последовал за ним. Лестница заканчивалась примерно в двух футах от верхней части опорной стойки. Ухватившись за стропильную ферму, Кентону все же удалось подтянуться и поставить ногу на верхнюю часть крана.

— Аккуратней, — предупредил Залесхофф, — тут все в смазке и очень скользко.

В ширину площадочка составляла не больше восьми футов. Рельс, по которому двигались колесики подъемной платформы, занимал примерно четыре фута в центре, так что по обе стороны от него оставались два узеньких уступа, шириной два дюйма каждый.

Кентон осторожно приблизился к тому месту, где на платформе стоял Залесхофф.

— Отсюда придется ползти на четвереньках, Кентон, — сказал он.

Затем сам опустился на четвереньки и пополз вдоль двух поперечных балок по направлению к стальному корпусу, внутри которого была закреплена платформа, поднялся на нее и только там выпрямился во весь рост. Кентон присоединился к нему через несколько секунд. Примерно в восьми футах над их головами находилось окошко в крыше.

— Вы пойдете первым, — сказал Залесхофф. — Можете подняться на эту балку, так легче будет.

Кентон ухватился за балку, подпрыгнул и подтянулся. Секунду он висел в воздухе, затем вставил ступню в место пересечения двух стальных крепежных углов, устроился поудобнее, ухватился за оконную раму и сильно толкнул ее. Через несколько секунд он лежал лицом вниз на покато́й крыше из оцинкованного железа. Мелкие холодные капли дождя заползали за воротник.

Снизу послышался шорох, затем — скрип, и вот рядом с ним на крыше распростерся Залесхофф.

Небо к этому времени посерело, за высокой металлической трубой в конце крыши, на которой они лежали, смутно вырисовывались очертания других

зданий завода. Если не считать гроыхания колес поезда, доносившегося откуда-то издалека, да барабанного стука дождя о крышу, кругом стояла мертвая тишина. Затем лежавший Залесхофф задвигался. Голос его на открытом пространстве звучал как-то непривычно глухо, словно издалека.

— Сползите вниз, примерно на полметра. Там конек, можно упереться в него ногой.

Кентон повиновался.

Через несколько минут они добрались до водосточной трубы, обхватив ее руками, соскользнули вниз и оказались на гаревой дорожке между стенами двух фабричных зданий.

Они дошли до самого конца этой дорожки. Русский остановился.

— А вот теперь держать ухо востро!

Они отлепились от стены и вышли из-за укрытия. И увидели, что попали в большой двор. Прямо перед ними — входные ворота, в их стальные рамы были вставлены проржавевшие металлические листы. Наверху это солидное сооружение украшали прутья решетки с остроконечными пиками. Ворота были заперты. Рядом с ними примостился небольшой кирпичный домик с окошком во двор. Сторожевая будка.

Осмотревшись по сторонам, они подкрались к двери в этот домик. Залесхофф вскинул руку, призывая к полной тишине. Они выждали примерно минуту. И вот из будки до них донесся приглушенный стон.

— Сторож, — прошептал Залесхофф.

Они простояли еще несколько минут. Затем, не услышав больше никаких признаков жизни, обошли будку и подкрались к воротам. Так и есть — заперты накрепко! Кентон поднял голову, посмотрел на пики, потом взглянул на Залесхоффа. Русский лишь пожал плечами.

— Удача от нас отвернулась, — пробормотал он. — Ладно, пошли!

Они вернулись к тому месту, где спустились с крыши. Залесхофф указал на пространство между двумя зданиями в нескольких ярдах от них.

— Давайте попробуем!

Какое-то время они шагали мимо нагромождений шлака и пепла, затем за небольшой дверцей в левой стене перед ними открылось узкое пространство, поросшее травой и сорняками. В конце проход был погружен во тьму, и Кентону на секунду показалось, что они в западне. Но тут Залесхофф издал радостный возглас и устремился вперед. Кентон бросился следом.

— Что там?

— Железнодорожная ветка. Смотрите!

Они вышли из узкого темного прохода, и Кентон сощурился от яркого света. Прямо рядом со стенами фабричного здания была проложена невысокая насыпь, а по ней — железнодорожное полотно с двумя рельсами. На путях стояли пустые товарные вагоны.

— Не понимаю, что это нам дает, — пробормотал Кентон.

— В каком-то месте у этой ветки должен быть выезд с фабрики, — раздраженно объяснил Залесхофф.

Кентон последовал за ним. Они поднялись на насыпь и прошли вдоль ряда вагонов до самого конца. Было видно, что мокрые блестящие рельсы огибают здание и ведут к высокой изгороди из гофрированного металла.

— Где-то там должны быть ворота, через которые заходит поезд, — сказал Залесхофф.

Они перешли через пути и направились к изгороди. Это место напоминало свалку промышленных отходов. За ноги цеплялись мотки ржавой проволоки, ступни проваливались в наслоения пепла и шлака. Затем земля вдруг резко пошла под уклон, и они зашагали по мокрой траве к изгороди. Шли в полном молчании. Высокая трава приглушала звук шагов. Вдруг откуда-то спереди донесся скрип проржавевших петель. Они остановились как вкопанные.

— Оставайтесь здесь, — шепнул Залесхофф. — Пойду посмотрю, что там такое.

Кентон видел, как русский наклонился и достал из кучи мусора кусок покрытого свинцом кабеля, примерно в дюйм толщиной. Взвесил его в руке, словно примериваясь, и двинулся дальше. А потом скрылся в тени изгороди. Минуту или две журналист ничего не видел. А затем вдруг услышал топот и крик. Он рванулся на этот звук. И увидел две фигуры — они сплелись в объятии и стояли, раскачиваясь из стороны в сторону.

Кентон так и замер на месте. Одним из этих людей был Залесхофф. Второй — Тамара.

18

Смедофф

Когда вдруг из темноты выбежал Питер, преследуемый Майлером, Генрихом и Бергом, Тамара едва не потеряла голову. Позже она объясняла, что не сделала того, что должна была сделать, вовсе не из-за растерянности или испуга, а лишь потому, что нога у нее в тот момент стояла на педали акселератора «мерседеса». И от неожиданности она резко нажала на него. Рев мотора просто оглушил. После этого Тамара действовала уже вполне осознанно. Едва Питер успел выбежать на дорогу, она дала задний ход, затем вывернула руль, и «мерседес» устремился за ним. Машина продолжала набирать скорость, рука Тамары нырнула в боковой карман дверцы, извлекла автоматический пистолет, и девушка успела сделать три выстрела из окна автомобиля. Ответным выстрелом Майлер попал в нижнюю часть задней двери, хотя метил Питеру в ноги.

Проехав по дороге примерно километр, она выключила фары и затормозила. Питер распахнул дверцу и уселся рядом.

— Что случилось? — спросила Тамара по-русски.

— Они подкрались ко мне в темноте. Я услышал шаги и подумал, что это Андреас Прокович вернулся вместе с англичанином. А потом всего в нескольких шагах от меня один из них заговорил, и я понял — это враги. И побежал. Они меня не видели, но в темноте я споткнулся, и они слышали этот звук.

— Но с чего ты решил, что это враги?

— Слышал, как один из них спросил: «Кто их пристрелит?» Ну а второй рассмеялся и ответил: «Придется разыграть в карты».

Тамара задумчиво постучала по рулю стволом пистолета.

— Ты, Питер, — сказала она после паузы, — должен вернуться и наблюдать за дорогой, вдруг кто-то из них отъедет. Я постараюсь обернуться как можно скорее.

Мужчина вышел из машины.

— Вы ведь ненадолго, Тамара Проковна? Если они вдруг уедут... что я смогу сделать?

— Я скоро, обещаю.

Тамара отправилась на квартиру брата, набрала пражский номер, коротко поговорила с кем-то по телефону. После этого разговора двое мужчин ничем не примечательной внешности, каждый с фотографией Петры Бастаки в кармане и очень четкими инструкциями касательно действий с ее оригиналом, провели ночь недалеко от платформы пражского вокзала, куда должен был прибыть поезд из Берлина.

Закончив разговор по телефону, Тамара подошла к буфету, достала два револьвера системы «Кольт», коробку с патронами и вернулась к машине. Примерно через пять минут она присоединилась к Питеру, дежурившему у поместья Бастаки. Вскоре они увидели, как две машины поехали по направлению к кабельному заводу.

Тамара последовала за ними на безопасном расстоянии и примерно полчаса ждала неподалеку от въезда на фабрику. Когда из ворот вышел четвертый, последний, мужчина и сел в машину, она поехала за ними — снова к дому Бастаки.

Пока Тамара отсутствовала, Питер дожидался подкрепления из Праги, о котором она попросила. Вскоре подкрепление прибыло — в лице мужчины небольшого росточка на огромном мотоцикле. Мужчина объяснил, что он от товарища Смедофф. Прибывшему были даны четкие инструкции. Вскоре у кабельного завода вновь появился «мерседес» Тамары.

Примерно час Тамара искала пути проникновения на территорию завода, но безуспешно. Наконец она оставила эти попытки и поехала в сторону города в поисках телефона-автомата. Тамара говорила по телефону минут пять. Затем повесила трубку, вернулась к машине и, доехав до завода, остановилась поблизости на узкой заброшенной улочке. Там она сидела, пила кофе из термоса и курила до тех пор, пока небо на востоке не начало светлеть. Тогда она снова отправилась на поиски брата.

Радость при встрече Тамары и Залесхоффа была бурной, но непродолжительной. Залесхофф коротко пересказал сестре все, что случилось, при этом Кентону показалось, что он сильно преуменьшил опасности их ночного приключения. Затем Залесхофф потребовал отчета о том, что было сделано в его отсутствие.

— Саридза вернулся в дом Бастаки после того, как оставил вас здесь, — сказала Тамара. — Я попросила человека Смедофф проследить за ним. Вскоре Саридза и Майлер выехали в Прагу и остановились в отеле «Америка». С ними были еще двое, но они затем ушли. Я также послала двух людей Смедофф на вокзал, поручила им взять Бастаки, если он появится до того, как мы будем готовы. Подумала, что таким образом можно будет задержать Саридзу.

— Молодец, — похвалил ее брат. — Но нам следует предупредить Смедофф, отменить все прежние инструкции. Думаю, что пока не стоит связываться с Бастаки. Как отсюда выбраться?

— Там за территорией завода большая свалка. Я бы и раньше добралась до вас, но было слишком темно, ничего не видно, и не хотелось рисковать, пока неясно, что там с вами. У Смедофф людей немного, всего четверо, это включая Питера, ну, я уже говорила тебе, где они. Все при деле, иначе бы послала тебе на помощь. А где Григорий и Серж?

Залесхофф рассказал ей.

Минуту Тамара молчала. Кентон заметил, что лицо ее словно окаменело, именно такое выражение ему довелось видеть прежде на лице ее брата. Потом Тамара сказала:

— У тебя все руки в крови, Андреас. И у вас тоже, мистер Кентон.

— Займемся этим позже.

Она вывела их через ворота в ограждении, провела по обширному, утопающему в грязи участку к поваленному деревянному забору. В отдалении Кентон увидел ряд небольших зданий и несколько газометров. Они шагали по узкой извилистой дорожке, проложенной между горами мусора и промышленных отходов. Всю эту огромную свалку пересекала линия столбов электропередачи.

— Куда теперь? — спросил Кентон, когда они добрались до машины.

— Сначала к телефону-автомату, надо позвонить, затем домой, — ответил Залесхофф.

Он провел в телефонной будке примерно полминуты и потом вернулся к машине.

— Планы изменились, — сухо заметил он, занимая свое место рядом с Кентоном. — Мы едем к Смедофф. Мистер Кентон, — добавил он, когда машина тронулась с места, — я бы попросил вас соблюдать строжайшую секретность относительно всего, что вам предстоит увидеть и услышать в ближайшее время.

— Хорошо.

- Что случилось? — спросила девушка, обернувшись через плечо.
- Десять минут тому назад Бастаки прибыл в отель «Америка».
- Но как же наши люди на станции...
- Он прилетел самолетом.

На всем пути в Прагу Залесхофф игнорировал журналиста и, сердито хмурясь, смотрел в пол. Он даже отказался от предложенной сигареты, лишь молча отмахнулся.

Уже совсем рассвело, и «мерседес» мчался по безлюдным улицам города с бешеной скоростью. В Альтштадте Тамара сбросила скорость, свернула на тихие чистые улицы, застроенные офисными зданиями. Вскоре «мерседес» остановился возле высокого и узкого дома, принадлежавшего, если верить вывеске, фирме по производству однослойной фанеры. Дверь была не заперта.

Они вылезли из машины, вошли в здание и зашагали по отделанному плиткой коридору к лифту. В кабине Залесхофф надавил на кнопку с надписью «Подвал». К удивлению Кентона, лифт начал медленно подниматься вверх и остановился на шестом этаже. Залесхофф отворил дверь со стороны, противоположной той, где они вошли, и вот все трое оказались на пустой лестничной площадке. Секунду-другую Кентон не видел, есть ли отсюда хоть какой-то выход. Затем заметил небольшую дверцу в дальнем конце площадки.

— Ждите здесь, — сказал Залесхофф.

Он толкнул дверцу и вошел. Она автоматически захлопнулась за его спиной.

— Что это за место? И что за дверью? — спросил Кентон.

— Квартира друга, — последовал ответ.

Кентон молча переваривал этот малосъедобный лаконичный ответ. Но вот появился Залесхофф и поманил их к себе.

— Хотите принять ванну и выпить чашечку кофе, Кентон?

— Еще бы!

— Вот и славно.

И он жестом пригласил их войти.

Кентон оказался в небольшой прихожей квадратной формы с ковром на полу и тремя дверьми.

— Спальня, гостиная, ванная комната, — пояснил Залесхофф, по очереди указывая на двери. — Ты, Тамара, иди пока в спальню. Кентон у нас ужасно грязный, пусть помоеется хорошенько! Да и я тоже. Так что идите первым, Кентон, только поторопитесь. Кофе будет готов буквально через минуту.

Кентон вошел в ванную.

Первое, что бросилось ему в глаза, — это огромный барельеф Ленина из папье-маше. Он висел в самом центре стены над ванной. Кентон затворил за собой дверь и огляделся. В одном углу была полка с флакончиками и баночками солей для ванны — невероятное разнообразие цветов и ароматов. На второй полочке, той, что выше, стояли кремы для лица и тела, лосьоны, шампуни и

косметика. И все это богатство выглядело так, точно им часто пользуются. Никаких бритвенных принадлежностей. Очевидно, владелицей этой квартиры была женщина, причем одинокая. Кентон оставил все эти размышления и начал мыться.

После пребывания в камере для вулканизации все тело было покрыто ржавчиной. После акробатических «упражнений» на кране лицо и руки покрывал толстый слой черной и липкой грязи. Ко времени, когда ее кое-как удалось удалить, Залесхофф постучал в дверь.

Кентон торопливо оделся и прошел в гостиную.

Это оказалась небольшая комната, обстановку которой составляли металлические стулья с красными сиденьями, низенький стеклянный столик на стальных ножках и диван, покрытый черным американским пледом. Над электрическим камином, отделанным хромированными пластинами, висела репродукция с натюрморта кубиста Хуана Гриса. На противоположной стене красовалась выцветшая коричневатая фотография Розы Люксембург в нарядной позолоченной раме в стиле рококо. Словом, вся эта обстановка производила довольно странное впечатление.

За столом пили кофе Тамара с Залесхоффом. Напротив них расположилась женщина какой-то совершенно невероятной толщины, таких прежде Кентону не доводилось видеть. Она говорила с Тамарой по-русски.

Залесхофф жестом пригласил его присесть.

— Выпейте с нами кофе! А это, — он указал на женщину, — и есть Смедофф.

Дама взглянула на Кентона, кивнула и продолжила разговор с Тамарой. Залесхофф пошел в ванную. Журналист потягивал горячий кофе и, точно замороженный, не сводил глаз с мадам Смедофф.

Ей, должно быть, от шестидесяти до девяноста, прикинул он. Плоть на лице тряслась, как желе, когда она говорила, и вся была покрыта сетью мелких морщинок, которые не мог скрыть даже толстый слой белой пудры — он лип, точно грибок или плесень, к маске, которая находилась под ним. Волосы короткие, выкрашены хной и завиты в мелкие упругие кудряшки, которые дыбом стояли вокруг головы. Поэтому, сидя спиной к свету, она походила на растрепанную хризантему. Рот был тщательно накрашен алой помадой, видимо для того, чтобы зрительно уменьшить сильно отвисшую нижнюю губу. На скулах — два слишком ярких пятна румян, брови выщипаны и подведены карандашом, темно-синие тени на веках завершали этот вызывающий макияж. На мадам Смедофф было черное шелковое платье с длинными рукавами, открывающими две маленькие, изящной формы ладошки. На среднем пальце левой руки красовалось кольцо с огромным мыльным камнем. На плечи была наброшена красная шерстяная шаль в клетку-шотландку. Во время разговора она то и дело поправляла ее.

Внезапно мадам Смедофф умолкла на полуслове и уставилась на Кентона пронзительным и неподвижным взглядом. Затем, к немалому его изумлению,

синие веки этой странной дамы кокетливо затрепетали, а губы сложились в улыбку.

— Наслышана о вас, мистер Кентон, — сказала она по-английски. — Вы напомнили мне Мопассана. Губы в точности как у него.

— Но это невозможно, мадам Смедофф.

— Отчего же?

— Невозможно, чтобы вы помнили Мопассана. Ведь когда он умер, вы были совсем маленькой девочкой.

Мадам Смедофф, похоже, удивилась, затем стала прихорашиваться, захихикала и обернулась к девушке.

— Вы вроде бы говорили, Тамара Проковна, что он англичанин? Просто не верится! Такой же неискренний, как француз, и мрачен, точно немец. Забавно! — И все тело ее затряслось от беззвучного смеха.

Чувствуя себя довольно глупо, Кентон стал намазывать маслом кусочек хлеба. Толстуха же продолжила разговор с Тамарой, но время от времени бросала в его сторону проказливые взгляды, от которых Кентону стало совсем уж неловко, и он сидел, не отрывая взгляда от тарелки. Ему стало легче, когда в гостиную вернулся Залесхофф.

Однако присутствие этой странной мадам Смедофф все же не помешало ему сделать кое-какие выводы. Получалось, что он невольно стал союзником Залесхоффа и противником Саридзы. Тот факт, что симпатия к первому была в большой степени обусловлена жестокими, можно даже сказать, отвратительными действиями Саридзы, не подлежал обсуждению. Итак, прежде всего надо трезво оценить положение, в котором он оказался. Его разыскивает австрийская полиция за убийство Захса. Его присутствие на территории Чехословакии незаконно, а потому опасно. Он уже давно не мог как следует выспаться, и нервной системе, очевидно, нанесен огромный урон. Этот русский, Залесхофф, приложил немало усилий, чтобы избавить его от опасности, во всяком случае, в том, что касалось австрийской полиции. Чего никак не следовало допускать. Ведь он, Кентон, фактически превратился в пленника Залесхоффа, в человека, ждавшего милости от представителя Советского правительства. Эта мысль просто бесила Кентона. Нет, с Залесхоффом следует держаться твердо, предъявить ему ультиматум. Залесхофф должен немедленно выдать этого типа, Ортегу, в противном случае он, Кентон, сделает все... сделает что? Сдастся властям? Об этом не могло быть и речи. Удрать в Англию? Он думал об этом и раньше. Получается, с горечью подумал Кентон, что он не может сделать ничего. Ну разве что написать об этой своей истории в «Таймс». Он мрачно жевал бутерброд. Сам вид Залесхоффа, только что вышедшего из ванной — такого розового, посвежевшего и деловитого, — лишь усиливал чувство раздражения. Да этот человек даже со своей работой толком не справляется! Между тем негодяй и убийца Саридза готовится выехать в Бухарест и может сделать это в любой момент. А эти представители демократических сил и ухом

не ведут, принимают ванну, попивают себе кофе в компании с чудаковатой старой каргой, которой самое место...

— Итак, Андреас, — холодным и насмешливым тоном начал он, — что будем делать дальше?

— А вот это, — мадам Смедофф резко развернулась в кресле и перешла на английский, — мне тоже хотелось бы знать. Что вы решили, Андреас Прокович?

Залесхофф закурил сигарету.

— Я еще ничего не решил.

Толстуха фыркнула и обернулась к Кентону.

— Вы, молодой человек, похоже, не лишены здравого смысла. Что думаете?

— Думаю, мы лишь напрасно тратим здесь время. Саридза может уйти.

— Сегодня вплоть до четырех нет ни одного поезда до Бухареста. А самолета туда же не будет до завтрашнего утра. Один из наших наблюдает за машиной Саридзы, второй засел на втором этаже отеля и следит за его номером.

— Я этого не знал.

— Разве вы не слышали? Мы же об этом говорили.

— Он не понимает по-русски, — объяснила Тамара.

Мадам Смедофф тихо хихикнула.

— Так, значит, этому бедному мальчику еще неизвестно, какая я гадкая и испорченная старушенция! — И она в приступе смеха так и заколыхалась всем своим огромным телом.

— Ольга! — сердито одернул ее Залесхофф.

Она лишь отмахнулась и уставилась на Кентона. Ее маленькие сверкающие глазки, казалось, так и проникали в самую душу.

— Вот что я вам скажу, мистер Кентон, — начала она, — этот человек, Залесхофф, по-своему очень неплох, однако слабоват в стратегии. Много говорит — что касается болтовни, тут ему просто нет равных! — а вот что касается стратегии... это вам не тактика — следует различать! — ни черта не смыслит. В отличие от меня. Вот вы вошли в комнату и посмотрели на меня. И я знаю, что вы в тот момент подумали. Несмотря на преклонный возраст, подумали вы, эта дама наделена шармом, она привлекательна, есть в ней какая-то изюминка, это определенно! И все хорошенькие и неопытные девчонки просто ничто в сравнении с ней.

— Гм! — хмыкнул Залесхофф.

— Ну, признайтесь, — настаивала старуха, — ведь именно это вы и подумали, верно?

— Да, — кивнул Кентон.

Мадам Смедофф обернулась к остальным с торжествующим видом.

— Вот видите? Мне ничего не стоило поставить его в безвыходную ситуацию. Ему ничего не оставалось, кроме как солгать. И если, — задумчиво продолжила она, — я бы решила воспользоваться этим своим преимуществом, ему бы пришлось ох как не сладко!

Кентон почувствовал, что краснеет.

— Вот в чем, — торопливо продолжила она, — суть и смысл дела. Хорошую стратегию ничем не заменишь. И ваша, Андреас Прокович, попытка нападения на дом Бастаки была заранее обречена на провал.

— Да, не вышло. Но просто потому, что чертовски не повезло, — яростно возразил ей Залесхофф.

— Нет, именно обречена на провал, — продолжала стоять на своем мадам Смедофф. — Стратегия подвела. Слишком уж все грубо, прямолинейно. И вот теперь, боюсь, вы готовы совершить ту же ошибку. Пойдете в отель «Америка» и будете размахивать пистолетами перед всеми этими типами, поколотите их, свяжете, начнете искать фотографии. И я со всей ответственностью заявляю вам, друг мой, что даже если вы преуспеее в насилии, фотографий вам все равно не найти.

— Это почему же?

Мадам Смедофф поправила сползающую с плеч шаль.

— Да потому что их там нет!

— С чего вы взяли? Где ж им быть, как не там?

— Да нет их там, нет! Принимаете Саридзу за круглого дурака? А ведь он у нас далеко не дурак, нет. В одном вы оказались правы. Когда Саридза встретился с Бастаки на кабельном заводе, фотографии были при нем. Хорошо. Но вы забываете об одной вещи. О том, что ночью он видел вас на террасе. Он понимал, зачем вы туда пришли и чего хотите. А потому решил спрятать фотографии в надежном месте. Но где именно? Вот это и надо срочно выяснить. Думаю, Саридза поедет на машине. Завтра, прямо с утра.

— Почему?

— Четырехчасовой поезд крайне неудобен. Надо делать пересадку в Будапеште и довольно долго ждать, к тому же между столицей Венгрии и Бухарестом очень много остановок. Да и вообще Саридза редко ездит поездами.

— Прага — город большой. А фотографии — маленькие. Иголлка в стоге сена.

— В таком случае мы должны подождать, когда Саридза отправится в путь, и последовать за ним. И если предпринимать какие-то действия, то на участке между Прагой и границей с Венгрией.

Залесхофф капризно выдвинул нижнюю челюсть.

— Не нравится мне все это!

— Мне тоже не нравится, — согласилась с ним мадам Смедофф. — Но в таком случае где, по-вашему, он мог спрятать фотографии и как их искать? Бастаки уехал, а потом вернулся с женой к себе в дом. Вскоре Саридза может отправиться в путь.

— Какой-то абсурд получается, Ольга, и вы это понимаете. Он мог оставить снимки в сейфе отеля или же на вокзале, в камере хранения. Да где угодно!

— Могу я выдвинуть одно предположение? — извиняющимся тоном спросил Кентон.

— Да, молодой человек?

— Зная, что поиски фотографий продолжатся, я бы на месте Саридзы сделал бы с них копии. Перефотографировал бы их и спрятал где-нибудь в надежном месте.

Мадам Смедофф тяжело поднялась из-за стола, подошла к Кентону и погладила его по голове.

— Вот видите, Андреас Прокович, молодой человек очень умен. Ну конечно, копии! Вам следовало бы догадаться. — Она с улыбкой смотрела на Кентона. — А теперь скажите-ка, молодой человек, к какому фотографу он мог обратиться?

— Ну, к простому фотографу он вряд ли пошел бы. Тот мог счесть все это любопытным материалом и сделать еще одну копию, для себя. Не знаю, видели ли вы эти приказы о мобилизации, Андреас. Развешаны на каждом углу, внизу красуется правительственная печать. Выглядят очень официально и достоверно.

— В том-то и проблема, — нетерпеливо произнес Залесхофф.

— Так что, если Саридза хотел как-то обезопасить себя, он пошел к человеку, на которого можно положиться. Готов побиться об заклад, сейчас набор копий с этих снимков ожидает Саридзу в редакции какой-нибудь газеты. Он придет, заберет один набор и оставит другой в сейфе. Все очень просто.

— Но почему именно в редакции газеты?

— Потому что там обязательно должна быть фотостудия. Причем она всегда хорошо защищена. И люди там находятся и днем и ночью.

— Итак, — с иронией заметил Залесхофф, — фотографии находятся в редакции газеты. Чудненько! Очень ценная и полезная для нас информация. Особенно с учетом того, что этих редакций в Праге не больше пятидесяти.

Мадам Смедофф раздраженно фыркнула.

— Шевелите мозгами, Андреас Прокович! Саридза где попало оставлять снимки никогда не станет. Есть у меня одна идея.

Она многозначительно покосилась на Кентона и выплыла из гостиной.

Залесхофф вздохнул и махнул рукой — то был жест отчаяния.

— Эта старуха, — заметил он, — почему-то всегда заставляет меня почувствовать свою полную никчемность.

— А сколько ей?

— Одному Богу известно. Думаю, около восьмидесяти. Она была подружкой Клары Цеткин, встречалась в Лондоне с Лениным. Однажды как-то упомянула, что познакомилась с Марксом, а потом добавила, что ей очень жаль фрау Маркс. Маркс умер в начале восьмидесятых, стало быть, Ольге глубоко за семьдесят. Но память просто фантастическая! Никогда не забывает ни лиц, ни имен, говорит на девяти языках, перевела баллады на воровском жаргоне Франсуа Вийона на современный парижский арг. Тираж составил всего пятьдесят экземпляров, и сегодня каждая книжка стоит тысячу долларов!

— Но что она делает с лицом? Зачем так ужасно красится?

— Когда-то она была очень хороша собой. Потом попала в переплет — организовывала забастовку где-то в Галиции, и какая-то женщина плеснула ей в лицо медным купоросом. Особого вреда это не причинило, но появились шрамы. Поэтому она накладывает столько грима. Говорили, будто она пользовалась макияжем весьма умело. Но за последние несколько лет, видно, растеряла сноровку.

Мадам Смедофф вернулась в гостиную, на губах ее играла торжествующая улыбка.

— Газета называется «Праген моргенблатт».

— Но как вы узнали?

— Просмотрела список владельцев газет на немецком языке в Праге. Двадцать пять процентов обычных акций «Праген моргенблатт» принадлежат даме по имени Эльза Ширмер, а это не кто иная, как фрау Бастаки. Очевидно, ее выдвинул на эту должность брат. Как бы там ни было, но Эльза Ширмер обладает значительным влиянием во всех редакциях «Моргенблатт», и Саридза не мог не знать об этом.

Залесхофф поднялся.

— Тамара, мы едем немедленно. Вы тоже, Кентон, если есть такое желание. Хотя, если честно, Ольга, думаю, это лишь напрасная трата времени. Я попросил бы вас проследить за тем, чтобы Саридза без нашего ведома никуда не удрал.

Они поспешили к выходу, уже у двери Кентон обернулся.

Мадам Смедофф снова погрузилась в кресло, на лице, вернее, мертвенно-белой маске, играла широкая улыбка, кудряшки на голове отливали красноватым блеском. Вот глаза их встретились, и она усмехнулась. А потом подмигнула Кентону, игриво и кокетливо.

19

«Моргенблатт»

Редакция «Праген моргенблатт» размещалась на углу узкой боковой улочки, идущей параллельно главной дороге из Карлсбрюке. Тамара припарковала «мерседес» прямо за грузовиком, из которого выгружали рулоны бумаги. Из окон второго этажа доносился стрекот и клацанье литьевых станков. Залесхофф с Кентоном вышли из «мерседеса» и зашагали к главному входу в здание — узкой двери на углу.

Заранее решили, что первым войдет Кентон, потому что он лучше знает, как устроены редакции газет. Залесхофф держался за спиной журналиста. Внутри, прямо у входа, в крохотном застекленном закутке сидел привратник.

— Сегодня утром должен быть готов пакет для полковника Робинсона. Я пришел его забрать по поручению полковника, — обратился к нему Кентон.

Мужчина покачал головой:

— Ничего об этом не знаю.

— Пошли отсюда, — пробурчал Залесхофф за спиной Кентона. — Только напрасно теряем время.

— Странно, — не отставал от привратника Кентон, — но ведь все было заранее обговорено! — Тут его ладонь сунулась к окошку, возникла прямо перед физиономией привратника, и послышался тихий шелест бумажной купюры.

— В таком случае, мой господин, может, вы скажете, с кем именно вы договаривались. И я все узнаю.

— С господином редактором.

— А! Тогда один момент, мой господин.

Мужчина придвинул к себе телефон и нажал на кнопку.

— Entschuldigen,⁴⁷ Herr Direktor. Тут два господина пришли по поручению полковника Робинсона. Говорят, им должны были оставить для него какой-то пакет. — Последовала недолгая пауза. — Ja, Herr Direktor! — Он положил трубку и обернулся к ним. — Пожалуйста, подождите несколько минут, пакет сейчас принесут.

— Danke! — Кентон раскрыл ладонь, и банкнота скользнула прямо на столик привратника.

— Danke schn, мой господин.

— Ну, что скажете? — с плохо скрываемым торжеством в голосе заметил Кентон. — Главный редактор не станет просто так появляться на работе в девять утра в воскресенье.

— Не нравится мне все это, — угрюмо пробормотал русский. — Слишком уж все просто. К тому же вы, видно, забыли о втором экземпляре с копиями, верно?

— А мы скажем, что нам и копии тоже велено забрать. Хотя, конечно, Саридза мог оставить копии где-то в другом месте. В противном случае редактор наверняка отдаст нам обе. Не думаю, что Саридза слишком много сказал этому человеку.

— А что, если это ловушка?

— Не забывайте, к этому времени мы с вами уже должны были задохнуться в камере для вулканизации.

— Не хочу вспоминать об этом!

Они прождали около десяти минут, затем на столе привратника вдруг зазвонил телефон. Мужчина поднял трубку и стал слушать, что ему говорят. Кентон заметил — выражение его лица изменилось, он то и дело косился на визитеров. Затем привратник сказал: «Ja, Herr Direktor» — и опустил трубку на рычаг.

— Господин редактор готов с вами встретиться. Пакет у него в кабинете. Пройдите, пожалуйста. Вон туда, я вас провожу.

---

⁴⁷ Прошу прощения, извините (нем.).

Лифта в здании не было, и мужчинам пришлось подниматься на пятый этаж по лестнице с узкими каменными ступенями, а затем пройти по длинному коридору до самого конца. Там и находился кабинет главного редактора. Они открыли дверь и оказались в небольшой приемной, где стоял стол секретарши. В дальнем конце помещения висели солидные двойные двери из красного дерева. Привратник постучал, затем отворил их. Кентон и Залесхофф вошли.

Они оказались в просторной комнате, стены которой украшали панели из кедра. Здесь было только одно окно, зато оно занимало почти всю стену напротив дверей. Справа находилась еще одна небольшая дверь. За массивным письменным столом сидел крупный молодой немец с большой головой квадратной формы и в маленьких очках с толстыми стеклами, которые гротескно увеличивали его бледно-голубые глазки.

— Присаживайтесь, господа.

Они остались стоять.

— У нас крайне мало времени, — сказал Залесхофф. — Насколько я понимаю, фотографии уже должны быть готовы. Могу добавить, что полковник велел нам забрать и копии тоже.

Бледно-голубые глазки так и заматались от одного посетителя к другому.

— Это понятно. Все будет готово в самом скором времени.

— И нам, разумеется, хотелось бы прежде всего взглянуть на эти фотографии, убедиться, что все в порядке. Наверное, стоит начать с оригиналов?

— Прошу вас, проявите немного терпения. Я уже отдал распоряжения насчет фотографий. Приказал доставить их немедленно.

— Что ж, прекрасно.

В комнате повисло напряженное молчание. Немец сидел за столом совершенно неподвижно. Кентон подошел к окну и выглянул на улицу. Увидел внизу «мерседес», припаркованный прямо за грузовиком. А затем вдруг из-за угла вырвалась машина с затемненными стеклами. Взвизгнули тормоза, и она остановилась прямо напротив входа в здание. Через секунду дверцы машины распахнулись, из нее высыпали мужчины в униформе и побежали через дорогу. Кентон резко обернулся.

— Залесхофф!

— Что?

— Сюда, быстро! Это полиция!

Русский бросился к окну, глянул вниз и чертыхнулся.

А потом оба они обернулись.

И увидели, что немец целится в них из маленького револьвера.

— Руки вверх! Не двигаться!

Они повиновались. Бледно-голубые глазки сверкнули торжествующе и злобно.

— Я принял некоторые меры предосторожности, — медленно начал он. — Позвонил полковнику Робинсону прежде, чем пригласить вас сюда. Это он

посоветовал мне вызвать полицию. Привратник через минуту приведет их сюда. Доказательства предательской деятельности Советов налицо. Мой посыльный доставит пакет куда следует. И вскоре Румыния — вместе со всем остальным миром — убедится в реальности советско-еврейской угрозы.

— Ну а копии этих доказательств?

Немец явно колебался, затем пожал плечами.

— Что ж, могу сказать, поскольку больше вы в этом деле не участвуете. Копии в сейфе, в стене за моей спиной. Когда придет время, доказательства будут представлены народу Германии.

Кентон взглянул на Залесхоффа. Тот стоял чуть впереди него, руки подняты над головой, сама поза, казалось, говорит о том, что человек признает свое поражение.

— Смотри ему прямо в глаза, Кентон, — пробормотал он по-английски.

— Молчать!

В коридоре за дверью приемной слышались чьи-то торопливые шаги, а затем и голоса.

— Стой, Кентон! — крикнул Залесхофф по-немецки, словно предупреждая о какой-то опасности.

Уловка возымела успех. Журналист увидел, что немец вздрогнул и направил на него ствол. В ту же секунду Залесхофф рванулся вперед.

Грохнул выстрел. Пуля угодила в потолок, с него белым дождем посыпалась штукатурка. А Залесхофф и немец, сцепившись в схватке, покатались по полу.

— Дверь запири, живо! — выдохнул Залесхофф.

Кентон бросился к двойным дверям. Ключ торчал в замке с другой стороны. Он распахнул одну створку и выхватил ключ — как раз в этот момент в приемную вбежал первый полицейский. Увидев Кентона, он крикнул и бросился к нему. Кентон захлопнул дверь прямо у него под носом, всем телом навалился на нее и судорожно попытался вставить ключ в замок. Едва это у него получилось, как ручка двери вырвалась из пальцев, а ее створка приотворилась на несколько дюймов. В образовавшемся отверстии появился носок сапога. Кентон что есть силы стукнул по нему каблуком. Болезненный вскрик — и сапог исчез. И на секунду давление на дверь ослабело. Кентон снова всем весом навалился на дверь и повернул ключ в замке. Щелчок подсказал, что теперь она заперта.

Он обернулся и увидел, как Залесхофф сильно ударил немца по голове рукояткой револьвера. Мужчина рухнул вниз лицом. А в приемной начался ад кромешный. На дверь обрушился град ударов, слышались чьи-то резкие команды.

— Отойдите от двери, — сказал Залесхофф. — Через минуту они начнут стрелять по замку.

Едва он успел произнести эти слова, как дверь перестала содрогаться от ударов, и пуля пробила дерево совсем рядом с замком. Русский же принялся шарить по карманам у немца, затем выпрямился — в руках у него была связка

ключей. Он подошел к небольшому, встроенному в стену сейфу и начал подбирать нужный ключ. Обернулся на звук второго выстрела.

— Посмотрите, куда ведет вон та дверь, — бросил он Кентону.

Журналист тут же распахнул ее. За дверью оказался небольшой туалет. Сердце у Кентона упало. Но затем вдруг он заметил над сливным бачком узенькое окошко с матовым стеклом. Кентон распахнул его и выглянул наружу. Внизу в нескольких футах простиралась крыша из оцинкованного железа с двумя встроенными в нее квадратными окнами-фонарями, напоминавшими теплицы для огурцов. Кентон бросился назад в комнату.

— Там окошко. Через него можно выбраться на крышу.

— Хорошо.

Выстрелы по замку не стихали, от дверей так и разлетались щепки. Затем на нее навалились с другой стороны. Створки содрогнулись, послышался громкий треск. К этому времени Залесхофф уже успел открыть сейф и выкидывал его содержимое на пол. Кентон, дрожа от нетерпения, топтался у двери в туалет.

— Ради Бога, Залесхофф, побыстрее!

— Ладно. А вы идите!

Журналист колебался. А потом вдруг сквозь весь этот шум и грохот услышал торжествующий возглас русского. В следующий момент раздался хруст стекла, и он увидел, что Залесхофф бросил пакет с негативами на пол и топчет его ногами, превращая в пыль. В следующую секунду массивная входная дверь с треском распахнулась.

— Берегись!

Но едва этот крик успел сорваться с губ Кентона, как Залесхофф метнулся через комнату к дверце. Кентон захлопнул ее за ним и запер на задвижку.

— Фотографии взяли?

Залесхофф поднял руку с большим бумажным пакетом, затем разорвал его пополам и затолкал обрывки в карман.

— Теперь туда, через окошко!

Дверь в туалет уже содрогалась от ударов. Затем грянул выстрел, пуля пробила дверцу и вонзилась в стену напротив.

Кентон спрыгнул на крышу и приземлился на четвереньки. Секунду спустя рядом с ним оказался Залесхофф. Журналист двинулся по крыше между двумя окнами-фонарями. Залесхофф ухватил его за руку.

— Держитесь ближе к стене, иначе нас могут увидеть из окон.

Но их маневр, вернее, путь к отступлению, преследователи уже разгадали. Штурм туалета закончился, сверху не доносилось ни звука.

— Должен же быть способ как-то спуститься с этой чертовой крыши, — пробормотал Залесхофф. — Попробуем сюда!

Прижимаясь к кирпичной кладке, они прошли вдоль стены. Крыша напоминала по форме огромную букву «Е», с каждой стороны ее окружали стены пятиэтажного здания. И вдруг, свернув за угол, они оказались в центре

этой буквы «Е» и увидели в кирпичной стене небольшую дверцу. В тот же момент раздался крик, и Кентон понял: их увидели из окна в дальнем конце крыши. Они бросились за угол, ища укрытия, и тут в стену, под которой они только что находились, ударила целая россыпь пуль. Залесхофф подполз к двери, подергал за ручку. Заперто.

— Они продвигаются к точке, откуда по нам удобней открыть огонь, — сказал Кентон.

Залесхофф достал из кармана револьвер и три раза выстрелил в замок. Но он все держался. Тогда русский отошел назад, разбежался и что есть силы ударил по замку ногой. Дверца распахнулась. Они ворвались внутрь и сбежали вниз по железным ступенькам. А затем в нескольких ярдах от лестничной площадки увидели вращающиеся двойные двери. Из-за них доносился шум печатных станков. Сильно пахло типографской краской и горячим машинным маслом.

— Сюда, — рявкнул Залесхофф. — Только не бежать! Идти, но быстро.

Они толкнули вращающиеся двери и вошли. Крыша над головами была застекленная, но шум станков, по всей видимости, заглушил звуки выстрелов, поскольку люди продолжали работать как ни в чем не бывало. Это было узкое и продолговатое помещение, и им пришлось бы пройти по нему до конца — до двери на противоположной стороне. Залесхофф и Кентон как раз были на полпути к ней, когда какой-то мужчина, судя по всему, бригадир, поднял голову от стола, заваленного гранками, нахмурился и двинулся им навстречу. Залесхофф моментально сориентировался.

— Вы, случайно, не видели, тут двое мужчин не пробегали?

— Nein. — Бригадир не сводил с них подозрительного взгляда.

— Мы из полиции. Сбежали два преступника, есть сведения, что они находятся в этом здании. Если увидите их, постарайтесь задержать. Есть ли у вас еще какой-нибудь выход из здания, не считая главной двери?

— Jawohl, Herr Kapitn. Имеется пожарный выход.

— Где?

— Между нашим цехом и гравировальным, Herr Kapitn, есть дверь. Идемте, я вам покажу.

И он направился к двери.

— В том нет необходимости, — торопливо заметил Залесхофф, — мы сами найдем. И сразу же поставим возле нее своего человека. Но вы все равно не теряйте бдительности и немедленно доложите, если увидите этих людей.

— Jawohl, Herr Kapitn.

И бригадир поспешил сообщить новость своим подчиненным. Едва он успел отойти на несколько шагов, как через вращающиеся двери ворвались полицейские и что-то закричали. Бригадир недоуменно уставился на них.

— Бежим! — рявкнул Залесхофф.

И они бросились к двери, через которую можно было попасть к пожарному выходу. Слева находились два лестничных пролета: один спускался вниз, другой

уходил вверх. Прямо на площадке между ними оказалась дверь пожарного выхода. Впереди виднелся вход в цех гравировки. Как только Залесхофф распахнул дверь пожарного выхода, из цеха вышел рабочий. Кентон заметил удивленное выражение его лица — мужчина заметил за спинами незнакомцев людей в полицейской униформе — и понял: сейчас он предпримет попытку остановить его и Залесхоффа. Недолго думая, Кентон замахнулся для удара. Рабочий торопливо отступил и поскользнулся на гладком каменном полу. Этого оказалось достаточно. Залесхофф с Кентоном бросились вниз по пожарной лестнице. Где-то над их головами пуля со звоном срикошетила от стальной ступеньки, но к этому времени они уже находились двумя пролетами ниже, под прикрытием.

У подножия лестницы перед ними открылся вид на вымощенный бетонными плитами двор. Располагался он с тыльной стороны здания, где размещались редакция и типография «Праген моргенблатт». Кентон поднял голову — трое полицейских сбегали к ним по пожарной лестнице. Тогда беглецы, не сговариваясь, бросились к улице. Они находились примерно в шести ярдах от нее, когда навстречу им из-за угла выскочил полицейский. Он помедлил — всего какую-то долю секунды — рука его потянулась к кобуре на поясе. Залесхофф налетел на него со всей яростью и силой и ударил по голове. Полицейский отшатнулся к стене и вскинул руку с пистолетом. Кентон так и вцепился в эту руку, грянул выстрел. Пуля ударила в бетонную плиту и срикошетила от нее с противным визгом. Потом Залесхофф выбил оружие у парня из рук. Полицейский начал подниматься на ноги.

— Беги к машине! — крикнул Залесхофф.

И Кентон побежал.

На улице, в нескольких ярдах от него, стоял «мерседес». Они уже подбегали к нему, когда Тамара отъехала от грузовика, что стоял впереди. Вот они поравнялись с машиной, и Тамара предусмотрительно распахнула ближайшую к ним дверцу. Едва они запрыгнули в машину, как пуля пробила заднее стекло и вонзилась в обивку переднего сиденья.

— Пригнись! — крикнул Залесхофф.

«Мерседес» рванул вперед, обогнул препятствие в виде грузовика — шины взвизгнули на мокром асфальте — и вылетел на улицу, ведущую к Карлсбрюке. Тамара включила вторую передачу, до конца выжала педаль акселератора, и огромный автомобиль помчался по улице, точно пуля, выпущенная из ружья.

— К отелю «Америка», быстро! — скомандовал Залесхофф.

Девушка резко свернула на главную дорогу, затем автомобиль с ревом промчался по мосту через Молдау.⁴⁸ Залесхофф вытащил из кармана обе

---

⁴⁸ Так немцы называли реку Влтаву.

половинки разорванного конверта и стал рвать их дальше — на мелкие клочки, которые затем выбрасывал из окна машины.

К этому времени Кентон уже немного отдышался.

— Ну, как вам моя догадка? Недурна, верно? — спросил он.

Залесхофф задумчиво смотрел на последние бумажные обрывки у себя в руках.

— Да, — мрачно кивнул он, — догадка неплохая. Но то, что мы слышали, лишь подтверждает необходимость раздобыть оригиналы снимков. Вы ведь слышали, что он сказал?

— Кто?

— Ну, тот немец. Нацисты собираются использовать эти фотографии для развязывания новой антисоветской кампании. И Румыния будет не единственной страной, которая об этом узнает. Я просто не могу больше ошибиться, Кентон, не имею права. Мы должны заполучить эти снимки любой ценой. И какова бы ни была моя стратегия, хорошая или плохая, но я собираюсь немедленно и вплотную заняться Саридзой.

Кентон рассмеялся. Его до сих пор все еще немного трясло.

— Что тут смешного?

— Просто интересно, что скажет Саридза, увидев нас.

— Скоро выясним! — Залесхофф подался вперед к девушке. — Сверни на тихую улицу и сбрось скорость, хотя бы ненадолго.

— В чем дело? — спросил Кентон.

Залесхофф не ответил. Наклонился, отвернул край коврика и сдвинул одну из панелей в полу машины. «Мерседес» замедлил скорость. Кентон увидел, как русский ухватился за какой-то темный проводок, уходящий под днище машины, и резко его дернул. Что-то с лязгом упало на дорогу, и Тамара вновь прибавила скорость.

— Что, черт возьми, происходит?

Залесхофф задвинул панель обратно.

— Старый чикагский трюк. Сбросил австрийские номера. Теперь у нас бельгийский регистрационный номер. Ты взяла бельгийские документы, Тамара?

— Да, Андреас.

— Все остальные выбросишь в канализацию, когда мы остановимся. Вот, Кентон, советую иметь его при себе, если хотите услышать, что нам скажет Саридза. — И с этими словами Залесхофф вытащил из кармана в дверце и протянул журналисту револьвер, похожий на тот, который всегда был при нем. — Только аккуратнее! Этот заряжен.

Кентон осторожно принял оружие.

— Это на тот случай, — с легкой улыбкой заметил Залесхофф, — если вы еще не окончательно растеряли свои профессиональные инстинкты.

Кентон сунул револьвер в карман.

— Знаете, Андреас Прокович, — устало заметил он, — вы один из трех самых невыносимых, невозможных людей, с кем мне только доводилось встречаться.

— Кто же остальные двое?

— Саридза и капитан Майлер.

Минуты через две они остановились перед гаражами отеля «Америка». Из двери напротив входа вышел какой-то мужчина и направился к их машине. Залесхофф опустил стекло. Они тихо и недолго о чем-то поговорили, затем Залесхофф поднял стекло и откинулся на спинку сиденья. Вид у него был мрачный.

— Карту, Тамара!

Девушка молча протянула ему толстую, сложенную в несколько раз карту.

— В чем дело? — спросил Кентон.

— Пять минут назад Саридза с Майлером уехали на своей машине. За рулем был Майлер. Вот что, Тамара, выезжай на дорогу на Брюн и, ради всего святого, не сворачивай с нее ни при каких обстоятельствах!

20

Дорога на восток

Примерно четверть часа спустя за окнами замелькали городские окраины. «Мерседес» летел по дороге на Брюн.

Залесхофф забился в уголок на заднем сиденье. Лицо его не выражало ровным счетом ничего. На все вопросы Кентона он отвечал односложно и ворчливо. И вот наконец он наклонился вперед и попросил сестру остановиться возле следующей деревни.

— Зачем нам останавливаться? — спросил Кентон.

Залесхофф лениво обернулся к нему. Потом заговорил с журналистом так, словно тот попросил его прокомментировать прогноз погоды.

— Один из наших людей едет за машиной Саридзы на мотоцикле. Больше двадцати километров от города ему не проехать. Когда остановится, должен позвонить Смедофф. Хочу узнать, что он ей сообщил, чтобы убедиться, что мы едем в верном направлении.

— Понимаю.

Вскоре они подъехали к небольшому зданию почты. Русский вышел из машины и неспешно направился ко входу. Через две минуты вернулся, забрался в «мерседес» и захлопнул за собой дверцу.

— Мы ошибались, — заявил он. — Видимо, по тому звонку из редакции «Моргенблатт» они поняли, что опережают нас всего на шаг. И потому решили поехать на восток, к границе с Германией, она находится неподалеку от городка Наход. Их цель — убраться из Чехословакии как можно скорее, а затем проехать через Краков в Бухарест.

Минуту-другую он пристально разглядывал карту, затем сложил ее.

— Поворачивай на Нимбург, Тамара. Смедофф уже там проверяет. Надо попробовать нагнать их где-то между Нимбургом и Находом. Бензина у нас хватит?

— Бензина полно.

— Тогда вперед.

И «мерседес» резко рванул с места. Минуту спустя Кентон увидел, что стрелка спидометра перевалила через стокилометровую отметку.

Через полчаса такой бешеной езды они свернули влево и помчались по дороге в северо-восточном направлении. Тамара вела машину умело и уверенно, точно профессиональный гонщик, и «мерседес» на огромной скорости плавно взлетал на холмы и спускался с них — при этом почти не чувствовалось никакой тряски. Залесхофф смотрел в окно и покуривал сигареты Кентона. Журналист пытался немного поспать, но, несмотря на физическую усталость, это никак не получалось, веки отказывались смыкаться. Всякий раз, когда перед очередным поворотом Тамара немного сбрасывала скорость, правая ступня ее двигалась, точно жала на воображаемую педаль газа, чтобы лететь вперед еще быстрее. Вот она, сказал себе Кентон, радость погони в чистом виде. Но он понимал — за этим стояло что-то еще, более важное. На дороге две машины, их разделяют мили. В первой находятся пятнадцать прямоугольников обработанной химическими веществами фотобумаги, и они, эти картонки, более опасны, нежели самый мощный взрыв, самый ядовитый газ! Пятнадцать кусочков бумаги, и содержание их наполнено страхом, недоверием и ненавистью к миллионам простых людей, которые верят, что их Бог милостив и справедлив и что судьбы их — в Его руках. Если позволить первой машине достичь цели назначения, послание это будет доставлено. И на пути у нее лишь одно препятствие — жалкая горстка из трех человек: обеспокоенный русский, девушка и смертельно уставший журналист с головой, раскалывающейся от боли, и пистолетом в кармане, которым он не умеет пользоваться. Он грустно усмехнулся. «Препятствие» — не слишком подходящее в данном случае слово. Оно не в полной мере описывает ту малоприятную ситуацию, в которой они оказались. Даже мощному «мерседесу» с полным баком бензина и отличным водителем за рулем не так-то просто нагнать эту первую машину, у которой к тому же есть преимущество во времени.

Мелкий морозящий утренний дождик превратился в сильный ливень, струи воды заливали стекла, затуманивали вид на невысокие холмы, мимо которых они проезжали. До Нимбурга доехали минут за сорок. На въезде в город Тамара сбросила скорость. Залесхофф всматривался вперед.

— Останови возле того дома с часами!

Тамара проехала еще с минуту и затормозила у обочины. Залесхофф вышел из машины.

Кентон протер затуманенное стекло и увидел, что русский подходит к мужчине, стоящему на тротуаре под зонтиком. Мужчина демонстративно перебирал пальцами концы красной шелковой ленточки, вдетой в петлицу пальто. Залесхофф вежливо приподнял шляпу, владелец ленточки что-то сказал ему и указал вперед на дорогу, по которой они ехали. Человеку постороннему показалось бы, что заблудившийся автомобилист спрашивает у прохожего, как ему лучше проехать в нужное место. Залесхофф снова приподнял шляпу и вернулся к машине.

— Быстрее, Тамара, — садясь в «мерседес», бросил он. — Они проехали здесь ровно восемь минут назад. А это означает, что мы отстаем от них километров на двенадцать. Отсюда до границы всего два часа езды. Так что придется поднажать, если хотим догнать их.

Машина снова рванула вперед. Как только городок остался позади, стрелка спидометра начала неуклонно подползать к цифре сто сорок. Добралась до нее и застыла. Никогда прежде Кентон не ездил на машине с такой скоростью. Движения на дороге было мало, лишь это служило хоть каким-то, пусть и слабым, утешением. Тамара удивительно точно оценивала каждый сантиметр пространства, когда они пролетали мимо редких попутных и встречных машин. Дорога, прямая и хорошая, имела всего лишь две полосы и была скользкой от дождя. Но девушку, похоже, это несколько не смущало.

— Наверное, успели побывать в переделках, когда ваша сестра сидела за рулем? — заметил Кентон после очередного рискованного маневра.

— Она ни разу не попадала в аварию.

Несколько театральная уверенность, прозвучавшая в голосе Залесхоффа, не убедила Кентона.

Дважды им пришлось останавливаться на переходах. Один раз на окраине маленького городка под названием Кёниграц их остановил полицейский патруль. Залесхофф опустил козырек от солнца на заднем стекле, достал оттуда и предъявил полицейским бельгийские документы. Полицейский посмотрел их, затем вернул с извинениями и пропустил дальше, объяснив, что поступила информация и им было приказано останавливать и проверять все машины с иностранными номерами в связи с тем, что международная банда преступников совершила налет на редакцию какой-то газеты в Праге. И они продолжили свой путь, дивясь тому, как были близки к провалу.

По истечении первого и столь мучительного для Кентона часа езды Залесхофф начал все чаще всматриваться вперед через лобовое стекло, по которому «дворники» гоняли струи воды.

Они проезжали через гористую местность, там и сям были разбросаны маленькие белые домики деревушек, облепившие церковь со шпилем. Струи дождя наконец перестали хлестать в окна, но затянутое облаками небо нависало низко, и время от времени машина ныряла в полосы серого, напоенного влагой тумана. Тамара была вынуждена немного сбросить скорость. И вот, вырвавшись

на чистый и прямой участок дороги, они увидели впереди, примерно в четверти мили, черный автомобиль.

Почти тотчас же «мерседес» вновь влетел в полосу тумана, но увиденного оказалось достаточно, чтобы сердце Кентона забилося в тревожном и одновременно радостном предвкушении.

— Надо нагнать их, чтобы нас разделяло метров пятьдесят, — скомандовал Залесхофф. — Потом, Тамара, какое-то время будешь висеть у них на хвосте. А вы, Кентон, пригнитесь! Нельзя, чтобы они сразу разглядели, кто у нас в машине.

Кентон и Залесхофф сползли с сидений. Примерно через минуту «мерседес» замедлил ход, и Кентон услышал шум едущей впереди машины. Тамара бросила через плечо:

— Они идут со скоростью около девяноста километров.

Залесхофф осторожно поднял голову и выглянул из-за плеча Тамары.

— Дождись поворота, — услышал Кентон его тихий голос. — Потом обгонишь их и поедешь впереди примерно метрах в ста.

Тамара прибавила скорость и нажала на клаксон. Залесхофф снова нырнул вниз. С бешено бьющимся сердцем Кентон прислушивался к реву мотора черной машины. Они ее нагоняли.

И тут Тамара вдруг сказала:

— Они прибавили скорость.

— Обгоняй на следующем повороте!

Кентон услышал, как взревел мотор «мерседеса», почувствовал, как их машина рванула вперед. Секунду спустя их резко качнуло в сторону. Рев мотора второй машины приблизился. Затем раздался звук удара, «мерседес» содрогнулся, и его замотало из стороны в сторону.

— Ударил их передним бампером, — сказала Тамара.

— Нагоняй, живо!

Взвизгнули шины, Кентона бросило вперед и вжало в спинку водительского сиденья. Он чувствовал, как их машина буксует. Затем послышался скрип коробки передач, «мерседес» дернулся и начал сдавать назад. А потом вдруг звук мотора стих. С минуты стояла полная тишина, затем Кентон услышал натуженный рев выхлопной трубы.

— Они сворачивают! — крикнула Тамара.

— Из машины, Кентон! Быстро!

Залесхофф выскочил на дорогу. На ходу выдергивая из кармана револьвер, Кентон бросился за ним. Примерно в двадцати пяти ярдах разворачивалась черная машина. Затем в одном из боковых окон сверкнула вспышка, и пуля ударила в «мерседес» в футах над головой Кентона. Уголком глаза он успел заметить, как Залесхофф вскинул ствол и тщательно прицелился. Затем русский выстрелил. В следующую секунду из топливного бака черной машины полыхнуло пламя.

— Живо! — воскликнул Залесхофф. — Уходи с дороги!

Дорога тянулась по низкой насыпи, по другую сторону от нее ровным строем стояли березы. Залесхофф с Кентоном скатились с насыпи и, пригнув головы, побежали вдоль канавы к горящей машине. Отдельные языки пламени поднимались в воздух на высоту футов в восемнадцать, пылающее топливо разливалось по дороге, точно жидкий огонь. Залесхофф остановился и осторожно высунулся из-за прикрытия. Сквозь рев пламени грянул выстрел, пуля ударила по траве футах в двух от него. Залесхофф нырнул обратно.

— Они укрылись по ту сторону дороги. Надо что-то делать, и быстро. Если на дороге появится кто-то еще, мы пропали! Возвращайся к машине, укроешься за ней и перебежишь на ту сторону. Оттуда начнешь вести по ним огонь, наобум. Не важно, попадешь или нет, — с этого расстояния вряд ли. Но я хочу, чтобы ты отвлек их, тогда, возможно, мне удастся подобраться с этой стороны.

— Ясно.

Кентон побежал назад вдоль насыпи, выскочил на дорогу и спрятался за «мерседесом». Заглянув в узкое пространство между запаской и задней частью кузова, он увидел Майлера и Саридзу, которые укрылись за грудой камней чуть ниже уровня дороги. Тамара вышла из машины и встала рядом с ним. Кентон использовал покрытие запаски для упора, положил на него ствол револьвера, прищурился и нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел, он увидел, как Майлер быстро опустил голову и нырнул за камень.

— Вы когда-нибудь стреляли из револьвера? — спросила девушка.

— Нет. А что?

— Вы едва не попали в этого типа.

В ушах все еще звенело от выстрела, но Кентон попробовал снова, правда, теперь в черном дыму, валившем от машины, мишень была почти не видна. После третьего выстрела он с удовлетворением заметил, как Майлер осторожно высовывается из-за укрытия и высматривает источник опасности. В следующую секунду девушка тихо вскрикнула.

— В чем дело?

— Смотрите!

Кентон увидел, что Залесхофф вышел из-за прикрытия насыпи и, пригибаясь, перебегает через дорогу.

— Сумасшедший! Его убьют!

Едва успел он выкрикнуть эти слова, как русский вскинул ствол револьвера и выстрелил. Майлер ухватился руками за голову. В следующий миг выстрелил Саридза, и Залесхофф ничком упал на дорогу. Буквально через секунду Саридза развернулся, бросился к березовой роще и затерялся среди деревьев.

Кентон кинулся к Залесхоффу. Подбежав к нему, он увидел, что русский пытается встать на ноги. Залесхофф прижимал ладонь к боку, лицо его было искажено от боли. Кентон поспешил на помощь. Раненый лишь отмахнулся.

— Саридза, — выдохнул он. — Удрал, гад!

— Ясно, — пробормотал Кентон. Обернулся и увидел, что к ним бежит Тамара с бледным как мел лицом.

— Вернитесь к машине! Он может попробовать угнать ее, и тогда точно уйдет.

— Делай, что он говорит, Тамара.

Девушка развернулась и бросилась обратно к машине. Зажав в руке револьвер, Кентон пробежал вдоль насыпи и углубился в рощу. Через несколько шагов остановился и прислушался. Минуту или две не было слышно ни звука, не считая тихого стука капель дождя, падающих с веток. Затем где-то впереди и чуть левее от себя он уловил какое-то движение. Кентон начал осторожно пробираться в сторону звука. И тут вдруг под ногой у него громко хрустнула ветка. Через секунду грянул выстрел, пуля просвистела мимо и угодила в кустарник. Кентон согнулся чуть ли не пополам и продолжил движение. Мужчина выстрелил снова. Кентон замер на месте. А затем через прогалину между деревьями увидел Саридзу. Тот озирался по сторонам, точно загнанный зверь. Кентон приподнял ствол револьвера. В этот момент Саридза вдруг заметил его. Резко вскинул руку. Револьвер сухо щелкнул два раза, но выстрела не последовало. Теперь Кентон отчетливо видел: его противника охватила паника. Саридза бросил револьвер на землю и поднял руки.

— Сдаюсь! — выкрикнул он.

Кентон зашагал к поляне, его палец дрожал на спусковом крючке. Вот глаза их встретились, и журналист понял, что выстрелить не сможет.

Саридза облизнул пересохшие губы.

— Что будете делать? — спросил он.

— Я еще не решил. Пытаюсь придумать хотя бы одну вескую причину, по которой не должен выстрелить в вас. Как вы всего минуту назад попробовали пристрелить меня.

— Вы были вооружены.

— Если бы мы с вами вдруг поменялись местами, вы бы наверняка сказали: «Кончились патроны — что ж, вполне естественно, удача на войне сопутствует лишь одной стороне». Если бы вообще озаботились что-то сказать!

Саридза устало и с отвращением смотрел на него.

— Знаю, вам нужны фотографии. Дайте мне уйти, и вы их получите. Думаю, вполне честная сделка.

— Вы не в том положении, чтобы торговаться. Я вполне могу забрать снимки и у мертвеца. Знаю, о чем вы сейчас думаете. Вообразили, что чем дольше заставите меня говорить, тем труднее мне будет хладнокровно застрелить вас. Но вы забыли об одном обстоятельстве. Я просто не могу позволить вам уйти живым. Майлер наверняка уже покойник. Вы обратитесь в полицию.

Он ожидал возражений. Но, к его удивлению, их не последовало. Напротив, в глазах Саридзы сверкнула насмешливая искорка.

— Судя по всему, вы очень низкого мнения о вашем друге Залесхоффе, если вообразили, что он позволит поймать себя на этом. Да у него наверняка имеется

целая дюжина свидетелей, готовых подтвердить, что вы с ним сегодня вообще не выезжали из Праги.

Кентон приподнял револьвер, и теперь он был нацелен прямо в грудь Саридзы.

— Мне кажется, нет смысла продолжать эту пустую болтовню.

Искорка в глазах Саридзы тотчас угасла. Он побледнел, лицо обрело желтовато-серый оттенок.

— Даю вам ровно полминуты на то, чтобы вытащить снимки из кармана и бросить их на землю, поближе ко мне. Ну, в каком они у вас кармане?

— В правом внутреннем. В пальто.

— Медленно достаньте их левой рукой! Правую поднимите и так держите! Надеюсь, нервы у вас в порядке, потому как если рука дрогнет, сместится хотя бы на дюйм, я стреляю!

Саридза повиновался. К ногам Кентона упал пакет. Не спуская глаз со стоящего перед ним человека, Кентон наклонился и поднял его. Достал фотографии, пересчитал их.

— Здесь только десять. Где остальные пять?

Саридза колебался. Кентон отвел спусковой крючок.

— В левом кармане.

Через несколько секунд на земле лежал второй пакет. Кентон аккуратно пересчитал снимки, затем сунул оба конверта в карман.

— Ладно. Теперь отошел назад, на четыре шага!

Саридза снова повиновался. Кентон шагнул вперед и подобрал с земли брошенный противником револьвер. Затем выпрямился и посмотрел Саридзе прямо в глаза.

— Могу я задать вам один вопрос, мистер Кентон?

— Да?

— Кто освободил вас из камеры на заводе?

— Никто. Мы сами выбрались.

— Преклоняюсь перед вашей гениальностью. Можно еще один вопрос?

— Боюсь, у меня нет времени на эти игры в вопросы и ответы. Кругом!

Саридза развернулся к нему спиной.

Крепко ухватив за ствол подобранный с земли пистолет, Кентон приблизился к Саридзе сзади.

— Один момент, мистер Кентон!

— Ну, что еще?

— Прежде чем вы оглушите меня рукояткой, хотелось бы напомнить о предложении, которое я сделал вам вчера ночью.

— Что дальше?

— Предложение все еще остается в силе, но я, если вы, конечно, передумаете, готов удвоить вознаграждение. Письмо, адресованное мне, где речь идет о

мистере Балтергене из Пан-Евразийской нефтяной компании в Лондоне, всегда меня найдет. Вот, собственно, и все.

Кентон отступил на шаг.

— А ну, еще раз кругом, Саридза!

Тот развернулся. Кентон мрачно взирал на него.

— Знаете что, Саридза, — начал он, — чувство англосаксонского юмора всегда обладало смягчающим воздействием на человечество. Факт общепризнанный. И мне, к сожалению, не чуждо именно такое чувство юмора. А потому можете идти. Пошел вперед! Прочь отсюда! Но предупреждаю, если в ближайшие двадцать четыре часа снова увижу вашу физиономию, пристрелю тут же, на месте!

Саридза молча развернулся и торопливо зашагал среди деревьев. Он даже ни разу не обернулся.

Кентон двинулся обратно к дороге.

За это время Залесхоффу удалось отползти к обочине, и теперь он лежал в грязи, прижимая к ране в боку пропитанный кровью носовой платок. Его лицо было бледным и осунувшимся. При виде Кентона, поднимающегося к нему по насыпи, Залесхофф, слегка приподняв голову, вопросительно-тревожно уставился ему в глаза.

— Что, не удалось?

Вместо ответа Кентон достал из кармана пакеты со снимками и высыпал их содержимое на землю рядом с раненым. Залесхофф лихорадочно пересмотрел фотографии. Затем поднял глаза на Кентона.

— Я слышал выстрелы. Вы его убили?

Кентон отрицательно помотал головой. Минуту русский молчал.

— Жаль, — произнес он наконец. — Но с другой стороны, я рад, что вы этого не сделали. Потом просто вы не смогли бы найти себе покоя!

Кентон покосился на тело Майлера. Оно неподвижно лежало возле груды камней на насыпи.

— С ним что?

— Готов. Спички у вас есть?

Кентон опустился на одно колено, сгреб разбросанные по земле снимки в одну кучку, поднес спичку и поджег. А когда они догорели, растоптал пепел каблуком.

Близился вечер, и уже начало темнеть, когда мадам Смедофф вплыла в гостиную. Кентон дремал на диване, но как только она вошла, сел.

— Ну, как он?

Мадам Смедофф опустила закатанные рукава черного шелкового платья и поправила шаль.

— Немного температурит, но рана не опасная. Пуля прошла навылет прямо под грудной клеткой. Недели через две он уже начнет вставать.

— Может, все же стоит вызвать врача?

Она захлопала ресницами и проказливо улыбнулась.

— Я и есть врач, мистер Кентон. Даром, что ли, училась в Сорбонне?

— О, простите...

— Не стоит извинений, глупый мой мальчик. Лучше ступайте навестите Андреаса Проковича. Ему нужно поспать, но я никак не могла уговорить — он хочет вас видеть. — Она взглянула на него уже без всякого кокетства. — Он несколько растерян. Просил меня поблагодарить вас за то, что вы сегодня для него сделали. Не хочет показаться вам неблагодарным. — И она похлопала Кентона по руке.

Журналист улыбнулся и прошел в спальню.

У постели сидела Тамара. Глаза у нее сияли, нет, они как-то по-особенному светились, чего прежде Кентон никогда не замечал.

Залесхофф приветствовал его слабым взмахом руки.

— Вы только посмотрите на Тамару, — сказал он. — Она счастлива. Давным-давно я не видел ее такой счастливой. А знаете почему? Я сказал ей, что мы едем в отпуск в Москву. Просто не верится!

И он устало смежил веки.

Кентон увидел слезы на глазах девушки.

— Так, значит, какое-то время не будет игр в змеи и лестницы?

Она улыбнулась.

— О чем вы говорите? — слабым голосом пробормотал Залесхофф. — Она сказала вам, Кентон, что сегодня утром Ортегу взяли?

— Да. Как вам это удалось?

— Его нашли у железнодорожных путей. Мертвым.

— Мертвым!

— Он умер той же ночью после убийства Борованского. Рядом с телом лежала предсмертная записка с чистосердечным признанием и пистолет, из которого он застрелился. Он совершил самоубийство.

— Готов сделать снисхождение в связи с ранением, плохим самочувствием и прочее, но ведь не думаете же вы, Андреас, что я поверю во все это?

— Он совершил самоубийство. Он стрелял в себя из этого самого пистолета. Как раз перед тем как мы заставили вас вернуться на Кёльнерштрассе, он пытался сбежать от Рашенко. Это самое настоящее самоубийство.

— Но тогда где он был все это время?

— Я вам уже говорил — в пустой комнате, прямо под квартирой Рашенко. Дело в том, что Рашенко владелец всего дома. И женщина, которая живет прямо под ним, его кузина.

— То есть вы хотите сказать, что позволили полиции открыть на меня охоту, а сами тем временем подчищали за собой? Как делаете это сейчас?

— Я велел вам оставаться у Рашенко. Когда вы появились в Праге, я запросил инструкции у руководства. И мне приказали держать вас при себе — на тот

случай, если вы вдруг вздумаете связаться с газетами или английскими властями. Ну, я так и сделал.

Кентон сглотнул слюну.

— Знаете что, Залесхофф, — медленно начал он, — когда я ставил вас на одну доску с Саридзой и Майлером, которых считал заклятыми своими врагами, я был несправедлив к ним. Вы во многом превосходите их. Во всяком случае, по подлости и коварству.

Залесхофф открыл глаза. Он переводил взгляд с Кентона на сестру и обратно. Затем губы его растянулись в улыбке, и он снова смежил веки.

— Знаешь, Тамара, — сонно пробормотал он, — мне все же нравится этот парень, Кентон. Нет, ей-богу. Он такой забавный!

Два дня спустя Кентон сел на поезд «Прага — Берлин».

Он всласть отоспался, бесчисленное число раз принял ванну, ему выдали новую одежду (при этом Залесхофф проявил удивительную настойчивость и щедрость — наверняка пытался как-то компенсировать все выпавшие на долю Кентона тяготы последних дней). Через Тамару, а затем и мадам Смедофф он же передал Кентону приглашение посетить Москву через два месяца — оно было принято с оптимизмом. Словом, Кентон чувствовал себя превосходно.

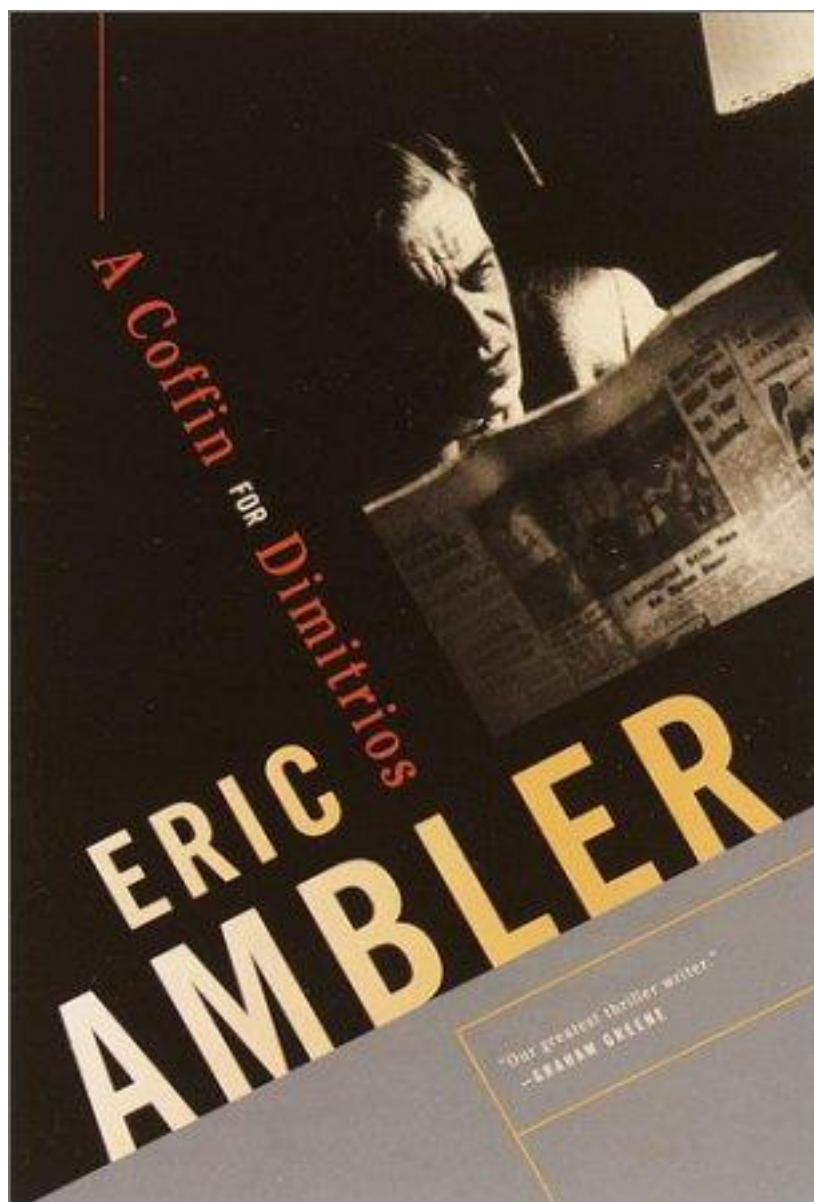
Народу в поезде было довольно много. Журналисту пришлось разделить купе с тремя мужчинами. Один из них, судя по всему, был венгром. Двое других — чехи. Из их разговора Кентон сделал вывод, что все они коммивояжеры. Он начал читать газету, купленную на вокзале прямо перед отъездом.

Поезд медленно отошел от станции. Кентон опустил газету и полез в карман за сигаретами. Венгр встретился с ним взглядом.

— Pardon, мой господин, — начал он, — мы собираемся сыграть партию в покерные кости. Максимальная ставка — всего один пфенниг. Нас трое. Не желаете ли присоединиться?

Кентон колебался. Затем улыбнулся и с сожалением покачал головой.

— Благодарю, мой господин. Вы очень добры. Но в кости я не играю.

Об авторе

Эрик Амблер родился в Лондоне в 1909 г.

Окончив Лондонский университет, работал инженером.

Во второй половине 30-х годов написал несколько книг, которые сразу заставили о себе говорить. Работал сценаристом в Голливуде, причём один из его сценариев получил престижную премию «Оскар». В 50-х годах снова вернулся в литературу. Дважды получал высшую награду Ассоциации детективных писателей «Золотой кинжал».

Роман «Маска Димитриоса» вышел в свет в 1939 г. Творчество Амблера высоко ценили Реймонд Чандлер и Грэм Грин. Выдающийся кинорежиссёр Альфред Хичкок написал предисловие к одному из томов Амблера, в котором назвал роман «Маска Димитриоса» «потрясающим».

Эрик Амблер

МАСКА ДИМИТРИОСА

Неправедный закон забвения властвует над людьми. Не соблаговолив сделать хотя бы запись в книгу вечности, судьба стирает след как достойных, так и недостойных, и даже о Мафусаиле известно только то, что он жил долго.

Сэр Томас Браун «Гидриотафия»⁴⁹

Наваждение начинается

Французский писатель Шамфор⁵⁰, который, к сожалению, известен не так широко, как он того заслуживает, сказал, что провидение обычно выступает под кличкой «случай».

Этот афоризм, противоречивый, как и многие другие, предназначен скрыть тот неприятный факт, что случай играет важную, пожалуй, даже главенствующую роль во всех людских делах. Но не будем придираться к писателю. Безусловно, стечение обстоятельств часто выглядит как непонятная, запутанная цепь причин и следствий, которую мы принимаем за вмешательство провидения.

Пусть же наш рассказ послужит тому примером.

Чарльз Латимер, окончив университет, десять лет преподавал политэкономии. К тридцати пяти годам он стал автором трех научных книг. Первая была посвящена влиянию Прудона на общественную мысль Италии XIX века, вторая называлась «Готская программа 1875 года», в третьей разоблачалась экономическая подоплёка книги Розенберга «Миф XX века». Закончив работу над корректурой последней книги, он начал писать свой первый детективный роман в надежде побыстрее рассеять то мрачное впечатление, которое осталось у него после знакомства с философией национал-социализма и её пророком доктором Розенбергом.

Тираж «Скверного дела» разошёлся мгновенно. Вслед за первой книгой он написал ещё три. Сразу после публикации последнего романа он тяжело

---

⁴⁹ Сэр Томас Браун (1605-1682) — английский врач и писатель (Прим. перев.).

⁵⁰ Себастьян-Рок Никола де Шамфор (1741 — 1794) — французский писатель-моралист, известный благодаря своей книге «Максимы и афоризмы» (Прим. перев.).

заболел, а когда поправился, недолго думая написал заявление об уходе из университета и отправился в Грецию, чтобы погреться на солнце.

Он прожил в Афинах почти год. Здоровье его заметно улучшилось, и по совету одного из своих греческих знакомых он взял билет на пароход, идущий из Пирея в Стамбул. Среди рекомендательных писем у Латимера было и письмо к некой мадам Шавез, владевшей виллой на берегу Босфора. Приехав в Стамбул, он написал ей и получил в ответ приглашение погостить на вилле дня три-четыре.

Клонился к вечеру четвёртый, последний день его пребывания на вилле мадам Шавез Латимер сидел на увитой виноградом террасе и смотрел на поднимавшуюся к вилле дорогу. Вдруг на дороге появился быстро мчавшийся автомобиль, оставлявший за собой облако пыли. Когда он въехал во двор виллы, открылась задняя дверца, и из машины выпрыгнул пассажир.

Он был строен и моложав. Слабый загар как-то особенно подчёркивал седину его волос, которые были подстрижены по-русски, в кружок. Узкое, с впалыми щеками лицо, походивший на клюв нос и тонкие губы придавали ему хищный вид. Ему, наверное, было уже за пятьдесят, и Латимер, отметив явно сшитый на заказ мундир, подумал не может быть, чтобы он обходился без корсета.

Полковник Хаки, так звали офицера, сразу же понравился всем без исключения. Приняв смущённый вид и, по-видимому, пытаясь тем самым внушить гостям, что неожиданное появление полковника безнадёжно её компрометирует, мадам Шавез представила полковника собравшимся минут через пятнадцать после его прибытия. Полковник был сама галантность улыбаясь и щёлкая каблуками, он кланялся, целовал руки дамам, нахально их разглядывая при этом. Зрелище это настолько поразило Латимера, что он сначала не поверил своим ушам, когда было названо его имя. Полковник долго тряс ему руку.

— Чертовски рад встретить тебя здесь, старик, — сказал он.

— Monsieur le Colonel parle bien anglais⁵¹, — пояснила мадам Шавез.

— Quelques mots⁵², — сказал полковник.

— Как поживаете? — спросил Латимер, глядя прямо в светло-серые глаза полковника.

— Ну, пока... лучше всех.

После ужина, когда гости сели играть в карты, полковник подошёл к Латимеру и, взяв его под руку, увёл на террасу.

— Вы должны меня простить, месье Латимер, — сказал он по-французски, — все эти дурачества с женщинами такая чепуха! Поверьте, я приехал сюда только

---

51 — Месье полковник хорошо говорит по-английски (фр.).

52 — Знаю несколько слов (фр.).

ради того, чтобы поговорить с вами. Закуривайте, — сказал он, доставая портсигар.

— Благодарю.

— Пройдёмте в тот конец. Когда мадам сказала, что вы у неё в гостях, я не смог побороть искушения побеседовать с писателем, книги которого я высоко ценю. Я получаю из Парижа все выходящие там полицейские романы. Между прочим, ничего другого я не читаю. Быть может, вы окажете мне честь пообедать со мной на этой неделе. Мне кажется, — заключил он таинственно, — я мог бы быть вам полезен.

Не очень-то понимая, о какой пользе идёт речь, Латимер согласился. Они договорились встретиться в отёле «Пера-Палас» спустя три дня.

Полковник опоздал на двадцать минут и, появившись, тотчас рассыпался в извинениях.

— Давайте сразу выпьем виски с содовой, — сказал он, сев за столик, и приказал подать бутылку «Джонни».

Во время обеда он говорил только о прочитанных детективах: о том, что ему в них нравилось, об их героях, наконец, о том, что он предпочитает убийство из пистолета. Виски было допито, на десерт подали земляничное мороженое. Вдруг он, наклонившись к Латимеру, сказал:

— Мне кажется, месье Латимер, я мог бы помочь вам.

Ещё до встречи у Латимера мелькнуло в голове дикое предположение: не предложит ли ему полковник сотрудничать с турецкой службой безопасности.

— Ну что же, буду вам очень благодарен.

— Вы не поверите, — продолжал полковник, — но у меня была мечта самому написать хороший полицейский роман. Я долго обдумывал его, но время... где взять время, вот в чем вся загвоздка.

Он многозначительно замолчал. Латимер подумал, сколько все-таки людей заблуждается насчёт того, что, будь у них время, они непременно сочинили бы детектив.

— Сюжет у меня давно разработан, — сказал полковник, — и я буду рад отдать его вам — это мой подарок. Вы воспользуетесь им гораздо лучше, чем я.

Латимер пробормотал в ответ что-то весьма невразумительное.

— Дело происходит в Англии, — начал полковник, пристально глядя на Латимера, — в загородном доме одного богача, лорда Робинсона. На уик-энд в доме собрались гости. Вдруг кто-то обнаружил, что лорд Робинсон убит выстрелом из пистолета в висок. Рана, заметьте, контактная. Письменный стол залит кровью. Убийство произошло в тот момент, когда ему оставалось поставить подпись под своим новым завещанием, согласно которому все его имущество должно было после его смерти перейти в руки одного из родственников. По прежнему завещанию имущество лорда делилось поровну между шестью родственниками. Следовательно, — он поднял руку, в которой

была десертная ложка, и ткнул ею в Латимера, — убийство совершено кем-то из пяти. Логично, не правда ли?

Латимер открыл рот, хотел что-то сказать, но не нашёлся и только кивнул головой. На лице полковника сияла торжественная улыбка.

— Вот тут-то и зарыта собака... Дело в том, что никто из подозреваемых к убийству не причастен. Лорда убил дворецкий, потому что тот совратил его жену! Ну как мой сюжет?

— Весьма изобретательный.

Откинувшись на спинку кресла, полковник самодовольно улыбался, разглаживая складку на рукаве кителя.

— Я рад, что вы оценили этот поворот сюжета. Он у меня проработан во всех деталях. Конечно, есть и полицейский комиссар из Скотланд-Ярда. Он, между прочим, соблазнил одну из подозреваемых, очень красивую женщину, и ради её спасения занимается расследованием убийства. Да, кстати, я изложил все на бумаге.

— Вы так меня заинтересовали, — сказал Латимер вполне искренне, — что я хочу почитать ваши заметки.

— Я ждал, что вы это скажете. Как у вас со временем?

— В общем-то мне спешить некуда.

— Тогда давайте заглянем ко мне в офис, и я покажу вам рукопись.

Секунду-другую Латимер раздумывал, принимать или не принимать приглашение. Все-таки увидеть своими глазами кабинет полковника было очень заманчиво. Он сказал:

— Я готов следовать за вами.

Офис полковника помещался на верхнем этаже здания, напминавшего с виду дешёвую гостиницу. Пройдя длинный коридор, они оказались в большой комнате. Полковник, показав жестом на кресло и на пачку сигарет, стал рыться в ящиках письменного стола. Достав оттуда несколько отпечатанных на машинке листов бумаги, он протянул их Латимеру.

— Я назвал эту вещь «Залитое кровью завещание», но, наверное, можно придумать что-нибудь и получше. К сожалению, все хорошие названия уже давно использованы.

Латимер стал читать рукопись. Полковник, сидя на краешке письменного стола, качал ногой. Дважды прочитав рукопись, Латимер, хоть это было ужасно бесовестно, с трудом удержался, чтобы не расхохотаться.

— Сейчас трудно сказать что-нибудь определённое... — начал он, медленно растягивая слова.

— Да-да, конечно. — Полковник слез со стола и сел в кресло. — Но вам, наверное, это может пригодиться?

— Не знаю, как и благодарить вас, — сказал Латимер, не найдя ничего лучшего.

— Какие пустяки. Пришлите мне экземпляр, когда книга выйдет из печати. — Он взялся за телефон. — Сейчас я скажу, чтобы вам отпечатали копию.

У Латимера чуть было не вырвался вздох облегчения. Слава Богу, это не займёт много времени. Поговорив с кем-то по телефону, полковник сказал:

— Простите, но мне придётся заняться делами.

— Не беспокойтесь, я подожду.

Достав толстую папку из манильской бумаги, полковник начал перебирать содержащиеся в ней документы. Какой-то из них его явно заинтересовал. В дверь постучали, и в комнату вошёл секретарь, держа под мышкой тоненькую жёлтую папку, которую он вручил полковнику. Тот, сказав что-то по-турецки, отдал ему рукопись, и секретарь, щёлкнув каблуками, удалился. В комнате воцарилось молчание.

Латимер курил и от нечего делать разглядывал полковника. Тот перелистывал бумаги в жёлтой папке и так углубился в свои мысли, что Латимер не мог не заметить происшедшую в нем перемену: теперь за столом сидел специалист, мастер своего дела. Он чем-то напоминал старого кота, наблюдающего за маленькой, неопытной мышкой. В этот момент полковник, оторвавшись от бумаг, посмотрел на Латимера.

— Я думаю, месье Латимер, вам будет небезынтересно познакомиться с настоящим убийцей.

Досье Димитриоса

Латимер почувствовал, что его лицо заливают краски. Несколько минут назад он с усмешкой профессионала разглядывал полковника, но оказалось, что он всего лишь неопытный любитель. Ему хотелось под землю провалиться.

— Да я бы, — начал он медленно, — не прочь.

— Видите ли, месье Латимер, — криво усмехнувшись, сказал полковник, — убийца в полицейском романе в отличие от настоящего убийцы никогда не производит отталкивающего впечатления. И труп, и подозреваемые, и всеведущий детектив — в романе все должно выглядеть художественно. Только вот беда, настоящий убийца так не выглядит. Это говорю вам я, тоже в какой-то мере полицейский. — Он похлопал ладонью по лежащей перед ним жёлтой папке. — Это досье настоящего убийцы. Заведено двадцать лет назад. Об одном совершённом им убийстве нам известно доподлинно. Что касается других — нет никакого сомнения, что они были, — но о них мы ничего не знаем. Это трус и подлец, на счёт которого — убийства, шпионаж, наркотики. Мало того, он дважды участвовал в подготовке покушений на известных лиц. Оба раза сумел улизнуть, да так, что мы даже не знали, как он выглядит, — в досье нет его фотографии. Хотя нам-то он хорошо известен, да и не только нам: знают его и София, и Белград, и Париж, и Афины. Он был великий путешественник.

— Можно подумать, что с ним покончено.

— Да, он мёртв. Его тело вытащили вместе с сетями рыбаки вчера ночью. Вероятно, он был убит ударом ножа и выброшен в Босфор с какого-нибудь судна.

Он пододвинул к себе жёлтую папку и сказал:

— Итак, Димитриос Макропулос. Кстати, так и не удалось установить, подлинная это фамилия или псевдоним. Родился в Греции, в 1889 году. Младенцем был найден на улице. Родители неизвестны; полагают, что мать румынка. Был усыновлён какой-то семьёй. По паспорту — грек. Ещё в Греции привлекался к уголовной ответственности, но детали, к сожалению, неизвестны. — Полковник оторвался от папки и поглядел на Латимера. — Все это произошло до того, как мы обратили на него внимание. Нам он стал известен по делу об убийстве менялы Шолема, еврея, принявшего мусульманство. Это произошло в Измире в 1922 году, когда город был занят нашими войсками. Меняла прятал деньги у себя дома под половицами. Кто-то перерезал ему горло бритвой, взломал половицы и забрал деньги. Грабежи и убийства во время войны не редкость, но кто-то из родственников Шолема указал коменданту города на негра по имени Дхрис Мохаммед, который сорил деньгами в кафе и хвастался, что теперь, мол, долги отдавать не надо. Негра арестовали, и, поскольку его объяснения были сочтены неудовлетворительными, военно-полевой суд признал его виновным и приговорил к смертной казни через повешение. После приговора он заявил, что, работая на плантации, где собирают инжир, познакомился с неким Димитриосом, который подговорил его убить менялу. Ночью они пришли к нему в дом, и Димитриос зарезал Шолема. Греки пытались бежать на судах, которые стояли в гавани. Очевидно, вместе с ними бежал и Димитриос. Никто, конечно, этому не поверил. Между Грецией и Турцией шла война, и рассказ негра был воспринят как попытка избавиться от петли. Впрочем, среди работавших на плантации был грек по имени Димитриос. Его, кстати, очень не любили другие рабочие, но его так и не нашли. Да и что тут удивительного, если трупы таких димитриосов валялись неубранными на улицах или плавали в гавани! Короче говоря, нефа казнили.

Полковник замолчал. Латимер был поражён тем, что тот ни разу не заглянул в бумаги.

— Просто удивительно — вы знаете все факты наизусть, — сказал Латимер.

— Я был председателем военно-полевого суда. — И полковник опять невесело усмехнулся. — Именно благодаря этому мне удалось разобрать почерк Димитриоса и в других делах. Год спустя я был переведён в органы безопасности. В 1924 году мы раскрыли заговор против газа. Группа религиозных фанатиков покушалась на его жизнь, потому что он незадолго перед этим уничтожил халифат. Разумеется, за этим стояли также «дружественные» нам правительства соседних стран. Не буду утомлять вас деталями, скажу только, что среди агентов, которым удалось бежать, был и Димитриос.

— А что произошло с этим Димитриосом дальше? Каков конец этой истории? Щёлкнув пальцами, полковник сказал:

— Ага! Я ждал, когда вы зададите этот вопрос. И вот мой ответ: у неё нет конца!

— Расскажите же, что было дальше?

— Хорошо. Выяснилось, что грек из Измира Димитриос (кстати, это все, что о нем стало известно софийской полиции) проходил по делу о покушении на премьер-министра Болгарии Стамболийского. Между прочим, вскоре после покушения, в том же 1923 году, разразился путч македонских офицеров. Полиции рассказала о Димитриосе женщина, с которой он был связан. После его исчезновения она получила от него открытку, отправленную из Эдирне. Словесный портрет, полученный софийской полицией, совпадал с описанием Димитриоса, данным Дхрисом Мохаммедом.

Спустя два года мы получили запрос югославской полиции о гражданине Турции по имени Димитриос Талат, разыскиваемом полицией по обвинению в грабеже. Однако один из наших агентов в Белграде сообщил, что на самом деле речь идёт о документах, похищенных из военно-морского министерства, и что Талат обвиняется в шпионаже в пользу Франции. На основании словесного портрета, полученного от белградской полиции, можно было предположить, что это уже известный нам Димитриос из Измира. Примерно в то же самое время нашему консулу в Швейцарии попал в руки паспорт, срок действия которого требовалось продлить. Паспорт был выдан в Анкаре на имя некоего Талата. Это одна из самых распространённых турецких фамилий. Однако в списке паспортов, выданных в то время, паспорта с таким номером не оказалось. Естественно, это была подделка. — Полковник развёл руками. — Вам все ясно, месье Латимер? Вот такой сюжет. Совершенно бессвязный и малохудожественный. Детектива из него не получится, потому что нет ни мотивов, ни подозреваемых — одна грязь.

— И тем не менее он представляет интерес, — возразил Латимер. — Что все-таки произошло с этим Талатом дальше?

— Хотите, значит, узнать, чем все это кончилось, месье Латимер? Про Талата мы больше ничего не слышали. Видимо, паспорт ему больше не потребовался. Но это уже не имеет значения. Теперь Димитриос в наших руках. Жаль, конечно, что только труп, но и это не так уж плохо.

— Вы говорили что-то о наркотиках.

— Ах, да. — Беседа, видимо, начала утомлять полковника. — Димитриос заработал на наркотиках кучу денег. В 1929 году Консультативный кабинет при Лиге Наций по борьбе с контрабандой наркотиков получил меморандум французского правительства, в котором говорилось о захвате полицией большого количества героина на границе со Швейцарией. Полиция устроила засаду и арестовала шестерых человек. Все они принадлежали к одной организации, занимавшейся поставкой наркотиков, а во главе её стоял человек

по имени Димитриос. Судя по количеству захваченного героина, этот человек ворочал миллионами. В конце 1931 года полиция получила анонимное письмо, в котором приводился полный список членов организации и данные о каждом из них, а также сообщались улики, благодаря которым их можно было арестовать. Полиция считала, что это письмо написано самим Димитриосом, который решил таким образом со всем этим развязаться. Как бы там ни было, но в декабре 1931 года вся банда была уже за решёткой. Большинство дало показания: руководитель этой организации, оказывается, спокойно проживал под фамилией Макропулос в 17-м округе Парижа. Разумеется, ни квартиру, ни самого Димитриоса полиции так и не удалось найти.

В комнату вошёл секретарь и остановился возле стола.

— Ага, — сказал полковник, — уже отпечатали. Берите, месье Латимер, она ваша.

Латимер, поблагодарив, взял рукопись и, не удержавшись, спросил:

— Больше о Димитриосе вы уже ничего не слышали?

— Спустя примерно год в Югославии на одного политического лидера было совершено покушение. Покушавшийся утверждал, что пистолет он получил в Риме от человека по имени Димитриос. Как видите, этот грязный тип вернулся к своему старому ремеслу.

— Вы говорили, что в досье нет фотографии. Как вы установили, что это его труп?

— За подкладкой пиджака было зашито удостоверение личности, выданное год назад лионской полицией на имя Димитриоса Макропулоса, человека без определённых занятий. Трудно сказать, что это значит, но, разумеется, там есть его фотография. Французский консул утверждает, что удостоверение подлинное.

Полковник отложил в сторону жёлтую папку и встал.

— Завтра должно состояться дознание, поэтому мне надо обязательно побывать в морге. Я могу подвезти вас до отеля.

Всю дорогу полковник расписывал достоинства «Залитого кровью завещания». Латимер заверил его, что непременно напишет, как будет двигаться работа над книгой. Они обменялись рукопожатием, и Латимер, открыв дверцу, собирался уже выйти из машины, как вдруг что-то остановило его. Волнуясь, он сказал:

— Извините, полковник. Вероятно, моя просьба покажется вам странной, но мне хочется увидеть своими глазами труп этого человека, Димитриоса. Не могли бы вы взять меня с собой? Дело в том, что я никогда в жизни не видел убитого и не был в морге. Вот пишу детективы, а ничего такого не видел — я думаю, надо обязательно посмотреть.

— Дорогой мой, — лицо полковника прояснилось, — разумеется, надо. Кто же пишет о том, чего он никогда не видел. — Он что-то сказал шофёру, и они

поехали дальше. — Быть может, мы вставим сцену в морге в вашу новую книгу. Надо будет все хорошенько обдумать.

Морг представлял собой небольшое здание из рифлёного железа во дворе полицейского участка недалеко от мечети Нури Османа. Их уже дожидался полицейский и, когда они вышли из машины, повёл через двор к моргу. Солнце так нагрело бетонные плиты двора, что Латимеру вдруг расхотелось глядеть на убитого, лежащего внутри раскалённой железной коробки.

Полицейский отпер дверь, и они вошли внутрь. У Латимера было такое ощущение, будто его сунули в печь. Ужасно воняло карболкой. Полковник шёл впереди. Латимер, сняв шляпу, — за ним следом.

Под низким потолком висела мощная электрическая лампочка, бросавшая вниз ослепительно яркий конус света. Справа и слева от прохода стояли четыре высоких стола. Три из них были накрыты брезентом, под которым что-то лежало. Латимер почувствовал, как по его спине и ногам побежали ручейки пота.

— Ну и жара, — сказал он.

— Им теперь все равно, — сказал полковник, кивнув в сторону столов, покрытых брезентом.

Полицейский подошёл к первому из этих столов и сдёрнул брезент. Полковник сделал два шага и склонился над столом. У Латимера ноги будто приросли к полу, но он заставил себя сделать три шага.

На столе лежал невысокий плечистый человек, которому на вид было лет пятьдесят. Латимер с трудом различал черты его лица — они сливались в одну жёлто-серую массу с торчащими над ней чёрными с проседью волосами. Возле ног лежала кучка белья: рубашка, носки, подштанники, цветастый галстук, костюм из голубой саржи, поблекший от морской воды. Рядом стояли сильно покособившиеся узконосые туфли. Никто не догадался закрыть мертвецу глаза, и было неприятно видеть бессмысленно вытаращенные белки. Нижняя челюсть отвалилась, щеки обвисли, толстые губы оттопырились, и Латимер подумал, что он представлял себе Димитриоса совсем иначе. Тот, чей труп лежал на столе, вряд ли был умным человеком, скорее всего рабом своих страстей и привычек. Но ведь лицо умершего сильно меняется...

— По словам доктора, убит ударом ножа в солнечное сплетение, — сказал полковник, — вероятно, был уже мёртв, когда его сбросили в воду.

— Интересно, откуда одежда, которая была на нем?

— Костюм и туфли куплены в Греции, все остальное из Лиона, из самых дешёвых магазинов.

Латимер никак не мог отвести взгляд от того, что лежало на столе. Итак, перед ним труп Димитриоса, того самого Димитриоса, который когда-то перерезал глотку мянеле Шолему. Затем участвовал в покушениях, занимался шпионажем, контрабандой наркотиков и, наконец, был убит так же хладнокровно, как сам убивал других. Одиссея закончилась: Димитриос вернулся в страну, из которой бежал почти двадцать лет назад.

А Европа за эти годы, пережив лихорадку надежд, снова стояла на пороге войны. Сколько за эти годы сменилось правительств, сколько было произнесено речей, сделано предложений! Для многих это были годы изнурительного труда, голода, расстрелов и пыток, годы непрестанной борьбы. Отчаяние сменялось надеждой, люди вдыхали аромат иллюзий, а тем временем токарные станки вытачивали новое оружие. И в это же двадцатилетие припеваючи жил Димитриос, страшный человек, труп которого лежал сейчас в морге. В беспощадном свете лампы труп этот почему-то вызывал у Латимера жалость — любая смерть подчёркивает наше одиночество.

Между прочим, у Димитриоса было много денег, очень много. Куда они подевались? Как пришли, так и ушли? Но вряд ли Димитриос был из тех, кто легко расстаётся с награбленным. Да и что в конце концов известно о нем? Жалкие обрывки информации, причём о промежутках в три-четыре года в досье вообще ничего не говорится. Да, досье перечисляет его установленные преступления, но ведь преступлений должно быть больше и наверняка гораздо более тяжких. Латимеру очень хотелось представить, как Димитриос сидит, как ходит или ест. В Лионе он был год назад, а что было потом? И как он оказался на Босфоре, где его настигла Немезида?

Конечно, полковник Хаки сказал бы, что все эти вопросы к делу не относятся, поскольку, с точки зрения профессионала, дело было закончено. Но ведь остались же, наверное, в живых люди, знавшие Димитриоса: его друзья (есть ли у таких, как он, друзья?), его враги; те, кто с ним встречался в Смирне, в Софии, в Белграде, в Эдирне, в Париже, в Лионе. Да, вероятно, по всей Европе были рассеяны люди, знавшие его. Если с ними встретиться и расспросить, то составитсЯ своеобразная биография Димитриоса.

Сердце у Латимера так и подпрыгнуло. Ну что за дурацкая идея! Придёт же такое в голову! А впрочем, если начинать, то, конечно, сначала надо съездить в Смирну и уже оттуда пройти путь этого человека, пользуясь досье. Получилось бы самое настоящее расследование. Едва ли удастся найти новые факты, но ведь сам процесс поиска мог быть захватывающе интересным. Гораздо интереснее той нуды, которой занимаешься, когда сочиняешь детективы. С другой стороны, только совершенно спятивший человек способен на такой шаг. Но ведь идея сама по себе очень заманчива, и если говорить честно, то в Стамбуле он изнывает от скуки...

В этот момент Латимер поймал взгляд полковника, который, поморщившись, сказал:

— Жара, да ещё этот запах — просто невыносимо. Ну как, вы удовлетворили своё любопытство?

Латимер кивнул. Он обратил внимание, что полковник как-то странно смотрел на труп, точно это была подделка, сделанная им собственноручно, которую придётся теперь здесь оставить. Вдруг он протянул руку и, схватив труп за волосы, посмотрел ему прямо в лицо.

— Большой был мерзавец, — сказал он. — Странная все-таки штука — жизнь. Знаю его почти двадцать лет, но только сейчас встретились лицом к лицу. Жаль, что от мёртвых ничего не добьёшься.

Он разжал пальцы, и голова с глухим стуком ударилась о стол. Полковник достал из кармана носовой шёлковый платок и тщательно вытер пальцы правой руки.

— Чем скорее его закопают, тем лучше, — сказал он и пошёл к выходу.

Год 1922-й

На рассвете 26 августа 1922 года турецкая национально-освободительная армия под командованием Мустафы Кемаль-паши атаковала позиции греческих войск вблизи Думлу-Пунар, в двухстах милях восточнее Смирны. Вечером того же дня разгромленная греческая армия начала отступление на запад, к Смирне. В последующие дни отступление превратилось в беспорядочное бегство. Греки вымещали горечь поражения на турецких мирных жителях: от Алашехра до Смирны дымились развалины, под которыми были погребены старики, женщины и дети. В ряды турецкой армии вливались анатолийские крестьяне, горевшие желанием отомстить грекам за причинённые ими страдания. Трупы турецких мирных жителей стали чередоваться с трупами зверски замученных греческих солдат. Но главным частям греческой армии все-таки удалось бежать на кораблях, стоявших в порту Смирны. 9 сентября 1922 года турецкие войска захватили Смирну.

За эти две недели в городе, в основном населённом греками и армянами, скопилось огромное число беженцев, которые стекались в Смирну, полагая, что греческие войска будут защищать город. Но Смирна оказалась для них ловушкой.

В руки турок попал список членов Армянской лиги обороны Малой Азии, и в ночь на 10 сентября кварталы города, в которых проживали армяне, были заняты вооружёнными отрядами. Они должны были найти и уничтожить членов этой организации. Разумеется, было оказано сопротивление, что послужило сигналом к всеобщей резне. В город ввели войска, которые начали методически истреблять население нетурецких кварталов, не щадя ни стариков, ни детей, ни женщин. Людей вытаскивали из домов, из подвалов и чердаков, где они прятались, и убивали прямо на улице. Церкви, в которых многие пытались найти убежище, обливали бензином и поджигали. Тех, кто пытался бежать из огненного кольца, закалывали штыками. Огонь вскоре перекинулся дальше, и город запылал.

Потом ветер вдруг переменялся, и та часть города, в которой жили турки, оказалась вне опасности. Все остальное, за исключением железнодорожной станции и нескольких домов возле неё, было охвачено пожаром. Несмотря на это, убийства продолжались. Войска, оцепившие город, расстреливали каждого,

кто пытался вырваться из этого ада. Говорят, некоторые особенно узкие улочки были так забиты трупами, что к ним долгое время нельзя было подступиться из-за страшного зловония. Многие пытались спастись вплавь, добравшись до стоящих на рейде кораблей. Стена огня гнала этих несчастных в воду. Говорят, крик стоял такой, что его слышно было на расстоянии двух-трех миль. Утром 15 сентября резня и пожар прекратились. Всего за эти дни погибло сто двадцать тысяч человек. Так гяур Измир (неверная Смирна) расплатилась, по мнению турок, за свои грехи.

Ещё в поезде Латимер пришёл к неопровержимому выводу, что поступил как последний дурак. Во-первых, ему следовало обратиться с просьбой к полковнику Хаки, потому что без его помощи доступ к материалам военного суда над Дхрисом Мохаммедом весьма и весьма проблематичен. Во-вторых, он знал по-турецки всего несколько простых фраз, и даже если бы эти материалы каким-то образом попали в его руки, он не смог бы их прочесть. Короче говоря, отправившись на охоту за призраком (что было нелепой затеей само по себе), он, так сказать, прибыл на место охоты с голыми руками, что уже свидетельствовало об идиотизме охотника.

Если бы не превосходный отель, в котором он поселился, не чудесный вид на залив и выгоревшие под солнцем холмы (их цвет, напоминавший цвет солдатской гимнастёрки, прекрасно гармонировал с цветом моря), да не предложенная самим хозяином отеля, французом, бутылка сухого «Мартини», Латимер, недолго думая, вернулся бы обратно в Стамбул. Так уж и быть, решил он, черт с ним, с этим Димитриосом, побуду в Смирне денёк-другой, и стал распаковывать чемоданы. А на другой день, недовольно пожав плечами, он отправился к хозяину отеля и попросил его найти хорошего переводчика.

Федор Мышкин, маленький, заносчивый человек с толстой, сильно отвисшей нижней губой, начинавшей дрожать, когда он волновался, имел на набережной небольшой офис, обслуживающий капитанов торговых судов и их помощников. Он переводил для них деловые документы, а если требовалось, то был и личным переводчиком. Этим он зарабатывал на жизнь после того, как бежал из Одессы от большевиков в 1919 году. Как ядовито заметил хозяин отеля, этот бывший меньшевик повсюду говорил о своей любви к Советам, однако не спешил возвращаться на родину. Ничтожная личность, быть может, подумаете вы. Тем не менее переводчик он был, безусловно, отличный.

Он разговаривал с Латимером тонким писклявым голосом на очень хорошем английском, правда, часто совершенно не к месту употреблял жаргон.

— Если вам что-нибудь нужно, — сказал он, почёсываясь при этом, — вы только намекните, и это обойдётся вам дешевле дерьма.

— Я хочу просмотреть архивные записи об одном греке, бежавшем отсюда шестнадцать лет назад, в сентябре 1922 года, — сказал Латимер.

От удивления брови у Мышкина полезли вверх.

— В 1922 году? — Он рассмеялся и провёл пальцем по шее. — Да их тогда столько здесь исчезло, что и не сосчитать. Страшное дело, сколько тут турки выпустили греческой крови!

— Этот человек спасся на одном из судов. Звали его Димитриос.

— Димитриос? — вдруг вытаращил глаза Мышкин.

— Да.

— В 1922 году?

— Да-да. — Сердце у Латимера вдруг замерло. — Почему вы так спрашиваете? Вы что-нибудь знаете о нем?

Мышкин, кажется, хотел что-то сказать, но, передумав, отрицательно качнул головой.

— Нет. Я просто подумал, что это очень распространённое имя. Разрешение на просмотр архивов у вас имеется?

— Нет, но я надеялся, что благодаря вашим советам и помощи я смогу его получить. Мне известно, что вы занимаетесь переводами. Я готов хорошо вас отблагодарить.

— Я с удовольствием помогу вам и сегодня же поговорю с одним приятелем. Напрямую говорить с полицией стоило бы кучу денег, полиция — это страшное дело. Кстати, я очень люблю помогать своим клиентам.

— Вы очень добрый человек.

— Ну, какие пустяки. — В лице его вдруг появилось какое-то отсутствующее выражение. — Просто мне нравятся англичане. Они умеют вести дела. Они не базарят, как эти чёртовы греки, и всегда платят столько, сколько с них просят. Если нужен задаток, о'кей, дают задаток. Честная игра — вот их принцип, а это всегда приводит к взаимному удовольствию. Для таких людей стараешься все сделать в самом лучшем виде...

— Сколько? — перебил его Латимер.

— 500 пиастров.

Мышкин старался изобразить детскую неопытность в такого рода делах. В лице его появилось грустное выражение художника, который просит явно меньше, чем на самом деле стоит его работа.

Латимер подумал о том, что пятьсот пиастров, если перевести на английские деньги, не составят и фунта стерлингов, но, заметив, как блеснули глаза его собеседника, когда он назвал эту сумму, непреклонным тоном сказал:

— Двести пятьдесят.

В конце концов сошлись на трехстах (из них пятьдесят — приятелю). Отдав Мышкину задаток в сто пятьдесят пиастров, Латимер ушёл. Выйдя на набережную, он похвалил себя за проделанную работу: уже завтра вечером ему будет известен результат переговоров.

На другой день Латимер ужинал в ресторане, потягивая аперитив, когда к нему привели запыхавшегося Мышкина. С того градом лил пот, отдуваясь, он повалился в кресло.

— Ну и денёк! Ну и жара! — выпалил он.

— Принесли?

Мышкин, кивнув, устало закрыл глаза. С какой-то болезненной гримасой на лице он сунул руку во внутренний карман пиджака и достал оттуда сложенные пополам листы бумаги, соединённые скрепкой. Насмешливый Латимер подумал, что он похож на дипкурьера, который умер сразу же после вручения депеши.

— Что будете пить? — спросил он.

Слова эти произвели на Мышкина действие живой воды: он встрепенулся и сказал:

— Полагаюсь на ваш вкус, но я бы предпочёл абсент.

Подозвав официанта, Латимер сделал заказ и стал просматривать бумаги. Всего здесь было двенадцать написанных рукой Мышкина листов. Латимер полистал их и взглянул на Мышкина. Тот, допив абсент, разглядывал рюмку. Поймав на себе взгляд Латимера, он сказал:

— Абсент уже тем хорош, что даёт ощущение прохлады.

— Может быть, выпьете ещё?

— Если вы не против, — сказал он и, показав пальцем на бумаги, спросил: — Ну как? У вас есть сомнение в их подлинности?

— Ни малейшего. Однако есть некоторые сомнения по поводу дат происходивших событий. Кроме того, нет свидетельства врача о том, в какое время было совершено убийство. Что касается показаний свидетелей, то они мне показались весьма шаткими, так как ни одно из них не доказано.

— А что тут доказывать? — удивился Мышкин. — Совершенно очевидно, что негр виновен, что следовало его повесить.

— Пожалуй. Если вы не возражаете, я немного почитаю.

Мышкин пожал плечами и подозвал официанта. На лице его сияла блаженная улыбка.

Заявление, сделанное Дхрисом Мохаммедом в присутствии начальника охраны и его помощников:

«В Коране говорится, что ложь никому не приносит пользы. Вот почему я хочу засвидетельствовать свою невиновность, хочу рассказать всю правду, как она есть, ибо я правоверный. Нет бога, кроме Аллаха.

Не я убил Шолема, повторяю — не я. Сейчас я не буду больше лгать и все объясню. Его убил не я, его убил Димитриос.

Когда я расскажу вам о Димитриосе, вы мне поверите. Димитриос по национальности грек. Но он говорит, что он правоверный, потому что записан в паспорте как грек по национальности его приёмных родителей, а на самом деле он правоверный. Димитриос работал вместе с нами — мы собирали инжир. Все его ненавидели за злой язык и постоянную готовность взяться за нож. Я люблю всех людей, как братьев, и потому я иногда разговаривал с Димитриосом во время работы, в том числе и о делах веры, и он меня слушал.

И вот, когда к городу подошла победоносная армия правоверных и греки стали спасаться бегством, ко мне домой пришёл Димитриос и попросил спрятать его. Я спрятал его у себя в доме, потому что верил, что он правоверный. Он прятался у меня и тогда, когда наша армия заняла город, а когда выходил на улицу, то одевался, как турок. Однажды он рассказал мне, что у еврея Шолема много денег и золота и что он прячет их у себя дома. Пришло время, сказал он, рассчитаться с теми, кто оскорблял Аллаха и Магомета, пророка его. Эта еврейская свинья, сказал он, прячет под полом деньги, которые она награбила у правоверных. И он предложил мне пойти вместе с ним и, связав Шолема, взять его деньги.

Я сначала испугался, но он убедил меня, сказав, что в Коране говорится: кто борется за дело Аллаха, непременно получит награду, независимо от того — победит или потерпит поражение. Вот я и получил свою награду — меня скоро повесят, как собаку.

Послушайте, что было дальше. Ночью, после комендантского часа, мы пришли к дому, где жил Шолем, и поднялись на крыльцо. Дверь была заперта. Тогда Димитриос стал стучать в неё ногами и кричать, чтобы Шолем открыл нам, потому что мы патруль, который ищет беглеца. Когда Шолем, открыв дверь, увидел нас, он воскликнул: «Аллах!», и попытался закрыть дверь. Но Димитриос ворвался в дом и, схватив Шолема за руки, приказал мне искать половицу, под которой лежат деньги. Он же, вывернув старику руки, оттащил его на кровать и придавил коленом.

Я быстро нашёл выдвигающуюся половицу и пошёл сказать об этом Димитриосу. Он стоял спиной ко мне, упёршись коленом в спину Шолема, которому он обмотал голову одеялом, чтобы заглушить его крики о помощи. Димитриос говорил мне, что он свяжет его, и взял для этого верёвку. Когда он достал нож, я подумал, что он хочет отрезать кусок верёвки, но вместо этого он полоснул Шолема ножом по шее.

Фонтан крови брызнул из раны, и Шолем упал вверх лицом. Димитриос, отойдя от кровати, наблюдал за ним, потом обернулся ко мне. Я спросил, зачем он это сделал, и он сказал, что так было надо, потому что Шолем все равно пошёл бы в полицию и нас выдал. Кровь с бульканьем текла из раны, но Димитриос сказал, что меняла уже мёртв. Потом мы разделили деньги между собой.

Димитриос сказал, что нам лучше выйти из дома порознь. Я очень боялся, что он убьёт меня, ведь у него был нож, а у меня не было. Я так и не понял, зачем я ему вообще понадобился. Он сказал мне, что ему нужен помощник, который будет искать деньги, пока он станет вязать Шолема. Но он, наверное, с самого начала задумал убить ростовщика и, значит, мог бы взять все деньги один. Однако деньги мы разделили поровну. Он ушёл первым. На прощание он мне улыбнулся. Наверное, он бежал, договорившись заранее с капитаном, на одном из греческих судов, которые подбирали беженцев.

Теперь-то я понимаю, почему он улыбался, когда уходил. Он знал, что такие глупцы, как я, получив туго набитый кошелёк, становятся безмозглыми дураками. Он знал — да покарает его Аллах! — что, предаваясь греху пьянства, я забудусь, и мой язык выдаст меня. Верьте мне, я не убивал Димитриоса. (Следовал поток ругательств.) Именем Аллаха и Магомета, пророка его, клянусь, что говорю правду. Аллах милосердный, прости меня».

Далее было написано, что в связи с неграмотностью осуждённого под заявлением стоит отпечаток большого пальца его правой руки. Затем осуждённый ответил на вопросы.

«Когда его попросили рассказать о том, как выглядит Димитриос, негр сказал, что он похож на грека, но ему кажется, что он не грек, потому что Димитриос ненавидит своих соотечественников. Ростом он поменьше его, Дхриса Мохаммеда. Волосы у него длинные и прямые. Лицо спокойное, он почти всегда молчит. Глаза у него карие, с опущенными веками, поэтому он выглядит усталым. Его очень многие боятся, но он, Дхрис Мохаммед, не понимает, почему это происходит, ведь Димитриос совсем не силач, и он мог бы с ним легко справиться один». Здесь следовало примечание, что рост Дхриса Мохаммеда 185 сантиметров...

Однажды друг Латимера, палеонтолог, по нескольким окаменелым остаткам полностью восстановил скелет животного. Работа продолжалась два года, и Латимера поразило несгибаемое упорство друга. Сейчас его энтузиазм стал Латимеру более понятен, потому что перед ним стояла в каком-то смысле похожая задача: используя то немногое, что имелось в показаниях, создать портрет Димитриоса. Несчастный негр, попав в его руки, уже не смог вырваться из этого капкана. Димитриос воспользовался его ограниченностью, его религиозным фанатизмом, наконец, его жадностью. «Мы разделили деньги поровну. Уходя, он улыбнулся. Он не пытался убить меня». Этот негр, который мог с ним легко справиться, не догадывался, почему Димитриос улыбается, а когда наконец догадался, было уже поздно. Да, карие с опущенными веками глаза Димитриоса видели Дхриса Мохаммеда насквозь.

Латимер сложил бумаги и, сунув их во внутренний карман пиджака, посмотрел на Мышкина:

— Я вам должен ещё сто пятьдесят пиастров.

— Правильно, — сказал Мышкин, допил третью рюмку абсента и, поставив рюмку на стол, взял у Латимера деньги. — Вы мне очень нравитесь, — сказал он с самым серьёзным видом, — в вас нет даже следа снобизма. Давайте с вами ещё выпьем, но теперь заказывать буду я. Идёт?

Латимеру очень хотелось есть. Посмотрев на часы, он сказал:

— Мне будет очень приятно, но давайте сначала поужинаем.

— Прекрасно! — Мышкин почему-то поднялся из кресла — причём далось это ему с трудом — и, сверкнув глазами, повторил: — Прекрасно!

Мышкин уговорил Латимера пойти в другой ресторан, где подавались только блюда французской кухни. В ресторане было полно народа и очень сильно накурено. Публика состояла из трех морских и по меньшей мере двух десятков армейских офицеров, каких-то очень неприятных на вид гражданских и всего двух дам. В углу оркестр из трех музыкантов играл фокстрот.

Официант провёл их к свободному столику. Они уселись в красные плюшевые кресла, от которых, как показалось Латимеру, нехорошо пахло. Взяв в руки меню, Мышкин после недолгого раздумья выбрал самые дорогие блюда.

Вино было сладким, как сироп, и почему-то отдавало резиной. Мышкин начал рассказывать Латимеру свою историю. 1918 год, Одесса. 1919 год, Стамбул. 1921 год, Смирна. Большевики. Армия Врангеля. Киев. Женщина, которую называли мясником. Бойни использовались как тюрьмы, потому что тюрьма стала бойней. Ужасная, неслыханная жестокость. Оккупация союзными войсками. Англичане играют в футбол. Американская помощь. Клопы. Тиф. Пулемёт Виккерса. Греки, о Боже правый, эти греки! Обыски — ищут, нет ли где спрятанных золота и драгоценностей. Кемалисты.

Клубился сигаретный дым. Мягкий свет падал на красный плюш, отражаясь в пыльных зеркалах с тусклой позолотой. Аметистовые сумерки давно уже сменила чёрная ночь. Официант подал вторую бутылку вина. Латимер начал клевать носом.

— И вот теперь, после всего этого безумия, куда мы пришли? — вдруг выкрикнул Мышкин.

Его английский постепенно становился все менее и менее понятен. Нижняя губа отвисла и дрожала от избытка чувств. В таком состоянии пьяницы всегда начинают философствовать, подумал Латимер.

— Где мы теперь? — выкрикнул Мышкин опять и стукнул кулаком по столу.

— В Смирне, — ответил Латимер и вдруг почувствовал, что и сам уже сильно нагрузился.

Мышкин возмущённо замотал головой.

— Да нет. Мы постепенно спускаемся в чёртов ад, — заявил он. — Вы не марксист?

— Нет.

— И я нет, — наклонившись вперёд, сказал Мышкин шёпотом, точно это был большой секрет. Он схватил Латимера за рукав. — Я — жулик.

— Неужели?

— Да, — и слезы потекли у него по щекам. — Я ведь, черт меня побери, надул вас.

— Как вам это удалось?

Мышкин начал рыться в карманах.

— Мне нравится, что вы не сноб. Возьмите обратно ваши пятьдесят пиастров. Слезы текли по его лицу и, смешиваясь с каплями пота, падали на стол.

— Я надул вас, мистер. Не было никакого влиятельного лица, и разрешения тоже не требовалось.

— Выходит, вы эти бумаги просто подделали?

— Je ne suis pas un faussaire⁵³, — сказал он и, выпрямившись, в кресле, погрозил Латимеру пальцем. — Этот тип появился здесь три месяца назад. Дав огромную взятку, — тут Мышкин опять погрозил кому-то пальцем, — да-да, огромную взятку, он получил право посмотреть в полицейских архивах все, что касается убийства Шолема. Так как материалы дела были написаны по-арабски, он их сфотографировал и затем отдал мне, чтобы я их перевёл. Конечно, он взял обратно фотокопии, но я зато оставил у себя экземпляр перевода. Теперь вы понимаете, как я надул вас? Я взял с вас лишних пятьдесят пиастров. Тьфу! А ведь мог бы спросить с вас и пятьсот, и вы бы все равно заплатили. Вот какой я добрый.

— Зачем это ему было нужно?

— Не люблю совать свой нос в такие дела. Не моё собачье дело, — сказал он мрачно.

— А как он выглядел?

— Как обыкновенный француз.

Голова Мышкина свесилась на грудь. Минуты через две он поднял голову и, как баран, уставился на Латимера. Лицо Мышкина приобрело синюшный оттенок, и Латимер подумал, что его сейчас вырвет.

— Je ne suis pas un faussaire, — пробормотал он, — триста пиастров дешевле дерьма!

Пошатываясь, он встал из-за стола.

— Excusez moi⁵⁴, — сказал он и чуть не бегом поспешил в туалет.

Подождав немного, Латимер уплатил по счёту и пошёл посмотреть, где Мышкин. Оказалось, что из туалета можно выйти другим путём. Латимер вернулся в отель.

С балкона его номера открывался вид на залив и холмы. Латимер курил последнюю сигарету перед сном и, наверное, в сотый раз спрашивал себя: кто был тот француз, и зачем ему понадобилось дело об убийстве Шолема? Пожав плечами, он бросил сигарету. В конце концов не пора ли оставить эту глупую затею с биографией Димитриоса?!

---

⁵³ — Я не занимаюсь фальсификацией (фр.).

⁵⁴ — Простите (фр.).

Мистер Питерс

На другой день после встречи с Мышкиным Латимер сел за стол и, взяв карандаш, попытался наметить этапы предполагаемого расследования. Вот какая таблица у него получалась:

ВРЕМЯ	МЕСТО	СОБЫТИЕ	ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ
1922, октябрь	Смирна	убийство Шолема	архив полиции
1923 (I-я половина)	София	покушение на Стамболийского	полковник Хаки
1924	Эдирне (Адрианополь)	покушение на Кемаля Ататюрка	->>-
1926	Белград	шпионаж в пользу Франции	->>-
1926	Швейцария	обмен паспорта	->>-
1929-1931(?)	Париж	контрабанда наркотиков	->>-
1932	Загреб	покушение	->>-
1937	Лион	удостоверение личности	->>-
1938	Стамбул	смерть	->>-

Теперь стало ясно, с чего надо начинать. Если Димитриос бежал из Смирны на греческом корабле, то прибыл либо в Пирей, либо в Афины. Из Афин он мог попасть в Софию либо по железной дороге через Салоники, либо морем приплыть в Бургас или Варну, а уж оттуда — в Софию. При этом нельзя, конечно, было миновать Стамбул. Но поскольку Стамбул был оккупирован войсками Антанты, ему здесь ничего не угрожало. Оставался «один важный вопрос: что привело его в Софию?

Итак, логика расследования подсказывала, что надо ехать в Афины. Он отдавал себе отчёт в том, что будет трудно обнаружить следы Димитриоса среди десятков тысяч беженцев. Прошло почти двадцать лет, вероятно, многие записи не уцелели. А может быть, их и вовсе не было. Но если только списки беженцев сохранились, то, воспользовавшись помощью своих влиятельных друзей, он, конечно, получил бы к ним доступ.

Из Смирны в Пирей раз в неделю отправлялся пароход. На другой день Латимер отплыл на нем в Грецию.

В течение сентября и октября 1922 года в Грецию бежало восемьсот тысяч человек. Палубы и трюмы были битком набиты несчастными людьми, оборванными и не евшими уже много дней. У некоторых из них на руках были мёртвые дети. Начались эпидемии тифа и оспы.

Истощённая войной страна испытывала недостаток продовольствия и медикаментов и мало чем могла помочь беженцам. Для них организовали специальные лагеря, смертность в которых была просто ужасающей. А тут наступила зима, и люди теперь гибли ещё и от холода. Четвёртая ассамблея Лиги наций на своей сессии в Женеве проголосовала за то, чтобы выделить Организации спасения, возглавляемой Нансеном, пятьсот тысяч золотых франков для немедленной помощи греческим беженцам. Были организованы посёлки, в которых беженцев снабжали продовольствием, медикаментами и одеждой. Эпидемии полностью прекратились. Впервые за всю историю человечества разум и добрая воля помогли остановить страшное бедствие. Казалось, что животное вида *Homo sapiens* наконец-то задумалось над тем, что такое совесть, и хоть в какой-то мере приблизилось к идеалам гуманизма.

Все это и ещё многое другое рассказал Латимеру его приятель Сиантос в Афинах. Правда, услышав, что Латимер интересуется беженцами, Сиантос сморщил губы.

— Список тех, кто прибыл сюда из Смирны? Довольно трудная задачка. Если б вы видели, что тут тогда делалось... Их было так много, и все в таком ужасном виде... А зачем вам это нужно?

Латимер подумал, что этот вопрос будет постоянно преследовать его. Признаться, что его заинтересовала судьба преступника, ему, откровенно говоря, очень не хотелось. Несомненно, последовали бы сомнения в выполнимости поставленной задачи; у него самого их было в избытке. Та мысль, что появилась у него в стамбульском морге, иногда казалась ему просто абсурдной. И потому он избрал тактику увёрток от существа дела.

— Мне это нужно для моей новой книги. Вы ведь знаете, как важны подробности. Я хочу проверить, можно ли отыскать следы человека через такой большой промежуток времени.

Сиантос сказал, что теперь ему все стало ясно, а Латимер с грустью подумал: писателям прощают всякого рода экстравагантности. Но это вряд ли характеризует их как людей разумных.

Справочное бюро размещалось в комнате с перегородкой, за которой сидел чиновник. Он только пожал плечами, узнав, что Латимеру надо навести справки о некоем Димитриосе Макропулосе, упаковщике инжира, который прибыл в Афины в октябре 1922 года.

— Если этот человек у нас зарегистрирован, то мы его, конечно, найдём. Благодаря организации и терпению можно решить любой вопрос. Прошу вас, пройдите сюда.

Они спустились по каменной лестнице в просторное подвальное помещение, где было множество стоящих друг на друге стальных ящичков.

— Организация, — пояснил чиновник, — в этом весь секрет могущества современного государства. Только благодаря ей мы сможем создать великую Грецию. Но, конечно, сначала надо запастись терпением.

Он прошёл в угол и, вытащив из ящичка карточки, стал перебирать их. На одной он ненадолго задержался.

— Макропулос. Если этот человек у нас зарегистрирован, то мы найдём о нем сведения в ящике № 16. Вот в чем польза организации.

Но в ящике № 16 ничего не оказалось. Чиновник в недоумении развёл руками и ещё раз просмотрел карточки. Никаких сведений о Макропулосе не было. И тут Латимера осенило.

— А что если посмотреть на фамилию Талат?

— Но ведь это турецкая фамилия.

— Да, я знаю, но все-таки давайте посмотрим.

Пожав плечами, чиновник опять прошёл в угол.

— Ящик номер 27, — не слишком стараясь скрыть своё раздражение, объявил чиновник. — А вы уверены, что этот человек прибыл в Афины? Быть может, он оказался в Салониках?

Латимер промолчал, потому что этот вопрос мучил его самого. С замиранием сердца следил он, как пальцы чиновника перебирают карточки. Внезапно тот остановился.

— Ну что, нашли? — выпалил Латимер.

— Действительно, он упаковщик инжира. Только зовут его Димитриос Таладис.

— Позвольте взглянуть, — протянул Латимер руку.

На карточке чёрным по белому было написано: «Димитриос Таладис». Он, Латимер, знал теперь немного больше, чем сам полковник Хаки. И так, Димитриос воспользовался фамилией Талат на четыре года раньше, чем об этом говорилось в досье. Он просто присоединил к ней греческий суффикс. Имелись тут и другие сведения, о которых не знал полковник.

— Можно, я сниму копию?

— Конечно. Только вы должны это сделать у меня на глазах. Таковы правила.

Под бдительным оком апостола организации и терпения Латимер переписал сведения о Димитриосе в свою записную книжку. Вот этот текст:

№ Т 53462

Национальная организация спасения.

Отдел помощи беженцам. Афины.

Пол: мужской. Имя: Димитриос Таладис. Год и место рождения: 1889, Салоники. Род занятий: упаковщик инжира. Родители: вероятно, умерли. Паспорт или личная карточка: карточка, выданная в Смирне, утеряна. Национальность: грек. Время прибытия: 1922, 1 октября. Откуда: из Смирны. Дополнительные сведения: здоров и трудоспособен. Денег не имеет. Приписан к лагерю в Табурии. Выдана временная личная карточка. Примечание: исчез из лагеря 29 ноября 1922 года. Разыскивается полицией по обвинению в ограблении и покушении на убийство. Ордер на арест подписан 30 ноября 1922 года. По-видимому, бежал на одном из судов.

Вручив карточку чиновнику, хвалёное терпение которого явно истощилось, и соответствующим образом отблагодарив его, Латимер вернулся в отель и погрузился в размышления.

В целом он остался доволен собой. Он провёл это расследование терпеливо и настойчиво, как говорится, в лучших традициях Скотланд-Ярда и благодаря своей догадке (что Димитриос взял фамилию Талат) получил новую информацию. Ему очень хотелось послать отчёт полковнику Хаки, но он постеснялся это сделать. Вряд ли полковник оценит его усердие, ведь труп Димитриоса уже зарыт, а досье погребено в архивах службы безопасности. Ну что ж, теперь на очереди София.

Он попытался вспомнить все, что знал о послевоенной политике Болгарии, и вскоре пришёл к выводу, что эти знания весьма незначительны. Он знал, например, что возглавлявший правительство Александр Стамболийский проводил либеральную политику, но не имел ни малейшего понятия, в чем она конкретно выражалась. На него было совершено покушение, а затем Македонский революционный комитет организовал военный заговор. Стамболийскому удалось бежать из Софии. При попытке ликвидации заговора его убили. Но это лишь канва событий. Какие политические силы стояли за всем этим, каковы подробности, очень важные в таких случаях? Нужно ехать в Софию и выяснить все на месте.

Оформив выездную визу из Греции и въездную визу в Болгарию, он взял билет на ночной поезд Афины — София. Пассажиров было не очень много, и он надеялся, что будет в купе один. Однако минут за пять до отхода поезда носильщик втащил в купе багаж, а через минуту появился и пассажир.

— Приношу мои глубочайшие извинения, но я вынужден нарушить ваше одиночество, — обратился он к Латимеру по-английски.

Это был полный, нездорового вида человек лет пятидесяти пяти. Он повернулся, чтобы расплатиться с носильщиком, и Латимеру сразу бросилось в глаза, как смешно сидят на нем брюки — сзади он удивительным образом

напоминал слона. Когда же Латимер разглядел своего попутчика как следует, то забыл об этой смешной черте. У того было сильно опухшее — не то от обжорства, не то от пьянства — лицо с маленькими слезящимися голубенькими глазками, под которыми набухли мешки. Нос был большой, какой-то неопределённой формы, точно резиновый. Наибольшее впечатление производила нижняя часть лица. Бледные распухшие губы кривились в какой-то вымученной улыбке, приоткрывая ослепительно белые вставные зубы. И слезящиеся глаза, и сахарная улыбка придавали лицу такое выражение, будто бы вы имели дело с невинным страдальцем, безропотно сносящим все выпавшие на его долю мучения. Мстительная судьба, обращаясь с ним несправедливо и жестоко, все-таки не уничтожила в нем Веры в доброту человеческую — короче, так мог улыбаться только возведённый на костёр мученик. Этот человек чем-то напомнил Латимеру знакомого священника, который был лишён сана за растрату церковных денег.

— Раз место свободно, — сказал Латимер, — ни о каком нарушении не может быть и речи.

Слушая, как трудно и часто дышит этот человек, Латимер подумал, что он наверняка страдает одышкой и, значит, будет во сне храпеть.

— Как вы хорошо сказали! — воскликнул незнакомец. — В наши дни столько недобрых людей, которые совсем не думают о других! Осмелюсь спросить, далеко едете?

— В Софию.

— Чудесный город, чудесный. А я до Бухареста. Надеюсь, друг другу не помешаем.

Латимер ответил, что тоже надеется на это. Он никак не мог определить кто этот толстяк. По-английски он вроде бы говорил правильно, но с каким-то ужасным вульгарным акцентом, точно рот у него был набит кашей. Кроме того, начав фразу, он, казалось, собирался закончить её на более привычном для него французском или немецком. Видно было, что он учился языку по книгам.

Достав из небольшого чемодана, какой обычно берут с собой в дорогу атташе, пижаму, толстые шерстяные носки и потрёпанную книжку в бумажной обложке, толстяк положил их на верхнюю полку. Латимер заметил, что книжка была на французском и называлась «Жемчужины мудрости на каждый день». Затем толстяк вытащил из кармана пачку тоненьких греческих сигарок.

— Вы не возражаете, если я покурю? — сказал он, протягивая пачку Латимеру.

— Сделайте одолжение. Благодарю вас, но мне сейчас курить не хочется.

Поезд набирал скорость. Латимер снял пиджак и лёг поверх одеяла. Толстяк, взявшийся было за книгу, вдруг отложил её и обратился к Латимеру.

— Когда проводник сказал мне, что я еду вместе с англичанином, я подумал, как это чудесно.

— Вы очень добры.

— Поверьте, я говорю от всей души.

Дым ел ему глаза, и он промокал навёртывавшиеся слезы шерстяным носком.

— Очень глупо делаю, что курю — сказал он, точно жалуясь кому-то — да и глаза у меня очень слабые. Но, видно, Всемогуший так решил, а Он всегда знает, что делает. Быть может, чтобы я лучше воспринимал красоту Его творения, Матери Природы, чтобы я обратил внимание на великолепие её одежд — на деревья, цветы, облака, голубизну неба, на покрытые снегом вершины, на золото заката.

— Вам просто надо носить очки.

— Если бы мне были нужны очки — покачал головой толстяк, — Всемогуший дал бы мне знак. — Он пристально посмотрел на Латимера. — Неужели вы не чувствуете, мой друг, что где-то над нами, рядом с нами, внутри нас есть некая Власть, некая роковая Сила, которая заставляет нас делать те вещи, которые мы делаем.

— Ну, это серьёзный вопрос.

— Мы не понимаем этого только потому, что недостаточно просты и скромны. Чтобы стать философом, не нужно никакого особого образования. Достаточно быть простым и скромным. — Он смотрел на Латимера, и взгляд его излучал простоту и скромность. — Живи и давай жить другим — вот в чем секрет счастья. И оставим Всемогущему право отвечать на те вопросы, которые вне нашего немощного разумения. Мы не в силах бороться против Судьбы. Если Всемогущему угодно, чтоб мы поступали нехорошо, то, значит, Он видит в этом какую-то цель, которая нам не всегда ясна. Если Всемогуший хочет, чтобы кто-то разбогател, а большинство остались бедными, значит, надо безропотно принять Его волю.

В этом месте отрывка прервала его разглагольствования. Подняв глаза вверх, он посмотрел на полку, где стояли чемоданы Латимера. На его лице засияла улыбка.

— Я часто думаю, — заявил он, — сколько появляется пищи для размышлений, когда едешь в поезде. Взять хоть чемодан. Какое сходство с человеком! Ведь мы тоже на жизненном пути приобретаем множество наклеек. Наклейки — это то, какими мы хотим казаться, но ведь главное — какие мы внутри. И как часто, — тут он в отчаянии замотал головой, — как часто чемодан не содержит ничего чудесного. Вы ведь не будете спорить со мной?

Латимера давно тошнило от его речей. Он выдал из себя:

— А вы очень хорошо говорите по-английски.

— Английский — чудесный язык Шекспир, Герберт Уэллс — у вас есть великие писатели. Но я не могу полностью выразить все свои мысли по-английски. Вы, должно быть, заметили, что мне гораздо ближе французский.

— Но ваш родной язык?

Толстяк развёл руками, и на правой руке блеснуло кольцо с алмазом.

— Я гражданин мира, — ответил он, — для меня все страны, все языки прекрасны. Если бы только люди могли жить, как братья, без ненависти и с верой в Чудесное. Но нет! Всегда найдутся коммунисты и так далее. Очевидно, такова уж воля Всемогущего.

— Кажется, я засыпаю, — сказал Латимер.

— Сон! — подхватил толстяк. — Это великая милость, дарованная нам, людям. Меня зовут, — сказал он без всякой связи с предыдущим, — мистер Питерс.

— Мне было очень приятно познакомиться с вами, мистер Питерс, — ответил ему Латимер довольно сухо. — Мы прибываем в Софию очень рано, поэтому я не буду раздеваться.

Он выключил верхний свет в купе, оставив гореть лишь синюю лампочку над входом да два ночника, и залез под одеяло.

Мистер Питерс следил за его действиями с какой-то непонятной грустью, потом начал раздеваться. Балансируя на одной ноге, надел пижаму и забрался на свою полку. Минуты две он лежал неподвижно, тихо посапывая, потом повернулся на бок и, достав книжку, начал читать. Латимер выключил свой ночник и закрыл глаза. Через минуту он крепко спал.

Поезд прибыл на границу ещё до рассвета, и Латимера разбудил проводник. Мистер Питерс все ещё читал. Очевидно, его бумаги пограничники просмотрели в коридоре, и Латимер с сожалением подумал о том, что так и не узнал, к какой же национальности принадлежит сей гражданин мира. Сон был сломан, и Латимер, подремав ещё немного, открыл глаза. За окном слабо серело утро. Поезд прибывал в Софию в семь. Латимер начал собирать вещи. Мистер Питерс погасил ночник и закрыл глаза. Когда поезд загромыхал на стыках, Латимер тихо открыл дверь купе.

Мистер Питерс вдруг повернулся на другой бок и посмотрел на него.

— Простите, что разбудил вас, — сказал Латимер.

В серой полутьме купе улыбка на лице толстяка показалась Латимеру клоунской маской.

— Напрасно беспокоитесь, — сказал он, — я все равно не спал. Я только хотел сказать вам, что лучше всего остановиться в отёле «Славянская беседа».

— Благодарю за совет, но я уже заказал по телефону номер в «Гранд-Палас». Мои друзья рекомендовали мне именно этот отель.

— Это очень хороший отель. — Поезд начал тормозить. — До свидания, мистер Латимер.

— До свидания.

Как и любому пассажиру, Латимеру очень хотелось поскорее добраться до отеля, принять ванну, позавтракать, и только потом он задумался над тем, каким образом мистеру Питерсу стала известна его фамилия.

Год 1923-й

Латимер много думал над тем, что ему нужно будет сделать в Софии. В Смирне и в Афинах все сводилось к тому, чтобы получить доступ к документам. С этой работой легко мог справиться любой достаточно компетентный работник сыскного агентства. Здесь все было иначе. Очевидно, софийская полиция знала о Димитриосе, но, как верно заметил полковник Хаки, лишь немного. Только после запроса полковника полиции удалось разыскать женщину, знавшую Димитриоса, и получить от неё сведения о нем. Познакомиться с документами из архива полиции было интересно главным образом потому, чтобы выяснить, чего не знала полиция. Латимер вспомнил слова полковника, что при расследовании покушений важно найти не того, кто стрелял, а тех, кто субсидировал покушение. Латимер очень сомневался, что полиция додумалась до этого.

Первое, что предстояло ему выяснить: кому было выгодно убийство премьер-министра Александра Стамболийского. Только получив хоть какую-то информацию, можно было строить предположения о роли Димитриоса в этом деле.

Во второй половине дня Латимер отправился к Марукакису, корреспонденту французского агентства, рекомендованному ещё в Афинах Сиантисом. Тот оказался смуглым, поджарым брюнетом с умными, слегка выпученными глазами. Иногда по его губам пробегала ироническая усмешка, точно Марукакис сожалел о своей излишней откровенности. Он беседовал с Латимером тем вежливым тоном, каким обычно ведутся переговоры о вооружённом перемирии. Разговор шёл на французском.

— Какая информация вас интересует, месье?

— Мне бы хотелось, чтобы вы рассказали о событиях, происходивших в 1923 году и связанных с покушением на Стамболийского.

— Вот как? — удивился Марукакис. — Это было так давно, что мне придётся напрячь память. Я буду рад помочь вам. Но вам придётся немного подождать, ну, скажем, часок-другой.

— Если бы вы согласились поужинать со мной сегодня вечером в отёле, где я остановился, я был бы просто счастлив.

— А где вы остановились?

— Отель «Гранд-Палас».

— Я знаю место, где готовят лучше и ужин обойдётся намного дешевле. Если хотите, я найду за вами в восемь вечера. Вы не возражаете?

— Разумеется, нет.

— Очень хорошо. Тогда встретимся в отёле. До свидания.

Он появился минута в минуту. Выйдя из отеля, они прошли по бульвару Марии-Луизы, потом вверх по Алабинской и затем свернули в узкую боковую

улочку. Не доходя шагов десяти до лавки зеленщика, Марукакис вдруг остановился и, немного смутившись, обратился к Латимеру:

— Несмотря на неказистый вид, кормят здесь очень хорошо. Но, может быть, вам хочется пойти в другое место?

— Нет-нет, я целиком полагаюсь на вас.

Марукакис с облегчением вздохнул.

— Ну что ж, с вашего позволения, — сказал он и толкнул дверь лавки. Где-то внутри мелодично прозвенел колокольчик.

Пройдя по коридору, они вошли в небольшой зал, где стояло всего пять столиков. Два из них были заняты — несколько мужчин и женщин, громко чавкая, ели суп. Когда они сели за один из свободных столиков, к ним подошёл усатый официант в белой рубаше и зеленом переднике и что-то долго говорил по-болгарски.

— Заказ придётся делать вам, — сказал Латимер Марукакису.

Выслушав заказ, официант подкрутил усы и, подойдя к проёму в стене, что-то крикнул.

— Я заказал водку, — сказал Марукакис. — Думаю, она вам понравится.

Официант вернулся с бутылкой и наполнил рюмки.

— Ваше здоровье, — сказал Марукакис. — Ну, а теперь я хочу быть с вами откровенным. — Он поджал губы, нахмурился. — Терпеть не могу, когда хитрят и что-то пытаются скрыть. Я ведь грек, а греки сразу чувствуют, где ложь. От письма, которое вы мне вручили, так и несёт ложью. Но это ещё полбеды, а вот предположение, что вам это нужно для полицейского романа, просто оскорбительно для умного человека.

— Прошу меня простить, — сказал Латимер, смутившись, — но я не решился сообщить подлинные причины, которыми обусловлен мой интерес к этой информации.

— Последний человек, с которым я поделился информацией по этому вопросу, — сказал Марукакис мрачно, — писал что-то вроде справочника по европейской политике для американцев. Прочитав то, что он написал, я чувствовал себя больным целую неделю. Вы, конечно, понимаете, что речь идёт о моем духовном здоровье. Книга самым гнусным образом извращала факты.

— Я не собираюсь писать книгу.

Марукакис расхохотался.

— Вы, англичане, такой стеснительный народ. Послушайте! Давайте договоримся: вы получите нужную информацию, а я узнаю подлинные причины. Идёт?

— Идёт.

— Очень хорошо.

Официант принёс суп. Суп был густой, пряный, щедро забелённый сметаной. Латимер ел суп и слушал рассказ Марукакиса.

В тяжело больном обществе престижные посты достаются не тем, кто, подобно проницательному врачу, поставит правильный диагноз, а тем, кто ведёт себя у постели умирающего самым тактичным образом. В таком обществе невежественное большинство обычно наделяет властью какую-нибудь посредственность. Впрочем, политическим влиянием может обладать также либерально мыслящий лидер партии, вступивший в конфликт с доктринами и экстремистами. Независимо от того, победят ли доктринёры или экстремисты, такой правитель обречён быть либо символом ненависти для тех и других, либо умереть мученической смертью.

Именно такая судьба выпала Александру Стамболийскому, лидеру аграрной партии, занимавшему посты премьер-министра и министра иностранных дел. Из-за внутренних разногласий аграрная партия не смогла дать отпор организованной реакции и исчезла с политической арены, так сказать, не произведя ни единого выстрела по своим противникам.

Все началось, когда в начале января Стамболийский вернулся в Софию из Лозанны, где проходила международная конференция. 23 января 1923 года правительство Югославии (тогда ещё Сербии) обратилось к болгарскому правительству с нотой протеста, в которой указывало на неоднократные нарушения югославской границы вооружёнными отрядами так называемых комитаджи. Не прошло и двух недель, как в Софии на торжестве, посвящённом открытию Национального театра, в ложе членов правительства взорвалась бомба. Несколько человек были тяжело ранены.

Правительство Александра Стамболийского с самого начала намеревалось установить и поддерживать с Югославией дружественные связи. Югославская сторона с пониманием отнеслась к этому. Однако такое положение дел не устраивало македонских националистов, добивавшихся автономии. Во главе их стоял так называемый Македонский революционный комитет, хорошо известный как в Болгарии, так и в Югославии. Националисты понимали: улучшение отношений может привести к тому, что правительства обеих стран предпримут совместные действия против них. Они старались любыми средствами разрушить эти связи и уничтожить своего главного врага — Стамболийского. Нарушения границы и взрыв бомбы в театре были сигналом к началу вооружённой борьбы.

8 марта правительство объявило о роспуске Народного собрания и о своём намерении провести общенациональные выборы в апреле. Это был смелый шаг, направленный на то, чтобы ослабить влияние всех реакционных партий. Крестьяне единодушно поддерживали правительство аграриев, и выборы должны были ещё больше укрепить влияние аграрной партии в Народном собрании. Именно в этот момент в партийную кассу Македонского революционного комитета поступила значительная сумма.

И тотчас же в Гасково, во Фракии, была предпринята попытка убить Стамболийского и находившегося вместе с ним министра железных дорог

Атанасова. Полиции удалось схватить террористов в самый последний момент. В этой обстановке было решено отложить проведение выборов.

4 июня софийская полиция раскрыла заговор. Террористы намеревались убить не только Стамболийского, но и военного министра Муравьёва и министра внутренних дел Стоянова. В перестрелке убили офицера, которому, как стало потом известно, было поручено убить Стамболийского. Группу заговорщиков составляли молодые офицеры, члены Македонского комитета, однако полиции не удалось их арестовать.

Положение становилось угрожающим. Руководство аграрной партии могло проконтролировать события, раздав оружие поддерживавшим его крестьянам. Оно же вместо этого перераспределяло посты, полагая, что Македонский комитет, эта маленькая банда террористов, не в состоянии свергнуть правительство, поддерживаемое миллионами крестьян. Руководству аграрной партии почему-то не приходило в голову, что террористическая деятельность националистов всего лишь дымовая завеса, цель которой скрыть подготовку реакционного переворота. Эта близорукость дорого обошлась аграриям.

Несколько дней все было тихо. Однако в ночь на 9 июня все члены правительства Стамболийского, кроме него самого, были арестованы, и в стране ввели военное положение. Произошёл переворот, которым руководили реакционеры Цанков и Русев, никак не связанные с македонскими националистами.

Стамболийский пытался силами крестьян организовать вооружённое сопротивление, но было уже поздно. Спустя две недели после переворота он был арестован вместе с группой своих сторонников и затем погиб при весьма загадочных обстоятельствах.

— Вам известно, кто внёс деньги в фонд Македонского комитета? — спросил Латимер, выслушав рассказ Марукакиса.

— Разные ходили слухи, — усмехнулся он, — и было много всяких предположений. Но мне кажется, что деньги были перечислены тем самым банком, на счёту которого находились партийные фонды. Это так называемый Евразийский кредитный трест.

— Как вы думаете, не мог банк перечислить эти деньги, взяв их со счета какой-либо другой партии?

— Нет, я так не думаю. Перечисленная сумма была взята из фондов самого банка. Мне удалось установить: при экономической политике правительства Стамболийского банк сильно пострадал в результате повышения курса лева. В течение первых двух месяцев 1923 года курс лева по отношению к фунту стерлингов вырос вдвое: с восьмисот до четырехсот левов за фунт. Поэтому банки терпели значительные убытки на краткосрочных ссудах. Евразийский кредитный трест, конечно, не мог с этим мириться.

— Что представляет собой этот банк?

— Зарегистрирован в Монако и поэтому не платит налоги в тех странах, где имеются его филиалы, и не сообщает данные о текущих счетах. В Европе довольно много таких банков. Между прочим, правление находится в Париже, а большинство своих финансовых операций банк проводит на Балканах. Интересно, что банк финансирует подпольный бизнес: производство и транспортировку героина из Болгарии.

— Мог банк финансировать заговор Цанкова?

— Вполне возможно. Во всяком случае, банк способствовал созданию обстановки, в которой стал возможен заговор. Ни для кого не секрет, что покушение на Стамболийского и Атанасова в Гаскове совершили иностранные гангстеры, которым хорошо заплатили. Поговаривали, что только благодаря тому, что нити тянулись за границу, не удалось до конца раскрыть это преступление.

— А что вам известно о пребывании Димитриоса в Болгарии? — спросил Марукакис.

— Очень мало. Как я уже говорил, он, по-видимому, играл роль связного в покушении на Стамболийского. Софийская полиция знала о его существовании, потому что по запросу турецкой службы безопасности полицейские допрашивали знакомую Димитриоса.

— Если она жива и никуда не уехала, с ней надо будет обязательно встретиться.

— Да, хорошо бы. Дело в том, что ни в Смирне, ни в Афинах мне не удалось побеседовать с теми, кто мог видеть Димитриоса живым. Но, к сожалению, я не знаю, как зовут эту женщину.

— Полиция наверняка знает. Если хотите, я наведу справки. Вы же не читаете по-болгарски, и к тому же архив полиции для вас недоступен. Я совсем другое дело. Я ведь аккредитованный журналист и имею вполне определённые привилегии. — Он усмехнулся. — Кроме того, пусть это глупо выглядит, но ваше расследование заинтриговало меня.

Они остались в ресторане одни. Официант подрёмывал на стуле, положив ноги на стол.

— Ну, пора уходить, — сказал Марукакис, вздохнув. — Надо разбудить его и заплатить за ужин.

Латимер приятно проводил время: побывал в картинной галерее, осмотрел памятник Александру II, пил кофе, гулял и даже взобрался на Витошу, у подножия которой расположена София. Все это время он старался думать не о Димитриосе, а о своей новой книге, но заметил, что это ему почти не удаётся. Письмо Марукакиса полностью вытеснило из его головы все мысли о романе. Вот что он писал:

Дорогой Латимер!

Как я и обещал, прилагаю к письму конспект сведений о Димитриосе Макропулосе, которые мне удалось получить в полиции. Как вы можете убедиться, они далеки от полноты. Не знаю, смогу ли я разыскать ту женщину, — это будет зависеть от моих друзей — полицейских. Думаю, увидимся завтра вечером.

С глубоким уважением

Н.Марукакис

Архив полиции. София. 1922-1924 годы

Димитриос Макропулос.

Национальность: грек. Место рождения: Салоники. Год рождения: 1889. Род занятий: упаковщик инжира. Прибытие: Варна, 22 декабря 1922 года, на итальянском пароходе «Изолла Белла». Паспорт или личная карточка: удостоверение личности, выданное комиссией помощи беженцам, № Т 53462.

Во время проверки документов в кафе Спетци по улице Перотской 6 июня 1923 года находился в компании с некой Ираной Превезой, гречанкой. Полиции известно о связях Д.М. с иностранными преступниками. Согласно приказу от 7 июня 1923 года подлежал депортации. Освобождён из-под стражи в связи с просьбой и поручительством А.Вазова 7 июня 1923 года.

В сентябре 1924 года турецкое правительство обратилось с просьбой сообщить ему все, что известно болгарской полиции об упаковщике инжира Димитриосе, разыскиваемом по обвинению в убийстве. Только через месяц удалось установить, что речь идёт о Д.М., данные о котором приведены выше. Ирана Превеза сообщила на допросе, что получила от Д.М. открытку из Адрианополя (Эдирне). Вот его описание, полученное с её слов:

«Рост: 182 см. Глаза: карие. Лицо: смуглое. Волосы: чёрные, прямые. Приметы: отсутствуют».

Далее рукой Марукакиса было приписано:

«NB. Обычные для полиции данные. Есть сведения, что существует второе, секретное досье, доступ к которому невозможен».

Латимер вздохнул. Вероятно, в этом секретном досье о событиях 1923 года и об участии в них Димитриоса говорилось более подробно. По-видимому, о Димитриосе власти знали гораздо больше, чем было сообщено турецкой полиции.

Впрочем, теперь появились новые, очень интересные детали. Взять хоть личную карточку — ведь она была выдана Димитриосу Таладису. Теперь она принадлежала Димитриосу Макропулосу. Очевидно, это превращение произошло на борту парохода «Изолла Белла». Интересно, сам Димитриос занялся трудным ремеслом подделывания документов или воспользовался услугами специалистов?

Или взять хотя бы эту женщину, Ирану Превеза! Её надо обязательно найти, потому что она является своеобразным ключом к дальнейшему расследованию. Придётся просить Марукакиса, чтобы он занялся этим. Вероятно, Димитриосу она была нужна как переводчица, потому что он не знал болгарского.

«Известно о связях с иностранными преступниками» — звучит весьма туманно. О каких преступниках идёт речь? Какой они национальности? И что имеется в виду под связями? А разве не интересна такая деталь: предполагалось депортировать Димитриоса буквально за два дня до заговора Цанкова? Что, если полиция считала Димитриоса одним из возможных участников покушения в эти критические дни? А кто этот А.Вазов, столь любезно пришедший Димитриосу на помощь? Как тут не огорчиться, если ответы на эти вопросы, вероятно, имеются в секретном досье?

Что касается описания внешности, то оно, как все полицейские описания, с успехом подходило к любому из ста тысяч. Латимеру же нужен был портрет, написанный рукой художника. Что ж, он, Латимер, попытается из этих жалких полицейских заметок создать свой портрет Димитриоса. Кстати, негр, чувствовавший на своей шее петлю, создал образ вполне реального человека. Этого не скажешь, читая описание женщины. Вероятно, она давала показания какому-нибудь полицейскому, который орал на неё: «Попробуй только соврать! Говори, какой он из себя? Рост? Цвет глаз? Какие у него волосы? Ты ведь была близка с ним. Это нам известно. Выкладывай все, что о нем знаешь...»

Латимер вдруг вспомнил сказанную полковником фразу о людях «в правительствах соседних стран», которым не нравился Кемаль Ататюрк. А что если А.Вазов и кто-то ещё из Евразийского кредитного банка? Ведь если они хотели убить Стамболийского, то могли попытаться убить и гази на том же основании. Быть может, Димитриос...

Но тут Латимер вынужден был прервать свои размышления. В них нет никакого смысла до тех пор, пока они не будут подтверждены секретными документами.

Вечером ему позвонил Марукакис.

— Вам удалось что-нибудь выяснить в полиции? — спросил Латимер.

— Да. Я расскажу все завтра вечером. До свидания.

Чем ближе стрелка часов подходила к шести вечера, тем беспокойней было на душе Латимера. Он вёл себя как юноша, ожидающий результатов вступительных экзаменов: они давно сданы, но итоги будут объявлены только сегодня, и это и пугает, и раздражает, и в то же время создаёт какие-то иллюзии. Увидев Марукакиса, он попытался изобразить улыбку.

— Спасибо вам за все ваши хлопоты.

Марукакис только махнул рукой.

— Не стоит благодарности, мой друг. Я ведь говорил вам, что вы меня заинтриговали. Может, пойдём опять на старое место? Там нам никто не помешает.

В продолжение всего ужина Марукакис рассуждал о позиции скандинавских стран в случае большой войны в Европе. Когда подали чай, Латимер посмотрел на него такими глазами, какими, наверное, смотрел на свою жертву убийца в одном из его романов.

— Ну а что касается вашего Димитриоса, — наконец-то обрадовал Марукакис Латимера, — то теперь я знаю, где найти Ирану Превеза. Кстати, это оказалось совсем нетрудно. Полиции она хорошо известна.

У Латимера учащённо забилося сердце.

— Где? — выдохнул он.

— Всего в пяти минутах ходьбы отсюда. Ей принадлежит заведение под названием «La Vierge St. Marie», обычный Nachtlokal.

— Nachtlokal? — переспросил Латимер, не понимая.

— Если хотите, — усмехнулся Марукакис, — можно назвать это ночным клубом.

— Понятно.

— Я навёл справки и о Вазове. Он был адвокатом.

— Был?

— Он умер три года назад. Оставил после себя кучу денег. Все досталось его племяннику из Бухареста. Здесь у него родственников не оказалось. Каким образом он вписывается в эту картину?

Немного смущаясь, Латимер высказал свои предположения.

— Возможно, вы и правы, — сказал Марукакис, нахмурившись. — Сказать что-либо трудно, потому что, как вы верно заметили, доказательства отсутствуют. Известно только, что Кемаль Ататюрк был против банкиров, особенно иностранных, и совершенно не доверял им. Он ни разу не обратился к ним за помощью, а для них это как пощёчина. И напрасно вы смущались, мой друг. Ваше предположение может оказаться верным. Международный большой бизнес помогал многим переворотам, если этого требовали его интересы. Покушение? А почему бы нет, если это выгодно бизнесу. Конечно, не в Париже, Лондоне или Нью-Йорке. О нет! И, разумеется, убийца не присутствует на заседании совета директоров. Делается это примерно так. Кто-то из присутствующих говорит: «Хорошо было бы, если бы этот негодяй, который мешает мирному развитию и процветанию экономики, вдруг исчез». Только и всего — ни к чему не обязывающее пожелание. Однако специальный человек, который занимается исполнением такого рода пожеланий, наметит цель, не говоря уж о средствах, разработает планы и инструкции. Бизнесу необходима удача, и если фортуна оказалась забывчивой, надо подтолкнуть её, чтобы она помнила о своих обязанностях.

— Так вот какова роль Димитриоса!

— О, нет! Я так не считаю. Это тот, кто подталкивает Фортуны, большой человек, знакомый со всеми видными людьми, очень вежливый человек, у него дети, дом, красавица жена, солидный капитал в самых надёжных банках.

Правда, ему приходится иногда отлучаться в командировки, о которых друзья предпочитают не расспрашивать. На дипломатических приёмах он появляется во фраке с иностранными орденами. Но этот человек знаком также и с такими людьми, как Димитриос, с теми, кто готов пойти на уголовное преступление, со всякими отбросами общества. Этот респектабельный человек утверждает, что он вне политики, и это так, потому что его политика — это интересы чистогана. Он убеждён, что выживает всегда сильнейший, а слабый должен умереть, так и не став сильным, что закон джунглей управляет отношениями людей в обществе. Вот его евангельские заповеди. Таких людей пруд пруди, они есть в каждом городе, потому что без них большой бизнес не может существовать. И хотя большой бизнес пользуется чернилами для своих операций, вся его история написана кровью, кровью людей!

Последние слова он произнёс, ударив кулаком по столу. Латимер, как и почти все англичане, очень не любил риторику и резкие жесты и от смущения не знал, куда деться.

— Вы говорили удивительно красноречиво, — заметил он. — Вам не кажется, что вы немного преувеличиваете?

Марукакис сначала вытаращил на него глаза, потом улыбнулся.

— Конечно, преувеличиваю. Но приятно иногда поговорить в таком обличительном тоне, если всю жизнь говоришь обиняками. Кстати, я не так уж сильно преувеличиваю. Можете мне поверить, такие люди и здесь имеются. Один из них был членом совета директоров Евразийского кредитного треста. Звали его Антон Вазов.

— Вазов!

Грек довольно рассмеялся.

— Хотел сделать вам сюрприз, но так и быть — пользуйтесь моей добротой. Я просмотрел старые отчёты и узнал, что Евразийский кредитный трест был зарегистрирован в Монако лишь в 1926 году. А до этого момента он выпускал отчёты о своей финансовой деятельности. Моя задача состояла в том, чтобы найти их.

— Но ведь это страшно важно. Неужели вы не понимаете...

Марукакис перебил его, подозвал официанта и рассчитался за ужин.

«La Vierge St. Marie» находился на улице, идущей от церкви Света неделя. Латимер, конечно, не мог не подивиться этому странному соседству. Улица была узкой, довольно крутой и практически неосвещённой. Ему сначала показалось, что улица спит, но тишину изредка нарушали то звуки музыки, то смех, когда кто-нибудь выходил из дома. Они встретили двух мужчин, куривших сигареты. Кто-то шёл за ними следом, потом хлопнула дверь, и шаги затихли.

— Посетителей пока мало, — заметил Марукакис, — рано ещё.

Большинство дверей были стеклянными. На стекле крупными цифрами был выведен номер дома, но гораздо чаще было что-нибудь написано: «Вундербар», «О-кей», «Джими-бар», «Стамбул», «Торквемада», «Витоша», «Le Viol de

Lucrece» и, наконец, на вершине холма «La Vierge St. Marie». Они на секунду задержались у двери. Дверь была обшарпанная, и Латимер почему-то проверил, где у него бумажник. Марукакис толкнул дверь, и они вошли.

Узкий коридор, стены которого выкрашены красной темперой, был застлан ковром. Где-то вдали играл оркестр с солирующим аккордеоном. В конце коридора — небольшой гардероб. На вешалках висело несколько плащей и шляп. Видимо, услышав шаги, за барьером появился бледный человек в белой куртке, приветствовавший их: «Добрый вечер, месье». Взяв у них плащи и шляпы, он широким жестом указал направо, откуда доносилась музыка. Над спускающейся вниз лестницей сияла надпись: «Бар — Дансинг — Кабаре».

Они оказались в довольно большой комнате с низким потолком. Две девушки, вероятно, танцовщицы из кабаре, кружились под музыку.

— Ещё рано, — опять сказал Марукакис, словно это его не устраивало, — но скоро здесь будет веселее.

К ним подошёл официант, провёл к одной из кабинок и через минуту поставил на стол бутылку шампанского.

— Вам денег не жалко? — спросил Марукакис. — Между прочим, это пойло стоит двести левов.

Латимер не возражал: в конце концов двести левов составляли только полфунта. Оркестр вдруг замолчал, и девушки остановились. Они подошли к кабинке, где сидели Латимер и Марукакис. Одна из них пристально посмотрела на Латимера. Тогда Марукакис что-то сказал, и они, пожав плечами, улыбнулись и ушли. Марукакис, точно чего-то не понимая, посмотрел на Латимера.

— Я сказал, что нам надо обсудить кое-какие дела и если мы захотим развлечься, то пригласим их позже. Конечно, если вы не хотите с ними связываться...

— Нет, не хочу, — сказал Латимер твёрдо и, отхлебнув шампанского, вдруг понял, что ни за что на свете не станет пить эту гадость.

— Ничего не поделаешь, — вздохнул Марукакис, — пей не пей, а платить придётся.

— А где госпожа Превеза?

— Думаю, появится с минуты на минуту.

Он посмотрел куда-то вверх, на потолок.

— Конечно, мы могли бы и сами к ней подняться. Хочу обратить ваше внимание, как тут все хорошо устроено: нет ничего ни скандального, ни вызывающего.

— Раз она должна вот-вот спуститься, мы можем и здесь подождать, — сказал Латимер, чувствуя, что говорит банальность, как школьный учитель. Ему вдруг очень захотелось выпить настоящего шампанского.

— Совершенно верно, — буркнул Марукакис.

Однако прошло целых полтора часа, прежде чем хозяйка «La Vierge St. Marie» появилась. За это время зал действительно оживился. Пришло ещё несколько

человек — в основном это были мужчины, но были среди них и две-три очень странно выглядевшие женщины. Появился явный сутенёр. Трезвый как стёклышко, он привёл с собой двух не вяжущих лыка немцев — вероятно, каких-нибудь пустившихся в загул коммерсантов. Появились два почему-то вызвавшие ужасную неприязнь молодых человека. Все до одной кабинки были заняты, заняты были и стоящие в зале столики, за которыми сгрудились обливающиеся потом, тесно прижавшиеся друг к другу пары.

В зале появились танцовщицы из кабаре, сильно покрашенные. Танцующие пары расступились, дав им место. Следом за девицами в круге появился юноша, одетый в женское платье, и спел песенку на немецком языке. Девицы исчезли вместе с ним, потом появились вновь, переменив наряд. В зале стало душно и жарко, как перед грозой.

Латимер ясно увидел, как один из этих ужасных юношей давал понюхать другому щепотку какого-то порошка. От жары и духоты его начала мучить жажда, и он уже всерьёз подумывал, не выпить ли шампанского, как вдруг Марукакис дёрнул его за рукав.

— Должно быть, Превеза, — сказал он.

Это была полная, но все ещё стройная женщина с красным лицом. Несмотря на дорогое платье, видимо, только сегодня завитые парикмахером чёрные, густые волосы, помаду и румяна, она производила впечатление неряхи. Так, во всяком случае, показалось Латимеру. Правда, рисунок губ был хорош, и улыбка была доброй и симпатичной, но во взгляде больших чёрных глаз было что-то сонное и завораживающее. И Латимер представил себе комнату в отёле, неуклюже позолоченные кресла с разбросанной на них одеждой, серый свет утра сквозь опущенные жалюзи, тяжёлый запах розового масла, ровное дыхание спящей женщины и мерное тиканье будильника. Но, видя как она идёт к бару, приветливо улыбаясь и кивая знакомым, одновременно внимательно и строго наблюдая за всем происходящим, Латимер сделал себе выговор за игру воображения.

Марукакис подозвал официанта и что-то сказал ему. Лавируя между танцующим, тот подошёл к мадам и зашептал ей что-то на ухо, показав глазами на Латимера и Марукакиса. Мадам, повернувшись, посмотрела в их сторону и, что-то сказав официанту, продолжила разговор.

— Она обещала прийти, — сказал Марукакис, выслушав официанта.

Она обошла весь зал, снисходительно улыбаясь и иногда кивая головой. Наконец она приблизилась к их столику. Неожиданно для самого себя Латимер вдруг встал. Мадам пристально смотрела ему в лицо.

— Вы желали говорить со мной, месье? — Голос у неё был грубый и немного сиплый, с ярко выраженным акцентом.

— Мы были бы счастливы, если бы вы оказали нам честь и посидели с нами, — сказал Марукакис.

— Хорошо, — сказала она и села рядом. Тотчас к столику подлетел официант, но она взмахом руки прогнала его и повернулась к Латимеру: — Я вас раньше не видела, месье. Вашего друга я уже встречала, но не в своём заведении. — Бросив косой взгляд на Марукакиса, она продолжила: — А вы, месье, собираетесь писать обо мне в парижской газете? Тогда вам с другом надо будет обязательно досмотреть представление до конца.

— Нет, мадам, — улыбнулся Марукакис. — Мы воспользовались вашим гостеприимством, чтобы получить кое-какую информацию.

— Информацию? — Она, кажется, немного смутилась. — Я не знаю ничего такого, что может вас заинтересовать.

— Всем хорошо известна ваша осторожность, мадам. Но речь идёт о человеке, который давно в могиле. Вы были знакомы с ним лет пятнадцать назад.

Она захохотала, остановилась и вдруг захохотала снова — громко, вызываясь, сотрясаясь всем телом. Вместе с этими хриплыми звуками исчезло и то самодовольство, которое она напускала на себя, и, когда она под конец закашлялась, сразу постарела лет на десять.

— Не ожидала я от вас такого комплимента, месье, — вздохнув, сказала она. — Подумать только, пятнадцать лет! И вы надеетесь, что я его вспомню? Святая Дева Мария, придётся вам поставить мне выпивку.

Латимер подозвал официанта.

— Что будете пить, мадам?

— Шампанское. Только не эту дрянь. Официант знает. Подумать только, пятнадцать лет! — Она все ещё никак не могла успокоиться.

— Мы, разумеется, не очень надеялись на вашу память, — невозмутимо сказал Марукакис, — но, может быть, имя этого человека что-нибудь значит для вас. Его звали Димитриос... Димитриос Макропулос.

Она сунула в рот сигарету, чиркнула спичкой, но так и не смогла прикурить. Глядя на кончик сигареты, о чем-то сосредоточенно размышляла. Спичка продолжала гореть, едва не обжигая пальцы. Латимеру показалось, что вокруг образовалась зона молчания, вдруг заложило уши. Мадам разжала пальцы и уронила спичку на тарелку. Все так же смотря на кончик сигареты, она тихо сказала:

— Вам здесь не место. Уходите отсюда... оба!

— Но...

— Уходите, — сказала она тихим голосом, даже не повернув головы.

Марукакис посмотрел на Латимера и, пожав плечами, встал из-за стола. Следом за ним встал и Латимер. Она подняла на них глаза, сказала, как отрезала:

— Сядьте. Мне не нужны здесь сцены.

Они сели.

— Надеюсь, вы объясните мне, мадам, — сказал Марукакис с издёвкой, — как мы можем уйти, не вставая с места, — я был бы вам очень признателен.

Она с такой быстротой схватила стоящий на столе бокал, что Латимер подумал: «Сейчас она бросит его в лицо Марукакису». Но пальцы тотчас разжались, и она что-то быстро сказала по-гречески, чего Латимер не разобрал.

— Нет, — сказал Марукакис, отрицательно качнув головой, — он не из полиции. Он писатель, пишет книги, и ему нужна информация.

— Зачем?

— Простое любопытство. Два месяца назад он видел труп Димитриоса в Стамбуле и вот решил разузнать о нем.

Она вдруг повернулась к Латимеру и, протянув руку, вцепилась ему в рукав.

— Это правда, что он мёртв? Вы точно знаете? Вы видели его труп?

Латимер молча кивнул.

— Его убили ударом ножа в живот, а потом бросили в море. — Ему хотелось добавить что-нибудь тёплое: жизнь есть жизнь, а вдруг она его любила, сейчас, наверное, слезы польются.

Но слез не было.

— Деньги при нем были? — только и спросила она.

Латимер медленно повёл головой.

— Merde! — сказала она злобно. — Этот верблюжий выкидыш задолжал мне тысячу франков. И теперь я их уже никогда не увижу. Salor! Убирайтесь вон, а не то я прикажу вас вышвырнуть отсюда!

Марукакис проводил Латимера до отеля. Они немного задержались у дверей. Ночь была холодная.

— Ну, я, пожалуй, пойду, — сказал Латимер.

— Завтра уже уезжаете?

— Да. Еду в Белград.

— Значит, вам все ещё не надоел Димитриос.

— О, нет. — Латимер заволновался, ему очень хотелось сказать Марукакису какие-нибудь тёплые слова. — Не могу сказать, как я вам благодарен. Боюсь, что я отнял у вас много драгоценного времени.

Марукакис рассмеялся и, недоуменно пожав плечами, сказал:

— Я вот смеюсь, а сам завидую вам. Если вам удастся разузнать что-нибудь в Белграде, напишите мне. Хорошо?

— Конечно, напишу.

Ещё раз поблагодарив Марукакиса, Латимер тепло пожал ему руку и вошёл в вестибюль отеля. Его номер находился на втором этаже. Взяв у портье ключ, поднялся по лестнице. В коридоре лежал толстый ковёр, глушивший шаги. Он вставил ключ в замочную скважину и, повернув его, открыл дверь.

Его смутило то, что в номере горел свет, и он решил, что попал в чужой номер. И тотчас понял: нет, это его номер, но в нем почему-то царил полнейший хаос.

Содержимое чемоданов было вытряхнуто прямо на пол. Простыни и пододеяльник валялись на кресле. На матрасе лежали привезённые из Африки

книги с оторванными переплётками. Казалось, что в комнате похозяйничали шимпанзе.

Не понимая, что здесь произошло, Латимер сделал два робких шага. Какой-то слабый звук заставил его повернуть голову направо. И тотчас сердце его сделало один сильный удар и остановилось.

На пороге ванной, держа в одной руке выжатый тюбик зубной пасты, а в другой — массивный люгер, улыбался улыбкой мученика мистер Питерс.

Полмиллиона франков

В романе «Оружие убийцы» Латимер описал ситуацию, когда герой книги оказывается лицом к лицу с вооружённым убийцей. Написать эти несколько страниц оказалось нелегко, и, если бы не необходимость (он считал, что в последней главе вполне допустимы некоторые мелодраматические эффекты), он охотно пренебрёг бы этим. Он постарался представить это событие, как ему казалось, наиболее реалистически. Что он чувствовал бы, окажись в такой ситуации? И он решил, что скорее всего обалдел бы от страха, лишился бы дара речи.

Как ни странно, сейчас у него не было тех ощущений, которые он приписал герою. Латимер объяснил это изменившейся обстановкой. Во-первых, мистер Питерс, держащий в руке большой тяжёлый пистолет, не имел того угрожающего вида, который подобает убийце. Во-вторых, Латимер, имевший счастье познакомиться с мистером Питерсом, считал его совершенно неспособным на такой отчаянный шаг, как убийство. Но факт был налицо. Латимер был сильно потрясён. Именно поэтому он не догадался сказать ни равнодушное «Добрый вечер», ни юмористическое и гораздо более подходящее к ситуации «Какой неожиданный сюрприз!». Вместо этого у него вырвалось нечто похожее на «О-о», и затем, видимо, подсознательно желая разрядить обстановку, он промямлил:

— Кажется, что-то произошло.

Мистеру Питерсу именно в этот момент удалось справиться с пистолетом, который теперь, вне всякого сомнения, был направлен на Латимера.

— Не могли бы вы оказать любезность, — сказал мистер Питерс тихо, — закрыть за собой дверь? Вам для этого нужно только протянуть руку. И будьте добры, оставайтесь на том же месте.

Латимер подчинился. И почувствовал, что им овладел страх, ни в коей мере не похожий на те ощущения, которые он описал в романе. Больше всего он боялся боли, живо представив себе, как доктор извлекает пулю — хорошо бы, если бы он делал это под наркозом. Ещё он очень боялся, что мистер Питерс из-за неопытности может случайно нажать на курок или выстрелить, когда Латимер сделает какое-нибудь произвольное движение. Его была мелкая дрожь, и он

никак не мог понять, трясёт ли его от нервного напряжения, от дикого страха или от злобы.

— За каким чёртом вы все это затеяли? — выпалил он, сам не ожидая от себя такой прыти, и вдруг выругался. На самом деле ему хотелось сказать что-то совсем другое, и он не хотел ругаться — он почти никогда не делал этого. Видимо, меня трясёт все-таки от злобы на своё бессилие, решил он. Он старался испепелить взглядом мистера Питерса.

Толстяк, опустив пистолет, сел на кровать.

— Самое ужасное, — сказал он, — что я не ожидал вас так рано. И потом меня подвела ваша горничная. Но что ждать от этой армянской девицы — они сначала готовы все сделать в лучшем виде, а потом все портят, как идиотки. Я думаю над тем, что этот большой мир, дарованный нам, мог бы быть замечательным местом, если бы... Но мы поговорим об этом как-нибудь после. — Он положил выжатый тюбик зубной пасты на столик возле кровати. — Мне хотелось бы привести все в порядок, когда я уйду.

— Интересно, что бы вы стали делать с книгами? — не замедлил съязвить Латимер.

— Ах да, книги! — Мистер Питерс сокрушённо покачал головой. — Печальный акт вандализма. А ведь книга — это чудесный сад прекрасных цветов, ковёр-самолёт, который уносит нас в далёкие неизвестные страны. Я глубоко сожалею об этом. Но это было необходимо.

— Необходимо? Вы отдаёте себе отчёт в том, что говорите?

Мистер Питерс улыбнулся покорно и печально, как безвинный страдалец.

— Будьте хоть чуточку искреннее, мистер Латимер, я прошу вас, пожалуйста. Причина очевидна и для вас, и для меня. Разумеется, я понимаю, что вы находитесь в затруднительном положении, не понимая, какова моя роль. Если это может послужить хоть каким-то утешением, мне точно так же необходимо определить, какова ваша роль.

Это фантастическое лицемерие вывело Латимера из себя — он забыл о страхе.

— Да послушайте же наконец, мистер Питерс, или как вас там ещё. Я пришёл к себе в отель, я очень устал и хочу лечь спать. Надеюсь, вы помните: мы выехали вместе с вами из Афин несколько дней тому назад и ехали в одном купе. Вы, помнится, ехали в Бухарест; я сошёл здесь, в Софии, провёл вечер со своим другом и вот, вернувшись к себе в отель, нахожу в номере полнейший хаос. На ум приходят только две вещи: либо вы грабитель, либо вы напились до чёртиков. Между прочим, вы вынуждаете меня нажать кнопку и позвать на помощь. Гипотезу о том, что вы проникли сюда с целью грабежа, я все-таки отвергаю, так как грабители не ездят в вагонах первого класса и не срывают с книг переплёты. Поскольку вы трезвы, остаётся предположить, что вы сошли с ума. Если это действительно так, выражаю вам своё соболезнование и надеюсь на помощь медицины. Но если вы более или менее здоровы, то я требую, чтобы вы

объяснили причину своего присутствия. Так, повторяю, мистер Питерс, на кой черт вам все это нужно?

— Изумительно, — сказал мистер Питерс, от удовольствия закрывая глаза, — просто изумительно! Нет-нет, мистер Латимер, я попрошу вас не приближаться к звонку, будьте добры. Ну вот, так-то лучше. Вы знаете, на какое-то мгновение я почти поверил в вашу искренность. Почти, но не совсем. Имейте в виду, что таким, как вы, никогда не провести меня. Так что не будем тратить время попусту.

— Да послушайте же наконец... — Латимер непроизвольно шагнул вперед.

Люгер был тотчас нацелен прямо ему в грудь. Улыбка исчезла с пухлых губ мистера Питерса; глаза у него слезились, точно при сильном насморке. Латимер сделал шаг назад — улыбка медленно вернулась.

— Давайте же, мистер Латимер, будем чуточку искреннее, пожалуйста. Поверьте, я не имел против вас ничего дурного. Я даже не стремился побеседовать с вами. Но раз уж вы застали меня здесь и мы теперь не имеем возможности разговаривать — я осмелюсь это сказать — с позиций бескорыстной дружбы, то давайте говорить хотя бы искренне. — Он слегка подался вперед. — Почему вас так интересует Димитриос?

— Димитриос!

— Да, дорогой мистер Латимер. Димитриос. Вы ведь прибыли сюда из Малой Азии. Димитриос — тоже. В Афинах вы с немалым усердием занялись исследованием архивов комиссии по беженцам. В Софии тоже наняли агента, чтобы ознакомиться с архивом полиции. Зачем? Подождите, пока не отвечайте. Я, между прочим, ничего против вас не злоумышляю, да будет это вам раз и навсегда известно. Но так уж получилось, что Димитриос интересует и меня тоже. Поэтому скажите мне откровенно, мистер Латимер, какова ваша роль? Или, если позволите, я скажу иначе: какую игру вы ведёте?

Латимер на какое-то мгновение задумался. Ему очень хотелось дать быстрый ответ, но ничего не получалось, и он несколько смутился. Для него Димитриос стал уже своего рода собственностью, такой же академической задачей, как, скажем, проблема авторства какого-нибудь стихотворения XVI века. И вот, пожалуйста, появляется этот одиозный мистер Питерс со своей улыбочкой, со своими затасканными фразами о Всемогущем, со своим люгером, и получается, что он, Латимер, занимается контрабандой. Впрочем, тут нет ничего удивительного — Димитриоса могли знать многие. Странно, но ему казалось, что они умерли вместе с ним. Безусловно, нет ничего глупее.

— Ну, так как же, мистер Латимер? — Толстяк все так же выученно-сладко улыбался, но в его сипловатом голосе Латимер заметил садистские нотки: он теперь напоминал ему мальчишку, отрывавшего пойманной мухе крылья.

— Мне кажется, — медленно начал Латимер, — прежде чем я отвечу на ваши вопросы, вам следует сперва ответить на мои. Другими словами, мистер Питерс,

если вы расскажете мне, какую игру ведёте вы, я расскажу о своей. Я не собираюсь ничего скрывать, единственное, к чему я стремлюсь, это удовлетворить своё любопытство. И не надо так страшно размахивать оружием. В конце концов оружие не такой уж сильный аргумент. Кстати, ваш пистолет большого калибра и будет много шума, если, не дай бог, он выстрелит. Кроме того, какая вам польза, если вы меня убьёте? И поскольку на вас никто не собирается нападать, я бы на вашем месте давно убрал пистолет в карман.

Мистер Питерс продолжал излучать свою радостно-горестную улыбку.

— Вы изложили свою точку зрения с удивительной краткостью и изумительным красноречием, мистер Латимер. И все-таки мне пока не хочется убирать оружие.

— Как вам будет угодно. Вас не затруднит объяснить мне, что вы искали в переплётах книг и в зубной пасте?

Он достал из кармана листок бумаги. Это была таблица, которую Латимер составил в Смирне. Кажется, она лежала в одной из книг.

— Что поделаешь, мистер Латимер, если что-то прячут между страниц, то, быть может, есть кое-что интересное и под переплётом.

— Я не собирался ничего прятать...

Мистер Питерс не обратил на эти слова внимания. Держа в левой руке листок, он походил на школьного учителя, который отдавал ученику его работу. Тряхнув головой, мистер Питерс спросил:

— И это все, что вам известно о Димитриосе, мистер Латимер?

— Нет.

— Ах, вот что! — Он с каким-то печальным недоумением стал рассматривать латимеровский галстук. — Интересно, кто такой этот полковник Хаки? Кажется, он неплохо информирован, но почему он так неосторожен? Фамилия у него турецкая. Вы ведь тоже прибыли из Стамбула, не так ли?

Совершенно произвольно Латимер кивнул, и тотчас пожалел об этой глупости. Улыбка на лице мистера Питерса засияла ещё ярче.

— Благодарю вас, мистер Латимер. Начинает казаться, что вы готовы помочь мне. Давайте разберёмся. Итак, вы были в Стамбуле, где одновременно оказались и Димитриос, и полковник Хаки. Здесь есть ещё заметка о паспорте на имя Талата. Опять какая-то турецкая фамилия. Потом упоминается Андрианополь и написано «попытка». Ну да, я понял: так вы перевели французское слово «покушение». Вы ничего не хотите мне сказать? Ну хорошо, хорошо, пусть будет по-вашему. У меня создалось впечатление, что вы, по-видимому, читали какое-то досье. Ну что, разве я не прав?

Латимеру было неприятно, что он попал в такое дурацкое положение. Подумав, он сказал:

— Мне кажется, так вы недалеко уйдёте. На каждый ваш вопрос у меня есть свой вопрос. Например, я вам буду очень признателен, если вы мне скажете, встречались ли вы с Димитриосом.

Мистер Питерс молча поглядел на него.

— Думаю, вы не очень-то уверены в себе, мистер Латимер, — медленно проговорил он. — Очевидно, я бы мог рассказать вам гораздо больше, чем вы мне. — Он сунул пистолет в карман пальто и встал. — Мне пора уходить.

Латимер не ожидал, что это произойдёт так скоро, однако, стараясь быть равнодушным, сказал:

— Спокойной ночи.

Толстяк пошёл к двери, но вдруг остановился.

— Стамбул. Смирна, 1922 год. Афины, тот же год. София, 1923 год. Андрианополь. Нет, ведь он приехал из Турции... — Обернулся и посмотрел на Латимера: — А что если... — Он замолчал, потом, подумав, продолжил: — Быть может, это и глупая мысль, но, мне кажется, вы в самое ближайшее время собираетесь посетить Белград. Ведь я угадал, мистер Латимер?

Как ни старался мистер Латимер скрыть своё удивление пронизательностью мистера Питерса, ему это не удалось.

— Белград вам понравится, — сказал мистер Питерс самодовольно. — Это чудесный город. А какие с окрестных гор открываются виды! Как бы мне хотелось поехать вместе с вами! А какие там девушки, круглолицые красавицы, какие у них фигурки! Вы человек ещё молодой, и вам будет легко с ними договориться. Ну а меня эти вещи уже не привлекают. Я уже стар, и мне осталось только вспоминать. Но я не осуждаю молодых. Ни в коем случае. Каждому молодость даётся только раз, Всемогуший, несомненно, хотел, чтобы мы почувствовали себя счастливыми. Ведь жизнь должна продолжаться, не так ли?

Латимер стащил с кресла пододеяльник и сел. Он был очень зол и, быть может, поэтому его мозг начал лучше работать.

— Мистер Питерс, в Смирне мне удалось ознакомиться с материалами пятнадцатилетней давности. Я обнаружил, что за три месяца до меня те же самые материалы интересовали кое-кого ещё. Не вы ли это были?

Слезящиеся глаза толстяка, казалось, были устремлены куда-то в вечность. Он нахмурился, точно не понимая смысла слов.

— Вы не могли бы повторить ваш вопрос?

После того как Латимер повторил, мистер Питерс, подумав несколько секунд, тряхнул головой и сказал:

— Нет, мистер Латимер, это был не я.

— Но ведь вы занимались расследованием по поводу пребывания Димитриоса в Афинах, не так ли? Ведь это были вы? Вы, помнится, очень быстро удалились из бюро, так что я вас, к сожалению, не заметил, но чиновник видел, что вы заходили туда. И, очевидно, далеко не случайное совпадение, что мы ехали с вами в одном купе до Софии, не правда ли? Вы проявили отменную смекалку и узнали, в каком отёле я остановлюсь. Неужели вам не хочется сказать правду?

— Да, мистер Латимер, — кивнул мистер Питерс, счастливо улыбаясь, — все так и было. Мне известен каждый ваш шаг после того, как вы покинули бюро в Афинах. Я ведь уже, кажется, говорил вам, что интересуюсь каждым, кто собирает сведения о Димитриосе. Вы, конечно, разузнали, кто был тот человек в Смирне?

Обратив внимание на то, что последняя фраза была произнесена самым невинным тоном, Латимер сказал:

— Нет, я этим не занимался.

— Но вы, конечно, хотели бы это узнать?

— Не очень.

Толстяк шумно вздохнул.

— Мы должны, мистер Латимер, достичь взаимопонимания. Нам нельзя ссориться. — Он остановился и поглядел сверху вниз на Латимера. — Я должен знать, зачем вам все это понадобилось. Нет-нет, пожалуйста, не перебивайте меня. Я готов признать, что для меня ваши ответы гораздо важнее, чем мои — для вас. И все-таки сейчас я не могу их вам дать. Да-да, я слышал, что вы поставили такое условие. Но я серьезно не могу. Поймите меня, пожалуйста.

Итак, вас интересуют факты из жизни Димитриоса, и вы собираетесь поехать в Белград, чтобы побольше разузнать о нем. Я вижу, вы этого не отрицаете. И вам, и мне известно, что Димитриос жил в Белграде в 1926 году. Могу к этому добавить, что он там больше не появлялся. Вы не хотите сказать, зачем вам это нужно? Очень хорошо. Я вам скажу другое: если вы попадете в Белград, то не обнаружите ни малейших следов Димитриоса. Более того, если попытаетесь провести расследование, то у вас наверняка возникнут трудности с полицией. Есть только один человек, который мог бы рассказать вам о том, что вас интересует. Это поляк, он живёт теперь недалеко от Женевы.

Я дам вам адрес и письмо к нему. Но мне все-таки хочется понять, зачем вам нужна эта информация. Вначале мне казалось, что вы работаете на турецкую полицию — сейчас на Ближнем Востоке многие англичане работают в полиции, — но я отказался от этой мысли. В ваших документах написано, что вы писатель, но ведь это весьма растяжимое понятие. Кто же вы такой, мистер Латимер, и в чем заключается ваша игра?

Мистер Питерс выжидающе замолчал. Латимер, стараясь сохранить непроницаемое выражение лица, смотрел ему прямо в глаза. Не смущаясь этим, мистер Питерс продолжал:

— Естественно, когда я говорю «игра», я понимаю это слово в особом смысле. Вся ваша игра состоит, конечно, в том, чтобы получить деньги. Но не такого ответа я жду от вас. Вы богаты, мистер Латимер? Нет? Тогда я скажу то, что, быть может, упростит дело. Я предлагаю, мистер Латимер, заключить соглашение, так сказать, объединить наши возможности. Мне, например, известны такие вещи, о которых я не могу сообщить вам в настоящий момент. Вам, с другой стороны, также известно что-то весьма важное. Сами по себе те факты, которые я знаю,

быть может, не имеют ценности. Но и то, что известно вам, пустой звук вне связи с другим. Если же и то, и другое рассматривать вместе, то ценность такого объединения может составить (при этих словах он сильно выдвинул вперёд нижнюю челюсть) по крайней мере пять тысяч английских фунтов, или миллион франков. — Он был на седьмом небе от радости. — Ну, что вы на это скажете?

— Прошу прощения, — сказал Латимер, почти не скрывая своей враждебности, — но скажу, что я совершенно не понимаю, о чем вы говорите. И мне глубоко безразлично, как вы это воспримете. Я устал, мистер Питерс, я очень устал, буквально валяюсь с ног. — Он встал и, взяв простыню, стал застилать постель. — Полагаю, мне незачем скрывать от вас, почему я интересуюсь Димитриосом. Деньги тут как раз совершенно ни при чем. Я зарабатываю на жизнь тем, что сочиняю детективные романы. Когда я был в Стамбуле, полковник Хаки, человек, в определённом смысле связанный с тамошней полицией, рассказал мне об одном преступнике по имени Димитриос, труп которого был найден в водах Босфора. Отчасти ради удовольствия — мне хотелось разгадать своего рода кроссворд, — отчасти желая попробовать свои силы в самостоятельном расследовании, я начал идти по следам этого человека. Вот и все. Я не жду, что вы мне поверите. Вероятно, вы сейчас задаёте себе вопрос, почему я не придумал какую-нибудь более убедительную историю. Мне очень жаль, но убеждать вас в том, что это правда, я не могу да и не хочу.

Мистер Питерс подошёл к окну и, достав сигарку, стал смотреть, как Латимер застилает кровать.

— Детективные романы! Это удивительно интересно, мистер Латимер. Я их очень люблю. Назовите, пожалуйста, книги, которые вы написали.

Латимер назвал.

— А кто ваши издатели?

— Кто вас больше интересует — англичане, французы, шведы, норвежцы, немцы или венгры?

— Венгры.

Услышав ответ, мистер Питерс одобрительно кивнул головой.

— Да, я знаю, это хорошая фирма. — Видно было, что он принял какое-то решение. — Мистер Латимер, у вас найдутся перо и бумага?

Латимер указал на письменный стол, и толстяк уселся за него. И пока Латимер готовил себе постель, собирал с пола разбросанные вещи, слышно было, как по бумаге скрипело перо. Мистер Питерс был человек слова.

Когда Латимер уже собрался лечь в постель, послышался звук отодвигаемого кресла и мистер Питерс с сияющей улыбкой на лице заявил:

— Я оставляю вам, мистер Латимер, три листа бумаги. На первом — адрес человека, о котором я вам говорил. Его зовут Гродек, Владислав Гродек. Он живёт недалеко от Женевы. На втором листе — моё письмо к нему. Если он его получит, он будет знать, что вы мой друг и что он может быть с вами откровенным. Он уже отошёл от дел, так что я могу, ничего не скрывая, сказать,

что в своё время это был один из самых выдающихся разведчиков в Европе. Но самое замечательное, что полученные им сведения всегда были достоверны. Он работал на несколько стран. Его резиденция находилась в Брюсселе. Для писателя такой человек просто находка. Я думаю, он вам понравится. Он, между прочим, очень любит животных. Короче, это чудесный человек, с тонкими и нежными чувствами. Между прочим, именно на него работал Димитриос в 1926 году.

— Понятно. Весьма вам признателен. А что вы написали на третьем листе?

Мистер Питерс смутился, хотя улыбка его была теперь почти экстатической.

— Вы, кажется, сказали, что вы не богаты.

— Да, это так.

— Значит, полмиллиона франков, или две с половиной тысячи фунтов, вам бы, наверное,годились.

— Безусловно.

— В таком случае, когда вам наскучит Женева, вы, быть может, захотите убить сразу двух зайцев. — Он вытащил из кармана таблицу, составленную Латимером. — Здесь помечены и другие даты из жизни Димитриоса, которые вы хотели бы проверить. Между прочим, место действия перемещается в Париж. Это во-первых. Ну, а во-вторых, мы в Париже обязательно встретимся, и вы, быть может, наконец решитесь объединить наши возможности. То есть мы придём к соглашению, о котором я вам уже говорил. В этом случае даю безусловную гарантию, что буквально через несколько дней на ваш счёт будет перечислено полмиллиона франков, или две с половиной тысячи фунтов стерлингов.

— Мне бы очень хотелось, — возразил раздражённый Латимер, — чтобы вы внесли хоть какую-то ясность. Что мне надо делать? Кто, наконец, заплатит мне деньги? Все покрыто мраком неизвестности, мистер Питерс, и потому я не могу верить ни одному вашему слову.

Улыбка на устах мистера Питерса несколько поблекла, но разве могут оскорбления вывести из себя христианина, который давно подготовился к арене со львами.

— Я знаю, мистер Латимер, — сказал он тихо, — что вы не доверяете мне. Я написал письмо Гродеку и дал вам его адрес, потому что мне хотелось убедить вас в том, что моему слову можно верить. Сейчас мне больше нечего вам сказать. Но если вы поверите мне и поедете в Париж — на третьем листе бумаги мой адрес.

— Не будем ничего загадывать, — сказал Латимер. — Вы, мне кажется, сделали далеко идущие выводы. Что касается Белграда, то я действительно туда не поеду. Насчёт Женевы я ещё не решил. Поездку в Париж я вообще не могу сейчас предпринять, потому что у меня накопилось много работы. И, конечно...

— Спокойной ночи, мистер Латимер, — сказал мистер Питерс, протягивая руку. — Я не хочу с вами прощаться...

Латимер пожал протянутую руку. Она была сухая и мягкая, точно без костей.

— Спокойной ночи, — сказал Латимер.

У двери мистер Питерс обернулся.

— На полмиллиона франков можно купить массу хороших вещей, мистер Латимер. Мне хочется верить, что мы встретимся в Париже. Ещё раз желаю вам спокойной ночи.

— Мне тоже. Спокойной ночи.

Дверь закрылась, но улыбка великомученика все стояла перед глазами Латимера, напоминая ему улыбку чеширского кота, которая парила в воздухе. В изнеможении прислонился он к двери и вдруг заметил на полу пустые, раскрытые чемоданы. Начинало светать. Он ещё долго не мог заснуть, но вдруг сон навалился на него, и его размышления прекратились.

Гродек

Когда Латимер проснулся, было уже одиннадцать часов. На столике возле кровати лежали три листа бумаги, оставленные мистером Питерсом. Они напомнили Латимеру, что надо многое хорошенько обдумать и принять какое-то решение, и это было неприятно. Он сел на кровати и взял эти листы в руки. На первом, как и говорил мистер Питерс, был написан женевский адрес:

Владислав Гродек
Вилла «Акация»
Шамбеси
(в 7 км от Женевы)

Латимер с трудом разобрал записку, написанную корявыми, прыгающими буквами. И обратил внимание, что цифра семь перечёркнута, как это обычно принято у французов.

Он взял второй лист. В письме было всего шесть строчек, но Латимер не смог их прочитать: оно было написано на каком-то незнакомом языке, вероятно, на польском. Во второй строке он нашёл свою фамилию, почему-то написанную с ошибкой. Вздохнув, он отложил письмо в сторону.

Латимер подумал, что дружеские отношения мистера Питерса с бывшим шпионом являются важным ключом, но как им воспользоваться, он не знал. Подтверждением тому было вызывающее поведение мистера Питерса вчера ночью: предпринять обыск в отсутствии хозяина и вдруг после размахивания пистолетом предложить полмиллиона франков и рекомендательное письмо к бывшему шпиону мог только человек, которого легко заподозрить в самых тяжких преступлениях. Но где основания для подозрений? Латимер вспомнил свой разговор с мистером Питерсом, и чем отчётливее в памяти возникали слова и фразы, тем больше он выходил из себя: в самом деле, он вёл себя немыслимо

глупо. Он перетрусил, увидев пистолет, хотя этот тип ни за что бы не решился выстрелить (впрочем, такие мысли появляются, когда опасность давно миновала), он позволил вовлечь себя в разговор вместо того, чтобы передать этого человека полиции, и, что хуже всего, в своих переговорах с мистером Питерсом он не имел твёрдой позиции и докатился до того, что принял с благодарностью рекомендательное письмо и эти адреса. Ему даже не пришло в голову поинтересоваться, как этот тип попал в комнату. А ведь он мог бы, да что там мог, он должен был взять этого мерзавца за глотку и заставить его говорить. Как это характерно для людей с высшим образованием, привычно обобщил он; они вспоминают о том, что могли применить силу, только тогда, когда в этом уже нет необходимости.

Но не появившись в его номере Питерс, он бы поехал в Белград. А таинственный мистер Питерс советует ему ехать в Швейцарию. И хотя мистер Питерс сделал ему определённое предложение, можно было послушаться совета. Например, он не очень-то верил, что ему удастся выбросить из головы Димитриоса. Удовлетворённое тщеславие? Да ничего подобного. Да, несомненно, его интерес к Димитриосу все больше походил на наваждение. Это было нехорошее слово, с которым у Латимера ассоциировались горящие фанатизмом глаза. Но, что там ни говори, Димитриос притягивал к себе, и вряд ли он мог спокойно заниматься новой книгой, зная, что где-то вблизи Женевы живёт человек, который может рассказать о Димитриосе массу любопытного. Значит, возвращение в Афины было бы пустой тратой времени.

Личность мистера Питерса также требовала разъяснения. Попробуй выброси его из головы. Самое же привлекательное было то, что Димитриос был такой же осязаемой, вызывающей любовь или ненависть фигурой, как Прудон, Монтескьё или Роза Люксембург, а не тем картонным героем, которые заполняют детективы.

Латимер стал одеваться, бормоча: «Ну и хорошо, и прекрасно! Поезжай в Женеву, брось начатую работу. А почему? Да потому, что ты обленился, а лентяи вечно заняты всякой чепухой. Заруби себе на носу, милейший, что автор детективов никак не связан с действительностью, кроме некоторых технических подробностей, как то: законы баллистики, медицина, юридические законы. Надеюсь, ясно. Так что хватит нести всякий вздор».

Он побрился, собрал вещи и, спустившись вниз, осведомился у дежурного о расписании поездов на Афины. Тот начал листать книжку, Латимер молча наблюдал за ним, и вдруг у него вырвалось:

— А что если бы я поехал отсюда в Женеву!

На другой день Латимер получил письмо со штампом почтового отделения в Шамбеси. Это был ответ на посланные им Гродеку письма — своё и Питерса. Письмо было на французском.

Вилла «Акация»,

Шамбеси,

пятница

Дорогой мистер Латимер!

Я буду рад, если вы заглянете ко мне завтра. Мой шофёр заедет за вами в отель в 11-30.

Пожалуйста, примите мои уверения в глубоком к вам уважении.

Гродек.

Шофёр прибыл минута в минуту и, отсалютовав Латимеру, точно тот был генерал, жестом пригласил в огромный шоколадного цвета автомобиль. Потом он сел за руль, и машина быстро помчалась под морозящим дождём, точно они уходили от погони.

Латимер с интересом разглядывал внутренности автомобиля: дорогие породы дерева и слоновую кость, очень удобные подушки из кожи — короче, все говорило о богатстве, о том, что денег у хозяина куры не клюют. Если верить Питерсу, деньги эти были получены за тёмные шпионские дела. Интересно знать, каков он из себя, этот герр Гродек. Ему пришла в голову странная мысль, что это, должно быть, старец с седой бородой, с испанской бородкой. Питерс говорил, что он по национальности поляк, большой любитель животных и чудесный человек в полном смысле этого слова. А вдруг в действительности он окажется отвратительным субъектом? Кстати, любовь к животным вообще ни о чем не говорит: нередко страстные любители животных искренне и глубоко ненавидят все человечество.

Некоторое время они ехали по шоссе вдоль северного берега озера, но у Преньи свернули налево и стали подниматься вверх по пологому холму. Через километр ещё раз повернули налево, на узкую просеку в сосновом бору. Когда машина подъехала к железной ограде, шофёр вышел и открыл ворота. Потом повернули направо и оказались у большого, неприветливо глядевшего загородного дома.

Деревья росли довольно далеко от дома, внизу, в долине, за пеленой снега с дождём виднелись деревушка и возвышающаяся над ней деревянная колокольня местной церкви. Ещё дальше, за деревней, серело озеро. Латимер видел озеро летом, и сейчас оно произвело на него особенно мрачное и тоскливое впечатление.

Дверь открыла полная улыбающаяся женщина, по-видимому, экономка. Она взяла у Латимера пальто и, открыв перед ним дверь, впустила в большую комнату.

Комната напоминала деревенский трактир: вверху вдоль стен шла галерея, на которую можно было подняться из зала по лестнице; в огромном камине горел огонь; на полу лежал ковёр. В комнате было очень чисто и тепло.

Улыбнувшись, экономка сообщила, что герр Гродек сейчас спустится вниз, и куда-то ушла. Латимер направился к креслам, стоявшим у камина. Вдруг

раздался слабый шум, и Латимер увидел, как на спинку одного из кресел взобрался сиамский кот и с явной враждебностью прищурил на него голубые глаза. Тотчас к нему присоединился и второй. Выгнув спины, они наблюдали за Латимером. Не обращая на них внимания, Латимер сел в одно из кресел. В наступившей тишине слышно было, как потрескивали дрова в камине. На лестнице слышались шаги.

Коты подняли головы, затем, точно по команде, мягко спрыгнули на пол. Латимер обернулся — к нему шёл, протянув руку и немного виновато улыбаясь, высокий широкоплечий человек, которому, наверное, было уже под шестьдесят.

Его когда-то густые, цвета соломы волосы сильно поредели, да и седых волос было уже немного, но серые с голубоватым оттенком глаза смотрели молодо. Он был тщательно выбрит. Овальной формы лицом с широким лбом, маленьким плотно сжатым ртом и едва заметным подбородком он напоминал англичанина или датчанина. В домашних туфлях и мешковатом, свободном костюме из твида он двигался уверенно и энергично, очевидно, наслаждаясь заслуженным покоем после праведных трудов.

— Извините, пожалуйста, месье, — сказал он, пожимая Латимеру руку, — но я не слышал, как вы приехали.

— Позвольте прежде всего поблагодарить вас, месье Гродек, за оказанное мне гостеприимство. Я не знаю, что писал вам мистер Питерс в своём письме, потому что...

— Потому что, — весело и жизнерадостно воскликнул Гродек, — вы не дали себе труда изучить польский язык. Надеюсь, вы уже познакомились с Антуаном и Симоном. — Он показал рукой на котов. — Я, например, убеждён, что они на меня обижаются, что я не говорю по-сиамски. Вы любите кошек? Я убедился, что Антуан и Симон умны и сообразительны. Ведь вы же не такие, как другие кошки? — Он взял кота на руки и показал Латимеру. — Ах, Симон, ты не знаешь, до чего же ты мил и хорош! — Он посадил кота себе на ладонь. — Ну давай, прыгай скорей к своему другу Антуану! — Кот спрыгнул на пол и оскорблённо удалился. — Правда, они прекрасны? И очень похожи на людей. Когда стоит плохая погода, они тоже нервничают. Мне так хотелось, чтобы в честь вашего визита, месье, сегодня была хорошая погода. В ясный солнечный день отсюда открывается чудесный вид.

Латимер охотно согласился. Ему пока никак не удавалось определить, что за человек был Гродек. Чем дольше присматривался Латимер к Гродеку, тем очевидней становился контраст между его внешностью вышедшего на пенсию инженера и его скупыми, но быстрыми жестами и плотно сжатыми губами, говорившими о большой внутренней силе. Латимер подумал, что он, вероятно, все ещё имеет успех у женщин, а ведь мало кто из людей его возраста может этим похвастаться.

Чтобы поддержать разговор, Латимер сказал:

— Здесь, наверное, очень приятно жить летом.

— Конечно, — сказал Гродек, открывая створку шкафа. — Что будете пить? Может, английское виски?

— Да, спасибо.

— Очень хорошо. Я тоже предпочитаю его.

Он налил виски в стакан.

— Летом я люблю писать на воздухе. Очень полезно для здоровья, но, по-видимому, не для работы. Вы никогда не пробовали работать на открытом воздухе?

— Нет, не пробовал. Мухи...

— Совершенно верно, мухи. Вы знаете, я пишу книгу.

— Вот как? Вы, вероятно, пишете мемуары?

Гродек открывал бутылку с содовой, и Латимер заметил, что возле глаз у него появились морщинки.

— Нет, месье. Это жизнеописание Франциска Ассизского. Я думаю, мне хватит этой работы до конца дней моих.

— Должно быть, это утомительный труд, ведь требуется хорошее знание источников.

— О, да. — Он передал Латимеру стакан. — Главное преимущество в том, что о Франциске Ассизском написано так много, что мне не нужно обращаться к первоисточникам. Я не выдвигаю какую-то оригинальную концепцию, просто это занятие позволяет мне с чистой совестью жить в полной праздности. Как только мне становится скучно, как только я чувствую первые признаки, так сказать, душевного недомогания, я, удалившись в библиотеку, начинаю изучать труды о Франциске Ассизском и сочиняю ещё несколько страниц книги. Иногда для удовольствия я читаю немецкие журналы. — Он поднял стакан: — Ваше здоровье.

— Ваше здоровье.

Латимер слушал речи хозяина, и ему начинало казаться, что перед ним ещё один претенциозный осел. Выпив виски, он сказал:

— Надеюсь, мистер Питерс написал в письме о цели моего визита.

— Нет, месье. Но вчера я получил от него письмо, в котором он пишет об этом. — Он поставил стакан и, искоса взглянув на Латимера, добавил: — Это письмо меня очень заинтересовало. (Пауза.) Вы давно знакомы с Питерсом?

Произнося фамилию, он на едва уловимую долю секунды задержался, и Латимер подумал, что сначала он, вероятно, хотел сказать какую-то другую фамилию.

— Я встречался с ним всего два раза. Один раз в поезде, другой — у меня в отёле. Вы, вероятно, с ним хорошо знакомы?

— Вы в этом уверены, месье? — удивлённо поднял брови Гродек.

Латимер постарался улыбнуться как можно непринуждённое. Он вдруг почувствовал, что, по-видимому, наступил на любимую мозоль хозяина.

— Если бы вы не были с ним хорошо знакомы, он, конечно, не рекомендовал бы меня вам и уж тем более не просил бы поделиться со мной информацией об интересном субъекте.

Латимер замолчал, довольный тем, что ему удалось выкрутиться из трудного положения.

Гродек стал вдруг задумчивым и серьёзным, и Латимер мысленно выругал себя за нелепое — теперь это было очевидно — сравнение с вышедшим на пенсию инженером. Под пристальным взглядом ему стало очень неуютно, и он пожалел, что нет у него в кармане люгера, которым размахивал мистер Питерс. Нет, этот взгляд не был угрожающим. Однако было что-то...

— Месье, — обратился к нему Гродек, — боюсь вас обидеть своим прямым и, может быть, грубым вопросом. Все-таки мне хочется знать, нет ли у вас какой-либо другой причины, которая привела вас ко мне, помимо обычного для писателя интереса к человеческим слабостям.

Латимер почувствовал, что краснеет.

— Поверьте, я говорил правду... — начал он.

— Я готов вам верить, — мягко прервал его Гродек, — но, простите, где гарантии, что это так?

— Я не могу дать честное слово, месье, что любую информацию, которую я получу от вас, я буду рассматривать как не подлежащую разглашению, — тихо, стараясь быть убедительным, возразил Латимер.

— Значит, — вздохнув, сказал он, — я выразился недостаточно ясно. Информация сама по себе не имеет никакого значения. То, что происходило в Белграде в 1926 году, сейчас уже никого не интересует. Важно, однако, то, что та история имеет прямое отношение ко мне. Поскольку как писатель вы знакомы с психологией, то вам, конечно, известно, что у большинства людей, независимо от того, чем они занимаются, имеется стимул, который и определяет все их действия. У одних это тщеславие, у других удовлетворение какой-либо страсти, у третьих неуёмная жажда денег и так далее. Так вот, Питерс один из тех, у кого главный стимул — деньги. Причём это чувство у него настолько хорошо развито, что он, как всякий скряга, безумно влюблён только в деньги. Пожалуйста, не поймите меня превратно: я не хотел этим сказать, что Питерс подчинил все свои действия этому. Но, насколько я знаю Питерса, невозможно себе представить, чтобы он, посылая вас ко мне, имел в виду — так он выразился — лишь «способствовать развитию английской детективной литературы». Вы поняли, куда я клоню? Мне приходится быть подозрительным, месье, ведь у меня все ещё есть враги. Мне кажется, вам надо рассказать о ваших отношениях с нашим общим другом Питерсом. Вы не возражаете?

— С большим удовольствием, но, к сожалению, не могу этого сделать по очень простой причине: я просто не знаю, в каких мы с ним отношениях.

Латимер заметил, что взгляд серых глаз его собеседника стал суров.

— Мне не до шуток, месье.

— Мне тоже. Я собирал материал о Димитриосе и встретился с Питерсом. По каким-то мне непонятным причинам он также интересовался Димитриосом. Он сделал мне следующее предложение: если я встречу с ним в Париже и соглашусь участвовать в одном проекте, который он разрабатывает, то в случае успеха каждый из нас получит по полмиллиона франков. Он сказал, что я обладаю информацией, которая сама по себе бесполезна, но, если ею дополнить информацию, которой располагает он, то вместе получится нечто стоящее. Я ему, естественно, не поверил и отказался участвовать в его проекте. Тогда, видимо, надеясь этим привлечь меня и в то же время доказать свою добрую волю, он дал мне рекомендательное письмо к вам. Перед этим я сказал, что интересуюсь Димитриосом как писатель, и признался, что собираюсь ехать в Белград, чтобы пополнить свою информацию о нем. И тогда он сказал, что вы единственный человек, который знает, как все было на самом деле.

Гродек вытаращил глаза от удивления.

— Вы, конечно, знаете, месье, как неприятно излишнее любопытство, но все же я хотел бы знать, откуда вам стало известно о том, что Димитриос Талат был в Белграде в 1926 году?

— Мне рассказал об этом один турецкий чиновник, с которым я познакомился в Стамбуле. Он также сообщил мне некоторые факты из жизни этого человека. Разумеется, лишь те, которые ему были известны.

— Понятно. Могу ли я вас спросить, что это за бесценная информация, которой вы обладаете?

— Я не знаю.

— Начнём все сначала, месье, — сказал Гродек, нахмурившись. — Вам хочется, чтобы я откровенно рассказал о том, что знаю. Так расскажите же мне откровенно, что вы знаете сами.

— Я уже говорил вам — и это чистая правда — я не знаю. Помню, я откровенно рассказал обо всем мистеру Питерсу. И вдруг в одном месте он почему-то заволновался.

— В каком же?

— Когда я рассказывал, что у убитого совершенно не было денег. Буквально сразу после этого он заговорил о миллионе франков.

— Как вы об этом узнали?

— Дело в том, что я видел труп в морге. Все его пожитки лежали на столе в ногах. Удостоверение личности, которое достали из-под подкладки пиджака, уже отослали французскому консулу. Денег при нем не было ни сантима.

В течение нескольких секунд Гродек пристально разглядывал Латимера, потом встал и направился к шкафчику.

— Давайте ещё по одной, месье?

Он налил в стаканы виски, потом содовой и, вручив Латимеру стакан, торжественно сказал:

— Предлагаю тост, месье. Давайте с вами выпьем за английскую детективную литературу!

Латимер поднёс стакан к губам, как вдруг Гродек, который вначале сделал то же самое, поперхнулся и, поставив стакан, достал носовой платок. К своему удивлению, Латимер обнаружил, что Гродек заливается смехом.

— Простите мне, месье, — выдохнул он наконец, — но у меня мелькнула мысль, которая и вызвала приступ смеха. — Секунду помедлив, он продолжил: — Я представил себе, как наш друг Питерс угрожает вам пистолетом. Ведь он боится даже прикоснуться к огнестрельному оружию.

— Видимо, ему удалось сделать значительные успехи и преодолеть свой страх, — сказал Латимер раздражённо, чувствуя, что хозяин над ним потешается, и не понимая, какой он дал для этого повод.

— Наш Питерс умница. Если бы я был на вашем месте, месье, я бы поймал Питерса на слове и поехал в Париж.

Латимер до такой степени оторопел, что с трудом выговорил:

— Да я, право, не знаю...

И тут в комнату вошла экономка.

— Обед готов! — радостно воскликнул Гродек. — Идёмте к столу.

У Латимера была возможность спросить Гродека, почему он дал ему этот «дружеский совет», но он узнал столько интересного, что совершенно забыл об этом.

Белград, 1926

Люди по опыту знают, что не следует доверять своему воображению. Но — удивительное дело — иногда вымысел находит себе фактическое подтверждение. Для Латимера те несколько часов, что он провёл с Владиславом Гродеком, были самыми странными в его жизни. Свои впечатления от этого разговора он выразил в большом письме к Марукакису, начатом в тот же день вечером, когда каждое слово было ещё свежо в памяти.

Дорогой Марукакис!

Я обещал написать вам, если мне повезёт и я узнаю что-нибудь новое о Димитриосе. Наверное, вы удивитесь — да я и сам удивляюсь этому, — но я действительно узнал кое-что интересное. Впрочем, я все равно написал бы вам, чтобы ещё раз поблагодарить за ту помощь, которую получил от вас в Софии.

Вы, вероятно, помните, что, простившись с вами, я собирался поехать в Белград. И вот пишу это письмо из Женевы. Почему, быть может, спросите вы?

Дорогой мой, мне хотелось бы знать это самому. Но пока я не нашёл ответа. Дело в том, что здесь, в Женеве, живёт человек, на которого Димитриос работал во время своего пребывания в Белграде в 1926 году. У этого человека, бывшего профессионального разведчика, я был сегодня и разговаривал с ним о Димитриосе.

Вы когда-нибудь верили в существование так называемого «супершпиона»? С полной уверенностью могу заявить, что я в это не верил. Но после сегодняшней встречи я знаю, что такие люди есть. Всю вторую половину дня я провёл с одним из них. Поскольку я не могу сказать, кто он, буду в лучших традициях шпионской литературы называть его просто Г.

Слово «супершпион» я употребляю по отношению к Г. (он, кстати, сейчас уже ушёл от дел) в том смысле, в каком мой издатель говорит об одном печатнике «спец». Г. руководил большой сетью агентов, и его деятельность (разумеется, не всегда) была в основном организаторской и направляющей.

Теперь мне ясно, какую чепуху говорят и пишут люди о шпионах и шпионаже. Но, мне кажется, лучше всего, если я начну свой рассказ так, как это сделал Г., когда беседовал со мной.

Он напомнил мне слова Наполеона о том, что во всякой войне главным является фактор внезапности. Надо сказать, Г. любит цитировать Наполеона. Несомненно, об этом знали и другие завоеватели: Александр Македонский, Гай Юлий Цезарь, Чингис-хан или Фридрих Прусский. Додумался до этого, кстати, и Фош.

Война 1914-1918 годов, говорит Г., показала, что в будущих сражениях (не правда ли, звучит очень обнадеживающе?) в результате всевозрастающей ударной силы и мобильности армии, авиации и флота главную роль будет играть, безусловно, фактор внезапности. По-видимому, войну выиграет тот, кто нападёт на противника неожиданно. Следовательно, первейшая необходимость — найти средства защиты против внезапного нападения.

В Европе двадцать семь независимых государств. Каждое из них имеет армию, авиацию и — за исключением некоторых стран — флот. Безопасность любого государства требует сведений о том, как развиваются вооружённые силы в этих двадцати семи странах, какова их ударная мощь, эффективность, ведётся ли там тайная подготовка к нападению. Ну, а это означает, что нужна разведка, нужна целая армия специально подготовленных людей.

Признаюсь, сначала все это показалось мне довольно глупым и вряд ли соответствующим действительности. Неужели взрослые люди, управляющие государством, ведут себя, как мальчишки, играющие в индейцев? Оказалось, что дело обстоит именно так. Влюблённый в свою профессию, Г. рассказывал о ней с велеречивым энтузиазмом молодого коммивояжёра, случайно оказавшегося в деревенской таверне. Мои скептические замечания задели его, и он, как мне кажется, привёл очень убедительное доказательство своей правоты. Он напомнил, что в большинстве европейских стран за шпионаж, равно как и за преднамеренное убийство или государственную измену, полагается смертная казнь и что шпионаж, таким образом, рассматривается как одно из самых тяжких преступлений.

Очевидно, продолжал он, учитывая приведённые выше факты, минимальное число разведчиков, находящихся на службе у какого-либо европейского

правительства, должно составлять примерно семьдесят человек — по три человека на страну и по два на те страны, у которых нет флота. Значит, минимальное число занимающихся разведкой людей составит в одной только Европе что-то около двух тысяч.

За последние годы цели и методы разведывательной деятельности сильно изменились. До первой мировой войны шпиону было достаточно похитить формулу отравляющего газа или чертежи нового пулемёта, чтобы обеспечить себя на всю жизнь. Сейчас разведчики — это люди, получившие хорошую подготовку или, что бывает реже, люди (женщины, естественно, не исключаются) с выдающимися личными качествами.

Но какое отношение все это имеет к Димитриосу? Ведь у Димитриоса не было учёной степени. Он, как мы знаем, был убийцей, сутенёром, шантажистом и, кроме того, тайным агентом Евразийского кредитного треста в Болгарии и Турции. Каким же образом Г. удалось завербовать его и для каких целей?

Весной 1926 года Г. поселился в Белграде. Отношения между Италией и Югославией в то время стали особенно напряжёнными в результате захвата Италией Фиуме и последовавшей затем бомбардировки Корфу. Ходили слухи (как вскоре подтвердилось, вполне обоснованные), что Муссолини готовится оккупировать Албанию. Разумеется, Югославия готовилась дать отпор. Итальянцам через своих агентов стало известно, что югославы собрались минировать побережье, чтобы помешать высадке десанта.

Как мне объяснил Г., при закладке минных полей всегда оставляют свободные проходы для своих кораблей. Таким образом, требовалось получить карту минных полей. Именно эта работа и была поручена Г., поскольку теперь требовалось не только узнать расположение минных полей вблизи побережья, но сделать это так, чтобы югославы не догадались об этом, так как в противном случае они просто расположили бы мины по-другому.

Г. начал с того, что, появившись в министерстве военно-морского флота, попросил дежурного показать, где находится отдел снабжения. Это, конечно, не вызвало подозрений. Получив разрешение пройти, он свернул в коридор и, остановив первого встречного, сказал, что заблудился и не знает, как пройти в отдел по борьбе с подлодками. Войдя в отдел, спросил, верно ли, что это отдел снабжения. Когда ему сказали, что нет, он извинился и вышел. Он пробыл там не более минуты, стараясь запомнить всех, кто ему попался на глаза. И выбрал троих. В тот же вечер он дождался, когда один из замеченных покинет здание министерства, и проводил его до дома. Узнав его имя и кое-какие дополнительные сведения о нем, он повторил то же самое с двумя другими. Подумав, он решил остановиться на некоем Буличе.

Вы, быть может, скажете, что это грубая работа, но такие люди, как Г., всегда считали и считают успех оправданием своих действий. В искусстве разбираться в людях Г. проявил несомненную одарённость: выбрать в качестве агента именно Булича было равносильно попаданию в десятку.

Тщеславный озлобленный человек, которому давно перевалило за сорок, Булич был старше остальных сотрудников отдела, почему-то сильно не любивших его. Он был женат на красивой женщине, капризной и вечно недовольной, на десять лет моложе его. Хронический катар желудка довершал картину.

После работы Булич обычно заходил в кафе, чтобы пропустить стаканчик. Здесь с ним и познакомился Г., спросив, нет ли у того спичек.

Они стали встречаться в кафе каждый вечер. Поскольку Г. до этого никогда не был в Белграде, он иногда спрашивал у Булича совета по разным поводам — это давало возможность вести пустую, ни к чему не обязывающую беседу. Г. платил за выпивку, и Булич снисходительно принимал это. Иногда они играли в шахматы, причём Г. старался проигрывать Буличу; иногда вместе с другими посетителями играли в безик.

И вот однажды Г. рассказал Буличу о своём деле. Ему-де стало известно от одного из общих знакомых (им мог быть кто-нибудь из тех, с кем они играли в карты), что Булич занимает важный пост в министерстве. Булич нахмурился. Он подумал, что над ним издеваются. Но Г., не дав ему опомниться, стал говорить, что фирма хочет получить у военно-морского ведомства заказ на морские бинокли. Он, конечно, подал заявку, но, как Булич, наверное, знает, в таких делах нет ничего лучше помощи друга. Если бы Булич, воспользовавшись своим влиянием, протолкнул это дело в министерстве, то фирма, получив заказ, выплатила бы ему двадцать тысяч динаров!

Г. говорит, что Булич сделал слабую попытку не впутываться в это дело. Покраснев и сконфузившись, он заикнулся о том, что его влияние сильно преувеличено и он не уверен, что может помочь. Г. понял это как желание увеличить взятку. Булич стал уверять его, что Г. неправильно его понял. Он был жалок и смешон. Через пять минут он согласился. Они стали друзьями.

Чтобы у Булича и дальше развивался комплекс важного чиновника, Г., как лучший друг, начал приглашать его и красивую, но очень глупую мадам Булич в шикарные рестораны и ночные клубы. Для обоих это было как дождь на изнывающую от засухи землю. Как-то Г., предварительно накачав Булича шампанским, завёл разговор о возрастающей мощи итальянского военно-морского флота и об угрозе десанта на югославское побережье. Понял ли Булич, во что его втягивают? Разумеется, нет. Он впервые за долгие годы мог похвастаться перед женой, что тоже кое-чего стоит. В конце концов можно же намекнуть, что он не какая-то там пешка. Язык его развязался, и он заявил, что ему доподлинно известно о том, как остановить итальянцев на подступах к побережью. Вы, конечно, понимаете, что это большой секрет, но...

В тот вечер Г. узнал, что Булич имеет доступ к секретной карте. Теперь надо было подумать, как снять с неё копию. Он тщательно разработал план, но не мог взять все на себя — ему нужен был посредник.

Г. прекрасно помнит, как к нему заявился Димитриос: среднего роста человек, которому можно было дать и тридцать пять, и пятьдесят (напомню, что на самом деле ему было тридцать семь лет). Он был одет по моде и... Но лучше я предоставлю слово Г.

«Он изо всех сил старался создать „шикарное“ впечатление, но, как ни пыжился, как ни задира л нос, достаточно мне было посмотреть ему в глаза, и я тотчас раскусил его. Не спрашивайте, как я догадался, что он сутенёр. По-видимому, у меня, как и у женщин, нюх на этих субъектов. Одевался он всегда элегантно, да и взгляд у него был умный. Мне это как раз понравилось, потому что я терпеть не могу молодчиков из подворотни. Хотя иногда приходится прибегать и к их услугам, но в принципе я против — уж очень трудно найти с ними взаимопонимание».

Заметим, что Димитриос не тратил времени попусту и за эти два года научился сносно говорить по-немецки и по-французски. Вот что Димитриос сказал Г.

— Я сразу же направился к вам. Хотя у меня были в Бухаресте дела, я все бросил, потому что много слышал о вас.

Г. объяснил, не вдаваясь в подробности и опуская некоторые важные детали (вновь принятому на работу необязательно раскрывать карты), что тому надо делать. Димитриос выслушал его, не моргнув глазом. После того как Г. замолчал, он спросил, сколько ему заплатят за работу.

— Тридцать тысяч динаров, — сказал Г.

— Пятьдесят тысяч, — сказал Димитриос, — и предпочтительно в швейцарских франках.

В конце концов столковались на сорока тысячах швейцарских франков.

Тем временем Булич и его жена наслаждались жизнью. Бывая в местах, где проводят время богачи, мадам Булич постепенно привыкала к роскошной обстановке и уже не смотрела на мужа с презрением. За счёт экономии (обеда и ужины оплачивал этот глупый немец) она могла теперь покупать свой любимый коньяк и, выпив, становилась сговорчивой. Ну, а впереди была радужная перспектива получения двадцати тысяч. Как-то, лёжа в постели, Булич сказал жене, что у него почти прошёл катар — вот что значит хорошо питаться. Между прочим, печальный конец этой истории уже был близок.

Заказ на морские бинокли получила чешская фирма. «Правительственный вестник», где и было опубликовано сообщение об этом, поступил в продажу в полдень. Купив газету, Г. немедленно отправился к гравёру. В шесть часов вечера он был у министерства. Он видел, как Булич вышел из здания на улицу, под мышкой у него была газета. Даже издали было видно, что он очень расстроен. Г. пошёл за ним.

Обычно Булич, точно на крыльях, летел к кафе. Сегодня он на секунду задержался, но затем решительно прошёл мимо — нет, встречаться с немцем он не хотел.

Г. свернул в одну из боковых улиц и поймал такси. Через две минуты он догнал Булича. Попросив таксиста остановиться, он выскочил из машины и крепко обнял Булича. Не давая опомниться, он затащил его в машину, все время повторяя поздравления с успехом и слова благодарности. Затем сунул ему в руку чек на двадцать тысяч динаров.

— Но ведь вы же потеряли заказ... — промямлил Булич.

— Да неужели? — захохотал Г., как будто Булич сказал что-то очень остроумное. — Ах, да. Я совсем забыл сказать вам. Заявка была подана дочерним отделением нашей фирмы. Вот посмотрите сюда. — Он сунул Буличу одну из отпечатанных сегодня карточек. — Я редко ими пользуюсь — общеизвестно, что чешская фирма является филиалом дрезденской. Ну, а теперь надо как следует спрыснуть это дело!

Булич, справившись наконец с шоком, воспринял происходящее как должное. Он был уже сильно навеселе и понёс такую околесицу насчёт своего влияния в министерстве, что Г. едва сдерживался, чтобы грубо не одёрнуть его.

Г. сообщил под большим секретом, что будет ещё дополнительный заказ на дальномеры. Мог ли Булич устоять против этого? Хитро улыбаясь, он напомнил, сколько трудов потратил, проталкивая давний заказ: видимо, надеялся на новое поощрение. Г., конечно, не ожидал такой прыти, но, посмеявшись про себя, тотчас согласился и вручил Буличу новый чек на десять тысяч динаров. Кроме того, он обещал ещё десять тысяч, когда заказ будет размещён на предприятиях фирмы. Итак, теперь у Булича было тридцать тысяч динаров. Спустя два дня Г. пригласил его с женой поужинать в один из самых дорогих ресторанов и там познакомил супругов с бароном фон Кислингом. Думаю, вы уже догадались: конечно, это был Димитриос.

— Глядя на него, — говорит Г., — вы могли бы подумать: он всю жизнь только и делал, что проводил время в шикарных отелях и ресторанах. Сразу был виден человек с безупречными аристократическими манерами. Когда Г. представил ему Булича как важного чиновника из министерства, Димитриос снисходительно подал ему руку. Наоборот, с мадам Булич он вёл себя по-другому. Г. видел это своими глазами — он, прежде чем поцеловать ей руку, сначала пощекотал ей ладонь. Простите, я немного забежал вперёд.

Димитриос заранее появился в ресторане. Г., притворившись, будто не ожидал его здесь встретить, сообщил супругам, что это барон фон Кислинг, всемирно известный банковский воротила. Когда же «барон» пожелал выпить вместе с ними бокал шампанского, они были на седьмом небе от счастья. С трудом подбирая немецкие слова, они старались выразить благодарность за оказанную им честь. Вероятно, Булич с замиранием сердца думал: вот она, цель жизни — вот один из хозяев жизни, которые либо помогают выйти в люди, либо, скомкав, как ненужную бумажку, выбрасывают на помойку. Наверняка он мечтал о том, что, быть может, «барон» поможет ему. Хорошо было бы стать

директором какой-нибудь компании, принадлежащей «барону»: большой дом, слуги, — вот какие мысли носились у него в голове.

К их столику подошла цветочница. Димитриос выбрал самую большую и самую красивую орхидею и широким жестом вручил её мадам Булич, сказав, что он просит принять этот цветок как дар от восхищённого её красотой поклонника. Он достал из кармана бумажник и раскрыл его — из него выпала на стол толстая пачка денег. Каждая купюра была по тысяче динаров.

Извинившись, он положил деньги в бумажник и сунул его в карман. Г. (так и было задумано) сказал, что носить с собой большую сумму не очень разумно, и спросил «барона», зачем это нужно. «Получилось совершенно случайно, — сказал „барон“. — Просто был у Алессандро и выиграл эти деньги. Бывали ли вы, мадам, у Алессандро?» — спросил он. «Нет», — отвечала она. И пока «барон» рассказывал, как все здорово устроено у Алессандро, где, не в пример другим игорным домам, все зависит только от вашей удачи, а не от искусства крупье, супруги угрюмо молчали — они отродясь не видели столько денег. «Конечно, мне сегодня ужасно везло, — закончил Димитриос, устремив свои горячие чёрные глаза на мадам. — Если вы никогда не были у Алессандро, то мне доставит громадное удовольствие сопровождать вас к нему».

Супруги были не в силах побороть искушение. Разумеется, их ждали и все тщательно подготовили. Рулетка была исключена, потому что здесь мошенничество практически исключалось. Была выбрана карточная игра *trente et quarante*. Минимальная ставка — двести пятьдесят долларов.

Итак, все готово — фарс начинается. Появляется Алессандро, и «барон» знакомит его с супругами Булич. Узнав, в чем дело, тот разводит руками: какой может быть разговор? Друзья «барона» — его друзья. Да и причин для волнений пока нет — вот если бы господам не повезло, тогда, конечно, другое дело.

Г. считает, если бы Димитриос не помешал разговору супругов между собой, они бы ни за что не сели за стол. Да, сейчас у них было тридцать тысяч динаров, но, зная о том, сколько еды и всякого добра можно было бы купить на одну карточную ставку, они не рискнули бы их потерять. Супруги стояли возле кресла Г. и следили за игрой. И вот тут-то Димитриос шепнул на ухо Буличу, что ему нужно поговорить с ним о деле, и предложил пообедать вместе в самое ближайшее время.

Как Димитриос и рассчитывал, шепоток этот произвёл на супругов неизгладимое впечатление. Небрежно брошенные «бароном» слова для Булича могли означать только одно: «Дорогой мой, даже если вы проиграете несколько сот динаров, не стоит из-за этого расстраиваться — вы мне понравились. Так что не портите то хорошее впечатление, которое вы на меня произвели».

И мадам Булич села играть.

Она проиграла свою первую ставку, потому что у неё была не та масть, вторую — потому что у неё был перебор. Димитриос, который советовал действовать

как можно осторожнее, предложил сыграть a cheral. В результате — проигрыш, потом ещё один.

Спустя час она проиграла пять тысяч динаров. Явно симпатизировавший ей Димитриос, чтобы утешить её, дал ей пять фишек, по сто динаров каждая, из той кучи, которая громоздилась перед ним, и сказал, что это должно «принести ей счастье». Для Булича все происшедшее было чем-то вроде изощрённой пытки, и он, считая, что это подарок, промямлил что-то нечленораздельное вроде: «Спасибо, но лучше не надо». Мадам Булич тем временем совсем потеряла голову. Ей иногда везло, но проигрыши случались гораздо чаще. В половине третьего игра закончилась. Булич подписал долговую расписку на имя Алессандро в том, что он обязуется выплатить ему двенадцать тысяч динаров. На прощание Г. угостил супругов шампанским.

Можете себе представить, какая сцена произошла между супругами, когда они вернулись домой: упрёки, слезы, взаимные обвинения. Все-таки мрак не был таким уж безнадёжным: ведь завтра «барон» пригласил Булича пообедать вместе с ним и обсудить кое-какие деловые вопросы.

Встреча, конечно, состоялась. Причём Димитриосу было дано указание ободрить Булича. «Барон» рассказывал, какие баснословные доходы имеют его друзья, какой у него чудесный замок в Баварии — у Булича от этих рассказов сладко замирало сердце. Какие-то двенадцать тысяч? Да чепуха — теперь он заработает миллионы.

Димитриос первым заговорил об уплате долга Алессандро. Он предложил пойти сегодня же к нему и все уладить. Он сам сядет за стол и будет играть. Что же касается проигрыша, то ведь без него не бывает и выигрыша. Надо, чтобы они играли вдвоём — женщины только портят все дело.

Когда Булич начал игру, у него было сорок фишек. Через два часа ни одной. Он взял в долг ещё двадцать фишек, заявив, что счастье переменчиво. Странно, но ему не приходило в голову, что он имеет дело с шулерами. Вероятно, пример «барона», который тоже много проиграл, создавал иллюзию честной игры. Он ещё раз взял в долг и опять все проиграл. Когда, наконец, решил остановиться, проигрыш составлял тридцать восемь тысяч динаров. Он был бледен, как полотно; по лицу его струился пот.

Теперь Г. и Димитриос могли вить из него верёвки. На следующий день они позволили ему выиграть тридцать тысяч. В третий раз он проиграл четырнадцать тысяч. В четвёртый раз, когда он был уже должен двадцать пять тысяч, Алессандро потребовал вернуть долг. Булич обещал сделать это в течение недели. Естественно, Г. был первым, к кому обратился он за помощью.

Г. с участием выслушал его. Но ведь двадцать пять тысяч не шутка, не правда ли? Конечно, он мог бы помочь, но средства, которыми он располагает, принадлежат не ему лично, а фирме, поэтому он не распоряжается ими по своему усмотрению. Все, что он может, это дать ему займы на несколько дней

двести пятьдесят динаров. Больше он, к сожалению, ничего сделать не может, потому что... Булич взял у него деньги.

Г. посоветовал ему обратиться к «барону», который всегда принимает близко к сердцу трудности своих друзей. Нет, займы «барон» не даёт (у него принцип: никогда не давать займы), но он даёт своим друзьям возможность заработать большие деньги. Почему бы не побеседовать с ним?

«Беседа» состоялась в гостиной номера, который «барон» занимал. Заказанный Буличем ужин на две персоны был подан прямо в номер. Г., запершись в ванной, подслушивал.

Преодолев некоторое смущение, Булич наконец взял быка за рога: что было бы, если бы он отказался платить Алессандро?

Димитриос гневно отверг это предположение. Булич наконец понял: его тотчас выгонят из министерства. Наверняка всплывёт и то, что он брал деньги у Г. Никто же не даёт деньги за одни только красивые глаза — значит, здесь что-то есть, а это уже грозило тюрьмой. Буличу оставалось только одно: выпросить деньги у «барона».

После долгих упрасиваний «барон», наконец, сдался и сказал, что кое-кого из его знакомых интересует информация, которую они не могут получить по обычным каналам. Эти люди могли бы заплатить за информацию тысяч пятьдесят, если все будет сделано без шума.

Между прочим, Г. приписывал свой успех (для него это слово означает совершенно то же самое, что и для хирурга, если оперированный выжил после операции) тщательно продуманному манипулированию с деньгами. Первая взятка в двадцать тысяч, затем долги Алессандро, который был агентом Г., и, наконец, предложенные Димитриосом пятьдесят тысяч были этапами психологической обработки Булича.

Сразу сломать Булича не удалось. Когда он понял, что от него требуется, он, конечно, сначала испугался, но потом впал в настоящее бешенство. Видимо, у него наконец-то спала с глаз пелена, потому что он несколько раз выкрикнул: «Шпион... подонок». Действительно, после этих слов «барон» перестал изображать из себя занятого филантропией аристократа и собственноручно подавил бунт. Удар ногой в живот согнул бедного Булича пополам и вызвал приступ рвоты. Затем последовал удар ногой в лицо, после чего, бросив его в кресло, Димитриос ещё раз объяснил, что у него нет другого выхода.

Все было очень просто: Булич должен был принести карту после работы в отель и положить её на место на следующий день.

На следующий день вечером Димитриос получил карту. Отнес её Г., который немедленно занялся фотографированием и проявлением плёнки, Димитриос вернулся в гостиную и не спускал глаз с Булича до тех пор, пока Г. не дал ему знать, что карта больше не нужна. Затем Димитриос вручил Буличу карту и деньги и тот, не вымолвив ни единого слова, удалился.

Г., находившийся все это время в спальне, говорит, что звук захлопнувшейся за Буlichem двери был для него слаще музыки. В самом деле, негатив обошёлся в весьма умеренную сумму. Если Булич незаметно вернёт карту, то получалось, что и волки сыты, и овцы целы.

И в этот момент в спальню вошёл Димитриос.

Г. сразу понял, какую ошибку он совершил.

— Позвольте получить то, что причитается мне за работу, — сказал Димитриос, протягивая руку.

Г. согласно кивнул головой и пожалел о том, что пришёл без оружия.

— Вам придётся пройти со мной, — сказал он и шагнул к двери.

Димитриос отрицательно покачал головой.

— То, что мне причитается, у вас в кармане.

— То, что у меня в кармане, причитается мне, а не вам.

Ухмыльнувшись, Димитриос достал револьвер.

— Поднимите руки, mein Herr, и держите их на затылке.

Г. подчинился. Сделав два шага, Димитриос остановился. Г. говорит, что он только теперь понял грозящую ему опасность.

— Только, пожалуйста, без глупостей, mein Herr.

Улыбка вдруг исчезла с его лица. Он сделал ещё один шаг и, ткнув револьвером Г. в живот, сунул свободную руку в карман пиджака и вытащил плёнку. Потом, отскочив в сторону, сказал:

— Теперь можете уходить.

Г. ушёл. Но и Димитриос, в свою очередь, совершил ошибку.

В ту ночь агенты Г. с завербованными уголовниками прочёсывали Белград, пытаясь схватить Димитриоса. Но Димитриос как сквозь землю провалился — больше его Г. никогда не видел.

Вы спросите, что стало с негативом? Вот ответ Г.:

— Когда на следующий день стало ясно, что он ушёл от нас, мне — как это ни горько, ведь вся моя работы пошла насмарку — ничего не оставалось, как рассказать о происшедшем работнику германского посольства, который был моим приятелем и кое-чем был обязан мне. Спустя два-три дня после этого памятного вечера мне стало известно, что Димитриоса видели вместе с человеком, который работал на французскую разведку, так что германскому посольству представилась прекрасная возможность оказать услугу правительству Югославии. Как вы думаете, могло оно не воспользоваться этим?

— Если я правильно понял, — сказал я, — вы поступили вполне сознательно, известив югославские власти о том, что карта побывала в чужих руках?

— К сожалению, у меня не было другого выхода. Будучи новичком в нашем деле, Димитриос совершил непростительную ошибку, выпустив меня живым. Он, наверное, думал, что я легко опять заполучу карту, шантажируя Булича. Но эта карта теперь не имела для меня никакой ценности — во-первых, потому что секретные сведения стали известны другой разведке, а, во-вторых, потому что,

сообщая сведения, уже известные другой разведке, разведчик роняет свой престиж. Конечно, я был очень зол на самого себя. Единственным утешением было только то, что Димитриос получил от французов половину договорной цены за информацию, как будто они догадывались, что она уже устарела. Впрочем, она стала таковой чуть позже, после предпринятого мной демарша.

— Что стало с Буличем?

Черты лица Г. исказила брезгливая усмешка.

— Жаль, конечно, что все так получилось. Я обычно беру на себя ответственность за судьбу тех, кто на меня работает? Его арестовали чуть ли не на другой день. Он рассказал властям все, что знал о Димитриосе. Это и спасло ему жизнь — он был приговорён к пожизненному заключению. Я уже приготовился к тому, что власти будут разыскивать и меня: в конце концов ведь это я познакомил его с Димитриосом. Но, как ни странно, меня не тронули. Подумав, я решил, что он, возможно, боится дополнительного обвинения в получении взятки, либо сделал это из благодарности за те двести пятьдесят динаров, которые я дал ему в последний раз. Весьма вероятно, он так и не догадался, кто стоял за всем этим. Как бы то ни было, мне это очень пригодились: ведь я ещё не закончил свою работу в Белграде и, если бы за мной началась слежка, мне пришлось бы поменять паспорт и — что самое для меня неприятное — прибегнуть к гриму. Судите сами, насколько это усложнило бы мне жизнь.

Я задал последний вопрос, и вот что он мне ответил:

— Да, я сфотографировал новую карту. Правда, на этот раз я пошёл другим путём. Вернуться с пустыми руками я не мог, хотя бы потому, что ухлопал на это мероприятие кучу денег. Кстати, в нашем деле всегда так: хорошо, если огромные силы и средства тратятся хотя бы не впустую. Вы, наверное, думаете, что я просчитался, поставив на Димитриоса. Полагаю, это не справедливо. Ведь моя ошибка заключалась только в том, что Димитриос казался мне таким же жадным до денег дураком, каких миллионы. Каково же было моё удивление, когда он отнял у меня плёнку, не дожидаясь своих сорока тысяч. Эта ошибка в прямом смысле слова стоила мне очень дорого.

— Ошибка эта особенно дорого обошлась Буличу, — сказал я с каким-то мстительным удовольствием и пожалел об этом, потому что Г. нахмурился.

— Я хочу напомнить вам, уважаемый месье Латимер, — начал Г. свою отповедь, — что Булич был изменником родины и получил по заслугам. Сантименты по отношению к таким, как он, просто недопустимы. Кроме того, как известно, на войне и убивают, а Буличу здорово повезло, что он остался жив, — обычно таких, как он, расстреливают. Рискую прослыть в ваших глазах беспредельно жестоким, я заявляю, что тюрьма для него дом родной. Ведь, в сущности, ему не нужна была свобода. Жена только и ждала подходящего случая, чтобы бросить его. Уверен, она прекрасно устроилась.

Моё письмо, дорогой Марукакис, подходит к концу. Думаю, я утомил вас. Все-таки надеюсь, что вы напишете охотнику за призраками и скажете мне, есть ли хоть какой-то смысл в исследовании прошлого. Между прочим, я начинаю сомневаться в этом. Согласитесь, история получается ну совершенно никчёмная — ни героя, ни героини; одни только дураки и негодяи. А вам, быть может, кажется, что только одни дураки?

Но уже и так я отнял у вас слишком много времени, чтобы ещё предаваться риторике. Сейчас начну упаковывать вещи. На днях я брошу вам открытку с моим новым адресом и надеюсь получить от вас письмо. Во всяком случае, мы вскоре непременно увидимся.

С наилучшими пожеланиями

Ваш Чарльз Латимер

Восемь ангелов

Латимер прибыл в Париж хмурым ноябрьским днём. На вокзале он взял такси и поехал на остров Сите, в отель. Над городом нависли чёрные тучи. Они мчались на юг, гонимые сильным северным ветром. Он подумал, что дома на набережной Кэ-де-Корс выглядят как-то особенно неприветливо и таинственно. У него было такое ощущение, будто за ним кто-то следит. Улицы были пустынные — редко-редко появлялся торопливый прохожий. Париж был мрачен, как старинная гравюра, изображающая кладбище.

У Латимера вдруг упало настроение. Поднимаясь по лестнице к себе в номер, он всерьёз подумывал о том, чтобы вернуться в Афины. В номере было холодно. Не зная, чем заняться, он решил побывать в тупике Восьми ангелов и посмотреть на дом под номером три. Не без труда отыскал он это место: тупик ответвлялся от улицы, пересекавшей Рю де Ренн.

Вход в тупик преграждали высокие железные ворота, которые, очевидно, никогда не запирались. Довольно широкая мостовая была выложена крупным булыжником. Слева шла высокая железная решётка с пиками наверху, отделявшая тупик от прилегающего жилого квартала, справа была глухая стена, на которой чёрной масляной краской, сильно облупившейся, было написано: «Вывешивать афиши запрещается. Распоряжение от 10 апреля 1929».

Затем тупик делал крутой поворот. Здесь-то, в самом его конце, и находились три дома, хорошо спрятанные от случайного прохожего, зажатые между глухой стеной отеля, по которой, точно змеи, проходили канализационные трубы, и другой стеной неизвестного происхождения. Усмехнувшись, Латимер подумал, что жизнь в тупике Восьми ангелов была своеобразной подготовкой к переходу в лучший мир. Видимо, эта мысль приходила в голову каждому, кто тут появлялся. Возможно, поэтому два дома из трех были заколочены, и только в третьем, кажется, жили люди, да и то лишь на самом верхнем, четвёртом этаже.

У Латимера было такое чувство, точно он вторгся в чужие владения. Он решил подойти к дому номер три поближе. Дверь подъезда была распахнута настежь. За нею выстланный плиткой коридор, в конце которого — небольшой, находившийся несколькими ступенями ниже, холл. Справа по коридору комната консьержки, но в ней давно уже никто не сидит. К стене прибита доска, где когда-то вывешивался список жильцов, а теперь был прикреплён кнопкой грязный клочок бумаги, на котором чернильным карандашом прыгающими печатными буквами была написана фамилия единственного жильца — Кель.

— Ну, что ж, — подумал Латимер, — теперь он по крайней мере знает, что мистер Питерс не выдумал адрес, который сообщил ему. Он повернулся и вышел на улицу. На Рю де Ренн зашёл на почту, купил открытку и, написав на ней адрес отеля, в котором остановился, отправил её мистеру Питерсу. Дальнейшее во многом зависело от того, какие шаги предпримет тот, но прежде Латимеру необходимо было в обязательном порядке познакомиться с сообщениями парижской прессы о нашествии в декабре 1931 года процессе над бандой торговцев наркотиками.

В 9 часов утра, сразу после завтрака, Латимер отправился в редакцию одной из газет просмотреть старые подшивки. В номере от 29 ноября 1931 года была помещена заметка под заголовком «Торговцы наркотиками арестованы»: «Вчера в квартале Алесиа арестованы мужчина и женщина, замешанные в торговле наркотиками. Полагают, что они принадлежат к давно разыскиваемой банде иностранцев, снабжающей наркоманов. Как сообщили нам из полиции, в течение ближайших дней будут произведены дальнейшие аресты».

Несколько скуповато и весьма загадочно, подумал Латимер, обратив внимание на то, что в заметке отсутствовали фамилии задержанных. Вероятно, заметка представляла собой резюме более обширного полицейского протокола. Полиция считала целесообразным не сообщать имена, пока следствие не закончено.

Следующее сообщение появилось 4 декабря под заголовком «Ещё трое из банды арестованы»:

«Вчера поздно ночью в кафе вблизи Порт д'Орлеан были арестованы три человека, принадлежащие к преступной организации по продаже наркотиков. Появившиеся в кафе полицейские были вынуждены открыть огонь, так как один из задержанных был вооружён и предпринял отчаянную попытку к бегству. Он был задержан, получив небольшое ранение. Двое других, из которых один оказался иностранцем, без сопротивления сдались полиции.

Итак, число арестованных членов банды составляет теперь пять человек. Арестованные неделю назад мужчина и женщина, как полагают, принадлежат к той же банде.

Полиция намеревается произвести дальнейшие аресты, поскольку в Бюро по борьбе с наркотиками имеются улики против некоторых лиц, связанных с этой бандой.

Месье Огюст Лафон, директор Бюро, сделал следующее заявление: «Нам давно было известно о существовании банды. Бюро была проделана кропотливая работа по расследованию её преступной деятельности. И все-таки мы воздерживались от скоропалительных арестов, так как нам нужно было взять вожаков. Только арест вожаков и прекращение контрабанды наркотиков из-за границы могли покончить раз и навсегда с гнусными торговцами наркотиками, которые наводнили Париж. Я убеждён, что нам удастся полностью уничтожить эту банду, равно как и другие, подобные ей».

Наконец 11 ноября в газете появилась следующая заметка:

«Банда торговцев наркотиками уничтожена. Новые аресты. „Теперь они в наших руках“ — говорит Лафон. Совет семи.

Шестеро мужчин и одна женщина находятся сейчас под арестом в результате акции, проведённой месье Лафоном, директором Бюро по борьбе с наркотиками.

Как мы уже сообщали, две недели назад в квартале Алесиа были арестованы женщина и мужчина, её сообщник. В завершение этой акции вчера в Марселе арестованы два человека, которые, как полагают, являются последними членами банды, именующей себя «Совет семи», преступная деятельность которой наконец прекращена.

По просьбе полиции мы не сообщали читателям фамилии арестованных, дабы избежать возможных помех при ведении расследования. Поскольку в этом нет больше необходимости, мы сообщаем их читателям.

Единственная женщина среди арестованных, Лидия Прокофьева, русская, прибыла во Францию из Турции в 1924 году с паспортом, выданным организацией Нансена. В преступном мире она известна под кличкой «Великая герцогиня». Арестованный вместе с ней голландец Манус Виссер благодаря связи с Прокофьевой получил кличку «Герцог».

Приводим имена остальных: Луи Галиндо, принявший французское гражданство мексиканец, находится сейчас с пулевым ранением бедра в больнице; Жан-Батист Ленотр, француз из Бордо, и Жакоб Вернер, бельгиец, были арестованы вместе с Галиндо; Пьер Ламар, по кличке «Любимчик», и Фредерик Петерсен, датчанин, были арестованы в Марселе.

В заявлении, сделанном вчера для печати, месье Лафон сказал: «Теперь они в наших руках. Наконец-то банда уничтожена. Отрубив голову, мы тем самым умертвили её мозг. А лишённое мозга тело быстро умирает. Итак, с бандой покончено».

Петерсену и Ламару предстоит сегодня допрос у следователя. Суд над арестованными ожидается в самое ближайшее время.

Советуем читателям обратить внимание на статью «Тайны банды торговцев наркотиками», помещённую на стр. 3».

Латимер приступил к чтению статьи на третьей странице.

Автор, скрывшийся под псевдонимом «Бдительный», сообщал читателю, что морфий имеет химическую формулу $C_{17}H_{19}O_3$ и является производным от опиума; что в медицине применяется гидрохлорид морфия; что героин (диацетилморфин), другой алкалоид, производный от опиума, наиболее популярный из всех наркотиков, потому что более эффективен и быстрее действует; что кокаин получают из листьев тропического кустарника коки и употребляют в виде гидрохлорида кокаина (химическая формула $C_{17}H_{21}O_4HCl$); что все эти вещества способствуют сексуальной возбудимости, создают вначале у человека, принимающего их, чувство физического и душевного комфорта, которое затем сменяется чувством душевного краха, а впоследствии приводит к полной физической и умственной деградации, вызывая при этом у наркомана такие муки, которые не могли бы причинить ему самые изощрённые пытки. Доставка наркотиков потребителю была поставлена так хорошо, что любой житель Парижа или Марселя, пожелавший иметь наркотик, мог получить его. В каждой европейской стране имеются тайные лаборатории, производящие наркотики. Их мировой объём производства в сотни раз превышает медицинские нужды. Общее число наркоманов в одной только Западной Европе составляет несколько миллионов человек. Контрабанда наркотиков представляет собой широко разветвлённый и хорошо организованный бизнес. Далее автор приводил список последних конфискаций наркотиков полицией: 16 кг героина было найдено в ящиках с машинным оборудованием, отправленным из Амстердама в Париж; 25 кг героина было спрятано между двойными стенками цистерны с нефтью, доставленной из Нью-Йорка в Шербур; 10 кг морфия нашли под вторым дном сундука для вещей в каюте парохода, пришедшего в Марсель; 200 кг героина было обнаружено в лаборатории, находящейся в одном из гаражей вблизи Лиона.

Разносчики наркотиков находились под контролем банд, во главе которых стояли богатые, всеми уважаемые люди. Полиция была подкуплена этими подонками. В Париже имелись бары и дансинги, где продажа наркотиков происходила прямо на глазах полиции. Разносчики потешались над полицейскими. Статья заканчивалась патетической тирадой: «Полиция провела акцию против этих негодяев. Будем надеяться, что не последнюю. Между тем тысячи французов и француженок обречены на адские муки хозяевами дьявольского бизнеса, который подрывает здоровье и силу нации». Для Латимера было очевидно, что «Бдительный», несмотря на все своё негодование, ничего не знал о подлинных тайнах банды.

После ареста «Совета семи» интерес прессы к этому делу заметно остыл. Возможно, не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что «Великая герцогиня» была переведена в Ниццу, где ей предъявили обвинение в мошенничестве, которое она совершила здесь тремя годами раньше. Суд над остальными был скорым. Галиндо, Ленотра и Вернера приговорили к штрафу в

размере пяти тысяч франков и трём месяцам тюрьмы; Ламар, Петерсен и Виссер были приговорены к двум тысячам франков штрафа и к одному месяцу тюрьмы.

Латимера не на шутку удивила мягкость приговора. «Бдительный» вновь выступил на страницах газеты с комментариями по этому поводу. «Благодаря тому, что суд опирается на давно устаревшие и во многом абсурдные законы, — гремел он, — вынесен этот странный приговор. Будь все иначе, каждый из шестерых мог быть приговорён к пожизненному тюремному заключению. Неужели у кого-то может возникнуть мысль, что один из этих шести вожак банды? О, нет! Очевидно, никому из полицейских не могло прийти в голову, что кто-то из этих крыс мог организовать дело, которое, согласно показаниям, данным в суде, приносило только в течение одного месяца доход свыше двух с половиной миллионов франков».

Автор заметки явно намекал на то, что полиция словно забыла о существовании Димитриоса. Разумеется, полиция не собиралась развенчивать мысль о своей проницательности — в противном случае ей пришлось бы поведать читателям о том, что арест банды стал возможен только благодаря доносу пожелавшего остаться неизвестным доброжелателя, который, как справедливо предполагала полиция, и был вожаком банды. Латимеру стало досадно, потому что чтение старых газет, предпринятое им с целью выяснения некоторых тёмных вопросов, ничего не дало — он знал гораздо больше, чем те, кто писал эти заметки.

Он уже хотел захлопнуть подшивку, как взгляд его вдруг упал на фотографию, помещённую в газете. Обычная газетная иллюстрация, от которой нельзя было ожидать слишком многого: полицейский, к которому прикованы трое заключённых. Они заметили репортёра и пытались отвернуться от объектива, но это им так и не удалось.

Выйдя из редакции, Латимер отметил, что к нему опять вернулось хорошее настроение.

В отёле его ждала открытка. Мистер Питерс извещал о том, что он навестит его в шесть часов вечера.

Мистер Питерс появился в половине шестого. На Латимера обрушился водопад приветствий.

— Дорогой и уважаемый мистер Латимер! Мне трудно выразить словами, как я рад, что снова вижу вас. Наша последняя встреча была сопряжена с такими ужасными обстоятельствами, что я не смел даже надеяться, что... Но, мне кажется, мы могли бы поговорить и о более приятных вещах. Я приветствую вас! Добро пожаловать в Париж! Надеюсь, доехали благополучно? Расскажите, как вам показался Гродек? Он написал мне, что вы не только понравились ему, но просто очаровали его. Он один из тех, кого зовут добрый малый, не так ли? Как вам его кошки? Он прямо-таки их боготворит.

— Общение с ним было очень полезно. Что же вы стоите, садитесь, пожалуйста.

— Я хорошо знаю, как много пользы приносит общение с Гродеком.

На лице мистера Питерса засияла сладостно-горестная улыбка, и, глядя на улыбающегося мистера Питерса, Латимер подумал: нечто подобное испытываешь, когда случайно встретившийся на улице знакомый, которого вы искренне и глубоко ненавидите, вдруг поздоровается с вами.

— Вот только не знаю, зачем ему понадобилось напускать на себя такой таинственный вид, — продолжал Латимер. — Между прочим, он настаивал, чтобы я обязательно поехал в Париж и повидал вас.

— Вот как?

Кажется, мистеру Питерсу это не очень понравилось, и его улыбка заметно поблекла.

— А что ещё он сообщил вам, мистер Латимер?

— Он сказал, что вы умный человек. Ему, видимо, показалось забавным все, что я рассказал.

Мистер Питерс наконец-то осторожно присел на кровать. Улыбка совершенно исчезла с его лица.

— И что же вы ему рассказали?

— Во-первых, он пожелал узнать, какие у меня могут быть с вами дела. Я с ним был совершенно откровенен, — злорадно сказал Латимер. — И рассказал ему все то небольшое, что мне известно. Я понимаю, что вам это может не понравиться, но прошу меня простить, ведь ваши изумительные планы до сих пор остаются для меня неизвестными.

— Теперь я понимаю, почему его письмо ко мне написано в таком легкомысленном тоне. Впрочем, я рад, что благодаря вам он удовлетворил своё любопытство. В этом мире богачи часто завидуют тем, у кого дела идут в гору. И хотя Гродек мне друг, но его помощи в нашем деле не требуется. Он, вероятно, это понял, хотя, быть может, и хотел бы в нем участвовать.

Латимер как замороженный смотрел на него. Вдруг у него вырвалось:

— Вы, конечно, не забыли взять с собой пистолет, мистер Питерс?

Толстяк сделал вид, что этот вопрос ему ужасно неприятен.

— Господь с вами, мистер Латимер. С какой стати я должен таскать с собой эту штуку, раз я пришёл в гости к другу?

— Очень хорошо, — сказал Латимер резко.

Он встал и запер дверь на ключ.

— Мне очень не хочется выглядеть негостеприимным, но и моему терпению приходит конец. Приехав сюда Бог знает из какой дали, я до сих пор не понимаю, зачем я это сделал. Теперь очень хочу это знать.

— И, безусловно, все узнаете.

— Я это слышал и раньше, — грубо оборвал его Латимер. — Но, прежде чем вы опять начнёте разводить турусы на колёсах, хотел бы обратить ваше внимание на две вещи. Признаюсь, мистер Питерс, я не из тех, кто любит навязывать свою волю другим. Более того, мистер Питерс, я искренне и глубоко

ненавижу всякое насилие. Но ведь бывают же случаи, когда даже миролюбцы прибегают к насилию. Мне кажется, я как раз на грани этого. Я гораздо моложе, и вы, вероятно, с этим согласитесь, физически сильнее вас. Если опять начнёте увиливать от ответа, то, предупреждаю вас, я применю силу. Вот что я хотел сказать, во-первых. Ну, а во-вторых, я ведь знаю, кто вы. Ваша фамилия не Питерс, а Петерсен. Вас зовут Фредерик Петерсен, и вы были членом банды, торговавшей наркотиками. Возглавлял эту банду Димитриос. После ареста в декабре 1931 года вы были приговорены к тюремному заключению сроком на один месяц и штрафу в размере двух тысяч франков.

Мистер Питерс попытался улыбнуться.

— Вы узнали это от Гродека? — спросил он тихо и печально, и Латимер подумал, что ему, наверное, очень хотелось сказать: «Вам все рассказал этот Иуда?»

— Нет. Я видел вашу фотографию в старой газете.

— Вот оно что... Мне трудно было поверить, что Гродек...

— Итак, это правда?

— Конечно. Конечно, это правда.

— Ну что ж, в таком случае, мистер Петерсен...

— Питерс, мистер Латимер. Я решил переменить фамилию.

— Хорошо, пусть будет Питерс. Давайте перейдём теперь к третьему пункту. Ещё в Стамбуле я узнал некоторые интересные подробности, касающиеся краха вашей банды. Мне говорили, что именно Димитриос выдал вас полиции. Это правда?

— Безусловно, он поступил очень скверно по отношению ко всем нам, — сказал мистер Питерс мрачно.

— Мне говорили, что Димитриос сам пристрастился к наркотикам. Это верно?

— Как ни печально, но это факт. Я думаю, вы со мной согласитесь: если бы не наркотики, не было бы и доноса в полицию. Ведь мы приносили ему огромный доход.

— Я слышал также, что многие из вас собирались отомстить за это Димитриосу.

— Я не собирался, — возразил мистер Питерс. — Хотя некоторые горячие головы, как, например, Галиндо, очень этого хотели. Каюсь, я солгал. Я все-таки взял с собой пистолет. Надеюсь, вы меня поймёте? Своей скрытностью вы довели меня до отчаяния.

— Во всяком случае, вам бы это было на руку.

— Да поймите же наконец, мистер Латимер, — сказал мистер Питерс устало, — это вам не детективная история. Выбросьте наконец из головы все эти глупости. Подключите своё воображение и подумайте над тем, что Димитриос, очевидно, не оставил завещания в мою пользу. Ведь так? Но это значит, что неверно ваше предположение, будто я убил его из-за денег, не правда ли? Ведь вы, конечно, не думаете, что он держал свои сокровища в сундуке? Так что

давайте, мистер Латимер, спустимся на землю и обсудим все как разумные люди. Давайте вместе пообедаем. Можно пойти ко мне, я угощу вас хорошим кофе. Мне, например, ваш номер совсем не нравится. Если же вы предпочитаете пойти в кафе, то я тоже согласен. Я знаю, что я вам не нравлюсь, и не хочу вас осуждать за это. Давайте вообразим, что мы питаем друг к другу тёплые чувства.

Латимеру вдруг стало его жалко: последние слова он сказал печальным тоном и даже не улыбнулся. Кроме того, Латимер в самом деле вёл себя довольно глупо — недоставало только, чтобы он вёл себя как святоша или лицемер. И все-таки...

— Я тоже проголодался, — сказал он. — В самом деле, почему бы и не пойти к вам. Как и вы, я в отчаянии от постоянных трений между нами. Я только хочу вас предупредить, мистер Питерс, что если и на этот раз я не получу от вас удовлетворительного ответа — зачем я вам понадобился, то, уверяю вас, — заметьте, мне наплевать на полмиллиона франков, — я немедленно покину Париж. Надеюсь, это ясно?

— Куда уж яснее, мистер Латимер, — сказал Питерс, улыбаясь. — Мне так нравится, когда вы искренни со мной. Что может быть лучше искренности? Как хорошо, когда наши сердца открыты друг другу, когда мы не боимся, что нас поймут неправильно! Как хороша тогда жизнь! Но нет — мы слепы, как кроты. И когда Всемогущий делает свой выбор, и кто-нибудь из нас совершает неблагоприятный поступок, не будем спешить осуждать его. Ведь свершилась Его воля, которую нам не дано понять. Как мы можем знать Его волю? Как, я вас спрашиваю?

— Я, право, не знаю.

— И никто не знает, мистер Латимер. Никому это не дано, если только он не окажется по ту сторону.

— Совершенно верно. Мне кажется, тут недалеко есть датский ресторан. Может, пойдём туда?

— Вы ошибаетесь, мистер Латимер, — сказал мистер Питерс печально и надел шляпу. — Вам почему-то доставляет удовольствие смеяться над стариком. В любом случае, я предпочитаю французскую кухню.

Спускаясь по лестнице, Латимер в который раз отметил удивительную способность мистера Питерса ставить его в неловкое положение.

Они пообедали в ресторане на Рю Жакоб, причём расплачивался мистер Питерс. Потом они отправились в тупик Восьми ангелов.

— Кто этот Кель? — спросил Латимер, когда они поднимались по грязной лестнице.

— Он сейчас в отъезде. В настоящий момент, кроме меня, здесь никто не живёт.

— Понятно.

Тяжело дыша, мистер Питерс остановился на площадке второго этажа.

— Полагаю, вы сделали вывод, что я и есть этот самый Кель.

— Естественно.

Мистер Питерс продолжал восхождение по скрипевшим под его тяжестью ступенькам. Он был сзади похож на слона в цирке, который с явной неохотой взбирается по ступенькам пирамиды под хохот публики. Но вот наконец и площадка четвёртого этажа. Мистер Питерс, тяжело дыша, достал ключи и начал открывать замок сильно обшарпанной двери. Распахнув её, он включил свет и пригласил Латимера войти.

За занавесом, отделявшим прихожую, оказался довольно большой зал, по-видимому, занимавший весь этаж. Слева были двери на балкон. Обычная, правда, очень большая комната в обычном старом французском доме.

Но то, что Латимер там увидел, было просто фантастично. Прежде всего, конечно, занавес. Он был сделан из какой-то тяжёлой золотистой ткани. Стены и потолок были выкрашены режущей глаза фиолетовой краской, на фоне которой сияли большие золотые пятиконечные звезды. Весь зал вплоть до самых углов был застелен марокканскими коврами, причём кое-где в два или три слоя. По стенам стояли три огромных дивана со множеством подушек. На полу валялись кожаные набитые войлоком турецкие подушки для сидения. Перед одним из диванов стоял сделанный в Марокко стол. В углу зала висел громадных размеров гонг. Зал освещали три подвешенных к потолку фонаря, искусно украшенных резьбой по дереву. В центре стоял небольшой обогреватель из хромированной стали. После улицы было трудно дышать пыльным воздухом.

— Вот мы и дома! — сказал мистер Питерс. — Раздевайтесь, мистер Латимер. Хотите, я покажу вам остальные апартаменты.

— С удовольствием.

Они вышли в прихожую и вновь поднялись по лестнице.

— Вот здесь моя спальня, — сказал мистер Питерс. — Как видите, мне удалось найти своего рода оазис в этой отвратительной пустыне.

Латимер увидел небольшую, низкую комнату, в ней кровать и неизменный марокканский ковёр на полу.

— Здесь ванная и туалет.

На подзеркальнике лежала вторая запасная челюсть.

— А теперь, — сказал мистер Питерс, — я покажу вам кое-что интересное.

В углу стоял большой платяной шкаф. Мистер Питерс открыл дверцу и зажёл спичку. К стене шкафа было привинчено несколько металлических крючков для одежды. Взявшись за один из них, он нажал на него — стенка шкафа отодвинулась в сторону, пламя спички заметалось, и Латимер почувствовал на своём лице струю холодного ночного воздуха и приглушённый шум большого города.

— Вдоль стены этого дома идёт железная платформа, которая соединяется с другим домом. Там стоит точно такой же шкаф, хотя снаружи это обычная стена. Это Димитриос придумал, чтобы исчезать отсюда незаметно.

— Димитриос!

— Да, ведь это он купил все три дома. Из соображения безопасности они оставались без жильцов. По большей части они использовались как складские помещения. Зал был местом, где мы все собирались. Между прочим, все эти дома до сих пор принадлежат Димитриосу, хотя формально они были записаны на моё имя. Полиция, к счастью, ничего об этом не знала, и я, выйдя из тюрьмы, нашёл здесь пристанище.

Мистер Питерс ушёл и вернулся с марокканским подносом, на котором стояли необычной формы кофейники, спиртовая горелка, две чашки и коробка с марокканскими сигаретами. Он зажёл горелку и поставил на огонь кофейники. Положив на диван рядом с Латимером коробку с сигаретами, он протянул руку, достал с полки одну книгу и начал листать её. Из книги выпала небольшая фотография, и мистер Питерс нагнулся, поднимая её с пола.

— Не узнаете? — сказал он, подавая её Латимеру.

Выцветшая любительская фотография человека, которого он когда-то видел.

— Это Димитриос! — воскликнул Латимер.

Мистер Питерс взял у него фотографию и, сев на оттоманку, убавил огонь под кофейником.

— Итак, вы его узнали. Очень хорошо.

Впервые Латимеру показалось, что слезящиеся в набухших веках глаза мистера Питерса излучали что-то вроде блеска.

— Угощайтесь сигаретами, мистер Латимер, — сказал он. — Я собираюсь рассказать вам одну историю.

Париж, 1928-1931

— Вечерами я люблю сидеть дома у огонька, — сказал мистер Питерс задумчиво, — и размышлять над тем, удалась моя жизнь или нет. Что касается денег, то они у меня есть: кое-какая недвижимость, рента, долевое участие в разном бизнесе — но не о деньгах речь. Ведь деньги в конце концов ещё не все. Главный вопрос: на что я потратил свою жизнь, которая даётся в этом мире лишь раз. Мне иногда кажется, что было бы гораздо лучше, если бы я обзавёлся семьёй, но у меня слишком беспокойный характер, меня слишком волнуют соблазны мира сего. Возможно, мне просто недоступно понимание смысла жизни. Но разве я один такой? Сколько моих бедных собратьев чего-то ждут, на что-то надеются, между тем как проходит бесследно год за годом, а они так и не поняли, для чего живут. Ну, в самом деле, для чего? Этого ведь никто из нас не знает. Деньги? Их добиваются только тогда, когда их мало. Иногда мне кажется, что бедняк, имеющий хлебную корку, гораздо счастливее многих миллионеров. Потому что этот человек знает, чего он хочет: он хочет, чтобы у него были две корки. Он не знает в жизни сложностей, потому что не обременён имуществом. Тогда как я знаю только то, что я хочу чего-то, чего у меня нет. Но я не знаю, что это такое. Я искал утешения в искусстве и философии. — Он показал рукой на

книжную полку. — Платон, Герберт Уэллс — круг моих интересов довольно широк. Пока читаешь, это доставляет удовольствие, но утешения это не приносит. — Он печально улыбнулся, а Латимер подумал: «Вот ещё одна жертва неизлечимой болезни под названием Weltschmerz⁵⁵». — Не остаётся ничего другого, как ждать, когда Всемогущий призовет на свой суд.

Да, мистер Латимер, подавляющее большинство так и не знает, чего им, собственно, нужно в жизни. Но Димитриос не был на них похож — он совершенно точно знал, чего он добивается. Его интересовали только две вещи: власть и деньги, причём как можно больше и того, и другого. И, как ни странно, я помогал ему в этом.

Моя первая встреча с Димитриосом произошла здесь, в Париже, в 1928 году. Я был тогда совладельцем одного заведения на Рю Бланш под названием Le Kasbah Parisien. Однажды мой компаньон Жиро привёл его к нам. Он отвёл меня в сторону и заговорил о том, что дела идут все хуже и хуже и что их можно поправить, если принять участие в бизнесе, которым занимается его новый друг Димитриос Макропулос.

Димитриос не произвёл на меня большого впечатления, скорее наоборот. Он мне показался одним из тех, кого называли сброд, а на них я уже достаточно насмотрелся. Одет он был с иголки, в волосах много седых волос, ногти наманикюрены. Он так нехорошо смотрел на женщин, что вызывал их явное неудовольствие. Жиро подвёл меня к его столику, и мы пожали друг другу руки. Он жестом предложил садиться, и я почувствовал себя официантом, которого пригласил для разговора патрон. Я очень разозлился и довольно грубо спросил, какого черта ему нужно.

Он пристально посмотрел на меня — у него, представьте себе, были красивые карие глаза — и сказал: «Я хочу выпить бокал шампанского, мой друг. Надеюсь, вы не возражаете? Я могу себе это позволить, раз у меня есть деньги. Я хочу посоветовать вам быть повежливей, потому что в качестве партнёра могу найти гораздо более разумных людей».

Я человек выдержанный и стараюсь избегать неприятностей. Мне всегда казалось, что мир, в котором мы живём, был бы намного приятнее, если бы мы научились разговаривать друг с другом вежливо и уважительно. Безусловно, бывают моменты, когда трудно удержаться и не наговорить грубостей. Вот и я тогда сказал, что не собираюсь быть с ним вежливым и пусть он убирается откуда пришёл. Но тут вмешался Жиро, который стал перед ним извиняться. Димитриос выслушал Жиро, все время не отводя от меня глаз.

У меня было сильное предубеждение против Димитриоса, но все-таки я дал себя уговорить и согласился выслушать, что он предлагает. Говорил он убедительно, и мы начали работать вместе. И вот в один прекрасный день...

---

⁵⁵ Мировая скорбь (нем.)

— Минуточку, — перебил его Латимер, — что это значит — работать вместе? Вы начали продавать наркотики?

— Нет, мистер Латимер, — сказал мистер Питерс, волнуясь и хмуря брови, — мы этим тогда ещё не занимались. — Видимо, волнение было так велико, что он перешёл на французский. — Раз уж вы так настаиваете, то я, конечно, расскажу вам, чем мы занимались. Только человеку из другой среды трудно понять такие вещи. Они вас сразу оттолкнут, потому что ваш личный опыт совсем другого рода.

— Неужели? — спросил Латимер, стараясь съязвить.

— Видите ли, мистер Латимер, мне как-то попалась в руки одна из ваших книг, и я её прочёл. Она произвела на меня ужасное впечатление. Я был буквально взбешён созданной вами атмосферой нетерпимости, всевозможных предрассудков и строгих моральных принципов, проводимых в жизнь с холодной жестокостью.

— Понятно.

— Лично я, — продолжал мистер Питерс, — за смертную казнь. Мне кажется, вы — против. Вас, конечно, шокирует практическая сторона. Но ведь она — следствие варварской жестокости, которая, кстати, видна и в вашем романе. С каким жалким злорадством вы преследуете там этого несчастного убийцу. Мне это показалось отвратительным. Вы мне напомнили сентиментального юнца, провожающего на кладбище свою богатую тётушку: в глазах у него стоят слезы, а сердце поёт от радости. Вам, конечно, известно, что испанцам непонятно, почему англичане и американцы так выступают против боя быков. Этим простакам не приходит в голову, что надо было обязательно подвести под это дело моральные и юридические основания и сделать вид, что они очень сожалеют. Я прошу вас правильно понять меня, мистер Латимер. Я не вашего морального осуждения боюсь, я боюсь — глубоко и искренне, поверьте, — вас шокировать.

— Но ведь вы так пока и не сказали, в чем заключалось дело, — сказал Латимер, явно раздражаясь.

— Да-да, конечно. Прошу прощения, но мне показалось, что ваш интерес к Димитриосу во многом связан с тем, что он вас глубоко шокирует, не так ли?

Латимер задумался.

— Возможно, вы правы. Но, несмотря на это, я пытаюсь понять, объяснить, откуда берутся такие, как он. Я не верю в изощрённого, точно дьявол, бесчеловечного убийцу-профессионала, о котором кричат все детективные книжки. Однако все, что я знаю о Димитриосе, говорит мне: он действовал жестоко и бесчеловечно не один или два раза, а постоянно.

— Но ведь нет ничего бесчеловечного в стремлении к деньгам и власти, не правда ли? Все мы тщеславны, а тщеславие лучше всего могут удовлетворить власть и деньги. Что касается Димитриоса, то его тщеславие сразу же бросалось в глаза. Оно было таким основательным, таким бескомпромиссным, таким

непохожим на павлинье тщеславие обыкновенных людей, что он мне сразу показался опасным. И все-таки, мистер Латимер, будем разумными людьми и останемся, так сказать, на почве фактов! Ведь разница между Димитриосом и добившимся успеха уважаемым джентльменом не так уж велика: разница только в методах — в первом случае они незаконны, во втором случае находятся в рамках закона. Но в том и в другом случае дело ведётся с одинаковой жестокостью.

Мистер Питерс разлил кофе в чашки и, поднеся свою к губам, вдохнул аромат. Потом поставил чашку на стол.

— Димитриос занимался в то время тем, что принято у нас называть, мистер Латимер, поставкой белых рабынь. Прошу обратить внимание на прилагательное «белых» и на существительное «поставка», которое весьма занимательно, так как за ним скрываются отвратительные вещи. Давно прошли дни работорговли, но замечательно, что большинство этих рабынь цветные. Какая-нибудь негритянская девушка из Дакара или молоденькая китаянка из Харбина, хотя, конечно, среди них может оказаться и какая-нибудь нищая девчонка из Бухареста — разумеется, конец у всех один. Комитет Лиги Наций, занимавшийся этим вопросом, разумно поступил, отклонив это сочетание слов, и назвал то, чем занимался Димитриос, «торговлей женщинами».

До того, как Димитриос познакомился с нами, у него все шло как по-писаному: допустим, в Александрии нужны были женщины. Димитриос, получив заказ, отправлялся, скажем, в Польшу, набирал там женщин, и они, пользуясь своими паспортами, переезжали во Францию; здесь они садились в Марселе на пароход, и дело было сделано. Основанием для выезда из Польши могло служить приглашение поступить в театральную труппу. Когда получение визы на выезд усложнилось, то Димитриос сразу же столкнулся с неприятностями.

При помощи «мадам» он набрал двенадцать девушек в Вильно, но поляки потребовали, чтобы тем после выезда было обеспечено почётное положение. Вы только вдумайтесь, почётное положение! Но закон есть закон.

Димитриос обратился ко мне и Жиро с просьбой устроить девушек в вашем заведении в качестве танцовщиц. Если бы служащие польского консульства в Париже навели о них справки, то они узнали бы, что, проработав у нас одну-две недели, девушки уволились, а где они теперь, мы не знаем.

Если мы принимали его предложение, он выплачивал нам пять тысяч франков, в общем-то, за здорово живёшь. Но я почему-то начал сомневаться. Жиро в конце концов уговорил меня, но я сказал Димитриосу, что даю своё согласие в первый и в последний раз.

Спустя месяц Димитриос опять посетил нас. Он расплатился и сказал, что у него есть ещё работа. Я, конечно, наотрез отказался, но Жиро закричал, что все обошлось, и глупо отказываться от денег. Конечно, эти пять тысяч были кстати — мы заплатили музыкантам.

Сейчас мне кажется, что он дал нам пять тысяч, чтобы, усыпив нашу бдительность, подкупить нас. Это был, кстати, его самый любимый способ. Димитриос действовал всегда одинаково — он просто совал деньги. Конечно, самую минимальную сумму. Он правильно считал, что людская жадность сильнее здравого смысла.

Как я и думал, неприятности не заставили себя ждать. Работники польского консульства что-то заподозрили — нас посетила полиция и подвергла допросу. Хуже всего было то, что женщины поселились у нас, и мы должны были угощать их шампанским (Димитриос потом, правда, заплатил за него), потому что, обратиться кто-нибудь из них в полицию, правда сразу бы обнаружилась.

Когда Димитриос опять появился у нас, он долго извинялся за причинённые неприятности, сказал, что это больше никогда не повторится, и, выплатив десять тысяч франков, обещал давать нам такую же сумму ежемесячно. Какое-то время мы действительно жили спокойно. Полиция нас, конечно, иногда навещала, но относилась вполне лояльно, как вдруг по требованию итальянского консульства нас вызвали в окружную магистратуру, подвергли там допросу, а затем препроводили в полицейский комиссариат, где мы провели ровно сутки.

Когда мы вышли оттуда, я устроил Жиро скандал. Он мне давно не нравился. Это был крикливый, глупый и грубый человек, причём подозрительный. Мне не нравилось, что вокруг него всегда собирался всякий сброд, отпугивавший чистую публику. Он не мог работать в хорошем заведении. В лучшем случае, мог стать хозяином какого-нибудь быстро, но скорее всего, он гниёт уже в тюрьме. Была ещё одна скверная черта. Когда он был очень зол, он распускал руки.

Я предложил Жиро стать единоличным владельцем «Le Kasbah Parisian», если он выплатит мне ту сумму, которую я вложил при организации нашего дела.

Это была жертва с моей стороны, как вы сами понимаете, но я пошёл на неё, потому что не мог больше ни одной минуты оставаться вместе с Жиро. В тот же день к нам пожаловал Димитриос и предложил встретиться в одном кафе. Я колебался, идти или нет. Вообще-то, я неплохо заработал, сотрудничая с ним, а как мне потом стало известно, похвастать этим могли лишь немногие. Было также лестно, что он ценит мои умственные способности, хотя изредка и посмеивается надо мной. Короче, я решил пойти.

— Мне кажется, вы правильно поступили, порвав с Жиро, — сказал он. — С этим женским бизнесом пора кончать. Слишком опасно, да и доход маленький.

Я осведомился, не сказал ли он об этом Жиро.

— Пока нет, — сказал он. — Надо будет подождать, пока он выплатит вам деньги.

Я поблагодарил его, но он только нетерпеливо дёрнул головой.

— Жиро дурак, — сказал он. — Я бы давно с ним порвал, если бы не вы. Я предлагаю вам работать вместе, и не жалеете о том, что потеряли выгодное предприятие.

Потом он спросил, что я знаю о торговле героином. Узнав, что я не новичок в этом деле, он предложил мне заняться продажей героина в Париже и сказал, что может купить двадцать килограммов в месяц и оплатить расходы по его продаже.

Вряд ли вам известно, мистер Латимер, что двадцать килограммов героина — вещь совершенно неслыханная, стоящая кучу денег. Я спросил его, как он собирается организовать продажу, но он сказал, что это уже его дело, и пусть оно меня не волнует. Он предложил мне заняться оптовой закупкой за границей и организацией доставки наркотиков во Францию. Если я согласен, то мне надо будет поехать в Болгарию, где у него уже налажен контакт с поставщиками наркотиков, и позаботиться о том, чтобы товар прибыл в Париж. В случае моего согласия я буду получать десять процентов от стоимости.

Я сказал, что мне надо подумать, но про себя уже решил, что принимаю предложение, ведь это значило, что я могу заработать что-то около двадцати тысяч франков в месяц. Я также посчитал, что за вычетом накладных расходов на розничную торговлю и т.д., покупая героин по цене пятнадцать тысяч франков за килограмм, при продаже наркотиков в Париже по цене сто франков за один грамм можно было выручить триста тысяч франков в месяц. Капитал — чудесная вещь, если знаешь, куда его вложить и не боишься некоторого риска.

В сентябре 1928 года я поехал в Болгарию, где должен был получить двадцать килограммов героина и доставить его в Париж в начале ноября. Димитриос тем временем занялся вербовкой агентов, которым поручался подбор розничных торговцев наркотиками. В Софии мне надо было встретиться с человеком, открывшим для нас кредит. Он же должен был указать мне тех, кто изготавливал наркотики... Он...

Латимер не мог не спросить:

— Вы не помните его фамилию?

Мистер Питерс бросил на него недовольный взгляд и нахмурился:

— Мне кажется, вы задаёте неуместный вопрос, мистер Латимер.

— Может быть, Вазов?

— Да, — ответил мистер Питерс, и глаза его опять начали слезиться.

— Ну а кредитом вы пользовались в Евразийском кредитном тресте?

— Вы, очевидно, знаете много такого, чего мне и в голову не приходило. — Мистер Питерс был очень недоволен. — Позвольте вас спросить...

— Я просто догадался. Скомпрометировать Вазова вы уже все равно не сможете, потому что он умер три года назад.

— Я знаю. Неужели вы и об этом догадались? Много у вас ещё таких догадок, мистер Латимер?

— Больше нет. Прошу вас, продолжайте, пожалуйста.

— Искренность... — начал было мистер Питерс, но передумал и стал пить кофе. — Ну, что ж, продолжим, — сказал он, ставя чашку на стол. — Вы правы, мистер Латимер, именно Вазов помог мне связаться с поставщиками

наркотиков, а руководимый им банк выдал деньги на их покупку и транспортировку. Я решил отправить их по железной дороге в Салоники, а уже оттуда пароходом в Марсель.

— Просто написав на мешке: «Героин»?

— Вы шутите, мистер Латимер. Признаюсь, я никак не мог придумать, как замаскировать наркотики. Единственные товары болгарского экспорта, которые не подвергались таможенному досмотру во Франции, были зерно, табак и розовое масло. Димитриос торопил меня с доставкой, а у меня пока ничего не получалось. И потому, естественно, голова шла кругом.

— Как же вам это удалось?

— Я подумал о том, что во Франции с большим пиететом относятся к смерти. Вам не приходилось бывать на похоронах? Потрясающее впечатление — то, что у них называется «*rompt funebre*». Вот я и подумал, что таможенные чиновники наверняка не будут тревожить покой мертвеца. Я купил в Софии гроб, настоящее произведение искусства, мистер Латимер, купил себе соответствующее платье и, поверьте, мистер Латимер, сам проникся какой-то печальной торжественностью. Нечего говорить о том, что грузчики несли гроб, как реликвию. На таможне в Марселе даже мой личный багаж не подвергся досмотру.

Димитриос позаботился о катафалке и обо всем остальном. Я радовался своему успеху, но Димитриос остался недоволен: нельзя же, в самом деле, каждую партию героина доставлять в гробу. Он разработал другую схему доставки. Из Варны в Геную раз в месяц ходил грузовой пароход итальянской транспортной компании. Героин расфасовывался по пакетам, в которых якобы был специальный сорт табака, экспортируемого во Францию. Это давало возможность обойти итальянских таможенников. Затем героин попадал в руки человека, проживавшего в Ницце. Он, подкупив служащих таможенного склада, отправлял героин машиной в Париж. В этой схеме мне уже не было места, и я поинтересовался у Димитриоса, как же наш договор, на что он сказал: «Договор остаётся в силе, но у меня будет теперь другая работа».

Удивительно, как все мы беспрекословно признали его первенство над нами. Конечно, у него были деньги, но он доказал своё право на руководство умелой организацией всего нашего дела: он знал, что предпринять и как преодолеть возникающие трудности с минимумом усилий и затрат. Он же занимался подбором людей, давал им задания. Под его непосредственным руководством работало семь человек — людей с ярко выраженной индивидуальностью. Взять хотя бы, к примеру, голландца Виссера. Это был тяжёлый человек, ранее продававший китайцам немецкие пулемёты, который занимался при этом шпионажем в пользу Японии и отсидел срок в тюрьме за убийство кули в Батавии. Ему была поручена связь с барами и клубами, которые посещали наркоманы.

Двое других, Ленотр и Галиндо, в течение нескольких лет занимались розничной продажей наркотиков, в основном морфия и кокаина. Наркотики поставлял один из крупных владельцев французской фармацевтической фирмы. Не удивляйтесь, до законов, принятых в 1931 году, такое было вполне возможно. Когда Димитриос предложил практически неограниченное количество героина, они бросили своего фармацевта и стали работать на Димитриоса, сохранив, конечно, свою клиентуру.

Вы, может, знаете, что наркоманы стремятся распространить свою страсть на друзей и знакомых. Важно, чтобы новичок не оказался сотрудником Бюро по борьбе с наркотиками или сотрудником полиции. Отсеиванием нежелательных лиц занимались Виссер и Великая Герцогиня. Вот как это происходило. Допустим, к Ленотру обращался — замечу, что рекомендация известного Ленотру клиента была обязательна, — новичок с просьбой достать наркотик. Ленотр делал удивлённое лицо и говорил ему: «Наркотики! В первый раз слышу. Говорят, что их можно достать в таком-то баре». А бар этот входил в цепочку баров и клубов, контролируемых Виссером. Если новичок являлся в указанный бар, то он получал примерно такой же ответ, с той лишь разницей, что ему говорили: «Зайдите послезавтра. Тогда, вероятно, появится человек, который знает, где достать наркотик». И послезавтра новичок предстал перед Великой Герцогиней.

Это была удивительная женщина. Она была единственной среди нас, кто не был привлечён к делу лично Димитриосом, потому что её привлёк Виссер. У неё было потрясающее чутьё: достаточно ей было только взглянуть на новичка, как она могла фазу сказать, начинающий ли это наркоман, или сотрудник полиции. По решению Димитриоса только она одна имела право включить новичка в число клиентов. Конечно, такой человек, как она, для нас был просто клад.

Ещё одним членом нашей организации был бельгиец Вернер, руководивший неорганизованными торговцами наркотиками. Он был фармацевтом и одно время занимался вопросами проверки чистоты и концентрации наркотиков. Он добавлял в наркотик постороннее вещество, чтобы уменьшить концентрацию. Димитриос смотрел на это сквозь пальцы.

И вот однажды разразилась катастрофа. В конце июня 1929 года полиции удалось захватить пятнадцать килограммов героина в спальном вагоне Восточного экспресса и арестовать шестерых моих сотрудников, включая и проводника. Говорят, беда не ходит одна. Ламар, почувствовав за собой слежку, вынужден был бросить сорок килограммов морфия и героина. Теперь у нас оставалось только восемь килограммов, тогда как спрос превышал уже пятьдесят. Единственный выход — ждать прибытия яхты из Стамбула, но до её прихода оставалось ещё несколько дней. Наступило ужасное время, особенно для Ленотра, Галиндо и Вернера. Двое клиентов Галиндо покончили с собой, а Вернеру в одном из баров разбили голову.

Я старался поправить положение: поехал в Софию и в своём чемодане привёз десять килограммов героина, но, конечно, этого было недостаточно. Надо отдать должное Димитриосу, он не стал искать козла отпущения, но он был очень зол и решил, что для непрерывной работы организации необходим резервный запас.

Создать запасы наркотиков он поручил мне. Дело это было трудное, потому что требовало увеличения поставок в несколько раз. Увеличение поставок влекло за собой возрастающую вероятность провала. Следовательно, надо было найти какие-то новые способы доставки. К несчастью, болгарская полиция как раз в это самое время накрыла лабораторию в Радомире, один из наших главных источников. Единственной нашей надеждой и опорой стала лаборатория в Стамбуле.

В общем, это было трудное время. В течение двух месяцев мы потеряли девяносто килограммов героина, двадцать килограммов морфия и пять — кокаина. Но несмотря на это, план Димитриоса по созданию запасов неуклонно выполнялся. К концу 1930 года в соседнем с этим доме под половицами находилось 250 килограммов героина, двести с лишним морфия, около девяноста кокаина и небольшое количество изготовленного в Турции опиума.

Мистер Питерс замолчал, потом, разлив остатки кофе по чашкам, выключил спиртовку. Помусолив кончик сигареты, он закурил.

— Среди ваших знакомых никто не принимал наркотики? — совершенно неожиданно для Латимера спросил он.

— Кажется, нет.

— Раз вам кажется, значит, вы не совсем уверены. Действительно, тот, кто начал принимать наркотики, какое-то время может скрывать от других своё лёгкое недомогание. Но ни он, ни в особенности она не могут это делать спустя достаточно долгий промежуток времени. Происходит примерно по такой схеме: сначала вам хочется попробовать, что это такое, и вы вдыхаете понюшку, скажем, в полграмма. У вас кружится голова, немного тошнит. Вы хотите попробовать ещё раз, чтобы покончить с этими ощущениями, и вдруг вы чувствуете, что все чудесным образом изменилось. Время, казалось, остановилось, тогда как ваш мозг работает с чудовищной быстротой и эффективностью. Вы уже больше не глупец, теперь вы интеллектual; вы чувствовали себя несчастным, теперь вам море по колено; вы напроць забыли все, что вам не нравилось, что вас мучило; то же, что вам нравилось, теперь ощущается с удесyтерённой силой и доставляет вам неслыханное наслаждение. Короче, вас на три часа впустили в Эдем. Но и потом не все уж так безнадёжно плохо. Конечно, немножко побаливает голова, но ведь это бывает и тогда, когда выпьёшь слишком много шампанского. Вам немного нездоровится и хочется побыть одному, в тишине. Вскоре все проходит, и вы опять такой же, как прежде. В общем-то, ничего особенного не случилось, кроме того, что вы пережили несколько необыкновенных минут. Вы говорите себе, что вы не какой-нибудь

наркоман, что никогда больше не прикоснётесь к наркотику, что вы, как всякий разумный человек, прекрасно владеете собой, и вдруг спустя какое-то время вы спрашиваете себя, почему бы вам опять не побывать в Эдеме. Сказано — сделано. Но что такое? Полграмма, оказывается, уже недостаточно. Какие пустяки! Надо увеличить дозу, ну, скажем, до одного грамма. О, чудо! Эдем опять возвращается, и поскольку, как вам кажется, ничего дурного не произошло, вы решаете продолжить эти визиты в Эдем. Вам хорошо известно, какой непоправимый вред наносят здоровью наркотики, но ведь только дураки становятся наркоманами, а вы сразу прекратите их принимать, как только почувствуете ухудшение здоровья. Доза в полтора грамма. Перед вами раскрываются чудесные перспективы, тогда как три месяца назад все казалось непоправимо испорченным и мрачным. Два грамма. Естественно, чем больше доза, тем дольше продолжается ваше состояние нездоровья и депрессии. Прошло уже четыре месяца после вашей первой понюшки. Пора с этим кончать. Два с половиной грамма. Вы ощущаете сухость и жжение в носу и в глотке. Вы плохо спите, вас начинают раздражать окружающие — они слишком громко разговаривают. Вам кажется, что они говорят о вас. Да, да, они говорят о вас, и притом распространяют о вас гнусную ложь — вы же видите, это написано у них на лицах. Три грамма. Вы вдруг чувствуете, что произошли какие-то непредвиденные изменения, надо обязательно с этим покончить, потому что у пищи вдруг такой отвратительный вкус, потому что вы никак не можете вспомнить, какой сегодня день или как вас зовут. А когда вам удаётся вспомнить, вы вдруг чувствуете себя животным, вам хочется встать на четвереньки и залаять; или вам вдруг кажется, что от вас убежал ваш нос, или он собирается убежать, и вам надо обязательно придерживать его рукой, чтобы он не убежал; или появляется муха, которая все время досаждаёт вам: то вдруг сядет на лицо, то — на руку, то — на шею. Надо во что бы то ни стало держаться, иначе... Три с половиной грамма. Вы поняли, что происходит, мистер Латимер?

— Кажется, вы не одобряете эту пагубную страсть.

— Не одобряете! — фыркнул мистер Питерс. — Да она ужасна, чудовищна! Тот, кто попал под её ярмо, погиб. С каждым днём он все больше теряет способность работать. А для все увеличивающихся доз требуется больше денег — так наркоман может стать преступником. Я знаю, что вы сейчас подумали, мистер Латимер. Так красноречиво осуждать наркоманию и в то же время превратить её в неисчерпаемый источник дохода. Но давайте посмотрим на это дело пристальнее. Допустим, я бы отказался, но ведь наверняка вместо меня нашёлся бы кто-нибудь другой. От моего отказа никому из этих несчастных не стало бы лучше, а я не смог бы заработать.

— Вы ведь сами говорили, что число ваших клиентов постоянно возрастало? Значит, не все среди них были наркоманы, принимавшие наркотики до того, как начала действовать ваша организация?

— Разумеется, это так. Но ведь увеличением числа клиентов занимались Ленотр и Галиндо, а не я. Между прочим, Ленотр, Галиндо и Вернер сами принимали наркотики. Они были кокаинистами. Кокаин сильнее действует на иммунитет, причём изменения в психике появляются лишь через несколько лет, тогда как при приёме героина психика разрушается в течение нескольких месяцев.

— Какой наркотик принимал Димитриос?

— Героин. Когда мы в первый раз заметили, это была сногшибательная новость. Собрались, как всегда, в комнате, где мы с вами находимся, мистер Латимер. Он обычно появлялся часов в шесть вечера. Помню, была уже весна, весна 1931 года.

Помню, Димитриос опоздал, что уже само по себе было необычно, но мы и на это не обратили внимания. В последнее время, присутствуя на наших собраниях, он сидел очень тихо, прикрыв глаза рукой, точно у него болела голова и ему не мил был весь белый свет. Мы уже к этому привыкли, хотя и видно было, что с ним творится нечто неладное. Именно тогда мне часто приходила в голову мысль: ну и руководителя мы выбрали. Правда, все менялось, если кто-нибудь возражал ему. Особенно часто с ним спорил Виссер, человек по натуре агрессивный, быстрый и очень хитрый, но, конечно, ребёнок по сравнению с Димитриосом. Однажды Виссер, поняв, что Димитриос опять одурачил его, побелев от ярости, выхватил револьвер и наставил его на Димитриоса. На месте Димитриоса я бы, наверное, на коленях стал просить прощения, а он только саркастически ухмыльнулся и повернулся к нему спиной, заговорив со мной о каком-то деле. Я уже тогда знал, что Димитриос умеет хорошо скрывать гнев.

Итак, в тот вечер он опоздал. Войдя же, зачем-то остановился в дверях и долго всех разглядывал. Потом молча пошёл на своё место. Виссер как раз рассказывал о том, что хозяин одного кафе — неприятный тип и что Галиндо не должен появляться в этом кафе, потому что хозяин может вызвать полицию. В его словах не было ничего необычного, как вдруг Димитриос вскочил со своего места и, крикнув «кретин!», плюнул ему в лицо.

Мы все, конечно, удивились. А Димитриос, не дав никому раскрыть рта, брызжа слюной, стал бросать Виссеру такие фантастические обвинения, что у нас глаза на лоб полезли.

Виссер, побелев от злости, полез было в карман за пистолетом, но Ленотр схватил его за руку и что-то зашептал на ухо. Ленотр, наряду с Галиндо и Вернером, сам принимал наркотики и догадался, что происходит с Димитриосом. Димитриос, заметив это, обрушился с грубой бранью на Ленотра. Потом стал кричать, что все мы дураки, что только благодаря ему не подышаем с голода, что, конечно, было правдой, но обидной правдой; что он знает про заговор, который мы против него замысливаем, но таким дуракам, как мы, никогда не провести его; что он сделает с нами все, что захочет. Он говорил,

наверное, целых полчаса, пересыпая свою речь французскими и греческими ругательствами. Потом вдруг замолчал и вышел из комнаты.

Не знаю, почему здравый смысл не подсказал нам, что он близок к предательству (между прочим, это характерно для наркоманов, принимающих героин). Наверное, мы не обратили на это внимания потому, что купались в деньгах. Когда он ушёл, Ленотр расхохотался и спросил у Вернера, неужели босс тратится на «порошок». Шутка имела большой успех, даже Виссер улыбнулся.

На следующем заседании Димитриос выглядел уже нормально, и никто из нас не напомнил ему той выходки. Прошло ещё несколько месяцев. Димитриос сильно похудел, внешне очень изменился. В глазах его стояла какая-то мрачная тоска. Но взрыв больше не повторялся, хотя он был вечно не в духе и раздражался по пустякам. Он все чаще и чаще отсутствовал на наших собраниях.

Помню, в сентябре он объявил, что прекращает поставки, и в течение ближайших трех месяцев мы будем пользоваться запасами.

Представьте себе, никому в голову не пришло, что он ликвидирует запасы, так как решил выйти из игры. Вы, быть может, скажете, что мы проявили не свойственную людям нашего круга доверчивость, и будете сто раз правы. Но ведь до сих пор во всех возникающих меж нами спорах он всегда оказывался прав, и даже Лидия, прекрасно разбирающаяся в людях, ничего не заподозрила. Что касается Виссера, то он стал жертвой собственного самодовольства: разве мог какой-то наркоман — да хоть бы и сам Димитриос! — провести его. Кроме того, как я уже говорил, мы хорошо зарабатывали, и ведь согласно нашей логике Димитриос зарабатывал в десятки раз больше. Так что какие там ещё подозрения?

Вам известно, что из этого вышло. Я и Ламар были арестованы в Марселе. К счастью, мы вовремя заметили слежку и отказались от приёма товара, только что поступившего из Стамбула. Ни у него, ни у меня наркотики не были найдены, тогда как Ленотр, Галиндо и Вернер были пойманы с поличным. Допрашивавший меня следователь показал мне донос, который Димитриос направил в полицию, и спросил, не знаю ли я человека, написавшего его. С тем же самым успехом он мог спросить, не был ли я на Луне. Я впоследствии узнал, что Виссера тоже об этом спрашивали. Конечно, он ничего им не сказал. Правда, он, надеясь отделаться штрафом, солгал, что босс проживает где-то в семнадцатом округе Парижа, но ему это несколько не помогло — он получил такой же срок, как и я. Бедняга умер совсем недавно, — сказал мистер Питерс, вздохнув, и закурил сигарку.

Латимер отхлебнул из своей чашки и тотчас поставил её на стол — кофе совсем остыл. Он достал сигарету — мистер Питерс чиркнул спичкой и дал ему прикурить. Сделав первую затяжку, Латимер спросил:

— Ну, так как же? Я все жду, когда вы начнёте говорить, как мы с вами заработаем миллион.

Мистер Питерс улыбнулся, точно Латимер был мальчик, попросивший дать ему ещё один кусок праздничного торта.

— Это уже другая история, мистер Латимер.

— Интересно, о чем?

— О том, что случилось с Димитриосом после того, как он исчез.

— Ну и что же с ним случилось? — Латимер начинал терять терпение.

Мистер Питерс опять достал фотографию и подал ему.

— Но ведь я её уже видел, — сказал Латимер, нахмурившись. — Это Димитриос. В чем дело?

По лицу мистера Питерса разлилась тихая, торжествующая улыбка.

— Это фотография Мануса Виссера, мистер Латимер.

— Расскажите же, наконец, что все это значит?

— Это значит, что у Виссера, по-видимому, закралось подозрение, и он решил попробовать «подойти» Димитриоса. Когда же он попытался осуществить эту идею на практике, то сломал себе шею и оказался в стамбульском морге.

— Но ведь это же Димитриос. Я видел его собственными глазами...

— Своими глазами вы видели на столе в морге труп Виссера, которого убил Димитриос. Я рад сообщить вам, что сам он жив и находится в добром здравии.

МЕСЬЕ С.К.

Латимер знал, что у него сейчас глупый вид, но ничего не мог с собой поделать. Известие о том, что Димитриос жив, произвело на него такое же действие, как удар дубинкой по голове.

— Я предполагал, — сказал мистер Питерс, — что вы далеки от истины. Гродек, конечно, установил это с неоспоримой точностью. По-видимому, вы пали жертвой весьма распространённого заблуждения, будто полиция располагает точными фактами. Я знал, что тот, кого вы видели в морге, не Димитриос, но я не мог это доказать. Ну а вы легко могли опознать Мануса Виссера.

Он многозначительно посмотрел на Латимера и, поскольку тот по-прежнему молчал, спросил:

— Как полиция установила, что это Димитриос?

— У него под подкладкой пиджака нашли удостоверение личности, выданное год назад в Лионе Димитриосу Макропулосу, — словно автомат, сообщил Латимер. До него наконец дошёл смысл шуточного тоста за процветание английской детективной литературы и последовавшего за ним неудержимого смеха Гродека. Воистину, когда боги хотят посмеяться над человеком, они отнимают у него разум.

— Значит, нашли удостоверение личности, — повторил мистер Питерс. — Ужасно смешно. Можно просто помереть от смеха.

— Работники французского консульства признали удостоверение подлинным и, кроме того, на нем была фотография.

Мистер Питерс на сей раз пощадил чувства автора детективных романов и едва-едва сдержался.

— Я могу достать десяток таких удостоверений. Все они будут подлинными, все будут выданы на имя Димитриоса Макропулоса, и на каждом будет своя фотография. Вот, смотрите!

С этими словами он достал из кармана свой вид на жительство, небольшую зеленую книжку, и раскрыл её перед глазами мистера Латимера.

— Я здесь очень похож на самого себя?

Латимер отрицательно качнул головой.

— И тем не менее это подлинная моя фотография, снятая три года назад. Просто я не фотогеничен, как и многие другие. Вероятно, Димитриос воспользовался фотографией человека, похожего на Виссера. Между прочим, на фотографии, которую я только что вам показывал, снят человек, похожий на Виссера.

— Если Димитриос жив, то где он сейчас?

— Он здесь, в Париже. — Мистер Питерс наклонился и похлопал Латимера по коленке. — Вы мне очень нравитесь, мистер Латимер, вы такой милый и скромный. Я обязательно вам все расскажу.

— Вы так добры, — сказал Латимер с горечью.

— Нет, нет, — сказал мистер Питерс с чувством, — не надо сердиться. Вы действительно имеете право знать все, и я вам все расскажу. Выйдя из тюрьмы, я стал странником, мистер Латимер. Переезжая из страны в страну, иногда делал свой небольшой бизнес, но главным образом наблюдал и размышлял. Вы не представляете, сколько радости доставляет Божий мир, как это захватывающе интересно, когда пытаешься разобраться в поведении своих собратьев. Какая кругом неразбериха, мистер Латимер, как мало тех, кто хоть что-нибудь понимает! Прodelав большую часть отпущенного мне пути, я иногда думаю, а не сплю ли я, не сон ли вся наша жизнь, не младенцы ли мы, убаюканные Всемогущим. Но ведь настанет день, Великий День, когда мы проснёмся. Да, я совершал поступки, которых должен стыдиться. Но ведь Всемогущий все понимает. Он поймёт, что я был вынужден, поскольку этого требовали интересы дела, совершать дурные поступки. Он ведь не похож на судью, ведущего допрос подсудимого. Он отнесётся ко мне, как друг.

Вы, наверное, уже давно заметили, что я мистически настроен. Да, это так. Говорят, например, это — совпадение. Но я не верю в совпадения. Если Всемогущий хочет, чтобы встреча произошла, она обязательно происходит. Так что, встретив в Риме года два тому назад Виссера, я несколько не удивился.

Мы не виделись уже больше пяти лет. Бедняга попал в переплёт. Выйдя из тюрьмы, он оказался совершенно без денег и подделал чек. Конечно, попался и сел в тюрьму, на сей раз уже на три года. Когда же отсидел срок, полиция

выслала его как иностранца из Франции. У него не было влиятельных друзей, которые могли бы за него заступиться. Денег опять не было.

Мы встретились в кафе, и он сказал мне, что собирается ехать в Цюрих, чтобы купить новый паспорт, потому что его голландский паспорт очень мешает из-за судимости, но, к сожалению, у него нет денег. Он попросил меня дать взаймы. Я не любил его, но вдруг пожалел. Мне хотелось помочь ему, но я колебался, и он стал умолять меня дать ему денег. Он, видимо, понял, что деньги у меня есть, а мне не захотелось лгать, хотя, конечно, самое разумное было сказать, что их у меня нет. Я решил отказать.

Он ударил кулаком по столу и закричал, что я не доверяю ему, человеку чести. Меня это только оттолкнуло — я не люблю, когда говорят глупости. Тогда он со слезами на глазах стал просить дать ему взаймы и, чтобы убедить меня, стал рассказывать, где он собирается достать деньги. Это было интересно.

Я, кажется, говорил вам, мистер Латимер, что Виссер сумел разузнать о Димитриосе много такого, чего никто из нас не знал. Все началось, по его словам, в тот вечер, когда Виссер выхватил пистолет. Никто ещё не обращался с ним так оскорбительно, и он решил, что Димитриос непременно окажется предателем, но, я думаю, эта мысль тогда не могла прийти ему в голову. Как бы там ни было, он стал следить за Димитриосом. Ему удалось увидеть, как тот входил в один дом на авеню Ваграм, и, дав консьержке немного денег, он описал наружность Димитриоса. Она сказала, что здесь проживает похожий человек, которого зовут месье Ружмон. Виссер проследил за ним: оказалось, что отсюда Димитриос направляется в другой большой дом на авеню Гош. Он узнал, что дом этот принадлежит одной очень богатой женщине, которую я буду называть графиней. Виссер понаблюдал и за этим домом. Однажды он видел, что графиня и Димитриос отправились в оперу. После этого он потерял Димитриоса из виду. Выйдя на свободу в начале января 1932 года, Виссер пустился на поиски Димитриоса. Конечно, он первым делом выяснил, в Париже ли графиня. «Нет, она уехала в Биарриц», — сказала консьержка. Виссер отправился в Биарриц, но Димитриоса там не оказалось. И вот тогда ему в голову пришла отличная идея: богачи-наркоманы лечатся в специальных клиниках. Значит, Димитриоса надо искать в одной из них.

В пригороде Парижа оказалось пять таких клиник. Виссер побывал в трех, представляясь братом месье Ружмона. И вот, наконец, в четвёртой один из лечащих врачей, узнав, кто он, спросил, как сейчас здоровье месье Ружмона.

Мне кажется, мстительный Виссер был доволен, узнав, что Димитриос лечился от наркомании. Если вы этого не знаете, то могу сказать, что лечение похоже на пытку. Оно заключается в том, что врачи постепенно уменьшают дозу наркотика до нуля. Пациента бьёт дрожь, струями льётся пот, он не может ни есть, ни спать и желает только одного — умереть. Но мне не хочется рассказывать вам ужасы, мистер Латимер. Лечение обычно длится три месяца и стоит сто тысяч франков. Некоторые из выписавшихся, помня о перенесённых

пытках, никогда больше не принимают наркотиков; другие не могут забыть наркотический Эдем и начинают все сначала. Димитриос, по-видимому, принадлежал к числу первых.

Когда Виссер появился в той клинике, Димитриоса там уже не было — он выписался четыре месяца назад. Конечно, опять нужны были деньги. Он подделал чек и снова отправился в Биарриц. В течение нескольких дней наблюдал за виллой, где жила графиня. Случай вскоре представился: графиня куда-то отлучилась; двое старых слуг легли после обеда отдыхать, и он пробрался в комнаты графини.

Любопытно, что Димитриос не любил писать письма. Тем не менее Виссер вспомнил (мне, кстати, этот случай запомнился тоже), что однажды Димитриос написал для Вернера адрес на клочке бумаги. Я обратил тогда внимание на грубые ошибки, на скачущие буквы и какие-то завитушки. Письма, написанные таким странным почерком, и искал Виссер в бумагах графини. Их было девять, и все они были отправлены из Рима, где Димитриос проживал в одном из самых дорогих отелей. Все письма были подписаны инициалами «С.К.» и не содержали ничего интересного. В них даже не было тех нежностей, которые любят женщины. Они были очень короткими и сухими и были сплошь заполнены рассказами Димитриоса о встречах то с итальянскими аристократами, находящимися в родстве по линии жены с королевской фамилией, то с румынским дипломатом. Во всяком случае, эти письма показывали, каким снобом стал Димитриос. Ну что же, тем лучше, решил он, значит, тот не станет торговаться. Виссер записал адрес отеля и вернулся в Париж, чтобы оттуда прямым поездом отправиться в Рим. Когда он вышел из вагона, полиция уже поджидала его.

Вы легко можете представить, что он думал о Димитриосе. Он был так близок к успеху, и вот, пожалуйста, три бесконечных года тюрьмы. Думаю, вы согласитесь, что, с его точки зрения, только Димитриос был виноват в этом. Бессильная ярость кипела в нем все эти годы, и, мне кажется, он даже тронулся на этой почве; выйдя из тюрьмы, он поехал в Голландию, заработал там немного денег и затем направился опять в Рим. Он пошёл в отель, где жил три года назад Димитриос, и, прикинувшись голландским частным детективом, попросил разрешения посмотреть книгу записей о всех проживавших в отёле за тот период. Ему сказали, что книга, как это обычно делается, находится в полиции. Выход все-таки нашёлся: сохранились счета с фамилиями проживавших в отёле в то время. По инициалам Виссер установил, под какой фамилией проживал в отёле Димитриос, но дальше след обрывался, потому что, выехав из отеля, он не оставил своего домашнего адреса. Известно было только, что он уехал в Париж.

Положение, в котором оказался Виссер, было почти безвыходным. Судите сами, прошло более трех лет, и найти Димитриоса, даже зная его имя, было совсем непросто. Но главное, Виссер был выслан из Франции, и возвращение

было для него закрыто до тех пор, пока он не получит паспорт на какую-либо другую фамилию. Но для этого были нужны деньги.

Я все-таки дал ему три тысячи франков, хотя и ругал себя за это. Мне стало нестерпимо жаль его. Тюрьма сломала его, это был совсем уже другой человек. Если раньше вы только по его горящим глазам могли догадаться, как он вас ненавидит, то теперь он обрушивал на вас поток ругательств, похожий на лай трусливого пса. Он очень постарел. Я не поверил ни одному его слову и дал денег, чтобы поскорее избавиться от него. Представьте моё изумление, когда год назад я получил почтовый перевод на три тысячи франков.

В сопроводительном письме было лишь несколько слов: «Я все-таки нашёл его. С глубокой благодарностью возвращаю вам свой долг». Подписи, конечно, не было. По почтовому штемпелю я установил, что перевод был отправлен из Ниццы.

Перевод навёл меня на размышления, мистер Латимер. Виссер был, как вы уже знаете, человек тщеславный и самодовольный. Такие люди могут выбросить три тысячи франков лишь тогда, когда имеют в сто раз больше. Источник мог быть только один — Димитриос.

Я сидел в то время без дела, много читал, но, вы знаете, мистер Латимер, в конце концов устаёшь и от книг, от этих вымышленных разговоров, от описаний выдуманных чувств. Я подумал, что для меня будет хорошим развлечением поиск Димитриоса. Если Виссер нашёл дойную корову, то почему бы и мне не подоить её. Вы, вероятно, подумали, мистер Латимер, о моей алчности. Уверяю вас, вы не правы. Я потому этим занялся, что мне было интересно, что из этого выйдет, да и, кроме того, должен же был Димитриос понести материальный ущерб за нанесённые мне неприятности и оскорбления. И я поехал в Рим.

Друзья нашли мне одного чиновника из правительственного аппарата, который помог (не без некоторых затрат с моей стороны, конечно) познакомиться с архивами Министерства внутренних дел. Я не только узнал фамилию, которой пользовался теперь Димитриос, но мне стало также известно и то, чего не мог знать Виссер: Димитриос стал гражданином одной латиноамериканской страны, чиновники которой не были уж слишком щепетильны и давали гражданство всякому, у кого был тугой кошелек. Любопытно, что я также стал гражданином этой республики в том же 1932 году. Так что я и Димитриос стали теперь согражданами.

Признаюсь, моё сердце радостно билось, когда я возвращался в Париж. Естественно, я обратился в консульство своей новой родины. Принявший меня консул вёл себя грубо и вызывающе: он сказал, что не знает никакого сеньора С.К. и что если бы я даже был самым близким его другом, то и тогда бы он не сказал мне, где сейчас сеньор С.К. находится. Мне было ясно, что он лжёт, но что я мог поделать? Я вскоре получил и другой удар: дом графини на авеню Гош вот уже два года как стоял пустой.

Вы, быть может, скажете, что надо было просмотреть светскую хронику? К сожалению, я там ничего не нашёл. Я уже подумывал о том, чтобы бросить свою затею, как вдруг меня посетила блестящая идея: был конец зимнего спортивного сезона, и могло оказаться, что красавица графиня отдыхала на каком-нибудь горном курорте. Я попросил издательство «Ашетт» собрать для меня все издающиеся во Франции, Швейцарии, Германии и Италии спортивные журналы, посвящённые горнолыжному спорту, а также журналы и газеты, уделяющие внимание большому свету.

— Теперь вам понятно, почему у меня такое недоумение вызвал ваш интерес к Димитриосу? — Латимер кивнул головой. — Я, как и вы, просматривал бумаги, касающиеся беженцев. Встретив вас, я решил не ехать в Смирну, а поехать вместе с вами в Софию. Быть может, вы мне сейчас расскажете, что вам удалось узнать из полицейских архивов?

— Димитриос подозревался в убийстве менялы Шолема, совершённом в Смирне в октябре 1922 года. Димитриос бежал в Грецию. Два года спустя он принимал участие в организации покушения на Кемаля Ататюрка. Ему опять удалось бежать, но теперь турецкая полиция потребовала его выдачи, сославшись на убийство Шолема.

— Ах, вот оно что! — На лице мистера Питерса опять сияла улыбка. — Этот человек приводит меня в восхищение. Ну не чудо ли? Какая экономия!

— При чем тут экономия?

— Давайте я закончу рассказ, и вы все поймёте. Посмотрите, как умно действует Димитриос! Он знает, что Виссера надо убить. Почему бы теперь не воспользоваться его трупом, чтобы прикрыть старые грешки? Конечно, дело об убийстве менялы очень старое, но, очевидно, все-таки незакрытое. Если же теперь турецкая полиция найдёт труп Димитриоса Макропулоса, то кому придёт в голову искать связь между ним и респектабельным С.К., который с таким искусством возделывает свой сад. Вот почему я и сказал: как он экономен. Конечно, нужно было, чтобы Виссер ничего не подозревал, и поэтому Димитриос выполнил все его требования. Он также позаботился о том, чтобы получить в Лионе удостоверение личности, которое потом и было найдено под подкладкой пиджака убитого. В июне этого года он пригласил своего старого друга совершить вместе с ним морское путешествие на яхте.

Помните, вы мне говорили, что до вас полицейским архивом в Смирне интересовался кто-то ещё. Это был, конечно, Димитриос. Ему обязательно надо было знать, что известно полиции о старом деле, чтобы затем подбросить труп Виссера как труп Димитриоса. Вот вам ещё один пример его скрупулёзной осторожности.

— Но тот человек, говорят, выглядел как обыкновенный француз.

Улыбка на лице мистера Питерса стала немного кислой.

— Значит, вы опять не были со мной искренни, мистер Латимер. Вы должны были навести справки об этом таинственном французе. — Он пожал плечами. — Впрочем, теперь Димитриос действительно похож на любого другого француза.

— Вы что, недавно его видели?

— Вчера. Он меня, к счастью, не заметил.

— И вы совершенно точно знаете его адрес?

— Разумеется. Как только я узнал, чем он занимается, я тотчас же узнал и его адрес.

— Что вы собираетесь предпринять?

— Давайте обсудим, — сказал мистер Питерс, нахмурившись. — Вам теперь известно, что труп, обнаруженный в Стамбуле, — это труп Виссера, а не Димитриоса.

Латимер невесело рассмеялся.

— И вы полагаете, что я согласен поддерживать вас в проведении этих планов в жизнь?

— Если ваш изощрённый мозг придумал что-нибудь другое, я с радостью соглашусь принять...

— Пока что мой изощрённый мозг придумал только то, что надо передать полиции всю информацию, которой мы располагаем.

Мистер Питерс саркастически усмехнулся.

— Вы думаете? О какой информации идёт речь? — спросил он, точно хотел сказать: «Неужели вы меня не любите?»

— Ну, речь идёт о том... — начал Латимер и осёкся.

— В том-то и дело, — кивнул мистер Питерс головой, — ваша информация почти ничего не стоит. Другое дело, если бы вы обратились к турецкой полиции. Впрочем, это мало что дало бы. Обнаружив, что убит не Димитриос, а Виссер, они бы установили, что Димитриос жив — и только. Ведь вы не знаете, под какой фамилией он сейчас проживает, и даже инициалы у него совсем другие, а не те, что я вам назвал. Мне кажется, пройдя по его следам, как это сделали Виссер и я, вы бы ничего не нашли. Что касается французской полиции, то она вряд ли станет искать исчезнувшего преступника, ранее высланного из страны, какого-то грека, проживающего во Франции под чужой фамилией, убившего в Смирне человека шестнадцать лет назад. Итак, мистер Латимер, без меня вам ничего не сделать. Не исключено, нам, быть может, придётся обратиться в полицию, если Димитриос сочтёт наши доводы несостоятельными. Но это вряд ли, в конце концов, Димитриос — разумный человек. А что, мистер Латимер, вам помешают эти три тысячи фунтов?

Латимер молча и пристально посмотрел на мистера Питерса, потом сказал:

— Наверное, вам это не приходило в голову, но мне действительно не нужны эти три тысячи фунтов. Мне кажется, мой друг, что столь долгое общение с людьми преступного мира полностью отбило у вас чутьё на порядочных людей.

— Понимаю, так называемые моральные принципы...

Латимер, занятый своими мыслями, почти его не слушал. Да, все получилось совсем не так, как он предполагал, и теперь надо было найти хоть какой-то достойный выход из этой безумной затеи. Сейчас он должен был сделать выбор: либо вернуться в Афины и предоставить мистера Питерса его собственной судьбе, либо остаться и сыграть свою роль в этой гротескной комедии до конца. Он решил выбрать второе, потому что первое показалось ему отвратительным. Ему нечего было сказать, и, чтобы выиграть время, он достал сигарету и закурил.

— Ну, хорошо, — сказал он медленно. — Я сделаю все, что вы просите. Но я ставлю свои условия.

— Условия, — повторил мистер Питерс, точно эхо, и закусил свою толстую нижнюю губу. — Мне кажется, я и так достаточно щедр, отдавая вам половину. Поймите, мои расходы на расследование...

— Минуточку. Ведь вы ещё не знаете. Первое вам легко выполнить. Итак, я полностью отказываюсь от своей доли, и вы можете взять себе все деньги, которые выжмете из Димитриоса. Второе...

Он замолчал, взглянув на лицо мистера Питерса: вначале там была радость, затем недоумение, потом слезящиеся глаза мистера Питерса сузились до предела и он выдавил из себя:

— Я ничего не могу понять, мистер Латимер, но если это какая-нибудь глупая выходка...

— Нет, нет, мистер Питерс, ни то и ни другое. Вы говорили о «моральных принципах», не так ли? Быть может, в этом все дело. Но вряд ли, потому что я ведь участвую в шантаже, хотя и отказываюсь воспользоваться его плодами.

— Ну что же, — сказал мистер Питерс задумчиво. — Тем лучше для меня. В чем состоит ваше второе условие?

— Оно для вас совершенно необременительно. По вашим словам, Димитриос стал важной персоной. Я готов помочь получить вам миллион франков при условии, что мне станет известно, какой пост он сейчас занимает.

Мистер Питерс на мгновение задумался, потом, пожав плечами, сказал:

— Я согласен. Не вижу причин, по которым мне надо что-то утаивать от вас. Думаю, это сообщение вам ничего не даст, если вы попытаетесь идентифицировать Димитриоса. Дело в том, что Евразийский кредитный трест, зарегистрированный в Монако, засекретил все сведения о своей структуре и операциях. Могу только сообщить, что Димитриос — член правления этого банка.

Рандеву

Было два часа ночи, когда Латимер вышел из тупика Восьми Ангелов и направился к себе в отель на набережную Вольтера. Он то и дело зевал, во рту было сухо и сильно болели глаза. Но выпитый кофе гнал сон прочь, и мозг,

казалось, работал с такой лихорадочной быстротой и удивительной ясностью, что все лишённое смысла становилось вдруг разумным и понятным.

Придя к себе, Латимер немного посидел в кресле, глядя на чёрную Сену, на отблеск света, горевшего где-то над Лувром. Он никак не мог выбросить из головы ни признания Дхриса Мохаммеда, ни драму Булича, ни рассказ о том, как бывший упаковщик инжира заработал свои миллионы, отравляя белым порошком Париж. Доподлинно известно, что по его вине погибли три человека, а сколько, должно быть, ещё безымянных жертв... Да, если существовало воплощение мирового Зла, то им, безусловно, был этот человек.

Но ведь Добро и Зло — это абстракции, созданные прошлым. Для новой теологии характерны понятия «хороший бизнес» и «плохой бизнес». С этой точки зрения, Димитриос — логическое следствие эволюции. Это логическое следствие тех перемен, в результате которых на смену «Давиду» Микеланджело, бетховенским квартетам и теории Эйнштейна пришли Бюллетень фондовой биржи и «Mein Kampf».

Конечно, один человек бессилен против тех, кто сбрасывает на детей бомбы. Он может только проклинать тех, кто это делает, да испытывать чувство сострадания к несчастным. Но действию отдельной личности можно и должно помешать, если она стремится причинять зло людям. Димитриос по крайней мере дважды совершил тяжкое преступление и, значит, в принципе может быть привлечён к суду, как и любой голодающий, укравший кусок хлеба.

Латимер видел черновик письма, которое мистер Питерс собирался отправить Димитриосу. Ему бросилось в глаза: письмо было написано в том же стиле, что и письмо одного шантажиста из его романа. Оно начиналось дружеским упрёком, что месье С.К., ныне процветающий банкир, член высшего общества, наверное, уже забыл автора, с которым когда-то съел пуд соли и заработал не одну тысячу. Далее выражалось пожелание, чтобы месье С.К. посетил автора письма в таком-то отёле, в девять часов вечера в четверг на этой неделе. После заверений в давней и искренней дружбе шла подпись, а затем постскрипtum, в котором месье С.К. сообщалось, что автор письма не так давно виделся с одним человеком, который знает их общего друга Виссера и которому не терпится познакомиться лично с месье С.К. Было бы жаль, если бы обстоятельства помешали месье С.К. появиться в указанном месте в четверг вечером.

По плану Димитриос должен был получить письмо в четверг утром. Вечером в половине девятого «мистер Петерсен» и «мистер Смит» появились в отёле, где мистер Питерс предварительно заказал номер. Предполагалось, что Димитриос согласится уплатить требуемую сумму. Предосторожность заключалась в том, чтобы можно было исчезнуть, не оставив следов. Мистер Питерс заверил, что это можно сделать без труда.

В тот же день вечером Димитриос должен был получить второе письмо, в котором говорилось, каким образом передать деньги в тысячефранковых

купюрах. Это должно было произойти в пятницу в одиннадцать часов вечера в указанном месте дороги возле кладбища в Нейи. Посланца здесь ждала машина с людьми, выполняющими поручение мистера Питерса. Посланец садился в машину, и машина, покружив в пригороде Парижа, возвращалась на авеню Де ла Рен вблизи Порт де Сен-Клу, где её поджидали «мистер Петерсен» и «мистер Смит», которым посланец и передавал деньги. Затем люди мистера Питерса отвозили посланца на то же место, откуда взяли. В письме ставилось обязательное условие, что посланец — женщина.

Последняя предосторожность несколько удивила мистера Латимера, но мистер Питерс убедил его, что она очень важна, потому что посланцем мог стать сам Димитриос, который легко мог перевербовать людей мистера Питерса, после чего и «мистер Петерсен», и «мистер Смит» получили бы пулю в лоб.

В щель между шторами пробился первый луч. Уже рассвет. Латимер повернулся набок и тотчас уснул.

Разбудил его телефонный звонок. Звонил мистер Питерс. Он сообщил, что письмо Димитриосу уже отправлено и что ему хотелось бы обсудить вместе кое-какие детали, и поэтому он просит мистера Латимера поужинать вместе. Латимеру показалось, что обсуждать уже больше нечего, но он согласился. Пообедав, он пошёл в зоопарк.

Ужин был скучен, и Латимер понял, что это была ещё одна предосторожность мистера Питерса.

Сказав, что у него болит голова, он ушёл и, приехав к себе в отель, сразу же лёг в постель.

Латимера мучило то, что он сам участвует в шантаже. И дело ничуть не менялось от того, что шантаж был направлен против Димитриоса, потому что шантаж такое же преступление, как и убийство. Вероятно, Макбет колебался бы, убивать ему или не убивать, даже если бы знал, что Дункан закоренелый преступник, а не человек с душой чистой, как у ангела. Но, к несчастью, мистер Питерс прекрасно справился с ролью леди Макбет.

Он позавтракал, потом побродил по городу. С мистером Питерсом они договорились встретиться в пятнадцать минут восьмого. День тянулся нудно и бездарно. Чтобы убить время, Латимер пошёл в кино.

Ему не хотелось идти на встречу с мистером Питерсом, потому что вслед за этим он должен был встретиться с человеком, во взгляде которого мог прочесть лишь холодное и ясное желание убивать каждого, кто встанет ему поперёк дороги. Итак, он явно трусил.

Мистер Питерс прибыл в кафе на бульваре Осман, опоздав на десять минут. В руках у него был большой дешёвый чемодан. Он двигался решительно и собранно, как хирург во время ответственной операции.

— Ну как, все в порядке? — спросил Латимер тем наигранным театральным тоном, каким обычно люди безуспешно пытаются скрыть обуревающую их тревогу и неуверенность.

— Пока что да. Естественно, я ещё не получал ответа.

— А что это у вас в чемодане?

— Старые газеты. В отёле хорошо появляться с чемоданом, тогда можно не регистрироваться. Я назначил место встречи в отёле недалеко от метро Ледрю-Роллен. Это удобно.

— Мне кажется, лучше взять такси.

— Разумеется, мы возьмём такси, — сказал он. И добавил многозначительно:
— Но обратно мы поедём на метро. Почему так, увидите сами.

Отель находился на улочке, пересекавшей авеню Ледрю. Он был двухэтажный и очень грязный. Из комнаты с надписью «Бюро» вышел человек в нарукавниках.

— Я заказывал по телефону номер, — сказал мистер Питерс.

— Месье Петерсен?

— Да.

Человек подозрительно разглядывал прибывших.

— Номер очень большой. Пятнадцать франков, если будете жить один, двадцать — вдвоём. За обслуживание берём три франка.

— Сопровождающий меня месье здесь жить не будет.

Человек вернулся в комнату и вышел оттуда, держа в руке ключ от номера. Он взял у мистера Питерса чемодан и повёл их на второй этаж, открыл дверь номера и впустил гостей. Мистер Питерс осмотрел помещение и кивнул головой.

— Мне это подойдёт. Если меня спросит один из моих друзей, проводите его, пожалуйста, к нам.

Человек ушёл. Мистер Питерс, очень довольный собой, сел на кровать.

— Довольно сносно, — сказал он, — и очень дёшево.

— Да, конечно.

Это была длинная узкая комната со старым ковром на полу, железной кроватью, гардеробом, небольшим столиком, двумя венскими стульями, умывальной раковиной и унитазом за ширмой.

Ковёр был красный, сильно потёртый. Выцветшие обои кой-где отстали от стены. Если приглядеться, то на них можно было разглядеть маленькие красные точки. Окно было закрыто тяжёлой голубой шторой.

— До его прихода ещё двадцать пять минут, — сказал мистер Питерс, взглянув на часы. — Можно пока расслабиться. Может быть, хотите сесть на кровать?

— Спасибо, мне и здесь хорошо. Полагаю, разговор будете вести вы.

— Думаю, что так будет лучше.

Мистер Питерс достал из кармана пиджака уже знакомый Латимеру люгер и, проверив, заряжён ли он, сунул его в боковой карман пальто.

Латимер смотрел на него так, как, должно быть, смотрит пациент на дантиста. Его слегка подташнивало. И почему-то вдруг вырвалось:

— Нельзя ли обойтись без этого?

— Думаю, можно, — сказал мистер Питерс тем тоном, каким родитель успокаивает ребёнка, — но это необходимая предосторожность. Наверное, все обойдётся. Вы напрасно волнуетесь.

В голове Латимера мелькали кадры когда-то виденного гангстерского фильма.

— А что, если он войдёт в номер и сразу начнёт стрелять?

— Какой вы нервный! — Мистер Питерс снисходительно улыбнулся. — Ваше писательское воображение погубит вас, мистер Латимер. Димитриос не станет этого делать, потому что человек внизу может запомнить его, когда он войдёт сюда. Кроме того, это не его стиль.

— А какой у него стиль?

— Прежде всего Димитриос — осторожный человек. Он ничего не предпринимает, не обдумав заранее.

— Для этого у него был целый день.

— Верно, но ведь ему неизвестно, что мы о нем знаем и кому ещё могли сообщить нашу информацию. Все это ему ещё надо установить. Предоставьте дело мне, мистер Латимер, я знаю, кто такой Димитриос.

Латимеру хотелось сказать, что покойный Виссер, по-видимому, думал точно так же, но он не сказал этого, а решил задать другой вопрос.

— Вы говорили — как только вы получите деньги, то Димитриос о нас больше ничего не услышит? Вы не подумали, что он, быть может, захочет выследить нас?

— А кого он станет выслеживать? Мистера Петерсена и мистера Смита? Это даже для него трудная задача, мистер Латимер.

— Но ведь вас он знает в лицо. Меня он сейчас увидит. Так что, под какими бы фамилиями мы потом ни появились, он может узнать нас.

— Но для этого мы должны как-то объявить себя.

— Моя фотография появляется иногда в газетах. Может так случиться, что издатель сочтёт нужным поместить мой портрет на суперобложке. Димитриосу может попасться в руки эта книга. От таких странных совпадений никто не застрахован.

— Мне кажется, вы преувеличиваете, — сказал мистер Питерс, пожав плечами, — но раз уж вас это так беспокоит, постарайтесь скрыть от него своё лицо. Вы носите очки?

— Да, когда читаю.

— Тогда наденьте очки. Наденьте шляпу и поднимите воротник пальто. Сядьте в углу — там темнее.

Мистер Питерс отошёл к двери и посмотрел на пересевшего в угол Латимера.

— Ну, что ж, это как раз то, что вы хотели. Хотя, по-моему, в этом нет необходимости. И вот теперь, когда мы все обдумали, предусмотрели, вдруг он не придёт?

— Вы думаете, это может случиться? — задал Латимер свой дурацкий вопрос — он все никак не мог прийти в себя.

— Разве угадаешь? — Мистер Питерс опять сел на кровать. — Быть может, он не получил письма. Не исключено, что он вчера уехал из Парижа. Но я уверен, если он его получил, то обязательно придёт. — Он поглядел на часы. — Без пятнадцати девять. Думаю, он уже на подходе.

В коридоре под чьей-то ногой скрипнула половица, и звук этот был, как выстрел.

Мистер Питерс сунул руку в карман.

Латимеру стало трудно дышать, сердце его учащённо билось. Он, как замороженный, смотрел на дверь.

Раздался негромкий стук. Мистер Питерс встал и, по-прежнему держа руку в кармане пальто, пошёл открыть дверь.

Латимер увидел, как он вглядывался в плохо освещённый коридор и затем впустил гостя.

В комнату вошёл Димитриос.

Маска Димитриоса

Форма черепа, цвет глаз и другие детали достаются человеку по наследству от предков и от него самого совершенно не зависят. Что же касается выражения лица, то им можно распорядиться по собственному усмотрению.

Перед Латимером стоял, держа в руке шляпу, высокий человек с сединой в волосах, одетый в модное пальто, очевидное воплощение респектабельности. Людей с такой внешностью можно часто видеть на дипломатических приёмах. Лицо его слегка обрюзгло, лишь тонкий горбатый нос да взгляд чёрных глаз чуть-чуть приоткрывали ширму. Латимеру показалось, что Димитриос щурится, точно близорук или чем-то озабочен, но неподвижные брови и гладкий, без морщин лоб противоречили этому предположению, и, приглядевшись, Латимер понял, что эта иллюзия обязана посадке глаз и выступавшим скулам. Лицо было таким бесстрастным и неподвижным, точно оно принадлежало не человеку, а истукану.

Димитриос, не отрываясь, смотрел на Латимера, и лишь когда мистер Питерс закрыл дверь и встал рядом с ним, он повернулся к тому и сказал:

— Представьте меня вашему другу. Мне кажется, я вижу его впервые.

Фраза была вежливой, но наглый тон и резкий тембр голоса так подействовали на Латимера, что у него похолодели ноги. Вероятно, Димитриос знал об этом свойстве своего голоса и поэтому говорил очень тихо, и Латимер подумал: так, наверное, гремучая змея, шурша, подползает к своей жертве.

— Это месье Смит, — сказал мистер Питерс. — Что же вы стоите? Присаживайтесь.

Димитриос не обратил на это предложение никакого внимания.

— Месье Смит! Англичанин. Очевидно, вы знали месье Виссера?

— Я видел его.

— Вот это мы и хотели обсудить с вами, Димитриос.

— Да? — Димитриос сел. — Тогда побыстрей и ближе к делу. У меня сегодня ещё одна встреча, и я не могу попусту тратить время.

— А вы совсем не изменились, Димитриос, — сказал мистер Питерс, укоризненно покачав головой, — все такой же напористый и недобрый. Вошли, не поздоровались и не извинились. А ведь я был вам когда-то другом. Вы выдали полиции тех, кто вам был так предан. Зачем вы это сделали?

— Много лишних слов, — сказал Димитриос. — Что вам от меня нужно?

Мистер Питерс осторожно присел на край кровати.

— Раз уж вы на этом настаиваете, то придётся сказать — нам нужны деньги. В чёрных глазах Димитриоса зажёгся огонёк.

— Естественно. А что я получу взамен?

— Наше молчание, Димитриос. Оно дорого стоит.

— Неужели? Сколько?

— По самым скромным подсчётам, миллион франков.

Димитриос закинул ногу за ногу и развалился в кресле.

— И кто же заплатит вам такие деньги?

— Вы, Димитриос. И ещё скажете спасибо, что дёшево отделались.

Тонкие губы Димитриоса чуть тронула улыбка. Латимер был поражён игрой его лицевых мускулов: должно быть, так улыбается тигр-людоед при виде беззащитной жертвы.

— В таком случае вам придётся изложить как можно точнее, что вы имеете в виду.

Латимер ясно различил в голосе Димитриоса скрытую угрозу, ему была неприятна самодовольная суетливость мистера Питерса.

— Право, затрудняюсь, с чего начать.

Ответа не последовало, и, подождав несколько секунд, мистер Питерс пожал плечами и продолжал:

— Я думаю, полиции все будет интересно. Взять хотя бы, к примеру, имя человека, написавшего донос в 1931 году. Они, наверное, удивятся, узнав, что это один из директоров Евразийского кредитного треста, он же Димитриос Макропулос, поставщик живого товара.

Латимер не был полностью уверен, но ему показалось, что Димитриос слушал все это с каким-то нахальным безразличием.

— И вы считаете, что я должен выложить за это миллион франков? Не будьте ребёнком, мой дорогой Петерсен.

— Ну что ж, — мистер Питерс улыбнулся, — вы всегда презирали и высмеивали мои взгляды на жизнь. Но молчание по упомянутым мной вопросам представляет для вас определённую ценность, не так ли?

Димитриос несколько секунд молча смотрел на него, потом сказал:

— Может быть, все-таки перейдёте к делу, Петерсен? Или вы подготавливаете путь для англичанина? — Он повернул голову и посмотрел на Латимера. — Вы

ничего не хотите сказать, мистер Смит? Мне кажется, вы оба чувствуете себя очень неуверенно, не так ли?

— Петерсен выражает мою точку зрения, — промямлил Латимер. Его злило то, что мистер Питерс все ходит вокруг да около.

— Итак, можно я продолжу? — спросил мистер Питерс.

— Давайте.

— Югославская полиция также, быть может, проявит к вам интерес, поскольку известный ей месье Талат... и...

— Например, я! — Димитриос злобно рассмеялся. — Значит, Гродек заговорил. Вы не получите за это ни су, мой друг. Что ещё?

— Афины, год 1922-й. Вам это о чем-нибудь говорит, Димитриос? Не припоминаете, был там такой Таладис. Полиция разыскивала его по обвинению в грабеже и попытке убийства. Смешно, не правда ли?

Мистер Питерс сказал последнюю фразу каким-то мерзким, гнусавым тоном, напомнившим Латимеру сцену в софийском отёле. Димитриос, не мигая, смотрел на своего собеседника. Жгучая ненависть повисла в воздухе и давила Латимеру на голову. Лишь однажды в детстве он пережил нечто похожее, когда видел на улице драку между двумя мужчинами. Мистер Питерс достал из кармана пальто люгер и, держа его обеими руками, направил на Димитриоса.

— Итак, вам нечего сказать, Димитриос? В таком случае я продолжаю. Годом раньше в Смирне вы убили менялу. Как его звали, мистер Смит?

— Шолем.

— Конечно, Шолем. Месье Смит проделал это расследование, Димитриос. Неплохая работа, не так ли? Месье Смит в хороших отношениях с турецкой полицией. Можно сказать, они ему доверяют. Вам все ещё кажется, что миллион франков слишком дорогая цена?

— Убийца Шолема повешен, — сказал Димитриос, глядя куда-то вниз.

— Неужели это правда, месье Смит? — сказал мистер Питерс, высоко вскинув брови.

— Был повешен негр Дхрис Мохаммед. Перед смертью он сделал заявление, в котором обвинял в убийстве Шолема месье Макропулоса. Ордер на арест был выдан в 1924 году, но полиции хотелось схватить убийцу уже по другой причине — он потом принимал участие в заговоре с целью убить Кемалья Ататюрка.

— Как видите, мы неплохо информированы, Димитриос. Можно, мы продолжим?

Мистер Питерс замолчал. Молчал и Димитриос, смотря куда-то сквозь стену. Лицо по-прежнему было бесстрастным, точно окаменевшим.

— Интересно, почему вы просите миллион? Неужели это все?

Мистер Питерс мерзко захихикал.

— Вы думаете, что, получив миллион, мы потом пойдём в полицию? Нет, Димитриос, это честная сделка и своего рода жест доброй воли. Вас это не разорит, поэтому не считайте нас алчными.

— Итак, вы считаете, что мне не надо расстраиваться? Эта безумная идея, будто я убил Виссера, ваша или есть кто-нибудь ещё, кто её разделяет?

— Других пока нет. Я хочу, чтобы деньги были доставлены завтра в тысячефранковых купюрах.

— К чему такая спешка?

— Инструкции находятся в письме, которое вы получите по почте завтра утром. Если вы их нарушите, то мы тотчас известим о вас полицию. Надеюсь, ясно.

— Куда уж яснее.

Латимер слушал их диалог и думал, что какой-нибудь посторонний наблюдатель, незнакомый ни с тем, ни с другим, вероятно, воспринял бы его как обычный и деловой, но он-то видел, что только направленный на него люгер удерживал Димитриоса от желания броситься на мистера Питерса и что только обладание будущим миллионом удерживало мистера Питерса от желания нажать на спусковой крючок.

Димитриос встал и вдруг, повернувшись, обратился к Латимеру:

— Вы такой молчаливый, месье. Мне кажется, вы не совсем понимаете, что теперь ваша жизнь находится в руках вашего друга Петерсена. Ведь стоит ему сообщить мне, кто вы такой и где вас можно найти, с вами покончено.

Мистер Питерс широко улыбнулся, показывая вставную челюсть.

— Зачем же мне лишать себя бесценной помощи мистера Смита? Он ведь видел Виссера в морге, и без него трудно было бы затянуть петлю на вашей шее, Димитриос.

Димитриос по-прежнему не отрываясь смотрел на Латимера, словно не слышал, что сказал мистер Питерс.

— Что же вы молчите, месье Смит?

— Уверяю вас, — выдавил Латимер, — у мистера Петерсена не могло появиться такого желания, потому что...

— Потому что, — быстро продолжил мистер Питерс, — мы не дураки. Теперь вы можете идти, мистер Димитриос.

Димитриос пошёл к двери, но, подойдя к ней, вдруг остановился.

— Ну, что ещё? — спросил мистер Латимер.

— Хочу задать месье Смиту два вопроса.

— Ну?

— Как был одет тот человек в морге, которого вы считаете Виссером?

— На нем был летний дешёвый костюм. Под подкладкой пиджака было зашито удостоверение личности, выданное в Лионе год тому назад. Рубашка и нижнее бельё были французского производства.

— Как он был убит?

— Ударом ножа в спину. Потом брошен в воду.

— Вы удовлетворены? — улыбнулся мистер Питерс.

Во время наступившей паузы Димитриос смотрел только на мистера Питерса.

— Виссер, — процедил он, — был очень жаден. Вы не страдаете этой болезнью, мистер Петерсен?

Мистер Питерс тоже не отрываясь смотрел на Димитриоса.

— Я человек скромный и осторожный, — сказал он. — У вас больше нет вопросов? Прекрасно. Инструкции получите завтра утром.

Димитриос вышел, оставив дверь открытой. Мистер Питерс закрыл её. Постояв с минуту у двери, он очень тихо открыл её и, махнув рукой Латимеру, мол, сиди на своём месте, исчез в коридоре. Слышно было, как под его ногой скрипнула половица. Примерно через минуту он вернулся.

— Ушёл, — сказал он, опять садясь на кровать и доставая сигарку. Он закурил и, затянувшись, выдохнул дым, сияя, точно новенький шестипенсовик. — Итак, вы видели Димитриоса, о котором вам известно так много. Какое у вас сложилось впечатление?

— Право, не знаю, что сказать. Наверное, знай я о нем поменьше, я не испытывал бы такого отвращения. Да и что можно сказать, если в его взгляде читаешь смертный приговор каждому, кто перешёл ему дорогу. А я и не знал, что вы его так сильно ненавидите.

— Поверьте, мистер Латимер. Я и сам этому удивился. Да, я никогда не любил его, я не доверял ему. Когда он нас предал, эти чувства ещё усилились. Но только сейчас, вот в этой комнате, я понял, что ненавижу его так сильно, что готов убить. Если бы я был суеверен, то мог сказать, что дух Виссера вселился в меня. — Он вдруг замолчал. Потом тихо, едва слышно сказал: — *Salop!* — и снова замолчал, опустив голову на грудь. Наконец, он поднял голову и сказал:

— Мне хочется быть с вами откровенным, мистер Латимер. Признаюсь, вы бы никогда не получили свои полмиллиона.

Он весь напрягся, точно боялся, что Латимер ударит его.

— Я так и думал, — сказал Латимер сухо. — Мне было интересно посмотреть, каким образом вы надуете меня. Наверное, вы бы получили деньги на час раньше того времени, о котором сообщили мне. Когда я появился, не было бы уже ни вас, ни денег.

Мистер Питерс поморщился, точно сел на кнопку.

— Ваше недоверие мне понятно, правда, оно меня немножко обижает. Впрочем, не мне осуждать вас. Уж если Всемогущий сделал из меня преступника, то я должен принять со смирением выпавшую мне судьбу. Можно мне задать один вопрос?

— Конечно.

— Простите, но, может быть, мысль о том, что я могу сговориться с Димитриосом и предать вас, заставила вас отказаться от своей доли?

— Нет, это почему-то не пришло мне в голову.

— Я очень рад, — сказал мистер Питерс торжественно, — мне было бы тяжело сознавать, что вы думаете обо мне плохо. Я знаю, я вам не нравлюсь, но мне было бы неприятно выглядеть в ваших глазах закоренелым негодяем. Поверьте,

мне эта мысль тоже не приходила в голову. Теперь вы видите, что за человек Димитриос! Мы оба отрицаем эту мысль, но именно Димитриос заставил нас над ней задуматься. Мне не раз приходилось встречать всякого рода преступников и негодяев, мистер Латимер, но Димитриос нечто особое в этом роде. Как вы думаете, почему он предположил, что я могу предать вас?

— Я думаю, он использовал старинный принцип: бить каждого противника поодиночке.

— Нет, мистер Латимер, — улыбнулся мистер Питерс, — это слишком просто для Димитриоса. Он, представьте себе, делал вам предложение сообщить ему, где меня можно найти, чтобы, избавившись от меня, иметь дело уже непосредственно с вами.

— Вы думаете, он намекал на то, что может убить вас?

— Совершенно верно. Но ведь вы же не знаете, — продолжал мистер Питерс задумчиво, — ни его настоящего имени, ни адреса.

Он встал и надел шляпу.

— Да. Я ненавижу его. Поймите меня правильно. Я давно живу в споре с принципами морали, и все-таки я не дикий зверь, как Димитриос. Я боюсь его, хотя и многое предусмотрел. Как только получу деньги, я сразу же исчезну. Мне бы очень хотелось, чтобы вы — когда я исчезну — выдали его полиции. Я бы на вашем месте непременно это сделал. Но, к сожалению, это невозможно.

— Почему?

— Димитриос, мне кажется, произвёл на вас довольно сильное впечатление, — сказал мистер Питерс, как-то странно поглядев на Латимера. — Нет, это было бы слишком опасно. Пришлось бы сказать о миллионе — ведь Димитриос обязательно упомянул бы этот факт. Да, очень жаль. Ну что, уходим? Я оставлю деньги на столе, а чемодан — вроде чаевых.

Они молча спустились по лестнице. Когда мистер Питерс постучал в комнату дежурного, чтобы отдать ключ, человек в нарукавниках сразу же сунул ему регистрационный лист, но мистер Питерс, махнув рукой, сказал, что заполнит его, когда вернётся.

— За вами никогда не было хвоста? — спросил он, когда вышли на улицу.

— Никогда, сколько я себя помню.

— Значит, сейчас будет. Полагаю, Димитриос на таких делах собаку съел. — Он поглядел назад. — Так и есть. Не оглядывайтесь, мистер Латимер. Видите, стоит человек в сером плаще и чёрной шляпе.

То неприятное ощущение в желудке, которое полностью прошло с уходом Димитриоса, появилось вновь.

— Что же теперь делать?

— Идти к метро, как и договорились.

— А что это даст?

— Сейчас увидите.

До метро Ледрю-Роллен было каких-нибудь сто метров. Латимер с трудом передвигал ноги — мышцы напряглись и стали как деревянные. Ему очень хотелось бежать.

— Не оглядывайтесь, — снова повторил мистер Питерс.

Они спускались теперь вниз, по ступенькам.

— Держитесь ко мне поближе, поплотнее, — сказал мистер Питерс. Он купил два билета второго класса, и они зашагали по туннелю, ведущему к поездам.

Туннель был очень длинный. Когда Латимер проходил через турникет, его будто кто-то толкнул, и он оглянулся — за ними в метрах десяти шёл невзрачный молодой человек в сером плаще. Вдруг туннель разделился на два: налево была надпись «Шарантон», направо — «Балар». Мистер Питерс остановился.

— Самое время здесь оторваться, — сказал он и, скосив глаза, посмотрел назад. — Так и есть, он тоже выжидает. Говорите, пожалуйста, потише, мистер Латимер, мне надо послушать.

— Послушать? Что?

— Поезди. Я сегодня провёл здесь целый час.

— Для чего? Ничего не понимаю...

Мистер Питерс схватил его за руку и прислушался. Слышен был звук приближающегося поезда.

— Значит, Балар, — пробормотал мистер Питерс. — Идёмте. Держитесь теснее ко мне и, пожалуйста, не бегите.

Они повернули направо. Шум поезда стал громче. Туннель вдруг сделал крутой поворот.

— Быстрее! — крикнул мистер Питерс.

Голова поезда уже показалась из туннеля. Дверца начала медленно сдвигаться в сторону, и Латимер протиснулся вперёд, к выходу на платформу. Вслед за ним и мистер Питерс успел протолкнуть своё грузное тело.

— Великолепно! — сказал мистер Питерс, отдуваясь. — Теперь вам понятно, что я имел в виду, мистер Латимер?

— Вы здорово это придумали.

Шум поезда мешал разговору, и они молчали. Именно сейчас Латимеру вдруг стало ясно, что имел в виду полковник Хаки, когда сказал, что история никогда не кончается. Если бы Димитриосу удалось подкупить мистера Питерса, то погиб бы рассказчик, а Димитриос продолжал бы жить и, быть может, дожил бы до преклонных лет. Ну что же, он зарабатывает на жизнь тем, что пишет детективные романы, а в них всегда есть начало, середина и конец. В них всегда есть труп, расследование и возмездие. От него, как от автора, требуется, чтобы он показал, как находят следы преступления, как торжествует справедливость и как пышно цветёт зеленое дерево жизни. И пусть читатель останется в полном неведении относительно таких фигур, как Димитриос, и относительно таких учреждений, как Евразийский кредитный трест. Ведь детективы прекрасно помогают убить время.

Странный город

В половине одиннадцатого мистер Питерс и Латимер появились на углу авеню Де ла Рен и бульвара Жана Жореса. Ночь была холодная, начал накрапывать дождь. Пришлось укрыться в подворотне дома на авеню Де ла Рен.

— Как вы думаете, они скоро появятся? — спросил Латимер.

— Часов в одиннадцать. Надо взять посланца, потом посмотреть, нет ли за ними хвоста, и если нет, то ехать сюда. Я дал им на это полчаса. Наберитесь терпения.

Для ушедшего в себя Латимера было полной неожиданностью хрипло прозвучавшее: «Внимание!»

— Едут?

— Да.

Мимо них проехала большая машина. Водитель притормозил, словно раздумывая, останавливаться ему или нет. Капли дождя ярко блестели в свете автомобильных фар. Наконец, машина остановилась. Виден был силуэт человека, сидящего за рулём. Задние стекла были зашторены, так что нельзя было сказать, кто ещё в машине.

— Подождите меня здесь, пожалуйста, — сказал мистер Питерс и, сунув руку в карман пальто, пошёл к машине.

— Порядок? — услышал Латимер вопрос мистера Питерса и спустя секунду — «Да» — водителя.

Мистер Питерс открыл заднюю дверцу и наклонился вперёд. Он тотчас выпрямился — в левой руке его был свёрток.

— Все нормально? — спросил Латимер, когда он вернулся.

— Видимо, да. Зажгите спичку, пожалуйста.

Латимер подчинился. Мистер Питерс разорвал голубую обёртку свёртка, напоминавшего книгу большого формата, и в свете спички хорошо были видны пачки тысячефранковых купюр.

— Чудесно! — выдохнул мистер Питерс.

— Будете пересчитывать?

— С удовольствием занялся бы этим, — на полном серьёзе заявил мистер Питерс, — но придётся отложить до дома.

Он запихнул свёрток в левый карман пальто и вышел из подворотни, поднял правую руку — машина тотчас снялась с места и, сделав широкий круг, помчалась обратно.

— Замечательная красавица, — сказал мистер Питерс, улыбаясь. — Интересно, кто она. Конечно, миллион лучше. Ну, а теперь, мистер Латимер, едем, я угощу вас вашим любимым шампанским. Вы его вполне заслужили.

Они поймали такси у Порт де Сен-Клу, и всю дорогу мистер Питерс распространялся о своём успехе, о своих планах.

— Когда имеешь дело с людьми типа Димитриоса, необходимы лишь два фактора: твёрдость и предусмотрительность. Мы изложили ему суть дела, и, когда он понял, что ему не вывернуться, он согласился на все наши требования. Миллион франков. Это прекрасно! Конечно, два миллиона было бы ещё лучше. Но, как известно, жадность до добра не доводит. Наверное, он думает, что мы, как и Виссер, опять потребуем денег, и тогда он уберёт нас. Это его просчёт. Зато я горжусь собой. В некотором смысле бедняга Виссер отомщён. Кое-кто думает, что Всемогуший забыл о нас, своих детях. Но только в такие минуты, как эта, понимаешь, что это мы забыли Его. Да, я страдал. И вот, наконец, награда за мои страдания. — Он похлопал себя по карману. — Приятно все-таки сознавать, что мы провели Димитриоса. Как жаль, что нельзя посмотреть на его лицо!

— Вы покидаете Париж?

— По-видимому, да. Мне хочется побывать в Латинской Америке. Скоро я буду совсем стар, так что пора подумать о покое. Куплю себе где-нибудь поместье и буду доживать свой век. Вы ещё совсем молодой человек, мистер Латимер. У вас совсем другое ощущение времени. А таким, как я, кажется, что путешествие подходит к концу — поезд приближается к неизвестному, странному городу: уже поздно, холодно, на дворе ночь, и так не хочется покидать тепло вагона, так хочется, чтобы путешествие не кончалось.

— Но ведь ваша философия даёт на это ответ, не так ли?

— Философия, — сказал мистер Питерс авторитетно, — может объяснить только то, что уже случилось. Один лишь Всемогуший знает, что может произойти в будущем. Мы всего лишь люди. Как может наш бедный разум постичь бесконечность? Солнце находится от нас на расстоянии ста пятидесяти миллионов километров, только вдумайтесь в это! Мы всего лишь пыль, не имеющая никакого значения. А что собой представляет миллион франков? Чепуха! Неужели Всемогуший станет заниматься такими пустяками? Подумаем о тайне, окружающей нас. Например, о звёздах. Миллионы звёзд смотрят на нас. Это замечательно.

Он все ещё продолжал говорить о звёздах, когда такси пересекло рю Лекурб и свернуло на бульвар Монпарнас.

— Мы ведём борьбу за существование точно так же, как и муравьи. И все-таки, будь у меня возможность прожить свою жизнь ещё раз, я прожил бы её точно так же. Да, в моей жизни были неприятные моменты, и по воле Всемогущего я делал некрасивые вещи, но мне все-таки удалось сколотить немного денег, и я теперь сам себе хозяин, а немногие люди моего возраста могут этим похвастаться.

Такси свернуло на рю де Ренн.

— Мы уже почти дома. Скоро я угощу вас шампанским. Оно очень дорогое. Приятно иногда потешить себя роскошью, чтобы затем вернуться к простоте. — Такси остановилось. — Не правда ли, это очень странно, мистер Латимер? У меня, оказывается, нет мелочи. Расплатитесь, пожалуйста.

— Я думаю, — сказал мистер Питерс, когда они подошли к дому, где он жил, — перед отъездом мне надо продать эти дома. В конце концов любая собственность должна приносить доход.

— Вероятно, покупатель на них не скоро найдётся? Согласитесь, вид отсюда довольно скучный?

— Ну, из окон смотреть совсем не обязательно. Если их отремонтировать, то получатся прекрасные жилые дома.

Они начали подниматься по лестнице. На площадке второго этажа мистер Питерс остановился, чтобы перевести дух, и достал из кармана ключи. Потом они опять пошли вверх.

Он открыл ключом дверь, включил свет и сразу прошёл к большому дивану. Достав из кармана свёрток, развязал бечёвку и вытащил из пачки десятка два банкнот. Он держал их в руке, словно веер, и улыбался, как мальчишка, которому дали на мороженое.

— Вот он, миллион, перед вами! Вы когда-нибудь видели столько денег? Это же пять тысяч фунтов на ваши деньги! — Он встал. — Но давайте начнём праздновать наш успех. Раздевайтесь, а я пойду принесу шампанское. Я думаю, оно вам понравится. Льда, конечно, нет, но я поставил его в ведро с холодной водой — мне кажется, оно не успело нагреться.

Он пошёл к занавесу. Латимер отвернулся, чтобы снять пальто, а когда повернулся, то увидел, что мистер Питерс как вкопанный застыл перед занавесом.

У Латимера было такое ощущение, что кровь от лица отхлынула куда-то вниз, к ногам, и мозг стал удивительно пустым и лёгким. В то же время грудную клетку опоясал стальной обруч, нестерпимо сжимавший сердце и лёгкие. Он думал, что закричит, но пропал голос, и он только бессмысленно таращил глаза.

Мистер Питерс, все так же стоя спиной к Латимеру, поднял руки, и из-за занавеса вышел Димитриос с револьвером в руке.

Димитриос сделал шаг вперёд и чуть в сторону, так, чтобы держать одновременно под прицелом и Латимера, и мистера Питерса. Латимер уронил пальто и поднял руки.

— Мне кажется, — сказал Димитриос, подняв презрительно брови, — вы не очень-то рады видеть меня здесь, Петерсен. Или, быть может, вам больше нравится Кель?

Мистер Питерс молчал. Латимер видел, как у того ходит вниз-вверх кадык, словно он пытается что-то проглотить и никак не может.

Карие глаза остановились теперь на Латимере.

— Я рад, что англичанин тоже здесь оказался. А то бы мне пришлось заставить вас, Петерсен, назвать его имя и адрес. Итак, месье Смит, теперь вы как на ладони. Вместе со своим компаньоном, Петерсеном. Я всегда говорил вам, Петерсен, что вас погубит хитроумие. Помните, мы привезли гроб из Салоников? Вам бы следовало знать, что хитроумие не может заменить ум. И вы могли

подумать, что сможете обмануть меня? — Он презрительно усмехнулся. — Бедняга Димитриос будет думать, что я, Петерсен, как всякий шантажист, обязательно вернусь, чтобы ещё попросить денег. Я, хитрый Петерсен, постараюсь убедить его в этом, но на самом деле это будет чистой воды блеф, а я, хитрый Петерсен, поступлю совсем наоборот — получу деньги и исчезну. Бедняга Димитриос так непроходимо глуп, что не сможет догадаться, что купивший эти три развалюхи Кель не кто иной, как хитроумный Петерсен. Только такому дураку, как вы, Петерсен, не было известно, что эти дома пустовали в течение нескольких лет до того, как я купил их на ваше имя.

Он вдруг замолчал, и Латимер заметил, что он прищурился и на его жёлтом лице выступили желваки. Латимер знал, что сейчас он выстрелит. Его сердце билось так сильно, что ему казалось, что его слышно в другом конце комнаты.

— Бросьте деньги, Петерсен, — приказал Димитриос.

Свёрток упал на пол, и банкноты веером покрыли ковёр.

Димитриос поднял пистолет.

Латимеру вдруг показалось: только теперь мистер Питерс понял, что происходит что-то непоправимое, что-то совершенно невозможное, потому что тот закричал:

— Нет! Нет! Вы должны...

Димитриос выстрелил, потом выстрелил ещё раз, и Латимер услышал отвратительный звук вошедшей в тело пули.

Мистер Питерс издал звук, похожий не то на икоту, не то на отрыжку; колени его подогнулись, и он упал лицом вперёд.

— Теперь вы, — сказал Димитриос, обращаясь к Латимеру.

И в этот момент Латимер прыгнул. Конечно, прыжок был вызван жаждой жить, но ни за что на свете он не смог бы объяснить, почему он прыгнул вперёд, на направленный на него револьвер Димитриоса. Жизнь ему спас свёрнутый ковёр, за который он зацепился. Он упал на пол, и потому пуля прошла у него над головой. Выхлопные газы опалили его шевелюру, он на какую-то долю секунды потерял рассудок, но остался жив.

И когда Латимер понял это, он бросился на Димитриоса, схватил его за горло, и они повалились на пол. Димитриос тоже пытался душить его. Потом, как человек опытный, ударил Латимера коленом в живот и откатился в сторону. Пистолет лежал теперь на полу, и задыхающийся Латимер видел, как Димитриос ползёт к нему. Латимер схватил стоявший на низеньком деревянном столике медный марокканский поднос и метнул его обеими руками в Димитриоса. Поднос ударил Димитриоса по голове, но тот все ещё продолжал ползти к револьверу, и тогда Латимер со всей силой обрушил на него деревянный столик. Столик ударил Димитриоса по плечу и по шее, он упал ничком на пол. Латимер, вскочив с пола, схватил револьвер и, прислонясь к стене, задыхаясь, хватал ртом воздух, держа палец на спусковом крючке.

Димитриос, белый, как бумага, поднялся с пола и шагнул к Латимеру.

— Ещё один шаг, и я стреляю, — сказал Латимер, поднимая револьвер.

Димитриос остановился. Он не сводил глаз с Латимера. Его седые волосы были растрёпаны, шарф вылез из-под пальто и болтался на шее, и все-таки он был страшен. Дыхание вроде бы возвращалось к Латимеру, но колени по-прежнему дрожали, в ушах что-то гудело и звенело, и он боялся, что от запаха выхлопных газов его вырвет. Ужасно было то, что Латимер не знал, как ему теперь поступить.

— Ещё один шаг, и я стреляю, — повторил он.

Он видел, как взгляд Димитриоса упал на рассыпанные по полу банкноты и потом остановился на нем.

— Что собираетесь делать? — внезапно спросил Димитриос. — Если придёт полиция, и вы, и я окажемся в дурацком положении. Если вы убьёте меня, то получите миллион, а если отпустите, то — ещё один. И это для вас гораздо лучше.

Латимер его почти не слушал. Краем глаза он увидел, что мистер Питерс, каким-то образом доползший за это время до дивана, где лежало его пальто, сидел теперь, прислонясь спиной к дивану, закрыв глаза. Он со свистом дышал ртом, в горле его что-то булькало. Одна из пуль вырвала кусок мяса из шеи, и из раны на грудь обильно текла кровь. Другая пуля пробила ему грудь, и поверх пиджака расплылось небольшое пятно ярко-пурпурного цвета. Губы его начали двигаться — он, видимо, хотел что-то сказать.

Держа Димитриоса на прицеле, Латимер приблизился к мистеру Питерсу.

— Как вы себя чувствуете?

Уже произнеся эту фразу, он вдруг осознал всю глупость сказанного.

— Пистолет, — еле слышно бормотал Питерс, — дайте мне мой пистолет. В пальто.

Губы его продолжали двигаться, но уже ничего не было слышно. Латимер начал рыться левой рукой в карманах пальто мистера Питерса. Димитриос наблюдал за ними, отвратительно улыбаясь. Наконец, Латимер достал пистолет и передал его мистеру Питерсу. Тот схватил его обеими руками, и тотчас послышался щелчок — он снял его с предохранителя.

— Теперь, — пробормотал он, — идите в полицию.

— Не может быть, чтобы никто не слышал выстрелы, — сказал Латимер мягко, — полиция сейчас придёт.

— Ей нас не найти, — прошептал мистер Питерс. — Ступайте.

Латимер не знал, что делать. Скорей всего мистер Питерс прав: дома эти зажаты между глухих стен, и выстрелы может услышать только человек, случайно оказавшийся в этот момент у входа в тупик.

— Хорошо, — сказал он. — Где тут телефон?

— Нет телефона...

— Но...

Что же все-таки делать? Ведь пока найдёшь полицейского, пройдёт минут двадцать. Как быть с раненым? Как быть с Димитриосом? По крайней мере ясно

— надо немедленно найти доктора. Да и Димитриоса нужно как можно скорее посадить под замок. Наверно, его мысли передались Димитриосу. Он не отрываясь смотрел теперь на люгер, который мистер Питерс положил на согнутую коленку. Кровь из раны на шее заливала ему грудь.

— Хорошо. Я сейчас приду.

Он пошёл к двери.

— Минуточку, месье. — Этот хриплый голос заставил его обернуться.

— Ну что ещё?

— Если вы уйдёте, он убьёт меня. Неужели это неясно?! Вы принимаете моё предложение?

Латимер шагнул к двери.

— Он, конечно, будет стрелять, если вы выкинете какой-нибудь трюк. — Он оглянулся на скрючившегося над своим люгером мистера Питерса. — Я сейчас приведу полицию. Не стреляйте, пока я не приду, мистер Питерс.

И в этот момент Димитриос захохотал. Латимер невольно обернулся.

— Приберегите смех для палача, — вырвалось у него. — Это вам очень поможет.

— Поневоле подумаешь, — сказал Димитриос, — что глупость всесильна. Всегда побеждает глупость — либо твоя собственная, либо глупость твоих противников. — В лице его что-то дрогнуло. — Пять миллионов! — хрипло прокричал он. — Неужели этого мало? Неужели вам хочется, чтобы эта падаль пристрелила меня?

На одно только мгновение закрался соблазн в душу Латимера, и тотчас он похолодел от мысли — сколько уже людей поплатилось за договоры с Димитриосом. Димитриос что-то прокричал, но он его уже не слышал — опрометью бросился вниз по лестнице.

Он был на площадке второго этажа, когда услышал выстрелы. Три прозвучали один за другим, четвёртый — через небольшую паузу. Он побежал, задыхаясь, боясь, что умрёт от сердечного приступа, вверх по лестнице. Вспоминая потом, много дней спустя, он поймал себя на том, что боялся за мистера Питерса.

Димитриос лежал на полу — его тело сотрясала последняя судорога. Двумя пулями мистер Питерс повалил его на пол и, промахнувшись в третий раз, снёс ему последней пулей темя.

Люгер валялся на полу, а мистер Питерс, положив голову на край дивана, то открывал, то закрывал рот, точно рыба, выброшенная на берег. Он вдруг захлебнулся, и кровь хлынула из его рта.

Латимер зачем-то заглянул за занавес. И так, Димитриос убит. Мистер Питерс — при смерти. Тяжелораненые просят пить. Ага, вот и раковина. Надо дать ему попить. Он взял с полочки стакан и наполнил его. Потом вернулся в комнату.

Мистер Питерс не двигался. Его глаза и рот были широко раскрыты. Латимер встал на колени и поднёс стакан к его губам. Вода стекла ему на грудь. Он взял его за руку — пульса уже не было.

Латимер встал с колен и только сейчас заметил, что руки у него в крови. Он прошёл за занавес и тщательно вымыл руки, вытерев их висевшим на гвозде грязным полотенцем.

Конечно, надо немедленно вызвать полицию. Но что сказать, когда они спросят, почему он здесь оказался? Допустим, он скажет, что проходил по улице и услышал выстрелы в тупике. А если кто-нибудь видел его вместе с мистером Питерсом? Ещё есть таксист, который привёз их сюда. А как объяснить снятый Димитриосом с текущего счета миллион? Так, вопрос за вопросом, он сам окажется подозреваемым.

Вдруг мысли его прояснились. Все очень просто: надо как можно скорее уйти отсюда и замести следы. Он достал из кармана револьвер Димитриоса и, надев перчатки, тщательно вытер его своим носовым платком. Сцепив зубы, вернулся в комнату и, опустившись на колени, взял правую руку Димитриоса и прижал его пальцы к рукоятке и спусковому крючку. Потом бросил пистолет рядом с трупом.

Глядя на тысячефранковые бумажки, разбросанные по полу, он думал: кто хозяин этих денег — Димитриос или мистер Питерс? Но разве не принадлежат эти деньги Шолему? Здесь есть деньги, которыми было оплачено убийство Стамболийского. Здесь же и деньги Булича, и деньги, вырученные от продажи живого товара и наркотиков. Чьи же в таком случае эти деньги? Только не его, и пусть полиция сама решает. Ей будет над чем подумать.

Теперь надо вымыть и вытереть стакан. Хорошо. Не забыл ли он ещё чего? Ну, конечно. Надо стереть отпечатки пальцев на подносе и столике. Так, это сделано. Что ещё? Отпечатки на дверной ручке. Так, и это сделано. Когда он ставил стакан на полку, то обратил внимание на ведро с водой и плававшие в нем бутылки шампанского розлива 1921 года...

На рю де Ренн не было ни одного прохожего, так что никто не видел, как он вышел из тупика Восьми Ангелов.

Он зашёл в первое попавшееся кафе и попросил принести ему рюмку коньяку. Его била мелкая нервная дрожь. Надо как-то известить полицию. Он представил, как разлагаются трупы в этой комнате, — ведь может пройти месяц, а то и больше, прежде чем их обнаружат. Что же делать? Послать анонимное письмо. Нет, это слишком опасно — полиция сразу предположит, что в этом деле замешан кто-то третий. Но ведь главное, чтобы полиция там появилась, — причины можно не объяснять.

Он попросил принести вечернюю газету и впился глазами в отдел происшествий. Две заметки подходили для его предприятия. В первой говорилось о том, что неизвестные похитили несколько дорогих шуб из мехового магазина на авеню Де ла Републик; во второй — как грабители, разбив стекло в ювелирном магазине на авеню де Клиши, похитили несколько дорогих колец.

Он решил остановиться на первой, сказал официанту, что ему надо написать письмо, и попросил принести все необходимое и ещё рюмку коньяку. Выпив залпом коньяк, он надел перчатки и тщательно осмотрел лист почтовой бумаги

— на нем не было никаких знаков, обычный лист дешёвой бумаги. Достав ручку, он написал одними прописными буквами точно посередине листа: ПОСМОТРИТЕ У КЕЛЯ — ТУПИК ВОСЬМИ АНГЕЛОВ, 3. Потом вырвал из газеты заметку об ограблении мехового магазина и, сложив письмо и заметку вместе, сунул их в конверт. Прописными же буквами он написал на конверте адрес: Комиссариат полиции седьмого округа. Выйдя из кафе, купил в табачном киоске почтовую марку и бросил письмо в ближайший почтовый ящик.

Когда он пришёл к себе в номер, был уже второй час ночи. Разделся и лёг в постель. Сна, конечно, не было. И тут его желудок не выдержал, его стошнило. Он забылся тяжёлым сном часа в четыре утра.

Спустя два дня в трех утренних парижских газетах появилось сообщение о том, что в одном из домов вблизи рю де Ренн найдены трупы гражданина одной латиноамериканской республики Фредерика Петерсена и человека, личность которого пока не установлена. Полагают, что оба погибли в перестрелке, последовавшей после ссоры из-за денег. Значительная сумма денег была обнаружена в комнате, где найдены трупы. Больше пресса не возвращалась к этому событию, потому что начался очередной международный кризис и одновременно в пригороде Парижа было совершено зверское убийство.

Латимер вышел из отеля в девять часов утра, чтобы отправиться на вокзал, где его ждал мягкий вагон Восточного экспресса. Портье подал ему письмо, полученное с утренней почтой. Болгарская марка и софийский штампель говорили о том, что письмо от Марукакиса. Он сунул его в карман — сейчас ему было не до этого. Он решил прочитать письмо, когда поезд бежал уже среди холмов Бельфора. Вот что писал Марукакис:

Дорогой друг!

Не знаю, как мне благодарить вас за ваше удивительное письмо. Думаю, вы на меня не обидитесь, если я признаюсь, что сомневался в ваших способностях, необходимых для достижения поставленной вами цели. Я с нетерпением жду встречи, чтобы послушать подробный рассказ о белградской глупости, о которой вы узнали в Женеве.

Мне удалось навести дополнительные справки о Евразийском кредитном тресте. Я думаю, они вам будут интересны.

Вам, быть может, известно, что отношения между Болгарией и Югославией ухудшаются с каждым днём. Я хорошо понимаю тревожное состояние сербов — стратегическое положение Югославии из рук вон плохо. Если Германия и её вассал Венгрия нападут на Югославию с севера, Италия — с юга, из оккупированной Албании, и с запада, с моря, а Болгария — с востока, страна окажется в кольце врагов. Единственная надежда, что русские ударят из Буковины во фланг немцам и венграм. Но самое-то интересное: Югославия не представляла и не представляет никакой угрозы для Болгарии. Это совершенно абсурдная идея, которую, однако, вот уже три месяца твердят газеты.

Все это было бы смешно, когда бы не было так опасно. Мне-то хорошо известно, как это делается. Пропагандистские фразы — всегда только прелюдия. Обычно стоящие у власти рассуждают так: если ложь не подкреплена фактами, значит, надо, чтобы эти факты были.

И вот две недели назад на границе с Югославией происходит пограничный инцидент. По болгарским крестьянам с югославской стороны произведён ружейный залп: один человек убит, несколько ранено. Естественно, полагают, что это сделали югославские пограничники. Вся пресса, конечно, негодует. А неделю назад правительство объявило, что купило у Бельгии несколько зенитных орудий противовоздушной обороны для укрепления западной границы. Правительство получило для этой цели заём у Евразийского кредитного треста.

Вчера я получил интереснейшее сообщение.

В результате проделанного югославскими властями расследования установлено, что четверо стрелявших не имеют никакого отношения к погранвойскам, более того, они не являются даже гражданами Югославии. Все они иностранцы, причём двое из них отбывали тюремное заключение в Польше за террористическую деятельность. Они сознались, что были подкуплены человеком, о котором известно только то, что он приехал из Парижа.

Я, разумеется, передал это сообщение в Париж. Буквально через час я получил от шефа распоряжение разослать всем нашим абонентам опровержение этого сообщения. Изумительно, не правда ли? Видимо, директорам Евразийского кредитного треста оно явно пришлось не по вкусу.

Что касается вашего Димитриоса, то я, право, не знаю что сказать.

Кто-то из драматургов сказал, что не всякую жизненную ситуацию можно представить на сцене, а лишь только такую, в которой публика может легко разобраться: проникнуться симпатией или, наоборот, антипатией; пережить чувство отвращения или негодования и обязательно сделать какие-то выводы, хотя бы и самые горькие. У меня, во всяком случае, Димитриос симпатий не вызывает. Мне бы очень хотелось, чтобы его жизнь оборвалась так же грубо и жестоко, как он это делал по отношению к другим. Но ведь это всего лишь моё пожелание. Я пытался понять его, но мне мешает отвращение. По-видимому, он представляет особый вид преступника, сформировавшегося при весьма специфических условиях. Я затрудняюсь их перечислить, но ясно по крайней мере одно: такие, как он, появляются тогда, когда хаос и анархия выступают под маской порядка и культуры.

Как помешать появлению таких типов? Но я чувствую, что вы уже начали зевать, а мне не хочется, чтобы вы обиделись и не ответили на моё письмо. Напротив, мне очень хочется, чтобы вы написали мне, чем вы занимались в Париже, не познакомились ли вы там с каким-нибудь новым Буличем или новой Превеза, но больше всего мне хочется увидеть вас опять в Софии. Судя по всему, война будет ещё не скоро, поэтому вы сможете прекрасно покататься на лыжах. В январе у нас разгар горнолыжного сезона. Я буду ждать вас с нетерпением.

Искренне ваш

Н. Марукаис.

Латимер положил письмо в конверт и сунул его в карман. Хороший он человек, этот Марукакис! И, конечно, он напишет ему, как только разберётся с делами.

Сейчас ему надо было найти мотив преступления, как можно тщательнее продумать обстоятельства убийства. Последняя книга оказалась несколько мрачной, поэтому надо не забыть про юмор. Мотив, конечно, всегда один и тот же — деньги. Жаль только, что завещание и страховой полис использовались авторами тысячу раз. Может быть, убить старую леди, у которой есть молоденькая родственница? Надо будет подумать. Место действия? Разумеется, сельская Англия, какая-нибудь деревушка. Время? Конечно, лето. Крикет, пикник на траве июльским вечером. Это как раз то, что всем нравится. Нравится даже ему самому.

За окном был уже вечер. Там, над линией холмов, садилось красное солнце. Скоро Бельфор будет позади. Впереди ещё два дня пути. За это время надо продумать сюжет во всех деталях.

Стало вдруг темно — поезд вошёл в туннель.